

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Агарков А. В., Образцов С. В. <i>Задачи и функции оперативных подразделений УИС: новации в нормативной правовой базе</i>	4
Бодяков В. Н. <i>Криминалистическая характеристика должностных преступлений, совершаемых в уголовно-исполнительной системе: сущность и основные элементы</i>	8
Виноградов В. В. <i>Социально-педагогическая характеристика осужденных как объектов пенитенциарной социальной работы</i>	11
Добрынина М. Л. <i>Гуманизация правового положения осужденных как основное направление реформирования уголовно-исполнительной системы</i>	18
Ершова И. В. <i>Особенности формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей при изучении информатики и математики</i>	21
Казаринова Л. В. <i>Некоторые вопросы обеспечения прав и законных интересов осужденных при производстве неотложных следственных действий на территории пенитенциарных учреждений</i>	26
Кренслер Ф. Ф. <i>Теоретические основы мотивации служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе</i>	29
Кудрявцев А. В. <i>Оперативные подразделения собственной безопасности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы: задачи и специфика деятельности</i>	34
Михайлин В. В. <i>Организация надзора в следственном изоляторе как средство обеспечения безопасности сотрудников, подозреваемых, обвиняемых, осужденных и иных лиц: сущность проблемы</i>	37
Молдавский М. В., Волчкова Е. С. <i>Взаимосвязь оперативно-розыскного документирования и аналитической работы: теоретический и прикладной аспекты</i>	40
Сывороткина И. Ю. <i>Правовое регулирование вопросов совершения заведомо осужденными и лицами, содержащимися под стражей: направления дальнейшего совершенствования</i>	44
Щербаков А. В. <i>Теоретические и организационные аспекты безопасности уголовно-исполнительной системы</i>	50

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Амелин Н. М. <i>Правовая и информационная обусловленность оптимизации системы правоотношений общества, государства, церкви в современном мире</i>	54
Анисимова А. М. <i>Основные тенденции изменения законодательства о розничных рынках в Российской Федерации</i>	58
Божков А. С. <i>Представительство в общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью одним лицом всех участников как форма проведения общего собрания</i>	61
Булгаков В. Г. <i>Специфика получения образцов для сравнительного исследования динамических признаков человека по материалам видеозаписи</i>	64

Вельш П. Г. <i>Экспертное исследование контрафактной продукции массового производства: проблемы и пути их решения</i>	68
Вербицкий Д. А. <i>Некоторые аспекты правового регулирования и его механизма</i>	71
Воронин О. В. <i>Некоторые проблемы участия прокурора при рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора</i>	74
Герцог Т. Ю. <i>Ответственность как фактор ресоциализации лиц, склонных к делинквентному поведению</i>	79
Головкин Р. Б., Зотова Ж. А. <i>Право в системе регулирования поведения: соотношение социальных и технических норм</i>	82
Грунина В. А. <i>Синергетика в познании явлений правовой действительности: необходимость применения</i>	90
Долотова В. В. <i>Некоторые особенности использования категории «исполнение» в правотворческой и правореализующей деятельности</i>	93
Жабский В. А. <i>Имплементация в российском законодательстве норм о конфискации имущества как дополнительном виде наказания</i>	97
Илиджев А. А., Абуталипов А. Р. <i>Актуальные вопросы правовой регламентации ответственности за организованную преступную деятельность по действующему уголовному законодательству России</i>	100
Карпунина В. В. <i>Понятие и виды структуры правовой культуры</i>	104
Коваль А. В. <i>Процессуальные и тактические аспекты наложения ареста на почтово-телеграфные отправления</i>	107
Коломина А. В., Комарова Л. К. <i>Страх как фактор правовых аффектов</i>	113
Кузнецов А. С. <i>Следы незаконной банковской деятельности как признаки объективной стороны преступления</i>	116
Легезина Е. В. <i>Механизм формирования преступного поведения несовершеннолетних, совершающих преступления в составе группы</i>	121
Маликов С. В. <i>Влияние понятийного аппарата теории военного искусства на тезаурус Уголовного кодекса Российской Федерации</i>	125
Мешков Д. Н., Куцепалов К. А. <i>Расторжение трудового договора на основании подпункта «б» пункта 6 части 1 статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации: проблемные вопросы</i>	129
Мограбян А. С. <i>Внешний облик физического лица: нематериальное благо или неимущественное право?</i>	133
Озеров А. А. <i>Некоторые проблемы участия индивидов в мониторинге правотворчества</i>	137
Пожарский Д. В. <i>Охранительная функция государства: проблемы классификационной и понятийной идентичности</i>	140
Рузевич О. Р. <i>Угроза как квалифицирующий признак преступлений против собственности</i>	144
Самитов Э. О., Фатхуллин Р. Р. <i>Особенности криминалистической характеристики истязаний</i>	150
Чернышова Л. В. <i>Проблемы обеспечения социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в проведении контртеррористических операций</i>	156
Шеслер А. В., Усков М. В. <i>Криминологические признаки коррупции</i>	159

Васюк А. В.

Герменевтическая проблематика юридических текстов в трудах советских ученых 165

Горковец Н. С.

Правовое регулирование брачно-семейных отношений горского населения Северного Кавказа на рубеже XIX – XX вв.: проблема калыма 173

Ерин Д. А.

Организация и становление ведомственной милиции в Центрально-промышленном регионе РСФСР в 1924–25 гг. (на примере Владимирской, Московской и Рязанской губерний) 178

Жигалев А. В.

Административно-правовые особенности организации производственной деятельности мест лишения или ограничения свободы в России 20-х – начала 30-х гг. XX в. 182

Михеенков Е. Г.

Социально-правовое положение нижних чинов пенитенциарной системы Сибири в 1917–1919 гг. 191

Е-mail наших авторов 198

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института» 199

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 200

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

УДК 343.8

А. В. Агарков,
доцент кафедры организации
оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

С. В. Образцов,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Дальневосточного филиала
Кузбасского института ФСИН России

A. V. Agarkov,
Associate Professor of the Department
of Organizing Operative Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

S. V. Obraztsov,
Senior Lecturer of the Department
of Civil Law Studies of the Far East branch
of Kuzbass Institute of the FPS of Russia

ЗАДАЧИ И ФУНКЦИИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УИС: НОВАЦИИ В НОРМАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ БАЗЕ

Tasks and Functions of Crime Detection Divisions of the Penal System: Innovations in Normative Legal Base

Аннотация. В статье авторы анализируют задачи и функции оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы России, изложенные как в федеральном законодательстве, так и в ведомственных нормативных правовых актах.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, уголовно-исполнительная система, оперативные подразделения, правовое регулирование, задачи, функции.

Abstract. In this article the author analyzes the tasks and functions of crime detection divisions of the penal system of Russia stated both in the federal legislation and departmental normative legal acts.

Key words: crime detection activity, penal system, operative divisions, legal regulation, tasks, functions.

Совершенствование оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД) невозможно без кардинального изучения ее нормативно-правового регулирования. Как справедливо отмечал В. Г. Самойлов, разработка правовых основ оперативной работы позволяет использовать силу управляющего воздействия правовых норм в целях улучшения ОРД, обеспечения законности при ее осуществлении (Самойлов В. Г. Сущность правовых основ оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // Проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1981. С. 4).

Нормативная база ОРД в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) может рассматриваться в широком и узком смысле. В широком смысле это совокупность правовых актов различной юридической силы, представляемая в виде своеобразной пирамиды. Вершина такой пирамиды – Конституция Российской Федера-

ции, ниже ее располагаются федеральные законы и прежде всего Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.), вслед за ними идут законодательные акты федерального уровня об основных субъектах ОРД (Атмажитов В. М., Бобров В. Г. О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. М., 2003. С. 3–4). В основании пирамиды находятся межведомственные и ведомственные нормативные документы, назначение которых заключается в регламентации организации и тактики работы оперативных подразделений Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России), что и составляет понимание ОРД в узком смысле.

Правовая основа ОРД в широком смысле не раз становилась предметом изучения как основоположников теории ОРД – В. А. Боброва, Д. В. Гребельского, В. Г. Лукашова, В. Г. Самойлова, Г. К. Сенилова, – так и многих других ученых (Бобров В. Г., Лукашов В. А., Смирнов С. А. Введение в курс

«Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел». М., 1990. С. 40 ; Синилов Г. К. Основы оперативно-розыскной деятельности советской милиции. М., 1981. С. 4).

Анализ их позиций применительно к вопросу о правовой основе ОРД показывает, что ученые, исследовавшие проблему ее правового регулирования, прежде всего использовали термин «правовая основа», подразумевая под ним систему взаимосвязанных правовых актов, не одинаковых по своему значению (Атмажитов В. М. Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник. М., 1991 ; Его же. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». М., 1999). Следует подчеркнуть, что Конституция Российской Федерации и федеральное законодательство также неоднократно становились объектом глубокого научного изучения. В связи с этим наибольший научный интерес представляет исследование именно ведомственной правовой базы, непосредственно регламентирующей ОРД, осуществляемую оперативными подразделениями УИС.

Действующим в настоящее время ведомственным нормативным правовым актам, совокупность которых составляет круг источников правового регулирования деятельности оперативных подразделений УИС, принадлежит ключевое значение, так как они оказывают существенное влияние на совершенствование практики деятельности оперативных подразделений УИС по выявлению, предупреждению, пресечению преступлений, что в конечном итоге отражается на результатах исполнения наказаний и влияет на процесс сдерживания преступности в обществе.

За последние годы вышел ряд приказов ФСИН России в области регламентации ОРД. В этом прослеживается положительная тенденция, причем, как представляется, наиболее значимым событием стала подготовка Наставления об основах организации оперативно-розыскной деятельности в Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного приказом ФСИН России от 11 января 2009 г. (далее: Наставление). Этот документ можно охарактеризовать как комплексный ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий организацию и тактику ОРД учреждений и органов УИС, о необходимости которого в течение ряда лет неоднократно говорилось как учеными, так и практическими оперативными работниками. Не анализируя Наставление полностью¹, рассмотрим лишь его общие положения.

¹ Наставление содержит сведения, составляющие государственную тайну.

При изучении содержания разд. I «Общие положения» становится очевидно, что разработчики Наставления, в отличие от существовавших ранее аналогичных по значению документов, не указали задачи, решаемые оперативными подразделениями УИС. Вместо задач ими были перечислены функции оперативных подразделений.

Согласно энциклопедическому словарю функция (лат. *functio* – совершение, исполнение) в контексте настоящей статьи означает деятельность, роль объекта в рамках некоторой системы, работу, производимую органом, организмом; роль, значение чего-либо; обязанность, круг деятельности (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/функция>).

Вместе с тем в науке существует несколько точек зрения относительно понятия «функция», являющегося одним из фундаментальных в теории ОРД и характеризующего деятельную сторону оперативных подразделений. При этом оно является весьма сложным. Многие вопросы, связанные с ним, остаются практически не решенными. Так, А. Ю. Шумилов отмечает следующее: «О правовых функциях (функциях права) в целом написано немало (правда, единого мнения так и не достигнуто), тем не менее об уголовно-розыскных функциях в современной открытой научной печати почти не упоминается, несмотря на то, что они заслуживают самого пристального внимания со стороны специалистов различного профиля» (Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Право и сыск) : автор. сб. науч. работ / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. М., 2001. Вып. 4. С. 127).

Следует подчеркнуть, что во второй половине XX в. вопросу о специфических функциях государства в борьбе с преступностью уделялось определенное внимание. Например, С. В. Бородин говорил о необходимости организационного обособления оперативно-розыскной функции от следственной (Бородин С. В. Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) // Проблемы уголовной политики и уголовного права : межвуз. сб. науч. тр. М., 1994. С. 23–34). Л. Н. Калинкович рассматривал вопрос об оперативно-розыскной функции органов МООП СССР (Калинкович Л. Н. Оперативно-розыскная функция органов МООП СССР на основных этапах развития советского государства // 50 лет Советского государства и права. Минск, 1968. С. 38–45). Однако ученые в основном акцентировали внимание на функциях различных правоохранительных органов, направлениях (видах) ОРД конкретных ведомств,

а не на собственно уголовно-розыскной функции (Галахов С. С. Организационные и тактические проблемы профилактической функции криминальной милиции // Проблемы борьбы с преступностью в современных условиях : материалы междунар. науч.-практ. конф., 24–26 мая 1995 г. Иркутск, 1995. Ч. 2. С. 68–70 ; Ревин В. П., Хомколов В. П., Зябко Е. В. Влияние уголовной политики на развитие оперативно-розыскной функции // Особенности развития уголовной политики в современных условиях : тр. Акад. МВД России. М., 1996. С. 31–38).

Анализ специальной литературы позволяет сделать вывод, что в настоящее время в теории ОРД остается не решенным вопрос, связанный с определением понятия «функции ОРД». При этом в работах юридической направленности авторы нередко отождествляют понятия «функция», «деятельность», «направление деятельности», «социальное назначение» и др. С нашей точки зрения, под рассматриваемым термином следует понимать основные направления служебной деятельности оперативных подразделений УИС, соответствующие действующему законодательству и реализуемые для достижения целей и решения задач ОРД.

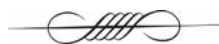
Возвращаясь к анализу функций оперативных подразделений, предусмотренных Наставлением, следует сказать, что их можно подразделить на несколько групп. В первую группу допустимо отнести функции, совпадающие с задачами ОРД, предусмотренными Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности»: выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших; розыск осужденных, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания; добывание информации о событиях, действиях или бездействии, о лицах, создающих угрозу государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации.

Во вторую группу функций возможно, по нашему мнению, отнести функции, совпадающие или схожие с задачами, предусмотренными ст. 84 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) «Оперативно-розыскная деятельность в исправительных учреждениях»: выявление, предупреждение и пресечение готовящихся и совершаемых в учреждениях УИС нарушений установленного порядка отбывания наказаний осуж-

денными; розыск лиц, совершивших побег из учреждений УИС; обеспечение личной безопасности работников УИС и членов их семей, подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, осужденных и лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям, а также иных лиц, находящихся на территории учреждений (органов) УИС; содействие органам, осуществляющим ОРД, в выявлении, предупреждении, пресечении и раскрытии подготавливаемых, совершаемых и совершенных преступлений. Кроме того, последнюю функцию можно соотнести также с содержанием п. 6 ст. 13 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: обязанности учреждений, исполняющих наказания, – в пределах своей компетенции оказывать содействие органам, осуществляющим ОРД (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316).

В третью группу функций представляется возможным включить функции, не предусмотренные действующим законодательством, но следующие из его духа и соотносящиеся с вышеуказанными задачами: выявление и пресечение противоправной деятельности лиц, находящихся вне учреждений УИС, негативно влияющих на оперативную обстановку в учреждениях (органах) УИС; выявление лиц, намеревающихся после освобождения из учреждений УИС продолжить противоправную деятельность; обеспечение собственной безопасности, а также сохранности собственности учреждений (органов) УИС. Указанные функции, на наш взгляд, соответствуют задаче предупреждения преступлений, предусмотренной как ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», так и ст. 84 УИК РФ.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что функции оперативных подразделений УИС, предусмотренные ведомственным нормативным правовым актом ФСИН России, на основании предложенной нами классификации допустимо разделить на группы. Эти группы соответствуют различным федеральным нормативным правовым актам, регламентирующим ОРД в УИС. Указанные функции являются основными направлениями служебной деятельности оперативных подразделений УИС, соответствующими действующему законодательству и реализуемыми для достижения целей и решения задач ОРД.



Библиографический список

1. *Атмажитов В. М.* Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : учебник / В. М. Атмажитов. – М., 1991.
2. *Атмажитов В. М.* О правовом регулировании общих положений оперативно-розыскной деятельности / В. М. Атмажитов // О совершенствовании правового регулирования оперативно-розыскной деятельности правоохранительных органов и специальных служб Российской Федерации : материалы семинара. – М., 2005.
3. *Атмажитов В. М.* О законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности : науч. докл. / В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров. – М., 2003.
4. Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Право и сыск) : автор. сб. науч. работ / авт.-сост. А. Ю. Шумилов. – М., 2001. – Вып. 4.
5. *Ревин В. П.* Влияние уголовной политики на развитие оперативно-розыскной функции / В. П. Ревин, В. П. Хомколов, Е. В. Зябко // Особенности развития уголовной политики в современных условиях : тр. Акад. МВД России. – М., 1996.

References

1. *Atmazhitov V. M.* Organization of Crime Detection Activity / V. M. Atmazhitov. – M., 1991.
2. *Atmazhitov V. M.* On Legal Regulation of General Terms of Crime Detection Activity / V. M. Atmazhitov // On Perfection of Legal Regulation of Crime Detection Activity by Law Enforcement Authorities and Special Departments of the Russian Federation. – M., 2005.
3. *Atmazhitov V. M.* On Legislative Regulation of Crime Detection / V. M. Atmazhitov, V. G. Bobrov. – M., 2003.
4. Problems of Formation of Crime Detection Law (Law and Investigation) / A. Yu. Shumilov. – M., 2001. – Issue 4.
5. *Revin V. P.* Influence of the Criminal Policy on the Development of Crime Detection Function / V. P. Revin, V. P. Homkolov, E. V. Zyabko // Features of Development of a Criminal Policy in Modern Conditions. – M., 1996.

В. Н. Бодяков,
старший преподаватель кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

V. N. Bodyakov,
Senior Lecturer of the Forensic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ**

**Forensic Characteristics of Crimes in Public Office Committed in the Penal System:
Essence and Basic Elements**

Аннотация. В статье определены сущность криминалистической характеристики должностных преступлений, совершаемых в УИС, а также ее структура, которая включает: 1) типичные данные о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления; 2) особенности механизма слеодообразования; 3) типичные сведения, характеризующие личность преступника и мотивацию его действий; 4) типичные данные об обстановке совершения преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, должностное преступление, способ совершения преступления, механизм слеодообразования, обстановка совершения преступления.

Abstract. The author defines the essence of the forensic characteristics of crimes in public office committed in the penal system and analyzes its structure which includes: 1) typical data on the way of preparing, committing and concealing a crime; 2) specifics of the mechanism of trace forming; 3) typical data on the personality of a criminal and motivation of his/her actions; 4) typical data on the circumstances of crime commission.

Key words: forensic characteristics, crime in public office, way of committing a crime, mechanism of trace forming, circumstances of crime commission.

Криминалистическая характеристика преступления как научная категория представляет собой совокупность сведений о типичных признаках и свойствах события, обстановки, способа и механизма совершения общественно опасных деяний определенных видов и групп; процессах слеодообразования и типологических качествах личности и поведения виновных, потерпевших (Драпкин Л. Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1978. Вып. 69. С. 17).

Конкретизации и совершенствованию понятия «криминалистическая характеристика преступлений» посвящены работы таких российских ученых-криминалистов, как: Р. С. Белкин, А. Н. Васильев, И. А. Возгрин, И. Ф. Крылов, Н. А. Селиванов, А. Г. Филиппов, А. А. Хмыров и др.

По мнению И. Ф. Крылова, которое разделяют многие ученые, криминалистическая характеристика может (и должна быть) трех степеней (уровней) общности:

1. Криминалистическая характеристика всех видов преступлений.
2. Криминалистическая характеристика вида или группы преступлений.
3. Криминалистическая характеристика конкретного преступления (Криминалистика / отв. ред. проф. И. Ф. Крылов. Л., 1976. С. 31).

Под общей криминалистической характеристикой преступлений понимается описание черт, присущих всем преступным деяниям, которое имеет значение для раскрытия и расследования преступлений. Характеристика этого уровня служит теоретической базой для разработки общих положений и методов расследования, формирования других видовых криминалистических характеристик преступлений и типовых моделей.

Криминалистическая характеристика отдельных видов преступлений или групп преступлений включает в себя описание конкретных, присущих только определенной группе преступлений, специфических черт и признаков.

На взгляд автора, вызывает интерес точка зрения В. И. Шиканова, согласно которой криминалистическая характеристика каждого конкретного преступления представляет собой криминалистическую оценку прежде всего реальных фактов, релевантных в тактико-криминалистическом отношении (Шиканов В. И. Пространственно-временные факторы в криминалистической характеристике преступления. Иркутск, 1980. С. 21). Нет сомнений в том, что каждое конкретное преступление содержит нечто типичное для исследуемого вида преступлений или, наоборот, особые, исключительные черты, иллюстрирующие научную гипотезу.

Однако, по мнению В. В. Трухачева, «некорректно провозглашать три уровня криминалистической характеристики, поскольку теоретическое и практическое значение имеет лишь криминали-

стическая характеристика определенной группы преступлений, классифицируемой на уровне вида или подвида» (Трухачев В. В. Мотивация как элемент криминалистической характеристики преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1990. С. 200). Подобного мнения придерживаются и другие ученые-криминалисты, среди них – Р. С. Белкин, И. Б. Быховский, А. В. Дулов и др.

Автор настоящей статьи не считает нужным продолжать дискуссию по данному вопросу, однако вместе с тем полагает, что криминалистическая характеристика отдельной группы преступлений, в частности, преступлений, объединенных по признаку совершения преступления лицом с использованием своего служебного положения и в условиях определенной обстановки (функционирования исправительных учреждений УИС), является значимой для обеспечения выявления, раскрытия и расследования преступлений.

В связи с этим автор предлагает рассматривать криминалистическую характеристику всех должностных преступлений, совершаемых в УИС, именно как характеристику группы преступлений, а не как криминалистическую характеристику, например, дачи-получения взятки, или криминалистическую характеристику присвоения и растраты, или криминалистическую характеристику служебного подлога и т. п.

Криминалистическая характеристика должностных преступлений, совершаемых в УИС, представляет собой совокупность данных об особенностях подготовки, совершения и сокрытия этого вида преступлений, описывает наиболее распространенные либо прогнозируемые способы их совершения и соответствующие механизмы слеодообразования, содержит информацию о личности правонарушителей, об их мотивации, обстановке, в которой они обычно действуют, а также иные сведения, имеющие значение для выявления, расследования и предупреждения преступлений этой группы.

Во всех существующих определениях криминалистической характеристики преступлений в той или иной степени отмечается, что это совокупность обобщенных данных о признаках определенного вида преступлений, позволяющая устанавливать закономерные взаимосвязи между этими данными и вести их учет, предназначенная для использования в расследовании конкретных видов преступлений.

Следовательно, сущность криминалистической характеристики преступлений рассматриваемого вида (группы) можно сформулировать таким образом: это система сведений (информации) о криминалистически значимых признаках должностных преступлений, совершаемых в УИС, отражающая закономерные связи между ними и способствующая выявлению признаков этих преступлений, служащая построению и проверке

следственных версий, выбору направлений расследования и определению тактических основ производства следственных действий для решения конкретных задач расследования.

По мнению автора, криминалистическая характеристика должностных преступлений, совершаемых в УИС, включает в себя совокупность именно криминалистически значимой информации, имеющей значение и влияющей на квалификацию содеянного, признаков, которые определяют выбор уголовно-процессуальных решений, а также имеют значение для избрания эффективной системы следственных действий и оперативно-розыскных мер в ходе расследования.

Одним из наиболее дискуссионных в теории криминалистической характеристики преступлений является вопрос о количественном и качественном составе ее элементов, т. е. о криминалистически значимых признаках, которые должны составлять ядро криминалистической характеристики.

Практически все ученые, исследующие эту проблему, выделяют четыре основных элемента криминалистической характеристики преступлений: предмет преступного посягательства; способ совершения преступления; следовая картина происшествия; характеристика личности преступника.

Это наиболее типичный набор криминалистически значимых признаков, призванных обеспечивать служебную функцию криминалистической характеристики, который не может рассматриваться в качестве единой и неизменной структуры для всех видов преступлений. Применительно к отдельным видам преступлений он может видоизменяться: либо сокращаться, либо расширяться.

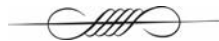
В каждой конкретной криминалистической характеристике преступления совокупность элементов должна быть индивидуальна, иметь теоретическое обоснование и практическое подтверждение. В связи с этим автор предлагает следующую структуру криминалистической характеристики должностных преступлений, совершаемых в УИС:

- 1) типичные данные о способе подготовки, совершения и сокрытия преступления;
- 2) особенности механизма слеодообразования;
- 3) типичные сведения, характеризующие личность преступника и мотивацию его действий;
- 4) типичные данные об обстановке совершения преступления.

Иные, т. е. факультативные, структурные элементы криминалистической характеристики преступлений весьма многообразны и дать их исчерпывающий перечень практически невозможно, «ибо он так же изменчив, как и сама криминальная практика. Он может быть представлен лишь в обобщенном, типизированном виде по отдельным видам преступлений» (Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. М., 1984. С. 64).

Таким образом, проанализировав имеющиеся в научной литературе мнения, автор полагает, что криминалистическая характеристика преступления должна содержать описание специфических отличительных качеств, свойств и черт преступлений, являющихся основой для разработки научно-практических рекомендаций по раскрытию и расследованию преступлений. Исходя из

этого автор считает, что в рамках частной методики расследования должностных преступлений в УИС правомерно говорить о криминалистической характеристике преступлений этой группы, а в рамках криминалистической характеристики должностных преступлений в УИС – о типичных моделях механизма отдельных видов (групп) преступлений.



Библиографический список

1. Драпкин Л. Я. Предмет доказывания и криминалистические характеристики преступлений / Л. Я. Драпкин // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений : межвуз. сб. науч. тр. – Свердловск, 1978. – Вып. 69.
2. Криминалистика / отв. ред. проф. И. Ф. Крылов. – Л., 1976.
3. Криминалистика / под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. – М., 1984.
4. Криминалистика : учеб. для вузов / под ред. Р. С. Белкина. – М., 2006.
5. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. – М., 2008.
6. Трухачев В. В. Мотивация как элемент криминалистической характеристики преступлений : дис. ... канд. юрид. наук / Трухачев В. В. – Саратов, 1990.
7. Шиканов В. И. Пространственно-временные факторы в криминалистической характеристике преступления / В. И. Шиканов. – Иркутск, 1980.

References

1. Drapkin L. Ya. The Subject of Proof and Forensic Characteristics of Crimes / L. Ya. Drapkin // Forensic Characteristics in the Procedure of Crime Investigation. – Sverdlovsk, 1978. – Iss. 69.
2. Forensic Studies / ed. by prof. I. F. Krylov. – L., 1976.
3. Forensic Studies / ed. by I. F. Panteleev, N. A. Selivanov. – M., 1984.
4. Forensic Studies / ed. by R. S. Belkin. – M., 2006.
5. Forensic Studies / ed. by A. F. Volynskiy, V. P. Lavrov. – M., 2008.
6. Trukhachev V. V. Motivation as an Element of Forensic Characteristics of Crimes / Trukhachev V. V. – Saratov, 1990.
7. Shikanov V. I. Factors of Space and Time in Forensic Characteristics of Crimes / V. I. Shikanov. – Irkutsk, 1980.

В. В. Виноградов,
*профессор кафедры пенитенциарной педагогики,
психологии и социальной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат педагогических наук, доцент
заслуженный учитель Российской Федерации*

V. V. Vinogradov,
*Professor of the Department of Penal Pedagogy,
Psychology and Social Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Pedagogical Sciences, Assistant professor
Distinguished Teacher of the Russian Federation*

**СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЖДЕННЫХ
КАК ОБЪЕКТОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

The Convicted as Object of Penal Social Work, Their Social and Pedagogical Characteristic

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к классификации осужденных (педагогические, психологические, социальные) и делается попытка их интеграции на основе педагогических критериев. Результаты проведенных исследований представляют пенитенциарную социальную работу как сложную социально-педагогическую проблему.

Ключевые слова: классификация осужденных, педагогические критерии классификации осужденных, направления классификации осужденных, интегративный подход.

Abstract. In the article various approaches to the classification of the convicted (pedagogical, psychological, social) are considered. The author attempts to integrate them on the basis of pedagogical criteria. The results of the conducted research define penal social work as a difficult social and pedagogical problem.

Key words: classification of the convicted, pedagogical criteria of the classification of the convicted, ways of classification of the convicted, integrative approach.

Проводимое в настоящее время реформирование отечественной уголовно-исполнительной системы в равной мере касается социально-педагогического содержания деятельности исправительного учреждения, его внутренней структурной организации. Гуманизация уголовной и уголовно-исполнительной политики государства, соответствующее изменение законодательства приводят, с одной стороны, к сокращению численности осужденных, с другой – к ухудшению их криминогенного состава, сосредоточению в местах лишения свободы наиболее опасных преступников.

За последнее десятилетие в обществе произошли разрушение прежних идеологических стереотипов, переосмысление нравственных ориентиров, изменение ценностных ориентаций, активизировались проявления нетерпимости, агрессивности, жестокости и других негативных качеств. Наряду с этим увеличилась доля направляемых в исправительные учреждения осужденных, имеющих низкий образовательный уровень, без трудовых навыков, утративших социально полезные связи, не имеющих жилья, необходимых документов. При этом данные лица трудоспособного возраста, могущие приносить пользу обществу и государству.

В исследованиях пенитенциарной проблематики существуют различные подходы к классификации групп осужденных: педагогические, психологические, социальные.

Рассмотрим каждую из этих групп более подробно.

Педагогический подход. Среди осужденных, вставших на путь исправления, выделяют три группы (Мордахаев Л. В. Социальная педагогика : учебник. М., 2006. С. 192–193).

Первая группа – встал на путь исправления. Осужденные данной группы характеризуются положительным отношением к труду и воспитательным мероприятиям, соблюдением требований режима, участием в общественной жизни и работе самодеятельных организаций, стремлением к повышению культурного, образовательного и профессионального уровней.

Вторая группа – твердо встал на путь исправления. Осужденным этой категории свойственны активность в трудовой деятельности, участие в воспитательных мероприятиях, положительное влияние на других осужденных, положительное отношение к получению образования и профессии.

Третья группа – доказал свое исправление. Осужденные, кроме названных выше качеств, отличаются высоким уровнем самовоспитания и самообразования, участием в активе самодеятельных организаций, негативным отношением к нарушителям режима, открытым осуждением своей прошлой преступной деятельности.

Отдельно выделим три группы осужденных, которые не встали на путь исправления (Там же. С. 194–196), и таким образом дополним начатую нами классификацию.

Четвертая группа – «болото» (А. С. Макаренко). Осужденные характеризуются неопределенным поведением.

Пятая группа – грубые нарушители установленного порядка. Эта категория осужденных не желает подчиняться требованиям администрации исправительного учреждения, допускает грубые нарушения режима, открыто или скрыто поддерживает неформальных отрицательных лидеров.

Шестая группа – злостные нарушители установленного режима. Это лидеры отрицательных группировок и их опора, категорически не принимающие участия ни в каких мероприятиях, негативно относящиеся к тем, кто встал на путь исправления.

Психологический подход. В рамках настоящей статьи представляет интерес классификация осужденных по их направленности, которая относится к числу многокомпонентных свойств индивида. Наиболее отчетливо она проявляется в интересах осужденных, их идеалах и жизненных планах.

В. Г. Деев, внесший существенный вклад в становление отечественной пенитенциарной психологии, выделил следующие категории и группы осужденных (Деев В. Г. Выбор признаков характеристики направленности личности осужденного // Передовой опыт исправления и перевоспитания осужденных – в практику ИТУ : материалы III науч.-практ. конф. / под ред. В. Г. Деева, А. С. Кокорева. Тамбов, 1979. С. 119–127).

1. Положительно направленные (32 %) ¹:

– *условные коллективисты (12 %):* имеют положительные жизненные планы, добросовестно трудятся, посещают школу, склонны оказывать помощь сотрудникам колонии, составляют ядро самостоятельных организаций;

– *одиночки-активисты (9 %):* обладают навыками рисования, чеканки, резьбы, выполняют отдельные поручения сотрудников колонии по оформлению помещений, изготовлению сувениров и т. д. Однако собственной инициативы не проявляют, в коллективные формы труда не включаются, все делают в одиночку;

– *положительно нейтральные осужденные (11 %):* не нарушают режима и не включаются как в деятельность актива, так и отрицательных групп правонарушителей.

2. Отрицательно направленные (14,2 %):

– *с отрицательной групповой направленностью (6 %):* имеют групповую направленность, склонны объединяться с рецидивными элементами, создавать из них группировки и включаться в асоциальные действия уже существующих малых групп;

– *с отрицательной индивидуальной направленностью (5 %):* противостоят мерам воспитательного воздействия в одиночку;

– *с отрицательной пассивной направленностью (3,2 %):* не принимают участия ни в каких мероприятиях, не планируют свою жизнь в перспективе, всегда замкнуты, отторгнуты коллективом.

3. С направленностью приспособленцев (4,6 %): проявляют ложную активность, пытаются любыми способами войти в доверие сотрудников исправительного учреждения, добиться льготных условий, освободиться досрочно; склонны заигрывать с отрицательно направленными осужденными, скрывать их антиобщественные поступки, унижать активистов; внутренне настроены против норм морали, а при определенных условиях готовы к нарушению закона.

4. С неустойчивой направленностью (49,2 %): не имеют четкой линии поведения, часто меняют свое отношение к активистам, злостным нарушениям режима, внутреннему распорядку исправительного учреждения; попадают под влияние лидеров малых групп, совершают новое преступление.

Г. С. Човдырова предлагает свою классификацию осужденных с точки зрения их эмоционально-поведенческих особенностей и выделяет следующие шесть групп осужденных (Човдырова Г. С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции. М., 2000).

Первая группа – деструктивные агрессоры (7 %): деструктивная активизация поведения и неадекватно-негативных эмоций, протестная стрессовая активность, деструктивное воздействие на других осужденных. Характерно дистрофическое злобное поведение, пренебрежение к внутреннему распорядку исправительного учреждения, установленным правилам поведения, запретам. Психическая дезадаптация усугублена некорригируемыми асоциальными проявлениями, которые способствуют возникновению длительных конфликтов между осужденными и администрацией исправительного учреждения. Крайние проявления – гетероагрессия (нападение на других людей, драки) или аутоагрессия (нанесение себе ран, ушибов, попытка суицида).

Вторая группа – активно протестующие борцы (12 %): стрессово-активные осужденные, их поведенческая реакция характеризуется стеническим типом реагирования на изоляцию. Психоэмоциональное состояние характеризуется постоянной психической напряженностью, настороженностью, подозрительностью, обидчивостью, застенчивостью характера. Эмоционально, поведенчески и социально занимают позицию идеологов и лидеров протестов, открыто выражают свое недовольство, выступают организаторами и подстрекателями асоциальных действий. Ободряют и спланивают других осужденных, но их напористость и агрессивность не столь деструктивны, как в первой группе.

¹ В скобках приводим усредненные данные, полученные нами в результате проведенного опроса сотрудников соответствующих служб исправительных учреждений Владимирской области.

Третья группа – безропотно пассивные страдалцы (46 %): отсутствие стрессовой активности, деструктивного поведения и явных признаков психической дезадаптации. Благодаря поведенческой пассивности осужденные не совершают правонарушений, их протестные эмоции и поступки подавляются путем самоограничений. Эмоционально-поведенческие реакции на экстремальные факторы вынужденной изоляции следует рассматривать как вынужденную стрессовую пассивность с подавленным протестом.

Четвертая группа – пассивные невротики (4 %): астеничные, зависимые от окружающих, как правило, вялые и ипохондричные осужденные. Для них характерны чрезмерная тревожность, постоянное ожидание обмана со стороны окружающих и администрации исправительного учреждения, раздражительность и легкая истощенность, частые жалобы на неприятные физические ощущения, частое обращение к врачам, склонность к образованию навязчивых страхов в конфликтных ситуациях, появление тревожно-депрессивных аутоагрессий в ходе них.

Пятая группа – искатели оптимальных путей (17 %): поведение и реагирование на внутренние события всегда стеничны (энергичны и активны), постоянный поиск активного преодоления экстремальных факторов (или уклонение от них). Для них характерна клиническая амбивалентность поведенческих реакций: апатичная бездеятельность и напористость в достижении результатов; застенчивость и бестактность, грубость; подозрительность и легкое верие; отторженность и бесцеремонная навязчивость; расхождения в суждениях и поступках. Непредсказуемы в конфликтных ситуациях из-за неординарности поступков, дезадаптированы. Имеют стенический и гипостенический тип реагирования, всегда уверены в себе и действенны.

Шестая группа – адекватно реагирующие осужденные (14 %): правильно осознают свое состояние и положение, обладают саморегулирующей. В отношениях с сотрудниками исправительного учреждения идут на контакт и сотрудничество. Не совершают правонарушений, их протестные эмоции и поступки подавляются путем самоограничений и осознанной саморегуляции.

Социальный подход. Предлагаемая нами концепция формирования социальности осужденных в результате социальной работы с ними позволяет нам предложить свою классификацию осужденных – по степени сформированности их социальности. Данная классификация предполагает разделение осужденных на пять групп.

Первая группа – осужденные с нулевым уровнем социальности (10 %): отсутствуют мотивы к ис-

правлению; прослеживается низкая или высокая неадекватная самооценка, эмоциональная неустойчивость; проявляются безответственность и отсутствие гибкости поведения, неспособность к самоконтролю, отсутствие уважения к общественным интересам; отсутствуют элементарные представления об обществе, отношениях в группе, о себе (о воспитании собственной защищенности, готовности к самопомощи). Как правило, не имеют образования или имеют только начальное. Обладают представлениями и первоначальными навыками одной из рабочих профессий, востребованных в современном обществе, но низкооплачиваемых. Опыт работы в данной профессии небольшой или отсутствует. Социальные связи неустойчивые; имеются разовые контакты с семьей, близкими родственниками, друзьями и т. д. Требуется их постоянное поддерживание. Имеются отдельные документы, способствующие социальной адаптации и подтверждающие получение от государства гарантированных социальных выплат. Иногда отсутствуют документы, подтверждающие личность (паспорт, свидетельство о рождении). Собственное или муниципальное жилье (по договору социального найма) отсутствует, имелась временная прописка в общежитии по месту работы. Трудоустройство затруднено из-за низкого образовательного и профессионального уровней и личностных особенностей.

Вторая группа – осужденные с низким уровнем социальности (61 %): имеются мотивы к исправлению; прослеживаются низкая или высокая неадекватная самооценка, эмоциональная неустойчивость; появляется определенный уровень ответственности, но отсутствует гибкость поведения; проявляется неспособность к самоконтролю. Отмечается признание общественных интересов; имеются определенные представления об обществе, отношениях в группе, но отсутствуют представления о себе (о воспитании собственной защищенности, готовности к самопомощи). Способы действий на основе имеющихся представлений не сформированы. Не имеют образования или имеют только начальное. Обладают представлениями и первоначальными навыками одной из рабочих профессий, востребованных в современном обществе, но низкооплачиваемых. Опыт работы в данной профессии небольшой или отсутствует. Социальные связи неустойчивые; имеются разовые контакты с семьей, близкими родственниками, друзьями и т. д. Требуется их постоянное поддерживание. Имеются отдельные документы, способствующие социальной адаптации, подтверждающие личность (без наличия прописки) и получение от государства гарантированных социальных выплат. Собственное жилье отсутствует, имелась прописка в муниципальном жилье (по договору социального найма) или в общежитии, в настоящее время ее нет. Возможно трудоустройство на малооплачиваемую и

¹ Данные получены автором в результате анализа социальных паспортов исправительных учреждений Владимирской области.

физически тяжелую работу из-за низкого образовательного и профессионального уровней.

Третья группа – осужденные с допустимым уровнем социальности (17 %): имеются мотивы к исправлению; прослеживается адекватность самооценки и эмоциональная устойчивость, ответственность и гибкость поведения; проявляется способность к самоконтролю и признанию общественных интересов; имеются сформированные знания об обществе, отношениях в группе, представления о себе (о воспитании собственной защищенности, готовности к самопомощи). Сформированы правильные в правовом отношении способы действий в обществе, группе. Отсутствуют умения и навыки самоорганизации, самопомощи и самовоспитания. Имеют основное общее образование и начальную профессиональную подготовку по одной из рабочих профессий, востребованных в современном обществе и обеспечивающих достаточный материальный ресурс к существованию. Опыт работы в данной профессии имеется, есть небольшой или отсутствует. Налажены устойчивые позитивные социальные связи с одним из элементов социального микрорайона личности: семьей, близкими родственниками, друзьями; членами трудового коллектива, национальной диаспоры, религиозной общины, – способные обеспечить адаптацию после освобождения. Имеется необходимый набор документов, способствующий успешной адаптации: подтверждающие личность (паспорт, удостоверение личности, свидетельство о рождении) без наличия прописки; об общем и профессиональном образовании (аттестат или диплом); подтверждающие получение от государства гарантированных социальных выплат. Есть собственное или муниципальное (по договору социального найма) жилье и прописка в нем; необходимы средства на его содержание. Возможно трудоустройство на работу с достаточным материальным ресурсом обеспечения по рабочей профессии или должности служащего.

Четвертая группа – осужденные со средним уровнем социальности (8 %): имеются мотивы к исправлению; прослеживается адекватность самооценки и эмоциональная устойчивость, ответственность и гибкость поведения; проявляется способность к самоконтролю и признанию общественных интересов; имеются сформированные знания об обществе, отношениях в группе, о себе (о воспитании собственной защищенности, готовности к самопомощи). Сформированы правильные в правовом отношении способы действий в обществе, группе, умения и навыки самоорганизации, самовоспитания защищенности, самопомощи. Имеются полное общее среднее или среднее специальное образование, специальная профессиональная подготовка на базе сред-

него образования по одной из рабочих профессий или должностей служащих, незаконченное высшее или высшее профессиональное образование по одной из профессий и специальностей, востребованных в современном обществе и обеспечивающих достаточный материальный ресурс к существованию. Опыт работы в данной профессии имеется небольшой или полностью отсутствует. Налажены устойчивые позитивные социальные связи с одним из элементов социального микрорайона личности: семьей, близкими родственниками, друзьями, членами трудового коллектива, национальной диаспоры, религиозной общины, – способные обеспечить адаптацию после освобождения. Имеется необходимый набор документов, способствующий успешной социальной адаптации: подтверждающие личность (паспорт, удостоверение личности, свидетельство о рождении) без наличия прописки; об общем и профессиональном образовании (аттестат или диплом); подтверждающие получение от государства гарантированных социальных выплат. Есть собственное или муниципальное (по договору социального найма) жилье и прописка в нем; необходимы средства на его содержание. Возможно трудоустройство на работу с достаточным материальным ресурсом обеспечения по рабочей профессии или должности служащего.

Пятая группа – осужденные с высоким уровнем социальности (4 %): имеются устойчивые мотивы к исправлению и высокая адекватная самооценка; проявляются эмоциональная устойчивость и гибкость поведения; отмечаются способность к самоконтролю и уважение к общественным интересам. Прослеживаются творческие интересы и нестандартные подходы в решении сложных жизненных ситуаций; имеются сформированные знания об обществе, отношениях в группе, о себе (о воспитании собственной защищенности, готовности к самопомощи). Сформированы правильные в правовом отношении способы действий в обществе, группе, умения и навыки самоорганизации, самовоспитания защищенности, самопомощи. Имеют полное общее среднее, среднее специальное, незаконченное высшее или высшее образование; высшее профессиональное образование по одной из профессий или специальную профессиональную подготовку на базе среднего образования по одной из рабочих профессий или должностей служащих, востребованных в современном обществе и обеспечивающих достаточный материальный ресурс к существованию. Опыт работы в данной профессии имеется достаточный для ее освоения, что подтверждается наличием разряда или квалификационной категории. Налажены прочные социальные связи с несколькими элементами социального микрорайона личности: семьей, близ-

кими родственниками, друзьями, членами трудового коллектива, национальной диаспоры, религиозной общины, соседями по жилью, даче, одноклассниками, однокурсниками и т. д., – способствующие успешной адаптации после освобождения. Имеется необходимый набор документов, способствующий успешной адаптации: подтверждающие личность (паспорт, удостоверение личности, свидетельство о рождении) с наличием прописки; об общем и профессиональном образовании (аттестат или диплом); подтверждающие получение от государства гарантированных социальных выплат. Имеется собственное или муниципальное (по договору социального найма) жилье и прописка в нем; денежных средств на его содержание не нужно, так как там проживают члены семьи или близкие родственники. Возможно трудоустройство на высокооплачиваемую работу по специальности в соответствии с уровнем профессиональной подготовленности и имеющимся опытом трудовой деятельности по данной специальности.

Теперь мы интегрируем все приведенные классификации в одну, взяв за основу педагогический подход, рассмотренный в начале статьи. Данная интеграция необходима для уточнения примерного количественного состава каждой из групп педагогической классификации, что позволит нам выявить педагогические проблемы пенитенциарной социальной работы и дать краткую социально-педагогическую характеристику каждой из этих групп.

А) Осужденные, не вставшие на путь исправления.

I группа – «болото» (А. С. Макаренко): осужденные, которые характеризуются неопределенным поведением.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят осужденные с неустойчивой направленностью (49,2 %) и отрицательной пассивной направленностью (3,2 %). Итого: 52, 4 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят безропотно пассивные страдалцы (46 %) и пассивные невротики (4 %). Итого: 50 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные с низким уровнем социальности (61 %), но, по-нашему мнению, не все, а 56 %, остальные 5 % нужно отнести к следующей группе. Итого: 56 %.

Таким образом, *усредненный состав I группы – 52, 8 % (более половины осужденных).*

II группа – грубые нарушители установленного порядка.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят осужденные с отрицательной групповой направленностью (6 %) и с направленностью приспособленцев (4,6 %). Итого: 10,6 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят активно протестующие борцы (12 %). Итого: 12 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные с нулевым (5 %) и низким (5 %) уровнями социальности. Итого: 10 %.

Следовательно, *усредненный состав II группы – 10,9 % (почти каждый десятый осужденный).*

III группа – злостные нарушители установленного порядка.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят осужденные с отрицательной индивидуальной направленностью (5 %). Итого: 5 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят деструктивные агрессоры (7 %). Итого: 7 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные с нулевым уровнем социальности (5 %). Итого: 5 %.

В результате *усредненный состав данной группы представлен 5,7 % (каждый двадцатый осужденный).*

Б) Осужденные, вставшие на путь исправления.

IV группа – встал на путь исправления.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят положительно нейтральные осужденные (11 %) и одиночки-активисты (9 %). Итого: 20 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят искатели оптимальных путей (17 %). Итого: 17 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные с достаточным уровнем социальности (17 %). Итого: 17 %.

Таким образом, *усредненный состав IV группы – 18 % (почти каждый пятый осужденный).*

V группа – твердо встал на путь исправления.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят условные коллективисты (8 %), остальные из них (4 %) входят в следующую группу. Итого: 8 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят адекватно реагирующие осужденные (10 %), остальные из них (4 %) входят в следующую группу. Итого: 10 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные со средним уровнем социальности (8 %). Итого: 8 %.

Усредненный состав V группы представлен 8,7 % (почти каждый двенадцатый осужденный).

VI группа – доказал свое исправление.

Классификация В. Г. Деева. В данную группу входят условные коллективисты (4 %). Итого: 4 %.

Классификация Г. С. Човдыровой. В данную группу входят адекватно реагирующие осужденные (4 %). Итого: 4 %.

Классификация по степени сформированности социальности осужденных. В данную группу входят осужденные с высоким уровнем социальности (4 %). Итого: 4 %.

Следовательно, усредненный состав данной группы – 4 % (каждый двадцать пятый осужденный).

Для наглядности полученные результаты классификации осужденных по степени исправления (педагогическим критериям) представим в виде таблицы.

№ п/п	Педагогический критерий	Количество осужденных, %
Вставшие на путь исправления осужденные		
1	Доказал свое исправление	4
2	Твердо встал на путь исправления	8,6
3	Встал на путь исправления	18
<i>Итого</i>		30,6
Не вставшие на путь исправления осужденные		
4	«Болото»	52,8
5	Грубые нарушители установленного порядка	10,9
6	Злостные нарушители установленного порядка	5,7
<i>Итого</i>		69,4

Результаты, полученные нами в ходе проведенного анализа, свидетельствуют о том, что более чем две трети осужденных (69,4 %), содержащихся в исправительных учреждениях, имеют серьезные педагогические, психологические и социальные проблемы. Эта категория осужденных не встала на путь исправления, не включилась в процесс ресоциализации. С ними необходимо проводить целенаправленную социально-педагогическую работу по их социальному развитию, включению их в процессы исправления и ресоциализации. По нашему мнению, это возможно через раскрытие личностных ресурсов этих осужденных в результате педагогически грамотно спроектированной социальной работы с ними в исправительном учреждении, в ходе которого приобретается и формируется социальность осужденных.

Для того, чтобы проиллюстрировать всю сложность, многогранность, комплексность данной деятельности, приведем обобщенные характеристики осужденных к лишению свободы, составленные специалистами по сведениям, полученным из исправительных учреждений всей России (Современное состояние уголовно-исполнительной системы : сб. материалов / под общ. ред. Б. Б. Казака. Псков, 2009. С. 59). Мы также принимали участие в этой работе на территории Владимирской области в начале 2009 г.

Характеристика осужденного мужчины

В основном представляет возрастную группу от 30 до 49 (36 % от общей численности) или от 18 до 24 (27,3 %) лет. Осужден за кражу (23,1 %), разбой

или грабеж (21,1 %), убийство (17,1 %), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (14,4 %), преступление в сфере незаконного оборота наркотических средств (11,3 %). Каждый четвертый отбывает наказание сроком от 3 до 5 лет (25,2 %), каждый десятый – от 10 до 15 лет (10,7 %). В 52,7 % случаев осужден впервые, а в 20,7 % – трижды и более. Как правило, холост (свыше 60 %), причем каждый пятый из состоящих в браке теряет семью в период отбывания наказания. Формально имеет среднее образование (75 %), но 5 % не закончили даже начальной школы. Это трудоспособный осужденный, без определенного рода занятий до суда (около 60 %) и в каждом четвертом случае не имеющий профессии. Состоит на диспансерном учете в исправительном учреждении (90,2 %) по тем или иным заболеваниям, половина из которых – социально значимые (44,8 %). Активным туберкулезом больны 7 %, ВИЧ-инфицированы 4,9 %, психическими расстройствами страдают 18,5 %, алкоголизмом – 3,2 %, наркоманией – 5,9 %. Инвалидность имеют 3,2 %. Каждый десятый (10 %) склонен к суициду или членовредительству; каждый двадцатый (6 %) проявляет повышенную агрессивность и возбудимость. Почти каждый пятый (19 %) склонен к различным видам деструктивного поведения, а каждый десятый отличается повышенной внушаемостью и слабыми волевыми качествами (8,9 %). В 6 % случаев для осужденного мужчины характерны низкий интеллект и признаки психических отклонений, что обуславливает его чрезмерную возбудимость, агрессивность, коммуникативные и дисциплинарные проблемы.

Характеристика осужденной женщины

Как правило, не замужем (62 %), причем каждая вторая женщина из состоящих в браке теряет семью в период отбывания наказания. Впервые осуждены 70,8 %, судимы неоднократно 29,2 %. Неуклонно растет число осужденных женщин за тяжкие и особо тяжкие преступления. Осужденной женщине в меньшей степени присущи асоциальные установки, у нее отсутствуют устойчивые преступные убеждения, социально-психологическая адаптация большинства не имеет глубоких дефектов. Она чаще, чем осужденный мужчина, испытывает вину за содеянное (соответственно 54 % и 46 %). Ей свойственна демонстративность, в том числе агрессивная, которая часто сочетается со сниженным самоконтролем, выполняет защитные функции и способствует самоутверждению. Испытывает тревожность и беспокойство по поводу будущего. Для нее характерны эмоциональная ранимость и стремление сохранить семью. Она более адаптивна к условиям изоляции и в меньшей степени склонна к дисциплинарным нарушениям, нежели мужчина. Как правило, состоит на диспансерном учете в медицинской части исправительного учреждения. Каждая вторая

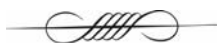
страдает социально значимыми заболеваниями. У каждой двадцатой (4,8 %) регистрируется беременность, из них рожают в условиях исправительного учреждения 28,5 %, делают аборт 12 %. Страдают алкоголизмом 1,6 %, наркоманией 1,5 %.

Характеристика несовершеннолетнего осужденного

Составляет 1,4 % от общей численности осужденных, из них 93,2 % – юноши, 6,8 % – девушки. В большинстве случаев представляет возрастную группу 16–17 лет (70,6 %) или 18–19 лет (22 %). Как правило, это городской житель (78 %), без определенных занятий до осуждения (40 %), в 3,6 % случаев до осуждения обучался во вспомогательной школе. Воспитывался в неполной семье или находился на попечении (90 %). Каждый седьмой – сирота или лишен родительского попечения. Лишь в 5,6 % случаев работает на предприятиях и в организациях среди осужденных. В основном осужден к лишению свободы впервые (94 %), причем каждый второй ранее имел условную судимость (42 %). Ранее отбывал наказание в 6 % случаев. Не считает содеянное тяжким преступлением и не испытывает чувства вины и сочувствия к потерпевшему, но при этом проявляет озабоченность собственной судьбой. Легко и быстро усваивает внутригрупповые асоциальные нормы. Поведение часто отличается демонстративно-приспособленческим стилем. Состояние здоровья характеризуется низким уровнем, о котором он узнает, как правило, попа-

дая в места лишения свободы. Психические отклонения характерны для каждого второго и более (55,9 %); наркоманией страдает каждый десятый (10,6 %), столько же (10,6 %) – алкоголизмом; 8,7 % имеют дефицит массы тела; венерические заболевания регистрируются у 4,8 % данного контингента, ВИЧ-инфицированы 1,2 %, болеют туберкулезом 0,8 %. Для него характерны агрессивность, бравлада, неповиновение, враждебность и злопамятность. Проявляет высокую чувствительность по отношению к действительной или ложно понимаемой несправедливости. Стремится избегать ошибок и ищет надежное покровительство у более сильных и авторитетных лиц.

Каждая из представленных обобщенных характеристик – это своеобразный комплекс социально-педагогических, социально-психологических, социальных проблем, требующих решения психолого-педагогическими средствами социальной работы с осужденными в исправительном учреждении. Нами выявлены основные направления организации этого процесса: психологическое, социальное, образовательное и профессиональное. По ним нужна спроектированная на различных уровнях (со случаем, с группой, массовой) социально-педагогическая деятельность, нацеленная на решение этих проблем. Данная деятельность в исправительном учреждении должна носить полисубъектный характер и выводить осужденного на субъектный уровень, когда многие из своих проблем он должен решать сам.



Библиографический список

1. Деев В. Г. Выбор признаков характеристики направленности личности осужденного / В. Г. Деев // Передовой опыт исправления и перевоспитания осужденных – в практику ИТУ : материалы III науч.-практ. конф. / под ред. В. Г. Деева, А. С. Кокорева. – Тамбов, 1979.
2. Мордахаев Л. В. Социальная педагогика : учебник / Л. В. Мордахаев. – М., 2006.
3. Морозов В. М. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / В. М. Морозов, В. В. Виноградов. – Владимир, 2009.
4. Современное состояние уголовно-исполнительной системы : сб. материалов / под общ. ред. Б. Б. Казака. – Псков, 2009.
5. Социальная педагогика / под ред. В. А. Никитина. – М., 2000.
6. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / С. А. Лузгин [и др.] / под общ. ред. Ю. И. Калинина. – Рязань, 2006.
7. Човдырова Г. С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции : монография / Г. С. Човдырова. – М., 2004.

References

1. Deev V. G. Choice of Signs for the Characteristic of the Orientation of the Condemned Personality / V. G. Deev // The Advanced Experience of Correction and Re-education of the Convicted / ed. by V. G. Deev, A. S. Kokorev. – Tambov, 1979.
2. Mordahaev L. V. Social Pedagogics / L. V. Mordahaev. – M., 2006.
3. Morozov V. M. Social Work in the Penal System / V. M. Morozov, V. V. Vinogradov. – Vladimir, 2009.
4. Current State of the Penal System / ed. by B. B. Kazak. – Pskov, 2009.
5. Social Pedagogics / ed. by V. A. Nikitin. – M., 2000.
6. Social Work in the Penal System / S. A. Luzgin [et al.] / ed. by Yu. I. Kalinin. – Ryazan, 2006.
7. Chovdyrova G. S. Problems of Stress, Mental Disadaptation and Increase of Resistance to Stress of a Person in the Conditions of Social Isolation / G. S. Chovdyrova. – M., 2004.

М. Л. Добрынина,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Владимирского
государственного университета
кандидат юридических наук

M. L. Dobrynina,
Associate professor of the Department
of Criminal Law and Process of Vladimir
Legal Institute of the FPS of Russia
Candidate of Law

**ГУМАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ
КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РЕФОРМИРОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ**

**Humanization of the Legal Status of the Convicted as the Main Direction
for Reforming the Penal System**

Аннотация. В статье анализируется процесс гуманизации правового положения лиц, содержащихся в местах лишения свободы. Раскрыто понятие гуманизма. Выявлены основные направления реформирования.

Ключевые слова: гуманизация, осужденный, уголовно-исполнительная политика, реформирование.

Abstract. The article analyzes the process of humanization of the legal status of people kept in places of imprisonment. The author defines the concept of humanism and reveals the main direction for reforming.

Key words: humanization, convicted, penal policy, reforming.

В последние десятилетия российское общество переживает непростой период обновления. Реформированию подвергаются различные сферы социальной жизни, в том числе и уголовно-исполнительная политика государства. В процессе осуществляемых преобразований, после распада СССР, пенитенциарные учреждения столкнулись с целым рядом проблем, как-то:

- устаревшая правовая база, регламентирующая исполнение наказаний в виде лишения свободы;

- экономический кризис и распад устоявшихся годами хозяйственных связей, что негативно отразилось на материальном положении пенитенциарных учреждений;

- недостаток помещений, как следствие превышение лимита содержания заключенных в тюрьмах и особенно в следственных изоляторах;

- низкая заработная плата сотрудников пенитенциарной системы, не соответствующая тяжелым физическим и психологическим условиям работы, как следствие отток квалифицированных кадров;

- негативный имидж работника пенитенциарной системы, сложившийся в общественном представлении после разоблачения репрессий 1930-х гг. и нарушения прав человека в период функционирования системы ГУЛАГа, что сделало данную профессию малопrestiжной.

В целях преодоления кризисных явлений в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) с начала 1990-х гг. начались глубокие и качественные ее преобразования. Реформирование проводилось по следующим направлениям:

- разработка законодательной базы, регламентирующей исполнение наказаний;

- совершенствование организационно-структурного построения и повышение эффективности управления;

- выработка политики социально-правовой защиты осужденных;

- обеспечение законности, правопорядка и борьбы с преступностью;

- реорганизация воспитательной работы с осужденными;

- реорганизация практики работы с персоналом УИС, его социально-правовая защита.

В результате к середине 1990-х гг. были созданы необходимые предпосылки для систематизации основных принципов проведения уголовно-исполнительной политики Российской Федерации. Восемнадцатого декабря 1996 г. Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ), который вступил в действие с 1 июля 1997 г.

Согласно ст. 1 УИК РФ целью уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. В соответствии с ч. 2 ст. 1 УИК РФ задачами уголовно-исполнительного законодательства являются:

- регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний;

- определение средств исправления осужденных;

- охрана прав, свобод и законных интересов осужденных;

- оказание осужденным помощи в социальной адаптации.

Помимо основных внутривнутриполитических, социально-экономических, криминологических и иных факторов, оказавших влияние на изменения уголовно-исполнительной сферы данного периода, следует выделить внешнеполитический фактор, связанный с процессом вступления России в Европейское сообщество.

Важным направлением реформирования УИС стала выработка политики по обеспечению прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. В связи со вступлением в Совет Европы Россия взяла на себя обязательство по приведению национального законодательства в соответствие с международными нормами и стандартами в области соблюдения прав человека. В частности, Россией были ратифицированы такие важные документы, как Конвенция о защите прав человека и основных свобод и Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего обращения или наказания. Как отмечал директор Федеральной службы исполнения наказаний, «мы отдаем должное международному опыту по соблюдению прав человека в пенитенциарных системах европейских стран и стараемся использовать его в нашей практике в максимально возможном объеме» (Всероссийское совещание по проблемам соблюдения законности и прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : сб. материалов. М., 2003. С. 7).

На современном этапе серьезное внимание уделяется контролю за обеспечением прав человека в учреждениях УИС. В этих целях в Министерстве юстиции Российской Федерации в 2001 г. была создана вертикаль ведомственного контроля за исполнением законов в деятельности органов и учреждений УИС: Управление по контролю за соблюдением законности и прав человека в деятельности учреждений и органов УИС – отделы федеральных управлений Минюста России по федеральным округам – помощники начальников территориальных органов УИС. Такая структура была позитивно воспринята и поддержана Советом Европы.

Таким образом, с начала 1990-х гг. проводится последовательная реорганизация УИС, характеризующаяся гуманизацией наказаний и соблюдением прав человека в обращении с заключенными, при этом особое внимание уделяется требованиям и подготовке персонала для пенитенциарных учреждений.

В аспекте преступления и наказания гуманизация предполагает, прежде всего, объективность и соответствие меры осуждения и наказания содеянному, использование форм наказания, не связанных с лишением свободы, а также создание условий для перевоспитания, исправления

осужденного как главной цели в деятельности судебно-исправительных органов.

Если рассматривать понятие «гуманизация» как смягчение наказания, милосердное отношение к осужденным со стороны общества и государства, представляется правильным видеть в ней один из основных принципов уголовно-исполнительной политики, наряду с принципами законности и справедливости. В этой связи гуманное отношение к лицам, отбывающим наказание, проявляется в правовой регламентации основных средств исправления, под которыми понимаются: формирование уважительного отношения к человеку, обществу, труду, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование их правопослушного поведения. Таким образом, гуманизация правового статуса лиц, лишенных свободы, включает в себя не только расширение их прав и изменение отношения к ним общества и государства, не только улучшение и смягчение условий их содержания, но и имеет непосредственное отношение к основной цели уголовной политики – исправление осужденных и дальнейшая их ресоциализация, т. е. возвращение в общество полноценных граждан.

Проблема гуманизма в целом и гуманизации наказания, в частности, традиционно связана с признанием и утверждением статуса личности, ее прав, свобод, уважительного отношения к ней; с созданием условий для проявления ее способностей, всестороннего развития, обретения смысла жизни, удовлетворения материальных и духовных потребностей, основанных на чувствах любви, добра и ненасилия.

Гуманизация правового положения лиц, лишенных свободы, состоит в строгом следовании законодательным актам, определяющим отношение государства, общества, самого сотрудника к правонарушителям, осужденным, тем самым принцип гуманизма тесно связан с принципом законности. Правильное, в соответствии с законом, применение и умелое использование ограничения прав заключенных создают реальные условия для успешной деятельности исправительных учреждений, осуществляемой в рамках борьбы с преступностью (Андреев О. В., Алексеева М. И. Профессиональная этика сотрудника УИС. Владимир, 2002. С. 51).

Сегодня проблема обеспечения прав человека ставится на государственном уровне. Так, в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в 2002 г. отмечалось, в частности, следующее: «В уголовно-исполнительной системе Министерства юстиции Российской Федерации происходят позитивные сдвиги в деле обеспечения прав осужденных и содержащихся под стражей в следственных изоляторах. Вместе с тем имеющиеся и там нарушения прав лиц, изолированных от общества, по-

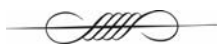
прежнему остаются наиболее острой, требующей постоянного внимания, проблемой. Непрерывающийся поток индивидуальных и коллективных жалоб на нарушения прав человека свидетельствует о большом поле деятельности органов государственной власти, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Федерации, правозащитных организаций по приведению правоохранительной и уголовно-исполнительной систем России в соответствие с требованиями международных стандартов» (Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О. О. Миронова в 2002 году. URL: http://www.rg.ru/Anons/arc_2003/0715/docl.shtm).

Важно подчеркнуть, что гуманизация наказания не имеет ничего общего с безнаказанностью, вседозволенностью. Это своего рода шанс, предоставляемый осужденному для возвращения к

социальной норме поведения, попытка в процессе исправительного воздействия восстановить утраченный социальный статус, подготовить личность к полноценной жизни на свободе.

Очевидно одно: чтобы сформировать у осужденных навыки правопослушного образа жизни, УИС должна стать для них эталоном соблюдения прав человека (Борсученко С. А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 4).

В заключение следует отметить, что гуманизация правового положения осужденных к лишению свободы – процесс длительный и неоднозначный. Решение данной проблемы на современном этапе реформирования УИС во многом зависит от разработки новой доктрины ее функционирования.



Библиографический список

1. Андреев О. В. Профессиональная этика сотрудника УИС / О. В. Андреев, М. И. Алексеева ; М-во юстиции Рос. Федерации, Владим. юрид. ин-т М-ва юстиции Рос. Федерации. – Владимир : ВЮИ Минюста России, 2002.

2. Борсученко С. А. Контроль за соблюдением прав и законных интересов осужденных к лишению свободы Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.08 / Борсученко Светлана Алексеевна. – М., 2004.

3. Всероссийское совещание по проблемам соблюдения законности и прав человека в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : сб. материалов. – М., 2003.

References

1. Andreev O. V. Professional Ethics of an Employee of the Penal System / O. V. Andreev, M. I. Alexeeva ; the Ministry of Justice of the Russian Federation, Vladimir Legal Institute of the Ministry of Justice of the Russian Federation. – Vladimir : Vladimir Legal Institute of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2002.

2. Borsuchenko S. A. Control over the Observance of Rights and Legal Interests of the Convicted to Deprivation of Liberty by the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation / Borsuchenko Svetlana Alekseevna. – M., 2004.

3. All-russian Council on the Problems of Observance of Lawfulness and Human Rights in the Institutions and Bodies of the Penal System of the Ministry of Justice of the Russian Federation. – M., 2003.

И. В. Ершова,
преподаватель кафедры
специальной техники
и информационных технологий
ВЮИ ФСИН России

I. V. Ershova,
Lecturer of the Department
of Special Equipment
and Information Technologies
of VLI of the FPS of Russia

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ МЫШЛЕНИЯ КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ
ПРИ ИЗУЧЕНИИ ИНФОРМАТИКИ И МАТЕМАТИКИ**

**Peculiarities of Forming and Developing a Culture of Thinking in Cadets and Students
During the Classes of Mathematics and Information Technology**

Аннотация. В статье раскрываются особенности формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей при изучении информатики и математики, которые определены: формированием нового культурно-исторического типа мышления и различных качеств мышления, необходимых сотрудникам УИС для решения предстоящих служебных задач; богатыми воспитательными возможностями; большим вкладом в профессиональную подготовку будущих сотрудников УИС.

Ключевые слова: культура мышления курсантов и слушателей; особенности формирования и развития; информатика и математика; учебно-воспитательный процесс.

Abstract. The article is dedicated to the disclosure of peculiarities of forming and developing a culture of thinking of cadets and students during the classes of mathematics and information technology. These peculiarities are determined by the formation of a new cultural-historical type of thinking and different thinking qualities, necessary for the Penal Enforcement System staff to fulfill duty assignments; as well as by the great variety of educational opportunities and substantial contribution to the professional training of the future Penal Enforcement System staff.

Key words: culture of thinking in cadets and students; peculiarities of forming and developing; information technology and mathematics; teaching and educational process.

Формировать и развивать культуру мышления курсантов и слушателей можно в процессе изучения общегуманитарных и социально-экономических, общепрофессиональных и специальных дисциплин. Однако наиболее оптимальные условия для реализации обозначенного процесса могут быть созданы при изучении информатики и математики, поскольку данная дисциплина в силу ее интеллектуальной природы обладает для этого большими возможностями. Следовательно, целесообразно рассмотреть особенности формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей при изучении информатики и математики.

Во-первых, сложная многоаспектная уголовно-исполнительная деятельность требует от будущих сотрудников, чтобы они обладали широким кругозором, умели объективно оценивать ситуацию, оперативно мыслить, выбирать рациональные способы решения предстоящих задач, доказывать и убеждать, управлять и регулировать взаимоотношения различных сторон, использовать информационные технологии в профессиональной деятельности, а это, в свою очередь, предъявляет высокие требования к организации мыслительной деятельности курсантов и слушателей.

Изучение информатики и математики курсантами и слушателями позволяет расширять сло-

варный запас; формировать умение проникать в сущность явления; развивать гибкость, быстроту, критичность, избирательность, самостоятельность и проницательность мышления; приучать к логической точности мышления, так необходимой им в их будущей профессиональной деятельности.

Кроме того, во время работы обучающихся с ЭВМ создаются качественно новые условия для развития их мышления, которые, по мнению В. Л. Латышева, состоят в следующем:

– наиболее очевидно, что функционирование и развитие мышления осуществляется в более упорядоченной экологически искусственной среде (клавишно-дисплейной), при задействовании сенсомоторного интеллекта. Происходит целенаправленное диалогическое взаимодействие человека с компьютеризированной экологией;

– циркулирующая по этому каналу информация кодируется человеком в символической форме, с помощью различных искусственных языков. Эффективное оперирование этой информацией осуществляется в диалоговом режиме работы с ЭВМ, эффективная работа с которой требует овладения языковыми средствами и способами программирования как необходимым семиотическим базисом для функционирования семиотически-алгоритмического мышления;

– осуществление человеком деятельности по программированию во взаимодействии с ЭВМ

оказывает влияние на его личность. Она начинает развиваться в общении не только с другими людьми, но и с компьютером. Одним из условий развития личности выступает ее так называемая принципиальная компьютерная дополнительность. Иначе говоря, теперь развитие личности во многом связано с раскрытием ее способностей, дополняемым игровыми возможностями, возникающими при работе с ЭВМ. Тем самым существенно меняется не только социальная ситуация развития (общение как с человеком, так и с компьютером), но и его характер, детерминированный как внешней микроэкологией (из-за насыщения ЭВМ), так и внутренней динамичностью и интенсивностью развития (из-за комбинаторно-игровых возможностей ЭВМ);

– использование человеком ЭВМ для повышения эффективности своей профессиональной деятельности за счет решения им подлежащих алгоритмизации задач на компьютере создает новые радикальные условия для культивирования у себя различных типов рефлексии (интеллектуальный, личностный, коммуникативный, кооперативный, экзистенциальный). Это связано с тем, что привлечение компьютера для решения задач человеком – пользователем ЭВМ, позволяя фиксировать различные этапы и промежуточные результаты поиска решения различных задач, обеспечивает как бы экспликацию на дисплее особенностей протекания мыслительного процесса, объективируемого в символически-компьютеризированной форме. Такая объективация позволяет отстраненно представить осуществляемый с помощью компьютера мыслительный поиск, визуально контролировать каждый реализуемый ЭВМ шаг, корректировать и оптимизировать различные фрагменты программы и, самое главное, как бы взглянуть со стороны, т. е. переосмыслить осуществляемый процесс решения с более общих и, может быть, принципиально иных позиций.

Следовательно, если компьютеризацию мышления рассмотреть не узко – как профессионализацию в направлении овладения навыками программирования на искусственном языке и оперирования клавишами, а трактовать широко – как социотехническое средство, радикально меняющее социокультурную ситуацию социального развития человека в период современной научно-технической революции, то следствием компьютеризации выступает формирование радикально нового культурно-исторического типа мышления, развивающегося по своим собственным законам. Они описывают изменения, носящие компьютерно-надстроечный характер по отношению к докомпьютерно-базисным закономерностям традиционного развития мышления как последовательной смены доминирующего взаи-

модействия наглядно-действенного, наглядно-образного и словесно-символического мышления (Латышев В. Л. Психолого-педагогические проблемы развития мышления и личности учащихся в условиях информатизации образования // Информатика и образование. 2003. № 6. С. 115–117).

Таким образом, в процессе изучения информатики и математики происходит не только формирование нового культурно-исторического типа мышления, но и осуществляется формирование и развитие культуры мышления курсантов и слушателей, необходимой будущим сотрудникам УИС для решения служебных задач на высоком профессиональном уровне.

Во-вторых, в ходе изучения математического раздела дисциплины «Информатика и математика» закладывается формирование умений находить, использовать, анализировать информацию, рассуждать логически, выстраивать алгоритм решения задач (Высшая математика для юристов : учеб. пособие / П. В. Арбузов [и др.]. Ростов н/Д, 2007. С. 4). Через алгоритмы, описательно-наглядные рассуждения и доказательства математика может способствовать переносу знаний в новые ситуации, оказывать влияние на общее развитие личности. Будучи неотъемлемой частью нашей цивилизации, она, таким образом, является не только инструментом решения самых разнообразных прикладных задач, но и средством познания и активизации мыслительной деятельности (Дорофеев А. Формирование научного мышления в процессе математической подготовки // Вестн. высш. шк. 2006. № 6. С. 33–34).

Кроме того, по мнению В. Н. Осинской, математика обладает огромными возможностями для формирования и развития культуры мышления обучающихся, «благодаря всей своей системе, исключительной ясности и точности своих понятий, выводов и формулировок. Одна из основных задач обучения математике заключается в том, чтобы развивать мышление, совершенствовать умения мыслить, умозаключать, делать выводы, то есть формировать умственную культуру, характеризующуюся определенным уровнем развития мышления, овладением обобщенными приемами рассуждений, стремлением приобретать знания и умением применять их в незнакомых ситуациях» (Осинская В. Н. Формирование умственной культуры учащихся в процессе обучения математике : кн. для учителя. Киев, 1989. С. 3).

П. В. Грес считает, что одна из основных целей изучения математики – развитие мышления, прежде всего абстрактного, способного к абстрагированию, и умения «работать» с абстрактными, «неосознаваемыми» объектами. В процессе изучения математики в более чистом виде может быть сформировано логическое (дедуктивное)

мышление, алгоритмическое мышление, многие качества мышления, такие как сила и гибкость, конструктивность и критичность. Эти качества сами по себе не связаны с каким-либо математическим содержанием и с математикой вообще, но обучение математике вносит в их формирование специфический компонент, который не может быть эффективно реализован даже всей совокупностью остальных дисциплин. Кроме того, обучение математике ориентировано не столько на собственно математическое образование в узком смысле слова, сколько на образование с помощью математики. В соответствии с этим принципом главной задачей обучения математике становится не изучение основ математической науки, а общеинтеллектуальное развитие – формирование у обучающихся в процессе изучения математики качеств мышления, необходимых для полноценного функционирования человека в современном обществе и динамичной адаптации этого человека к этому обществу.

С точки зрения приоритета развивающей функции конкретные математические знания рассматриваются не только как цель обучения, сколько как база, «полигон» для организации полноценной в интеллектуальном отношении деятельности. Для формирования личности, достижения высокого уровня ее развития именно эта деятельность, как правило, оказывается более значимой, чем те конкретные математические знания, которые послужили базой.

И еще одно важное обстоятельство, присущее именно математике: она воспитывает такой склад ума, который требует критической проверки и логического обоснования тех или иных положений и точек зрения. Элемент сомнения – это здоровое рациональное зерно, присущее процессу математического мышления, – нигде и никогда не мешает любому профессионалу (Грес П. В. Математика для гуманитариев : учеб. пособие. М., 2005. С. 10–11).

Таким образом, содержание обучения в процессе изучения математического раздела дисциплины «Информатика и математика» направлено, прежде всего, на достижение интеллектуального развития обучающихся, формирование качеств мышления, характерных для осуществления математической или информационной деятельности, а также необходимых для решения предстоящих социальных и профессиональных задач.

В-третьих, дисциплина «Информатика и математика» является универсальной по отношению к изучаемому объекту исследования.

Так, А. М. Попов определяет информатику как науку, изучающую закономерности и принципы создания, накопления, хранения, воспроизведения, обработки и передачи информации

средствами вычислительной техники, а также принципы функционирования этих средств и методы управления ими. Слово «информатика» происходит от французского *Informatique*, образовавшегося в результате слияния терминов *Information* (информация) и *Automatique* (автоматика) (Информатика и математика : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» (030501) / А. М. Попов, В. Н. Сотников, Е. И. Нагаева ; под ред. А. М. Попова. М., 2008. С. 167). Понятие «информация» произошло от латинского «*informātiō*» – «сообщение», «разъяснение», производное от «*informō*» – «придаю вид», «формирую», «организирую», «обучаю», «воспитываю», «мыслю» (Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М., 1999. Т. 1. С. 355).

Многие ученые считают информатику наукой, прародительницей которой является математика. Математика – это часть нашей культуры. Кроме того, математику следует рассматривать не просто как науку, а как универсальную систему, способ мышления, необходимый в контексте всего научного знания (Хованский Д. Все это математика // В мире науки. 2010. № 5. С. 66–70).

Историко-этимологический словарь русского языка утверждает, что математика – это наука, «изучающая величины, их количественные (числовые) отношения, а также пространственные формы». Слово «математика» происходит от греческого глагола «*μαθηάω*» – «учусь», «изучаю», «понимаю» (Черных П. Я. Указ. соч. С. 514).

Таким образом, в определении ключевых понятий дисциплины «Информатика и математика» содержится мыслительный аспект, что позволяет рассматривать ее как универсальный способ мышления, включающий в себя и знания, и умения мыслить. Следовательно, изучая информатику и математику, курсанты и слушатели учатся применять и использовать свои знания, т. е. строить свою умственную деятельность, что позволяет тем самым развивать культуру мышления сотрудников УИС, необходимую им для решения профессиональных задач.

В-четвертых, дисциплина «Информатика и математика» имеет большие воспитательные возможности, которые обусловлены, прежде всего, мировоззренческим воздействием на обучающихся, позволяя ориентироваться в современном лавинном потоке информации, раскрывать роль и возможности информационных технологий в развитии общества, воспринимать математику частью нашего культурного наследия.

Кроме того, А. Я. Хинчин, известный советский математик, глубоко интересовавшийся проблемами обучения математике и много сделавший в области методики преподавания матема-

тики, особо выделяет воспитательное воздействие математики на культуру мышления обучающихся:

1. «Для математики характерно доведенное до предела доминирование логической схемы рассуждения... Очевидно, что она в максимальной степени позволяет следить за правильностью течения мысли и гарантирует от ошибок; с другой стороны, она заставляет мыслящего при каждой дизъюнкции иметь перед глазами всю совокупность имеющихся возможностей и обязывает его учесть каждую из них, не пропуская ни одной...

2. ...лаконизм, сознательное стремление всегда находить кратчайший ведущий к данной цели логический путь, беспощадное отбрасывание всего, что не абсолютно необходимо для безупречной аргументации... Черта эта имеет большую ценность не только для математического, но и для любого другого серьезного рассуждения; лаконизм, стремление не допускать ничего излишнего, помогает и самому мыслящему, и его читателю или слушателю полностью сосредоточиться на данном ходе мыслей, не отвлекаясь побочными представлениями и не теряя непосредственного контакта с основной линией рассуждения.

3. ...четкая расчлененность хода аргументации» (Хинчин А. Я. Педагогические статьи. М., 1963. С. 141–144). Для этого в математических работах широко используется такой простой прием, как нумерация понятий и суждений, а перед каждым абзацем ставится особое обозначение, указывающее, какой случай из всех рассматривается в данном абзаце.

4. Скрупулезная точность символики. «Каждый математический символ имеет строго определенное значение: замена его другим символом или перестановка на другое место, как правило, влечет за собой искажение, а подчас и полное уничтожение смысла данного высказывания» (Там же).

Таким образом, следует отметить, что вышеуказанные особенности воспитательного воздействия математики на культуру мышления обучающихся действительно имеют место в образовательном процессе и способствуют формированию правильного и дисциплинированного мышления. Подобной точки зрения придерживается Л. М. Фридман, который выделяет в культуре мышления три отличительных признака: разумность, логичность и дисциплинированность – их становлению способствует изучение математики (Фридман Л. М. Теоретические основы методики обучения математике : учеб. пособие. М., 2009. С. 190–192).

В связи с этим воспитание культуры мышления курсантов и слушателей предъявляет повышенные требования к преподавателю. Он, прежде всего, должен сам демонстрировать подлинные образцы культуры мышления, не допуская

при этом погрешностей в логике изложения материала. Кроме того, определяющими в формировании и развитии культуры мышления курсантов и слушателей являются не только особые требования, предъявляемые к преподавателю, но и самовоспитание обучающихся, направленное на овладение культурой мышления как профессионально важного качества в деятельности сотрудников пенитенциарной системы. При этом преподаватель обязан всячески этому способствовать, следя за ходом мыслей каждого отвечающего, тактично указывать на допущенные ошибки в высказываниях.

Вместе с тем усвоение данной дисциплины способствует формированию характера и моральных черт личности, таких как честность и справедливость, настойчивость и мужество, воспитанию патриотизма (Хинчин А. Я. Указ. соч. С. 151).

В-пятых, изучение информатики и математики вносит большой вклад в профессиональную подготовку курсантов и слушателей, осуществляя связь с практической деятельностью, вооружает их необходимыми профессиональными качествами, знаниями, умениями и навыками, что позволяет им быть высококвалифицированными специалистами. Изучение отдельных тем, в частности: «Прикладное программное обеспечение», «Основы алгоритмизации и программирования», «Основы математической логики», «Математическое моделирование в социально-правовой сфере», требует от курсантов и слушателей умственных усилий, логичности в рассуждениях, что должно способствовать развитию таких ценных профессиональных качеств, как: настойчивость, целеустремленность, самостоятельность, ответственность, трудолюбие, дисциплинированность, способность к аргументированности во взглядах и убеждениях. Дисциплина «Информатика и математика», в отличие от других дисциплин, преподаваемых в вузе, предъявляет высокие требования к развитию культуры мышления, потому что точность мышления, изложения и написания – это важнейший компонент в процессе ее изучения.

Б. В. Гнеденко указывает на то, что «математизация наших знаний состоит не только в том, чтобы использовать уже готовые математические методы и результаты, а в том, чтобы создавать тот специфический математический подход, который позволял бы точно и полно описывать интересующий нас круг явлений, выводить необходимые следствия и использовать получаемые результаты для практической деятельности» (Гнеденко Б. В. Математика и математическое образование в современном мире. М., 1985. С. 78). Данный автор считает, что математизация практической деятельности «приводит к изменению мышления, к его уточнению, к большей логической строгости суждений и выводов» (Там же. С. 80).

Е. Н. Роганов, Н. Б. Тихомиров, А. М. Шеллехов считают, что в юриспруденции, как и в математике, применяются одни и те же методы рассуждений, цель которых – выявить истину. Любой правовед, как и математик, должен уметь рассуждать логически, уметь применять на практике индуктивный и дедуктивный методы. Таким образом, занимаясь математикой, будущий правовед формирует свое профессиональное мышление.

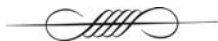
Применение математических методов и современной компьютерной техники расширяет возможности каждого специалиста. В юридической практике важную роль играет статистика, умение правильно обработать информацию, сделать достоверный вывод или прогноз на основании имеющегося статистического материала (Роганов Е. Н., Тихомиров Н. Б., Шеллехов А. М. Математика и информатика для юристов : учебник. М., 2005. С. VI).

П. В. Грес утверждает, что современная математика в сочетании с информатикой и ЭВМ становится как бы междисциплинарным инструментарием, который выполняет две основные функции: обучает специалиста-профессионала формулировать цель того или иного процесса, определять условия достижения этой цели; позволяет анализировать, т. е. «проигрывать» возможные ситуации и получать оптимальные решения с помощью модели. Математическое моделирование должно стать обязательным этапом, предшествующим принятию любого решения (Грес П. В. Указ. соч. С. 9–10).

Таким образом, изучение дисциплины «Информатика и математика» кроме того, что создает новые условия для развития мышления обучающихся, имеет воспитательный потенциал, вносит большой вклад в профессиональную подготовку курсантов и слушателей, обладает большими возможностями в решении вопроса формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей с учетом специфики профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы.

Помимо этого следует отметить, что указанные особенности формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей определяют необходимость внедрения новых образовательных технологий в вузовскую практику, где обучение информатике и математике будет осуществляться в интересах совершенствования культуры мышления будущих сотрудников УИС, необходимой для решения ими служебных задач.

Таким образом, особенности формирования и развития культуры мышления курсантов и слушателей при изучении информатики и математики состоят в том, чтобы все виды образовательных воздействий были подчинены цели формирования и развития культуры мышления обучающихся, учитывая при этом зависимость содержания обучения от специфики профессиональной деятельности сотрудников пенитенциарной системы.



Библиографический список

1. Беляева Е. В. Использование методов проектов в образовательной области «Информатика» в целях формирования культуры мышления студентов / Е. В. Беляева // Открытое образование. – 2006. – № 6.
2. Валеева Н. Ш. Психология и культура умственного труда : учеб. пособие / Н. Ш. Валеева, Н. П. Гончарук. – М., 2004.
3. О высшем и послевузовском профессиональном образовании : федер. закон от 22 авг. 1996 г. № 125-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 28, ст. 20.
4. Психология и педагогика. Военная психология : учеб. для вузов / под ред. А. Г. Маклакова. – СПб., 2005.
5. Столяр А. А. Как математика ум в порядок приводит / А. А. Столяр. – Минск, 1991.

References

1. Belyaeva E. V. Use of Project Methods in the Sphere of Teaching «Information Technology» for Developing a Culture of Thinking in Students / E. V. Belyaeva // The Open Education Journal. – 2006. – № 6.
2. Valeeva N. Sh. Psychology and Culture of Mental Labour / N. Sh. Valeeva, N. P. Goncharuk. – M., 2004.
3. On Higher and Post-Graduate Professional Education : Federal Law № 125-FZ of August 22, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2003. – № 28, Art. 20.
4. Psychology and Pedagogics. Military Psychology / ed. by A. G. Maklakov. – SPb., 2005.
5. Stolyar A. A. How Mathematics Puts Brain in Order / A. A. Stolyar. – Minsk, 1991.

Л. В. Казаринова,
*старший преподаватель кафедры
 уголовно-процессуального права
 ВЮИ ФСИН России
 кандидат юридических наук*

L. V. Kazarinova,
*Senior Lecturer of the Department of Criminal Procedure
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Law*

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ОСУЖДЕННЫХ
 ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ**

**Some Issues of Ensuring Rights and Legitimate Interests of the Convicted During
 the Process of Taking Urgent Investigatory Actions on the Territory of Penitentiary Institutions**

Аннотация. В статье проанализированы некоторые аспекты обеспечения безопасности законных прав и интересов осужденных при производстве следственных действий, в частности неотложных следственных действий, на территории пенитенциарных учреждений. Рассмотрен процессуальный режим производства неотложных следственных действий органом дознания при расследовании преступлений пенитенциарной направленности.

Ключевые слова: безопасность, осужденный, неотложные следственные действия.

Abstract. In the article the author analyzes some aspects of ensuring safety of legitimate rights and interests of the convicted during the process of performing investigatory actions, particularly urgent investigatory actions on the territory of penitentiary institutions. The article considers procedural regime of performing urgent investigatory actions by an inquiry body during penitentiary crime investigation.

Key words: safety, convicted, urgent investigatory actions.

Осуществляемая в России правовая реформа оказывает определенное влияние на качественное понимание отдельных понятий, используемых в уголовно-процессуальной науке и законодательстве. Понятие безопасности личности в уголовном судопроизводстве представляет собой синтез определений «безопасность», «личность», «сфера уголовного судопроизводства». Толковый словарь русского языка определяет термин «безопасность» как «положение, при котором не угрожает опасность кому-, чему-нибудь», где ключевым моментом, безусловно, выступает состояние защищенности лица (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 36). В то же время термин «защита» в науке уголовного судопроизводства традиционно применяется для обозначения одной из основных процессуальных функций и, как правило, ассоциируется с участниками процесса (Поляков М. П. О дуализме института защиты в уголовном судопроизводстве: конкретизация проблемной ситуации // Законные интересы граждан и правовые средства их защиты в России : Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 1997. С. 17).

В свою очередь, институт обеспечения безопасности личности в уголовном судопроизводстве сталкивается с вполне очевидными проблемами практического характера, часть из которых возникает из-за несовершенной правовой регламентации. В настоящее время безопасность участников уголовного процесса расценивается законодателем как одна из составляющих принци-

па охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Следует отметить, что система обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства должна быть связана в целом с решением основных, на наш взгляд, вопросов: по каким категориям преступлений возможно применение мер безопасности и каких конкретно субъектов защиты по делу необходимо обезопасить. При этом применение мер безопасности должно быть реализовано прежде всего в отношении лиц, имеющих важные доказательственные сведения, которые уличают обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления.

Само понятие безопасности участников уголовного процесса и иных лиц подразумевает такое состояние, при котором их жизни и здоровью не угрожает непосредственная опасность (отсутствие любого рода воздействий), а объективно применяемыми мерами безопасности являются создаваемые условия, при которых эти лица могут активно участвовать в процессе. То есть обеспечение безопасности вовлекаемых в процесс лиц есть деятельность компетентных государственных органов, направленная на создание условий, при которых их жизни и здоровью не угрожает опасность.

Применительно к расследованию пенитенциарных преступлений вопросы, которые касаются обеспечения законных прав интересов осужденных, вовлекаемых в сферу уголовного процесса, на настоящий момент полностью не разрешены.

Лицам, ведущим расследование преступлений пенитенциарной направленности, необходимо,

на наш взгляд, в первую очередь обратить внимание на то, что свидетели, потерпевшие и другие участники уголовного процесса из числа осужденных – это не только источник получения информации о событии преступления и личности обвиняемого, но и обычные люди с индивидуальным складом характера, со своими привычками и слабостями, у которых могут возникнуть проблемы в связи с их участием в процессе на территории пенитенциарных учреждений. Между тем устоявшаяся система производства предварительного расследования предполагает лишь одно – все силы и средства направлять на получение доказательственной базы. В отношении потерпевших и свидетелей, как верно отмечают С. П. Щерба и О. А. Зайцев, «...органы предварительного расследования зачастую проявляют пренебрежительно-нигилистическое отношение к выполнению предписаний действующего законодательства по обеспечению прав жертв преступлений и свидетелей» (Щерба С. П., Зайцев О. А. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам : практ. пособие. М., 1996. С. 3).

Именно термин «обеспечение безопасности» предполагает создание нормальных условий для более активного участия в уголовном судопроизводстве вовлекаемых лиц с целью производства эффективного расследования. На основании этого обеспечение безопасности законных прав и интересов осужденных, безусловно, должно в себя включать: предупреждение противоправных воздействий со стороны других участников уголовного процесса; обеспечение личной безопасности; защиту прав и интересов; социально-психологическую реабилитацию; создание комфортных условий осужденным, содействующим уголовному судопроизводству, и т. д.

По значительному числу уголовных дел первоначальный этап расследования пенитенциарных преступлений заключается именно в производстве неотложных следственных действий, осуществляемых оперативными сотрудниками. Своевременное и квалифицированное проведение неотложных следственных действий, от чего нередко зависят результаты всего расследования, возможны только лишь при условии правильного понимания сущности рассматриваемых действий и четкого регламентирования порядка их производства уголовно-процессуальным законом.

Следует отметить, что согласно уголовно-процессуальному законодательству неотложными следственными действиями являются действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и ис-

следования. Производить неотложные следственные действия вправе начальники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы по уголовным делам о преступлениях против установленного порядка несения службы, совершенных сотрудниками соответствующих учреждений и органов, а равно о преступлениях, совершенных в расположении указанных учреждений и органов иными лицами. После производства неотложных следственных действий и не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа. Затем орган дознания может производить следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия по данному уголовному делу только по поручению следователя. В случае направления руководителю следственного органа уголовного дела, по которому лицо, совершившее преступление, не обнаружено, орган дознания обязан принимать розыскные и оперативно-розыскные меры по установлению лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

Полномочия органа дознания при осуществлении дознания по уголовным делам, по которым проведение предварительного следствия обязательно, возлагаются на дознавателя начальником органа дознания или его заместителем. Не допускается возложение полномочий по проведению дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия.

Таким образом, полнота и законность производства дознания находятся в прямой зависимости от того, насколько быстро и полно собрана доказательственная информация на первоначальном этапе уголовного преследования по факту преступлений пенитенциарной направленности. С целью разрешения указанных вопросов и должны действовать нормы, регламентирующие производство неотложных следственных действий.

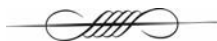
Как было отмечено выше, производство сотрудниками оперативных подразделений неотложных следственных действий по факту пенитенциарных преступлений является одним из важнейших этапов расследования. Меры безопасности при этом должны применяться и тогда, когда еще нет опасного посягательства, но, по мнению сотрудника оперативного подразделения или администрации учреждения, его можно предотвратить превентивными мерами без приведения в действие всего механизма обеспечения безопасности. Информацию о возможном воздействии на осужденного можно получить из данных: надзора и контроля за поведением осужденных; оперативных данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий; о прежней судимости осужденного обвиняемого и т. д.

Уголовно-процессуальные меры безопасности заключаются в установлении на законодательном уровне порядка осуществления отдельных следственных и процессуальных действий, при котором обеспечивается максимальная защита объектов безопасности. Согласно УПК РФ в качестве мер безопасности выступают: прослушивание телефонных и иных переговоров (ст. 186, ч. 2); опознания в условиях, исключающих наблюдение опознаваемым опознающего (ст. 193, ч. 8); закрытое судебное разбирательство (ст. 214, ч. 2, п. 4); участие потерпевших и свидетелей в уголовном процессе под псевдонимом (ст. 166, ч. 9); допрос в суде свидетелей, потерпевших без оглашения подлинных данных о них, а также в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства (ст. 278, ч. 5), и т. д.

Важно, чтобы участие осужденного в уголовном судопроизводстве не повлекло за собой снижение его безопасности. Следовательно, если государством на осужденного возлагается, в частности, исполнение уголовно-процессуальных обязанностей, сопряженных с возникновением опасности для последнего (дача показаний, выполнение обязанностей понятого и др.), то оно в свою очередь обязано гарантировать его безопасность. Иное делает отказ человека от участия в уголовном судопроизводстве правомерным. Требование же государства к лицу выполнять

уголовно-процессуальные обязанности при отсутствии гарантий безопасности и, тем более, применение санкций за невыполнение обязанностей, когда причиной их невыполнения осужденным является его обоснованный страх расправы со стороны других осужденных, представляют собой серьезную проблему.

Проблемы, возникающие при расследовании преступлений в условиях пенитенциарных учреждений, во многом обусловлены ограниченностью территории последних, трудностями при получении показаний подозреваемых лиц из числа спецконтингента, отказом свидетелей из числа осужденных от дачи показаний по факту совершения преступления и другими обстоятельствами, связанными с особенностью тюремной субкультуры. Деятельность же сотрудников оперативных подразделений при осуществлении дознания направлена прежде всего на фиксацию доказательственной информации об обстоятельствах совершенного преступления. В связи с этим очень важно, чтобы производство следственных действий, в частности неотложных следственных действий, на территории пенитенциарных учреждений осуществлялось при четком соблюдении мер обеспечения законных интересов и прав осужденных, что в значительной мере будет способствовать производству эффективного, качественного расследования в рамках уголовно-процессуального законодательства.



Библиографический список

1. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под общ. ред. Пред. Верхов. Суда Рос. Федерации В. М. Лебедева ; науч. ред. проф. В. П. Божьев. – 6-е изд. – М., 2010.
2. Поляков М. П. О дуализме института защиты в уголовном судопроизводстве: конкретизация проблемной ситуации / М. П. Поляков // Вестн. Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. – Н. Новгород, 1997.
3. Уголовно-процессуальное право (уголовный процесс) : курс лекций / под общ. ред. д-ра юрид. наук проф., засл. юриста РСФСР, засл. деят. науки РФ Г. И. Загорского. – М., 2010.
4. Щерба С. П. Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам : практ. пособие / С. П. Щерба, О. А. Зайцев. – М., 1996.

References

1. Scientific and Practical Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation / ed. by V. M. Lebedev, scientific ed. prof. V. P. Bozhiev. – 6th ed. – M., 2010.
2. Polyakov M. P. On the Dualism of the Institution for Protection in Criminal Legal Proceedings: Concrete Definition of a Problem Situation / M. P. Polyakov // Bulletin of N. Novgorod State University named after N. I. Lobachevskiy. – N. Novgorod, 1997.
3. Criminal and Procedural Law (Criminal Proceeding) / ed. by prof. G. I. Zagorskiy. – M., 2010.
4. Shcherba S. P. Protection of the Rights of Victims and Witnesses of Criminal Cases / S. P. Shcherba, O. A. Zaitsev. – M., 1996.

Ф. Ф. Кренслер,
начальник УФСИН России
по Ставропольскому краю

F. F. Krenslер,
Chief of the Administration
of the FPS in Stavropol Region

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МОТИВАЦИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Theoretical Basis of Service Activity Motivation in the Penitentiary System

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы мотивации служебной деятельности в уголовно-исполнительной системе; называются основные задачи управления мотивацией труда персонала уголовно-исполнительной системы; принципы, мотивирующие организацию труда сотрудников.

Ключевые слова: кадровый потенциал, наказания без изоляции осужденного от общества, мотивация труда сотрудника уголовно-исполнительной системы, основной закон пирамиды Маслоу, мотивационный процесс, мотивационные программы.

Abstract. This article gives a view of the theoretical basis of the service activity motivation in the penitentiary system. The author names basic tasks of managing the staff work motivation in the penitentiary system and the principles that influence motivation of staff work.

Key words: stuff potential, punishment without isolating a convict from society, employee's work motivation in the penitentiary system, the basic law of the Maslow's hierarchy of needs, process of motivation, motivational programs.

Успех реформы уголовно-исполнительной системы (далее: УИС), которую в настоящее время проводит Министерство юстиции Российской Федерации, во многом будет зависеть от правильного выбора курса в кадровой политике. В связи с этим среди мер, призванных повысить эффективность функционирования УИС, первостепенное значение приобретает научно обоснованная организация работы с кадрами (Брыков Д. А. Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. С. 3).

В новых условиях учреждения и территориальные органы ФСИН России нуждаются в сотрудниках, соответствующих требованиям международных стандартов, высококвалифицированных, широко образованных, юридически грамотных, обладающих гражданской зрелостью и высокими морально-нравственными качествами (Совершенствование работы территориальных органов и образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Опыт работы учебных центров территориальных органов и образовательных учреждений ФСИН России по организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников УИС : сб. материалов передового опыта / под общ. ред. С. Х. Шамсунова. М., 2008. С. 3).

Проблемы управления персоналом и подготовки кадров постоянно находятся в центре внимания многих ученых-управленцев, юристов, политологов и социологов, работающих в системе МВД и Минюста России. За последние 10–20 лет

было издано немало учебной литературы, посвященной различным аспектам организации работы с кадрами (Грачев В. М. Суперкадры. М., 1993 ; Егоршин А. П. Управление персоналом. Н. Новгород, 2003 ; Самыгин С. И., Столяренко Л. Д. Менеджмент персонала. Ростов н/Д, 1997 ; Спивак В. А. Организационное поведение и управление персоналом. СПб., 2000 ; Управление персоналом организации / под ред. А. Я. Кибанова. М., 2005 ; Щекин Г. В. Основы кадрового менеджмента. Киев, 1999 и др.).

Среди диссертационных исследований данной проблеме были посвящены следующие работы: Анисимков В. М. Реформа системы управления органами, исполняющими наказание в виде лишения свободы (теоретические основы, механизм реализации) (М., 1994); Морозов В. М. Государственная политика формирования кадров правоохранительных органов России – социальная проблема и важнейший фактор стабилизации общества (Ярославль, 1996); Петров С. М. Стратегия и пути реформирования уголовно-исполнительной системы (Саратов, 1998); Яськов Е. Ф. Проблемы совершенствования профессиональной подготовки руководящих работников ИТУ (М., 1984) и др.

Кроме того, организационно-правовые аспекты работы с персоналом пенитенциарного профиля и МВД были предметом рассмотрения в трудах А. А. Аксенова, Н. С. Артемьева, Н. П. Барабанова, И. П. Башкатова, А. В. Буданова, В. З. Веселого, В. Г. Деева, Ю. А. Дмитриева, Н. В. Заводчикова, А. И. Зубкова, Б. Б. Казака, Л. М. Колодкина, В. М. Позднякова, В. В. Попова, А. Н. Роша, А. М. Столяренко, Г. А. Туманова, А. А. Ушакова, С. Х. Шамсунова и др.

В современной России работодатели все чаще сталкиваются с проблемой поиска новых инструментов и методов мотивации служебной деятельности.

Как отмечает С. Д. Резник, к основным задачам управления мотивацией труда персонала, в том числе и УИС, можно отнести:

- формирование у каждого сотрудника понимания сущности и значения мотивации в процессе труда;

- обучение персонала и руководящего состава психологическим основам общения в коллективе;

- формирование у руководителей демократичных подходов к управлению персоналом с использованием современных методов мотивации (Резник С. Д. Организационное поведение : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 171).

Под мотивацией в данном случае следует понимать совокупность внутренних и внешних движущих сил, которые побуждают человека к деятельности, задают ее границы и формы и придают ей направленность, ориентированную на достижение определенных целей.

Мотивация труда любого сотрудника, в том числе и УИС, – это стремление удовлетворить свои потребности (получить определенное благо) посредством трудовой деятельности. В структуру мотива труда входят:

- потребность, которую хочет удовлетворить работник;

- благо, способное удовлетворить эту потребность;

- трудовое действие, необходимое для получения блага;

- издержки материального и морального характера, связанные с осуществлением трудового действия (цена) (Артамонов Г. В. Основы управления : крат. курс лекций / под общ. ред. А. А. Станской. Псков, 2005. С. 94).

Существует достаточно большое количество классификаций потребностей. Мы наиболее подробно остановимся на пирамиде потребностей Абрахама Маслоу (Основы системы мотивации. URL: <http://www.effecton.ru/376.html>).

Самыми сильными по воздействию на человеческое поведение являются физиологические (органические) потребности – голод, жажда, половое влечение. Не менее трудно преодолеть и потребности в безопасности существования, комфорте и постоянстве условий жизни.

Эти две группы американский психолог поместил в основание пирамиды. Далее в порядке уменьшения воздействия на поведение человека А. Маслоу расположил:

- социальные потребности (социальные связи, общение, привязанность, забота о другом и внимание к себе);

- потребность в уважении (компетентность, достижение успеха, одобрение, признание);

- познавательные потребности (знать, уметь, исследовать);

- эстетические потребности (гармония, порядок, красота).

На вершине пирамиды находится потребность в самоактуализации. На этом уровне человек реализует весь свой опыт, все личностные качества и ценности, иначе говоря, «самость».

Основной закон пирамиды Маслоу гласит: по мере удовлетворения потребностей нижних уровней все более актуальными становятся потребности более высокого уровня. Закон логичный, но практически необоснованный.

Как видно из анализа приведенных теоретических предпосылок, главенствующую роль играет трудовая деятельность и цена за нее. Другими словами, чтобы удовлетворить свои потребности (физиологические, социальные, экзистенциальные, престижные, духовные) и тем самым реализовать свой опыт и свои лучшие качества и ценности, сотруднику необходимо прежде всего понять сущность мотивации в процессе труда, правильно и грамотно организовать свою деятельность.

Организация труда включает в себя следующие направления:

- разработка и уточнение функциональных обязанностей;

- личное планирование;

- учет и оценка эффективности личной работы;

- рационализация трудовых операций, совершенствование форм документов, процесса документооборота, стандартизации и унификации документов;

- рациональное использование трудового времени;

- организация рабочих мест;

- создание наилучших условий труда;

- применение в организации труда достижений современной науки и техники, положительного опыта, механизации и автоматизации, в том числе управленческого труда;

- изучение и внедрение перспективных форм мотивации, стимулирования труда, справедливого вознаграждения за труд;

- гуманизация труда;

- разработка мероприятий по социальному развитию коллективов;

- развитие у работников добросовестного отношения к труду;

- формирование хорошего психологического климата в трудовом коллективе;

- укрепление служебной дисциплины;

- соблюдение законности и др. (Артамонов Г. В. Указ. соч. С. 97–98).

Как показывает анализ практики, для мотивации сотрудников в первую очередь необходимо, чтобы каждый был знаком с успехом, поскольку именно успех представляет собой

реализованную задачу, способствующую закреплению определенного поведения, приводящего к успешности действий. Для закрепления самого факта успеха как основной формы самовыражения необходимо его признание и соответствующая реакция руководства. Результаты труда не должны быть безликими, вознаграждение, как и наказание, должно быть неотвратимо.

Учреждения и органы УИС относятся к некоммерческим организациям, на долю которых в Российской Федерации в настоящее время приходится более 15,6 % от общего количества организаций, и около 34 млн жителей связаны с некоммерческим сектором (почти четверть населения страны). Пенитенциарную систему характеризуют, в частности, нематериальность и социальная значимость целей, жесткое законодательное регламентирование механизма управления и сложности мотивации труда (Парахина В. Н., Марсименко Л. С., Панасенко С. В. Стратегический менеджмент : учебник. М., 2005. С. 38).

В соответствии с существующими мотивационными теориями выделяют следующие виды мотивации.

1. Денежная (оклад; процент; премии; гратификация; компенсации; больничный; отпускные).

2. Карьерная (участие сотрудников организации в конкурсе на замещение того или иного вакантного места на общих основаниях; конкретное продвижение по службе; наличие символов служебного статуса (наименование должности, автомобиль, мобильная связь, отдельный кабинет и его месторасположение в организации); ощущение причастности (совещания, благодарность за помощь, грамоты) (Виды мотивации персонала. URL: <http://www.advertme.ru/other/hrman/mot/7>).

Ряд авторов определяют мотивационный процесс в УИС как следующие одна за другой стадии: осознание сотрудником своих потребностей как системы предпочтений, выбор наилучшего способа получения определенного вида вознаграждения, принятие решения о его реализации; осуществление действия; получение вознаграждения; удовлетворение потребности. Конечным итогом управления на основе мотивации является воздействие определенным образом на интересы участников исправительного процесса для достижения наилучших результатов деятельности (Артамонов Г. В. Указ. соч. С. 95).

Исходя из анализа структуры потребностей, нам представляется, что, кроме денежной и карьерной мотиваций, имеют право на существование такие виды мотиваций, как: познавательная (обучение в вузе, адъюнктура, повышение квалификации, переподготовка и т. д.); эстетическая (удовлетворение потребностей участвовать в фестивалях, смотрах-конкурсах, научных, творческо-спортивных олимпиадах и т. д.) (Концеп-

ция совершенствования воспитательной работы с личным составом уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации. М., 2005); социальная (обеспечение гарантий социальной и правовой защиты сотрудников и членов их семей); мотивация безопасности (самосохранение, обеспечение профессионально-функциональной и физической безопасности).

Приведенный спектр видов мотивации позволяет сотруднику УИС не только теоретически осмыслить, но и практически реализовать более объективно круг своих предпочтений (целей и задач, решаемых на определенном этапе службы в УИС), определить и выбрать наиболее оптимальное вознаграждение за свой труд и тем самым эффективно организовать как свою трудовую деятельность, так и вверенного ему коллектива сотрудников (подразделения).

Учитывая теоретико-прикладной характер настоящей статьи, представляется целесообразным провести анализ универсальных принципов мотивации труда сотрудников.

К принципам, мотивирующим организацию труда, ученые в области социологии относят следующие:

– любые действия должны быть осмысленными, в первую очередь это относится к тому, кто требует действия от других;

– большинство сотрудников испытывают радость от работы, отвечая за нее, удовлетворяя свою потребность в личной причастности к результатам деятельности;

– каждый на своем рабочем месте, с одной стороны, хочет доказать свои способности и свою значимость, с другой – не хочет, чтобы в тех вопросах, в которых компетентен именно он, решения принимались без его участия;

– каждый стремится выразить себя в труде, узнать, способен ли он на достижение каких-то результатов, иметь доказательство того, что он может что-то сделать. Это «что-то» по возможности должно получить имя своего создателя;

– практически каждый сотрудник имеет собственную точку зрения на то, как можно улучшить свою работу, ее организацию; хочет реализовать свои цели и не боится санкций; рассчитывает на то, что его предложения встретят заинтересованно;

– сотрудникам нравится ощущать свою значимость. Каждый из них хочет знать, что его труд важен для общего успеха;

– каждый сотрудник стремится к успеху реализации целей, достижение которых поддается измерению по уровню и срокам выполнения;

– успех без признания приводит к разочарованию. Каждый хорошо работающий сотрудник с полным правом рассчитывает на признание и поощрение (материальное и моральное);

– по тому, каким способом, в какой форме и с какой скоростью сотрудники получают информацию, они оценивают, какова их реальная значимость в глазах непосредственного начальника и управляющих вообще. Если доступ к информации затруднен или информацию сотрудники получают с опозданием, они чувствуют себя приниженными;

– сотрудники негативно относятся к тому, когда решения об изменениях в их работе и рабочих местах, даже если эти изменения позитивны, принимаются без учета их знаний и опыта;

– каждому требуется информация о качестве собственного труда. К тому же она должна быть оперативной, чтобы работник мог вносить коррективы в свои действия. Сотруднику она нужнее, чем его начальнику;

– для всех сотрудников контроль со стороны неприятен. Каждая работа выигрывает от максимально возможной степени самоконтроля. Непосредственно видимые результаты действия повышают интерес к работе;

– большинство сотрудников стремятся в процессе работы приобрести новые знания. Повышенные требования, дающие шанс дальнейшего развития, принимаются гораздо охотнее, чем заниженные. Если работа примитивна и не предоставляет возможностей развития, следует практиковать смену видов деятельности;

– сотрудники остро реагируют на то, когда их старания и полученные результаты приводят только к тому, что их еще больше загружают, особенно если это никак не компенсируется в денежном отношении. Так «убивают» инициативу;

– имеется свободное пространство для инициативы в организации служебной деятельности и для индивидуальной ответственности сотрудников во всей служебной цепочке (Мотивация труда сотрудников. URL: <http://www.elitarium.ru/2005/12/02/motivacijatrudasotrudnikov.html>).

На наш взгляд, на основе вышеперечисленных принципов в каждом подразделении УИС должны быть разработаны серьезные комплексные программы мотивации персонала, но они будут только тогда эффективны, когда будут учитывать особенности отдельных сотрудников. Например, мотивировать человека, который ценит покой и стабильность, возможностью решать сложные задачи на свой страх и риск так же нецелесообразно, как и мотивировать активного предприимчивого человека надбавкой к зарплате за выслугу лет (URL: <http://www.advertme.ru/other/hrman/mot/13>).

Любые системы, в том числе система мотивации, разрабатываются и внедряются в русло общей стратегии организации. Следует помнить, что сама стратегия реализуется на конкретных рабочих местах. Необходим баланс между интересами подраз-

деления в целом и отдельных сотрудников. Система мотивации должна корректироваться и доводиться до сведения каждого сотрудника. От этого во многом зависит, станет ли предлагаемая система мотивирующим или демотивирующим фактором. Принципиальным является подход: мы мотивируем людей не так, как мы считаем нужным, а так, как люди сами этого хотят.

Мотивационные программы различны, но они содержат единый ключевой принцип – систему льгот как главный стимулирующий механизм, который описывается следующими положениями: иерархия отношений; круговая порука; льготы должны быть значимыми, а поэтому ощутимыми в случае потери; регулярная аттестация в целях изменения статуса работников, причем результатом аттестации должно быть положительное изменение статуса большинства работников; сохранение статуса незначительного числа работников, не имеющих влияния на общественное мнение коллектива, подразделения и не отличающихся активностью в подразделении; понижение статуса (наказание) одного (допустимо и нескольких) недобросовестного сотрудника, не пользующегося влиянием в коллективе (URL: http://www.treko.ru/show_article_456).

Определив, какой тип сотрудников преобладает в учреждении или органе УИС, можно выработать рекомендации по созданию оптимальных условий, при которых будет обеспечена максимальная отдача (для различных типов сотрудников в разной степени важны власть, авторитет, деньги, стабильность, общественное признание, наличие утвержденных процедур, сохранение статус-кво и т. п.). Аналогично (от противного) мы можем оценить, насколько существующие условия являются демотивирующими (URL: <http://www.advertme.ru/other/human/mot/13>).

Из вышеизложенного следует, что удовлетворенность работой – это результат соотношения мотивирующих и поддерживающих факторов. К поддерживающим факторам можно отнести: деньги; условия работы (учебы) и проживания; оборудование автоматизированного рабочего места (компьютерная и множительная техника, аудиовизуальная техника и т. д.); личная и социально-правовая защищенность (личная безопасность и безопасность близких людей); надежность и уверенность в будущем. Мотивирующими факторами являются: признание коллектива и руководства (т. е. по горизонтали и вертикали); служебный и профессиональный рост; достижение результатов в службе, науке, творчестве, спорте; неотвратимая ответственность и вознаграждение за успехи в труде; наличие гарантированных полномочий.

Следовательно, работа будет приносить максимальную удовлетворенность, если обе группы вы-

шеназванных факторов будут присутствовать, и, наоборот, работа станет невыносимой, если обе группы факторов будут отсутствовать. В случае присутствия только поддерживающих факторов неудовлетворенность от работы будет минимальна. Если же в наличии только мотивирующие факторы, то сотрудник, несмотря на то, что любит работу, не может себе ее позволить (Там же).

Многосторонний фактор, воздействующий на персонал, – это внешняя сфера организации, причем чаще всего внешняя среда выступает как активный субъект воздействия на организацию и ее персонал. Внешняя среда – это фактор удовлетворения многочисленных потребностей, которые в совокупности можно определить как потребности, обеспечивающие жизнедеятельность людей (потребности в жилье, санитарно-гигиенических условиях, климатическом комфорте и т. п.). Данные потребности являются значимыми

основами мотивации, определяющими отношение и к самой внешней среде.

В качестве мотивационных элементов следует выделить потребности в безопасности. Внешняя среда одновременно выступает источником опасности и той структурой, которая призвана обеспечить безопасную жизнедеятельность персонала структурных подразделений УИС. Дополнительно укажем на элементы мотивации, источником которых непосредственно выступает руководство организации или в совокупности субъект управления.

В заключение отметим следующее. Современные реалии предъявляют новые, более высокие, требования к сотрудникам учреждений и органов УИС, а правильная организация их труда, грамотная разработка комплексных мотивационных программ позволят решить эту задачу и будут способствовать повышению эффективности деятельности УИС в целом.



Библиографический список

1. *Артамонов Г. В.* Основы управления : крат. курс лекций / Г. В. Артамонов ; под общ. ред. А. А. Станской. – Псков, 2005.
2. *Брыков Д. А.* Организация работы с кадрами уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Брыков Д. А. – Рязань, 2004.
3. Концепция совершенствования воспитательной работы с личным составом уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации. – М., 2005.
4. *Парахина В. Н.* Стратегический менеджмент : учебник / В. Н. Парахина, Л. С. Марсимова, С. В. Панасенко. – М., 2005.
5. *Резник С. Д.* Организационное поведение : учебник / С. Д. Резник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
6. Совершенствование работы территориальных органов и образовательных учреждений Федеральной службы исполнения наказаний по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы // Опыт работы учебных центров территориальных органов и образовательных учреждений ФСИН России по организации профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников УИС : сб. материалов передового опыта / под общ. ред. С. Х. Шамсунова. – М., 2008.

References

1. *Artamonov G. V.* Basics of Management / G. V. Artamonov ; ed. by A. A. Stanskaya. – Pskov, 2005.
2. *Brykov D. A.* Organizing Work with the Penitentiary System Personnel / Brykov D. A. – Ryazan, 2004.
3. Conception of Improving Educational Work with the Staff of the Penitentiary System of the Ministry of Justice of the Russian Federation. – M., 2005.
4. *Parahina V. N.* Strategic Management / V. N. Parahina, L. S. Marsimenko, S. V. Panasenkov. – M., 2005.
5. *Reznik S. D.* Organizational Behaviour / S. D. Reznik. – 2nd ed. – M., 2008.
6. Perfection of Work of the Territorial Bodies and Educational Institutions of the Federal Penal Service in Professional Training Organization for Penitentiary Staff // Experience of Work of Teaching Centers of the Territorial Bodies and Institutions of Education of the Federal Penal Service in Professional Training, Staff Retraining and Organizing Post Graduate Courses for the Penitentiary Staff / ed. by S. H. Shamsunov. – M., 2008.

А. В. Кудрявцев,
заместитель начальника кафедры
организации оперативной работы
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

A. V. Kudryavtsev,
Deputy Chief of the Department
of Organizing Operative Work
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ОПЕРАТИВНЫЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ:
ЗАДАЧИ И СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Operative Divisions of Self-security in the Institutions and Bodies of the Penal System:
Tasks and Specifics of Activity**

Аннотация. В статье анализируются задачи, стоящие перед подразделениями собственной безопасности в УИС. Автор рассматривает особенности их деятельности и проблемы ее осуществления на современном этапе.

Ключевые слова: преступление, исправительное учреждение, оперативно-розыскная деятельность.

Abstract. The article analyzes the main tasks that operative divisions of self-security in the institutions and bodies of the penal system are to perform. The author considers the peculiarities of their activity and current problems of its realization.

Key words: crime, correctional institution, crime detection.

Уголовно-исполнительная система (далее: УИС), являясь одним из важнейших социально-правовых институтов государства, в огромной степени зависит от процессов и изменений, происходящих в самом государстве в социальной, экономической, политической сферах. Она формируется, развивается и меняется под их влиянием. При этом складывающаяся ситуация в УИС во многом является зеркальным отображением процессов, протекающих в обществе, криминальной среде, а равно обуславливающих изменения в экономике, социальной сфере и, прежде всего, определяющих общественное сознание (Выступление генерал-полковника внутренней службы А. А. Реймера на расширенном заседании коллегии ФСИН России 19 февр. 2010 г. URL: www.fsin.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=635).

Осуществляемое в настоящее время масштабное реформирование УИС России ставит перед ее подразделениями и службами дополнительные задачи. Это в равной степени относится к подразделениям собственной безопасности. Они являются одним из оперативных аппаратов УИС, решающих весьма специфические задачи.

В настоящее время в соответствии с приказом директора Федеральной службы исполнения наказаний (далее: ФСИН России) от 6 ноября 2009 г. № 440 в этой структуре образовано управление собственной безопасности.

Приказом ФСИН России от 2 марта 2010 г. № 72 «О внесении изменений в штатные расписания территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний» во всех структурах территориальных органов ФСИН России созданы подразделения собственной безопасно-

сти, на которые возложены функции по борьбе с коррупцией.

Создание данных подразделений продиктовано в первую очередь объявлением руководством государства курса на противодействие коррупции и принятием в этой связи целого ряда нормативных правовых актов (О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 2008. 30 дек. ; О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции» : указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2010 г. № 925 // Там же. 2010. 23 июля ; О мерах по противодействию коррупции : указ Президента Рос. Федерации от 19 мая 2008 г. № 815 // Там же. 2008. 22 мая и др.).

Тридцать первого июля 2008 г. был опубликован Национальный план противодействия коррупции Президента Российской Федерации, где отмечалось, что коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьезно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в российском обществе серьезную тревогу и недоверие к государственным институтам, создает негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации (URL: <http://archive.kremlin.ru/text/docs/2008/07/204857.shtml>).

Проблемы противодействия коррупции являются весьма значимыми как для всех органов государственной власти различных уровней, так и для правоохранительных органов. Как отметил

Президент Российской Федерации Д. А. Медведев на заседании Совета законодателей по вопросам законодательного обеспечения противодействия коррупции, данное явление разъедает государственные устои и является реальным и системным злом, с которым необходимо бороться.

Сегодня в высшей степени актуальной является проблема коррупции в УИС. В 2009 г., хотя и незначительно, увеличилось количество выявленных неслужебных связей сотрудников (работников) исправительных учреждений с осужденными и составило 780 случаев (в 2008 г. – 776) (Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе : информ.-аналит. сб. Тверь, 2010. С. 28).

Эффективное противодействие коррупции в УИС требует использования всего арсенала средств и методов, имеющихся у оперативных аппаратов. Это объясняется тем, что коррупционные преступления носят законспирированный, неочевидный характер, и поэтому относятся к числу высоколатентных и трудновывяемых.

Несмотря на первоочередность противодействия коррупционным преступлениям, перед подразделениями собственной безопасности стоят и иные задачи.

К основным из них следует отнести:

- обеспечение государственной защиты работников УИС и федеральных государственных гражданских служащих ФСИН России, а также членов их семей;

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

- выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

- предотвращение проникновения на службу и работу в УИС лиц, преследующих противоправные цели;

- выявление в учреждениях и органах УИС причин и условий невыполнения требований собственной безопасности, нарушения режима секретности, способных привести к утечке информации, возникновению угроз безопасности работников и объектов УИС, расшифровке и срыву проводимых оперативно-розыскных мероприятий;

- выявление, предупреждение и пресечение в пределах своей компетенции деятельности организованных преступных сообществ, коммерческих структур, а также отдельных лиц, направленной на агентурное, физическое или техниче-

ское проникновение в УИС с целью нанесения ущерба собственной безопасности;

- выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России.

Необходимость решения данных задач во многом предопределяется степенью криминальности пенитенциарной системы и криминальных структур, противодействующих ее нормальному функционированию.

В последнее время значительно увеличилось количество фактов, связанных с противодействием администрации исправительных учреждений со стороны осужденных, массовых беспорядков, действий, дезорганизующих деятельность учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества.

Примером тому могут служить события, произошедшие в исправительных учреждениях ряда регионов страны.

Указанное противодействие осужденных, имеемое в научной литературе криминальным, проявляется в различных формах: совершение преступлений и нарушений требований режима содержания, подстрекательство основной массы осужденных на противодействие администрации, отказ от трудовой деятельности, безосновательные факты голодовок и членовредительства, противодействие оперативно-розыскной деятельности и др. Как отмечает Е. М. Рябков, к криминальному противодействию относятся все меры, подпадающие под действие уголовного или административного закона (Цит. по: Кудрявцев А. В. Оперативно-режимное обеспечение отбывания наказания в виде лишения свободы: проблемы теории и практики : монография. Владимир, 2009. С. 50–52). Применительно к пенитенциарной системе к этому следует добавить и уголовно-исполнительное законодательство, особенно в части, касающейся совершения осужденными нарушений установленного порядка отбывания наказания. Мы полностью поддерживаем точку зрения Ю. Ф. Кваши, который совершенно справедливо отмечал, что оперативные подразделения ведут борьбу со всеми видами преступлений, а также с не менее опасными в силу своего характера нарушениями режима отбывания наказания (Кваша Ю. Ф. Личность злостного нарушителя режима и правовые последствия отношения осужденного к данной категории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1979. С. 4).

Особенностью противодействия в исправительных учреждениях является то, что оно проявляется не только в действиях осужденных, но и в противодействии криминальных элементов, находящихся на свободе. Направлено оно на дестабилизацию нормальной деятельности исправительных учреждений, причем производится раз-

личными способами: от доставки на территорию исправительных учреждений запрещенных предметов и наркотиков до дискредитации образа сотрудника исправительного учреждения в средствах массовой информации и сознании граждан.

В настоящее время в учреждениях УИС содержатся 90 «воров в законе» и 649 лидеров уголовно-преступной среды, 3 289 обвиняемых и осужденных за бандитизм, участие в организации и преступную деятельность в составе преступных группировок. Выявлено 468 группировок осужденных, противодействующих деятельности администрации исправительных учреждений, в отношении которых совместно с оперативными подразделениями органов внутренних дел и органов безопасности проводятся организационные и оперативные мероприятия по нейтрализации их влияния на основную массу осужденных (О состоянии уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : доклад на Президиуме Государственного Совета Российской Федерации. Вологда, 2009. С. 47).

Результаты научных исследований и практической деятельности оперативных подразделений УИС свидетельствуют об увеличении степени интенсивности попыток криминала на свободе поддерживать указанные категории лиц в период нахождения их в местах лишения свободы, а в случаях необходимости оказывать давление на сотрудников пенитенциарных учреждений и органов различными способами.

В этой связи возрастает значимость деятельности оперативных аппаратов, обеспечивающих собственную безопасность УИС.

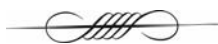
Следует отметить, что подробно проанализировать суть каждого направления деятельности рассматриваемых подразделений в рамках одной статьи невозможно. Для этого требуется проведение качественных теоретико-прикладных исследований данного вопроса с обязательным внедрением как промежуточных, так и конечных их результатов в практическую деятельность.

В структурном отношении на уровне центрального аппарата служба собственной безопасности представлена следующими структурными подразделениями:

- отдел организационно-аналитической работы;
- отдел организации противодействия коррупции;
- отдел организации оперативно-розыскных мероприятий;
- отдел служебных проверок и реализации оперативной информации;
- отдел государственной защиты.

На уровне территориальных органов субъектов Российской Федерации формирование и комплектование данных подразделений успешно завершается. Причем значимость решаемых их сотрудниками задач предьявляет самые высокие требования к ним. Итоги проведенных нами пилотажных опросов сотрудников подразделений собственной безопасности свидетельствуют о необходимости получения дополнительной переподготовки (76 % респондентов), в рамках которой целесообразно в первую очередь подробно рассматривать организационно-тактические особенности проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и документированию преступлений коррупционной направленности; особенности работы с конфидентами различных категорий; нюансы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе; сущность и особенности государственной защиты различных категорий лиц; взаимодействие, осуществляемое в рамках деятельности по обеспечению собственной безопасности.

Таким образом, подразделения, обеспечивающие собственную безопасность, входят в структуру оперативных аппаратов УИС. Их деятельность на современном этапе требует организационно-структурного, информационно-правового, кадрового, технического обеспечения и дополнительного научного изучения в целях использования результатов исследований в практической деятельности.



Библиографический список

1. Горяинов К. К. Некоторые направления развития оперативно-розыскной деятельности в УИС / К. К. Горяинов // Оперативник (сыщик). – 2006. – № 1.
2. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова [и др.]. – 2-е изд., доп. и перераб. – М., 2004.

References

1. Goryainov K. K. Some Directions of the Development of Crime Detection Activity in the Penal System / K. K. Goryainov // Investigator. – 2006. – № 1.
2. Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov [et al.]. – 2nd ed. – M., 2004.

В. В. Михайлин,
 преподаватель кафедры организации
 оперативно-розыскной деятельности
 Академии права и управления ФСИН России

V. V. Mikhaylin,
 Lecturer of the Department of Organizing Crime
 Detection of the Academy of Law and Management
 of the FPS of Russia

**ОРГАНИЗАЦИЯ НАДЗОРА В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ
 КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ, ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ,
 ОСУЖДЕННЫХ И ИНЫХ ЛИЦ: СУЩНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ**

**Organizing Supervision in Investigative Isolation Wards as a Method of Ensuring the Security
 of the Personnel, Suspects, Accused, Convicted and Other People: Essence of the Problem**

Аннотация. В статье анализируются проблемы организации надзора в следственном изоляторе (СИЗО). Автор делает вывод о том, что под организацией надзора в СИЗО следует понимать систему мер, обеспечивающих непрерывный контроль за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях соблюдения ими установленных нормативными правовыми актами правил, обеспечения безопасности лиц, находящихся на территории СИЗО.

Ключевые слова: надзор, непрерывный контроль, надежная изоляция, безопасность.

Abstract. The article analyzes the problems of organizing supervision in an investigative isolation wards. The author draws the conclusion that organizing supervision in investigative isolation wards should be understood as a system of measures that provide a continual control over the behaviour of the suspects, accused and convicted for the purpose of observing the adopted normative legal acts by them which ensure the safety of people on the territory of investigative isolation wards.

Key words: supervision, continual control, effective isolation, security.

Следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы Российской Федерации предназначены для содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также для исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, оставленных для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию и в отношении осужденных на срок не свыше шести месяцев, оставленных в следственных изоляторах с их письменного согласия (Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ Минюста России от 25 янв. 1999 г. № 20 // Рос. газ. 1999. 18 марта).

Особенности функционирования следственных изоляторов определяются целями и задачами, стоящими перед ними, а также спецификой объекта управляющего воздействия (подозреваемые, обвиняемые, осужденные) (О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федер. закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Рос. газ. 1995. 20 июля). Среди средств обеспечения нормального функционирования данных учреждений уголовно-исполнительной системы важное место занимает обеспечение режима, в частности, надзор. Неслучайно в научной литературе отмечается, что возник-

новению криминальных деяний способствуют определенные условия (факторы), к которым следует относить отдельные недостатки в организации режима, воспитательной работы, а также неправомерные действия или бездействие отдельных работников исправительных учреждений (Ильин В. А. Управление исправительно-трудовыми учреждениями при возникновении групповых противоправных действий осужденных. М., 1988. С. 13–16).

Следует отметить, что эффективная организация надзора в следственном изоляторе за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных является средством, выполняющим обеспечивающую функцию, реализация которой имеет упреждающее воздействие на их поведение, пресечение в их среде криминогенных явлений, включая межличностные конфликты. Кроме того, неоптимальная система организации надзора в следственном изоляторе способствует совершению криминальных деяний. Данный тезис подтвердили результаты проведенного нами опроса сотрудников следственных изоляторов.

Проблемы в организации надзора в следственном изоляторе создают риск недостаточного обеспечения безопасности содержащихся в них лиц, других граждан, находящихся на территории следственного изолятора.

Проведенные нами исследования показали, что недостатки в организации надзора способствуют осложнению оперативной обстановки, возникновению обстоятельств криминального ха-

рактера (преступлениям против личности, захватам заложников, побегам, массовым беспорядкам). Это подтвердили более 60 % участвовавших в опросе респондентов. Перечисленным криминальным деяниям, как правило, предшествуют следующие связанные с неэффективной системой организации надзора проблемы:

- неэффективное обеспечение выполнения правил внутреннего распорядка;
- слабая организация надзора за лицами, содержащимися в следственном изоляторе, что не позволяет обеспечивать непрерывный контроль за их поведением на всех объектах нахождения;
- невыполнение установленных требований обследования территории следственного изолятора, технических осмотров камер, проверки надежности инженерно-технических средств надзора, изоляции и охраны;
- недостаточный уровень профессионализма при реализации мер по пресечению фактов приобретения подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными запрещенных предметов, орудий совершения преступлений, их изготовления;
- слабый надзор за прилегающими к следственному изолятору территориями;
- отсутствие эффективных технических средств надзора, их моральный и физический износ, неисправность.

Результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что недостаточная эффективность надзора связана с проблемами организационного порядка:

- не оцениваются наличие и возможности сил и средств, обеспечивающих надзор за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными (на это обстоятельство указали 23 % опрошенных);
- не учитываются сложность и особенности объектов, на которых осуществляется надзор, их негативное влияние на его эффективность (21 % опрошенных);
- не определяется криминогенная характеристика лиц, содержащихся покамерно и на других объектах их нахождения (19 % респондентов);
- не применяются технические средства надзора и контроля (аудиовизуальные, электронные) ввиду их отсутствия (17 % участвовавших в опросе);
- отмечается низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников, осуществляющих надзор (20 % опрошенных).

Перечисленные проблемы, относящиеся к сфере организации надзора в следственном изоляторе, обуславливают то, что многие факты криминогенного поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных (азартные игры, долго-

вые зависимости, конфликтные отношения, приобретение запрещенных предметов, неконтролируемые каналы связи перечисленных лиц с криминалитетом, находящимся вне следственного изолятора) трансформируются в криминальные деяния, образуют условия, создающие угрозу безопасности сотрудников, лиц, содержащихся в следственном изоляторе, и иных граждан.

Организация надзора в следственном изоляторе, осуществляемая в целях обеспечения безопасности, по нашему мнению, должна предусматривать создание его функционального механизма, составными элементами которого являются: личное участие в организации надзора начальника следственного изолятора, заключающееся в принятии управленческого решения в форме утверждения плана надзора; отдавание письменного приказа по обеспечению надзора; несение службы на внутренних постах; непосредственное участие в организации надзора отдела режима, дежурных служб; взаимодействие сотрудников оперативного отдела с дежурным помощником начальника следственного изолятора по обеспечению их информацией упреждающего характера.

Основным элементом в организационной системе надзора является план надзора в следственном изоляторе, который включает в себя: схему надзора на внутренних объектах; таблицы постам, корпусным отделениям; должностные инструкции лиц, осуществляющих функции обеспечения надзора; списки сотрудников следственного изолятора и схему оповещения лиц, подлежащих немедленному вызову по сигналу «Тревога» с указанием домашних адресов, телефонов, способов вызова; список должностных лиц, которые должны быть проинформированы о чрезвычайных обстоятельствах; маршруты передвижения осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя или сопровождения за пределами следственного изолятора; расчет сил и средств на случай действий при чрезвычайных обстоятельствах; карту населенного пункта, в котором дислоцируется следственный изолятор.

Таким образом, учитывая вышеизложенное, следует отметить, что под организацией надзора в следственном изоляторе нужно понимать систему мер, обеспечивающих непрерывный контроль за поведением подозреваемых, обвиняемых и осужденных в целях соблюдения ими установленных нормативными правовыми актами правил, обеспечения их надежной изоляции, безопасности перечисленных лиц, сотрудников, граждан, находящихся на территории следственного изолятора.



Библиографический список

1. Громов М. А. Меры безопасности, применяемые к лицам, содержащимся в СИЗО и тюрьмах / М. А. Громов. – Рязань, 1993.
2. Об утверждении Положения о следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 25 янв. 1999 г. № 20 // Рос. газ. – 1999. – 18 марта.
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы : приказ М-ва юстиции Рос. Федерации от 14 окт. 2005 г. № 189 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполнит. власти. – 2005. – № 46.
4. Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. засл. деят. науки Рос. Федерации В. И. Селиверстова. – М., 2010.

References

1. Gromov M. A. Safety Measures Applied to People Kept in Investigative Isolation Wards and Prisons / M. A. Gromov. – Ryazan, 1993.
2. On Confirmation of the Regulation on Investigative Isolation Wards of the Penal System of the Ministry of Justice of the Russian Federation : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of January 25, 1999 № 20 // Rossiyskaya Gazeta. – 1999. – March 18.
3. On Confirmation of the House Rules of Investigative Isolation Wards of the Penal System : order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of October 14, 2005 № 189 // Bulletin of Legal Acts of Federal Bodies of Executive Power. – 2005. – № 46.
4. Criminal Law / ed. by Doctor of Law, Prof., distinguished scientist V. I. Seliverstov. – M., 2010.

М. В. Молдавский,
доцент кафедры оперативно-
розыскной деятельности
Псковского юридического института ФСИН России
кандидат юридических наук
Е. С. Волчкова,
адъюнкт кафедры оперативно-
розыскной деятельности
Псковского юридического института ФСИН России

M. V. Moldavskiy,
Associate Professor of the Department
of Crime Detection
of Pskov Legal Institute of the FPS of Russia
Candidate of Law
E. S. Volchkova,
post-graduate student
of the Department of Crime Detection
of Pskov Legal Institute of the FPS of Russia

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
И АНАЛИТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТЫ**

**Interrelation Between Crime Detection Documentation and Analytical Work:
Theoretical and Practical Aspects**

Аннотация. Статья посвящена анализу познавательной и деятельной части оперативно-розыскной деятельности, раскрываются вопросы оперативно-розыскного документирования. Особое внимание посвящено фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности и унификации результата доказывания, взаимосвязи унифицирования процесса фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности с эффективностью аналитической деятельности оперативных подразделений.

Ключевые слова: процесс оперативно-розыскного документирования, протокол оперативно-розыскного мероприятия, анализ оперативно-розыскной информации.

Abstract. This article is devoted to the analysis of cognitive and active aspects of crime detection activity and to the disclosure of the problems of crime detection documentary. Special attention is paid to the fixation of results of crime detection activity and unification of proof. The author also shows the correlation between the unification of the process of crime detection activity results fixation and effectiveness of the analytical activity of operative divisions.

Key words: process of crime detection documentary, protocol of a crime detection action, analysis of crime detection information.

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой урегулированный законодательными актами познавательный процесс, в ходе которого происходят выявление, накопление, а при необходимости и передача иным правоохранительным органам для дальнейшего использования оперативно-розыскной информации.

Преступление как процесс и результат преступного поведения порождает изменения в окружающей среде, фиксируемые материально или идеально (в сознании людей). Будучи различными по своей природе и форме существования, данные виды следов выступают в качестве сообщений, способствующих формированию у оперативного работника знаний о совершенном или совершаемом преступлении, фактах и обстоятельствах, связанных с преступлением.

Оперативно-розыскная деятельность состоит из двух органически связанных между собой частей: познавательной и деятельной.

Познавательная деятельность включает в себя поиск, сбор, анализ и оценку соответствующей информации. *Деятельная часть* связана с практической реализацией полученной информации. Если познавательная часть оперативно-

розыскной деятельности фактически урегулирована, т. е. определены объект и предмет познания, задачи практического познания, инструментарий получения знаний об объективной реальности (в виде оперативно-розыскных мероприятий), то деятельная часть остается во многом неисследованной, а ее нормативные регуляторы имеют множество противоречий.

Сочетать указанные части оперативно-розыскной деятельности и обеспечить эффективность решения задач, поставленных Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (Рос. газ. 1995. 18 авг.), призван процесс оперативно-розыскного документирования.

Не следует отрицать тождественности отдельных положений, определяющих предмет документирования и предмет доказывания и характеризующих круг обстоятельств, которые необходимо установить применительно к рассматриваемому событию (Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М., 1964. С. 21). Последнее утверждение обусловлено требованиями ст. 73 УПК РФ и решением оперативно-розыскной задачи – раскрытие преступлений.

Однако, в отличие от доказывания, предмет документирования может носить более широкий

характер и включать в себя не только обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, но и фактические данные, способствующие решению оперативно-тактических задач (подбор конфиденциального источника, определение тактики проведения мероприятия, решение задач оперативной профилактики, установление источников информации и т. п.).

Так, А. Р. Белкин, указывая на определенное сходство процесса доказывания и процесса документирования, отмечает: «Это сходство гораздо значимее, оно заключается в общности целей, в соблюдении критерия относимости информации, обеспечения ее достоверности. В сущности, оперативная информация должна удовлетворять с точки зрения содержания тем же требованиям, что и информация доказательственная. Различия между ними заключаются в средствах собирания, отчасти исследования и значимости результатов оценки» (Белкин А. Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие. М., 2000. С. 171).

Таким образом, этапы доказывания и элементы документирования по своему содержанию имеют ряд общих задач, а их различие обусловлено правовой оценкой конечного результата: в частности, обнаружение доказательств – это поиск, выявление, обращение внимания на те или иные фактические данные, которые могут иметь доказательственное значение (Там же. С. 38–39). Аналогичные задачи преследуют элементы выявления и фиксации в документировании, с той лишь разницей, что выявляемые фактические данные представляют интерес для документируемого события.

Неслучайно некоторые исследователи процесс документирования, представляющий собой частный случай применения теории познания в интересах достижения целей и решения задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью, называют «оперативное доказывание» (Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. М., 1996. С. 5–6 ; Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2001. С. 440).

И. А. Глушко отмечает, что в ходе оперативно-розыскной деятельности, «как и при собирании доказательств по уголовному процессу, отражательные процессы, происходящие при проведении оперативно-розыскных мероприятий, также, по сути, состоят в переносе информации (сведений) со следов события в материалы дел оперативного учета. Оперативные данные в принципе имеют тот же первоисточник, что и доказательства – отраженные вовне “следы” события с признаками криминала» (Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского. М., 2000. С. 219).

Так, по аналогии с уголовным процессом и для удобства сопоставления с доказательствами источники оперативно-розыскных данных можно разделить на следующие группы:

- 1) информация, полученная от граждан;
- 2) заключение специалистов и экспертов;
- 3) материальные объекты, которые в дальнейшем могут служить вещественными доказательствами;
- 4) документы (акты, протоколы) и предметы (аудио- и видеокассеты), отражающие ход и результаты проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- 5) иные документы, полученные в ходе проведения оперативной проверки или комплекса оперативно-розыскных мероприятий.

Таким образом, фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности представляет собой элемент процесса документирования, заключающийся в закреплении фактических данных, полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в установленном законом порядке. Только после осуществления фиксации фактических данных можно считать их результатами оперативно-розыскной деятельности.

Следовательно, фиксация результатов оперативно-розыскной деятельности – это система действий по запечатлению в установленных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» и ведомственных нормативных актах формах фактических данных, имеющих значение для достижения поставленных целей и решения стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью задач, при точном соблюдении условий, средств и способов их обнаружения, закреплённых действующим законодательством.

Основными методами фиксации из числа общенаучных методов познания являются: измерение, описание и моделирование.

Техническими приемами реализации методов познания служат:

- а) при вербальной форме фиксации – отражение информации в оперативно-служебном документе, звукозапись;
- б) при графической форме фиксации – графическое отображение (схематические и масштабные планы, чертежи, рисунки, в том числе и рисованные портреты, «фотороботы»);
- в) при предметной форме фиксации – изъятие предмета в натуре и его консервация, изготовление материальных моделей (реконструкция, в том числе копирование, изготовление слепков и оттисков);
- г) при наглядно-образной форме – фотографирование (в видимых и невидимых лучах), киносъемка, видеомагнитофонная запись, голография (Белкин А. Р. Указ. соч. С. 150).

Возможны комбинации методов и технических приемов (Там же). Последнее необходимо при по-

яснении тех или иных обстоятельств получения результатов оперативно-розыскной деятельности с соответствующим обозначением их в прилагаемых оперативно-служебных документах.

При всем многообразии возможных форм фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности наибольшее распространение получило составление оперативно-служебных документов. Следует отметить, что федеральным законодательством такие формы фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности не закреплены, а многочисленные ведомственные нормативные акты закрепляют более 40 указанных документов. Например, результаты наиболее простого по тактике проведения оперативно-розыскного мероприятия – опроса – могут быть зафиксированы в форме справки, рапорта, объяснения, а при необходимости – в виде заявления или явки с повинной, в том числе с применением аудио-, видеоносителей, полиграфа.

На практике распространены такие оперативно-служебные документы, как справки-меморандумы, информационные сообщения, сводки проведения оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, ответы на розыскные задания. Во многих из них в соответствии с требованиями тактики, закрепленной в приказах ограниченного доступа, источники получения информации не только не раскрываются, но и, наоборот, раскрывать их запрещено. Естественно, такие результаты оперативно-розыскной деятельности возможно использовать только для определения тактических направлений дальнейшей работы.

На наш взгляд, упорядочивание системы фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности в рамках законодательства – проблема, которая существует давно. Ее решение позволило бы усовершенствовать оперативно-розыскное документирование, а в дальнейшем предусмотреть использование указанных документов в порядке, закрепленном ст. 111 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», и с соблюдением положений ст. 84 УПК РФ «Иные документы».

Учитывая, что при проведении оперативно-розыскных мероприятий фиксации подлежат: сами фактические данные; действия по их обнаружению и фиксации; условия обнаружения и фиксации, средства и способы обнаружения и фиксации фактических данных и остальных объектов запечатления, – наиболее рациональным решением указанной проблемы нам представляется введение в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» нормы, регламентирующей протоколирование оперативно-розыскных мероприятий (по аналогии с положениями ст. 166 УПК РФ «Протокол следственного действия»).

При этом следует учитывать, что в основе протоколирования лежит описание как метод фиксации. При протоколировании описание получает выражение в виде письменной речи.

В дальнейшем в протоколе оперативно-розыскного мероприятия могут быть отражены факты применения при проведении оперативно-розыскных мероприятий информационных систем, видео- и аудиозаписи, кино- и фотосъемки, а также других технических и иных средств, т. е. реализовываться положения ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Протоколирование как унифицированная форма фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности позволяет наиболее эффективно систематизировать обстоятельства оперативно-розыскного доказывания и в итоге свести утрату фактических данных к минимуму. Оперативно-розыскная деятельность в уголовно-исполнительной системе в соответствии с задачами, сформулированными в ст. 84 УИК РФ, в большей степени направлена на дальнейшее использование ее результатов другими субъектами оперативно-розыскной деятельности и иными правоохранительными органами.

Унификация процесса фиксации результатов оперативно-розыскной деятельности облегчает не только прием информации, но и ее передачу по каналам обмена информацией со смежными государственными, федеральными и другими ведомствами и организациями, с международными правоохранительными организациями.

Следует учитывать, что даже если ценная и своевременная информация выражена непонятным образом, она может стать бесполезной. Информация становится понятной, если она зафиксирована языком, на котором говорят те, кому предназначена эта информация. Информация должна представляться в доступной (по уровню восприятия и понимания) форме.

Анализ – это процедура мысленного расчленения предмета (явления, процесса), свойства предмета (предметов) или отношения между предметами на части (признаки, свойства, отношения) (Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1989. С. 25).

Таким образом, унифицированное отражение информации способствует превращению ее в удобный для понимания вид, т. е. с изменениями или добавлениями, повышающими ее ценность, – аналитическими (информационными) данными, и в конечном счете облегчающими работу оперативного сотрудника в процессе анализа, в результате которого получают *информационные данные* – «выжимки», способствующие выполнению основных задач оперативного документирования.

Подобные преобразования осуществляются через анализ, в процессе которого информацию

разбивают на компоненты, извлекают смысл и значение, а потом вновь объединяют и, снабдив разъяснением, передают сотрудникам, принимающим решения по рассматриваемому вопросу (рис. 1).

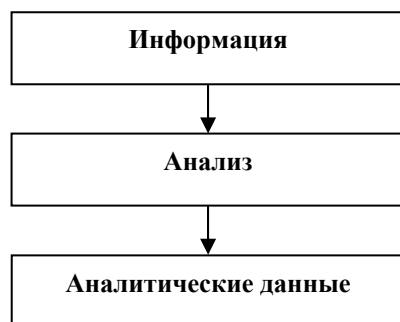


Рис. 1

Одновременно решается вопрос и о повышении качества аналитических данных, на основе которых принимаются решения взаимодействующими субъектами.

Любая аналитическая деятельность осуществляется в определенных целях, поэтому «нужная» информация прежде всего должна быть кем-то получена, а потом уже обработана. Схематично этот процесс можно отобразить следующим образом (рис. 2).

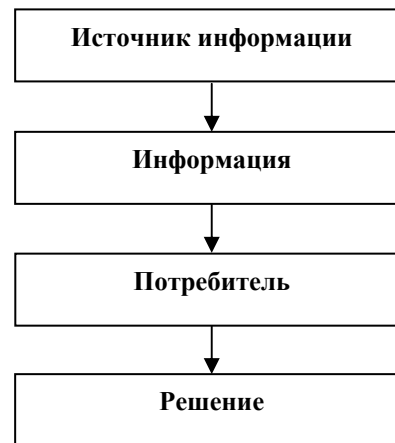


Рис. 2

В заключение отметим, что при использовании протоколирования облегчаются: возможное преобразование и загрузка принятой информации в базу данных системы и передача информации смежным государственным, федеральным и другим ведомствам и организациям, международным правоохранительными организациями, масс-медиа в пределах, оговоренных специальными соглашениями; репликация территориально распределенных серверов подразделений информационно-регистрационной и архивной работы уголовно-исполнительной системы.



Библиографический список

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. – М., 1964.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания : науч.-метод. пособие / А. Р. Белкин. – М., 2000.
3. Глушко И. А. Криминалистика : учебник / И. А. Глушко ; под ред. проф. А. Ф. Волынского. – М., 2000.
4. Доля Е. А. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е. А. Доля. – М., 1996.
5. Оперативно-розыскная деятельность : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. – М., 2001.

References

1. Arsenyev V. D. Questions of the General Theory of Judicial Proof / V. D. Arsenyev. – M., 1964.
2. Belkin A. R. Proof Theory / A. R. Belkin. – M., 2000.
3. Glushko I. A. Forensic Studies / I. A. Glushko ; ed. by Prof. A. V. Volynskiy. – M., 2000.
4. Dolya E. A. Use of the Results of Crime Detection Activity During the Probation / E. A. Dolya. – M., 1996.
5. Crime Detection / ed. by K. K. Goryainov, V. S. Ovchinskiy, A. I. Shumilov. – M., 2001.

И. Ю. Сывороткина,
преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
Академии права и управления ФСИН России

I. Yu. Syvorotkina,
Lecturer of the Department of Civil Law
and Process of the Academy of Law
and Management of the FPS of Russia

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ СОВЕРШЕНИЯ ЗАВЕЩАНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ И ЛИЦАМИ,
СОДЕРЖАЩИМИСЯ ПОД СТРАЖЕЙ: НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

**Legal Regulation of the Questions of Accomplishing a Will by the Convicted
and People Held in Custody: Directions of Further Improvement**

Аннотация. В статье анализируется нормативная база, регламентирующая вопросы совершения завещания осужденными и лицами, содержащимися под стражей. Рассматриваются некоторые правовые ограничения для осужденных к лишению свободы в совершении данного вида сделок, обусловленные спецификой уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: нотариально удостоверенное завещание, начальник места лишения свободы, гражданско-правовой статус осужденных, апостиль.

Abstract. In the article the author analyzes the normative acts which regulate the questions of accomplishing a will by the convicted and people held in custody. The article considers some legal restrictions for the convicted to make this type of deals which are determined by the specificity of the penal system.

Key words: notarially **authenticated** will, head of a prison, civil and legal status of the convicted, an apostille.

Право распоряжаться имуществом посредством завещания принадлежало ссыльным в России еще в начале XIX в.: «В законе нет указаний относительно определения *порядка наследования в имуществах недвижимых, принадлежащих ссыльным в Сибири*. Ввиду постановлений закона, которыми ссыльнопоселенцам, бывшим лишеным всех прав состояния, предоставляется право и отчуждать приобретенные ими имущества недвижимые в месте их ссылки, необходимо прийти к заключению, что им *должно принадлежать и право распоряжаться этим имуществом посредством завещания* (курсив наш – И. С.)» (Анненков К. Система русского гражданского права : в 6 т. СПб., 1909. Т. 6. С. 29).

В Уставе о ссыльных 1822 г. впервые были законодательно регламентированы вопросы владения, использования и распоряжения собственностью осужденных, чему была посвящена гл. 5 «Об имуществах ссыльных» (ст. 215–228). Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей 1832 г. регулировал чрезвычайно широкий спектр имущественных отношений, которые впоследствии законодатель стал регламентировать в отдельных правовых актах (Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века : сб. нормат. актов. Рязань, 1998. С. 7).

В соответствии с современной классификацией отраслей права нормы об имуществе осужденных в большей степени относятся к гражданскому законодательству, нежели к уголовно-исполнительному, поэтому и регулируются Гра-

жданским кодексом Российской Федерации (далее: ГК РФ).

В настоящее время осужденные в России обладают правом распоряжаться имуществом посредством завещания. Подпункт 5 п. 1 ст. 1127 ГК РФ гласит, что: «5) завещания граждан, находящихся в местах лишения свободы, удостоверенные начальниками мест лишения свободы» приравниваются к нотариально удостоверенным завещаниям.

Таким образом, можно констатировать, что произошла определенная законодательная трансформация в вопросах по составлению и удостоверению завещания осужденных, но само право – право распоряжаться имуществом посредством завещания – осталось неизменным.

Лишение свободы не может «косвенно» ограничивать права, которых осужденные прямо не лишены, оно лишь влечет за собой «особый порядок» их реализации. В первую очередь это касается реализации прав, составляющих гражданско-правовой статус осужденных к лишению свободы (Бортник Л. Ю. Об особенностях реализации гражданско-правового статуса осужденных к лишению свободы // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. В. А. Уткина. Томск, 2004. С. 148). Так, обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является в настоящее время одной из приоритетных задач ФСИН России (Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Рос. газ. 2004. 19 окт.).

В современных условиях гражданско-правовые (в их числе и наследственные) отношения в уголовно-исполнительной системе имеют большое значение, в частности, для достижения целей исправления осужденных: сохранение законодателем гражданского статуса для осужденного – свидетельство гуманизма уголовно-исполнительной политики государства; закрепление юридических гарантий прав и законных интересов осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в целом ряде новых федеральных законов – свидетельство государственной поддержки уголовно-исполнительной системы (Выступление генерал-полковника внутренней службы А. А. Реймера на расширенном заседании коллегии ФСИН России 19 февраля 2010 года. URL: http://www.fsin.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=635).

Современное состояние российского уголовно-исполнительного права, где действуют такие нормативные акты, как: Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее: УИК РФ); Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (в ред. от 3 ноября 2010 г.) «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1316 ; Рос. газ. 2010. 10 нояб.); Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 1 июля 2010 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (Рос. газ. 1995. 20 июля ; 2010. 7 июля); Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 (в ред. от 12 февраля 2009 г.) (Бюл. нормат. актов федер. органов исполнит. власти. 2005. № 47 ; 2009. № 15) и другие, в полной мере позволяет сохранить и реализовать данной категории лиц свои наследственные права как часть гражданских.

Основу правового регулирования отношений, связанных с совершением завещаний осужденными, помимо соответствующих норм вышеназванных нормативных правовых актов и ГК РФ, составляют нормы:

- Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (в ред. от 19 июля 2009 г.) (Рос. газ. 1993. 13 марта ; 2009. 20 июля);

- постановления Правительства Российской Федерации от 27 мая 2002 г. № 351 «Об утверждении Правил совершения завещательных распоряжений правами на денежные средства в банках» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 22, ст. 2097);

- приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 10 апреля 2002 г. № 99 (в ред. от 16 февраля 2009 г.) «Об утверждении Форм реестров для регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств и удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах» (Рос. газ. 2002. 24 апр.);

- Инструкции о порядке удостоверения завещаний и доверенностей начальниками мест лишения свободы, утвержденной Министерством юстиции СССР 14 марта 1974 г. № К-15/184 (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

- Указания Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации от 11 марта 2001 г. № 18/13-170 «О совершении начальниками исправительных учреждений нотариальных действий» (Документ опубликован не был).

Отдельные нормы, касающиеся удостоверения завещаний, содержатся в Кодексе внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 7 марта 2001 г. № 24-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2009 г.) (п. 1 ст. 18, п. 5 ст. 32) (Там же. 2001. 13 марта ; 2009. 29 дек.), Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (в ред. от 1 июля 2010 г.) (ст. 12, 13) (Там же. 1999. 1–5 мая ; 2010. 7 июля).

Перечень лиц, имеющих право удостоверить завещание вместо нотариуса, сформулирован в ст. 1127 ГК РФ исчерпывающим образом и расширенному толкованию не подлежит. В настоящее время названные акты могут применяться в части, не противоречащей действующему законодательству Российской Федерации о наследовании (Оглоблина О. М. Образцы завещаний. Изд. 3-е, изм. и доп. М., 2009).

Совершенствование отечественного уголовно-исполнительного законодательства, приведение его в соответствие с международными стандартами – важнейшая задача, которая остается актуальной в настоящее время. Это в полной мере касается и вопросов совершения завещания осужденными и лицами, содержащимися под стражей.

В соответствии с ч. 3 ст. 10 УИК РФ «осужденные – иностранные граждане и лица без гражданства пользуются правами и несут обязанности, которые установлены международными договорами Российской Федерации, законодательством Российской Федерации о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, с изъятиями и ограничениями, предусмотренными уголовным, уголовно-исполнительным и иным законодательством Российской Федерации». Предоставляя иностранным гражданам национальный режим в области

наследования, отечественное право не ставит условия о взаимности.

Коллизионные вопросы наследования регулируются обычно внутренним законодательством государств. Многосторонние соглашения в этой области есть лишь по отдельным вопросам. К ним относятся:

- Конвенция о коллизии законов, касающихся формы завещательных распоряжений (заключена в г. Гааге 5 октября 1961 г.) (URL: <http://informpravo.by.ru/fed1991/ch04/act17168.shtm>);

- Конвенция, предусматривающая единообразный закон о форме международного завещания (заключена в г. Вашингтоне 26 октября 1973 г.) (URL: <http://informpravo.by.ru/fed1991/ch04/act16044.shtm>);

- Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Минске 22 января 1993 г.) (URL: http://arbitrationlaw.narod.ru/international_civil_procedure/Minsk_Convention/htm).

Двусторонними договорами о правовой помощи и конвенциями предусмотрено, что документы, которые на территории одной из Договаривающихся Сторон изготовлены или засвидетельствованы учреждением или специально на то уполномоченным лицом в пределах их компетенции и по установленной форме и скреплены официальной печатью, не требуют на территории другой Договаривающейся Стороны какого-либо удостоверения.

Российская Федерация также является участницей Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов, заключенной в г. Гааге 5 октября 1961 г. (далее: Гагская конвенция) (URL: <http://www.petrograd.biz/convention.php>).

Гагская конвенция, отменяющая для стран-участниц требование дипломатической или консульской легализации официальных документов, вступила в силу для Российской Федерации 31 мая 1992 г. В соответствии с ней на ряде официальных документов, исходящих от учреждений и организаций стран-участниц, должен проставляться специальный штамп, так называемый апостиль, удостоверяющий «подлинность подписи, качество, в котором выступало лицо, подписавшее документ, и, в надлежащем случае, подлинность печати или штампа, которыми скреплен этот документ» (ст. 5). Апостиль проставляется учреждением иностранного государства.

По смыслу Гагской конвенции, под официальными документами понимаются, в частности, *документы, исходящие от нотариуса*, административных и судебных органов, свидетельства о регистрации актов гражданского состояния, иные документы, *исходящие от органа или должностного лица, подчиняющихся юрисдикции государства – участника Гагской конвенции*.

В соответствии со ст. 1224 ГК РФ отношения по наследованию определяются по закону той страны, где наследодатель имел последнее постоянное место жительства. В отношении наследования по завещанию эта статья предусматривает, что «способность лица к составлению и отмене завещания, в том числе в отношении недвижимого имущества, а также форма такого завещания или акта его отмены определяются по праву страны, где завещатель имел место жительства в момент составления такого завещания или акта. Однако завещание или его отмена не могут быть признаны недействительными вследствие несоблюдения формы, если она удовлетворяет требованиям права места составления завещания или акта его отмены либо требованиям российского права». Таким образом, при определении *формы завещания принцип места жительства является основным*, остальные принципы – дополнительными, а в отношении способности составления завещания за основу принят только один принцип – принцип места жительства (Хворенков А. А. Институт наследования по завещанию: история и современное правовое регулирование. URL: <http://www.ref.by/refs/22/37848/1.html>).

Институт наследования является естественным продолжением конституционной охраны прав личности, включая собственность, продолжением этой охраны за пределами жизни отдельного индивидуума, обеспечением и охраной итогов и результатов его деятельности (Сывороткина И. Ю. Современное российское и зарубежное наследственное право и законодательство // Юрист. 2007. № 1. С. 1).

В Российской Федерации вопросы наследственного права регулируются Конституцией Российской Федерации: право наследования гарантируется (ч. 4 ст. 35), право частной собственности охраняется законом (ч. 1 ст. 35), каждый вправе иметь имущество в собственности (ч. 2 ст. 35), никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35). Необходимо отметить, что эти принципы полностью соответствуют Всеобщей декларации прав человека, принятой резолюцией 217 А(III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. (Рос. газ. 1998. 10 дек.), и Конвенции о защите прав человека и основных свобод, заключенной в г. Риме 4 ноября 1950 г. (URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>).

В целом следует отметить, что на современном этапе развития Российского государства было сделано многое для приведения гражданско-правового положения осужденных в соответствие с международными стандартами. События последних лет показывают, что главным в гуманизации условий отбывания наказаний является

правовой фактор, соблюдение прав осужденных прежде всего в сфере гражданско-правовых отношений.

Право собственника по владению, пользованию и распоряжению имуществом (ст. 209 ГК РФ) не подвергается каким-либо изменениям при нахождении лица по приговору суда в местах лишения свободы.

Вместе с тем ограничения в возможности лично участвовать в отношениях собственности не являются непреодолимым препятствием для осужденного, пожелавшего тем или иным образом распорядиться своим имуществом, оставшимся у него за пределами мест лишения свободы и принадлежащим ему до осуждения (Гришко А. Я., Рыбаков В. В. Имущественные и неимущественные права лиц, отбывающих лишение свободы : монография. Рязань, 2007. С. 109).

В соответствии со ст. 97 УИК РФ осужденным может быть разрешен выезд за пределы исправительного учреждения при условии их добросовестного отношения к труду и соблюдения требований режима. Осужденный, получивший разрешение на выезд за пределы исправительного учреждения (выезд может быть разрешен только отбывающим наказания в исправительных учреждениях общего режима), особенно если это необходимо для решения вопросов трудового и бытового устройства осужденного после освобождения из мест лишения свободы, может составить завещание в нотариальной конторе или завещательное распоряжение правами на денежные средства в банке, в котором у него имеется денежный вклад.

Порядок удостоверения завещаний осужденных в местах лишения свободы, как отмечалось выше, детально регламентируется ведомственными нормативными актами. Обязанности по удостоверению завещаний осужденных возложены на начальников исправительных учреждений.

Согласно вышеуказанным нормативным актам завещания, удостоверенные начальником места лишения свободы, приравниваются к нотариально удостоверенным документам. Удостоверение начальниками исправительных учреждений завещаний – это действия, также приравненные к нотариальным, но не являющиеся таковыми, так как совершать нотариальные действия начальники исправительных учреждений не вправе (О совершении начальниками исправительных учреждений нотариальных действий : указание Глав. упр. исполнения наказаний М-ва юстиции Рос. Федерации от 11 марта 2001 г. № 18/13-170).

Администрация исправительного учреждения оказывает содействие лицам, находящимся в местах лишения свободы и желающим удостоверить завещание (Инструкция о порядке удостоверения завещаний и доверенностей на-

чальниками мест лишения свободы : утв. приказом М-ва юстиции СССР от 14 марта 1974 г. № К-15/184).

В этих целях начальник исправительного учреждения, в частности:

- соблюдает тайну удостоверяемых завещаний;
- разъясняет осужденным их права и обязанности, вытекающие из завещания;
- предупреждает о последствиях, возникающих в связи с удостоверением завещания;
- разъясняет порядок изменения и отмены завещания;
- в необходимых случаях по просьбе лиц, находящихся в местах лишения свободы, составляет проект завещания.

Содержание завещания не может быть сообщено никому другому, в том числе лицам, указанным в завещании. Справки о наличии завещания или о его содержании выдаются только после смерти завещателя по предъявлении свидетельства о его смерти.

Правила о соблюдении тайны удостоверенных завещаний действуют также и в отношении лиц, которым о совершенных завещаниях стало известно в связи с выполнением служебных обязанностей: они не вправе сообщать кому-либо, в том числе лицам, указанным в завещании, о его содержании. Виновные в нарушении этой тайны несут ответственность в порядке, установленном законодательством.

Начальник места лишения свободы удостоверяет завещания только лиц, достигших 18-летнего возраста. В тех случаях, когда граждане в соответствии с действующим законодательством вступили в зарегистрированный брак до достижения 18-летнего возраста, их завещания также могут быть удостоверены.

При удостоверении завещания устанавливается личность завещателя, проверяется его возраст в порядке, предусмотренном для этих учреждений (по личному делу и пр.). Данная процедура необходима для того, чтобы убедиться, что лицо, подписывающее завещание, именно то, от которого оно составлено.

Завещание осужденного удостоверяется по его устному заявлению.

Перед тем как удостоверить завещание, начальник места лишения свободы должен зачитать вслух завещателю содержание проекта завещания или завещатель читает этот проект сам. Если завещатель соглашается с проектом завещания, то он должен подписать его в присутствии начальника места лишения свободы.

Завещание должно быть написано четко, без помарок, чернилами от руки или напечатано на пишущей машинке (ЭВМ). Подчистки в текстах завещаний не допускаются. Приписки и иные

исправления должны быть оговорены перед подписанием завещания.

Начальник исправительного учреждения не вправе безосновательно отказывать в удостоверении завещаний осужденных. Основаниями отказа являются:

- такое состояние лица в момент составления завещания, когда оно не понимает значения своих действий или не может руководить ими (например, бредовое или бессознательное состояние);

- решение суда о признании лица, желающего удостоверить завещание, недееспособным по причине душевной болезни или слабоумия;

- решение суда, вступившее в законную силу, о признании лица, желающего удостоверить завещание, ограниченно дееспособным вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами;

- завещание противоречит закону.

Жалобы на неправильное удостоверение завещания или на отказ в его удостоверении подаются в суд по месту нахождения места лишения свободы.

Начальник места лишения свободы обязан разъяснить завещателю, что согласно ст. 1149 ГК РФ имеется определенный круг лиц (несовершеннолетние дети, нетрудоспособные родители, иждивенцы и др.), которые, независимо от содержания завещания, имеют право на обязательную долю в наследстве.

Удостоверенное начальником исправительного учреждения завещание должно быть зарегистрировано в специальной книге. Листы данной книги должны быть пронумерованы и прошнурованы. Общее количество листов в книге должно быть заверено подписью начальника исправительного учреждения с приложением гербовой печати.

Важно отметить, что действующим законодательством не предусмотрено взыскание государственной пошлины за удостоверение начальником места лишения свободы завещаний осужденных (О совершении начальниками исправительных учреждений нотариальных действий : указание Глав. упр. исполнения наказаний М-ва юстиции Рос. Федерации от 11 марта 2001 г. № 18/13–170).

Между тем, как показывает практика применения норм ГК РФ, в настоящее время удостоверение завещательных распоряжений осужденных может осуществляться на территории исправительного учреждения нотариусом, куда он выезжает для выполнения указанной процедуры (по мере необходимости).

Если осужденный, намеревающийся совершить завещание, высказывает желание пригласить для этого нотариуса и имеется разумная

возможность выполнить это желание, начальник исправительного учреждения или лицо, которому предоставлено право удостоверять завещание, обязаны принять все меры для приглашения к завещателю нотариуса (п. 4 ст. 1127 ГК РФ).

Нотариус, как правило, приезжает в исправительное учреждение не менее двух раз. Первый раз – для беседы с осужденным с целью выявления истинности его воли в данном вопросе, определения основного состава завещаемой наследственной массы, конкретного состава наследников и других вопросов. Повторно – для прочтения и подписания завещателем – осужденным уже составленного и отпечатанного на фирменном бланке завещательного распоряжения и удостоверения его по всем правилам в соответствии со ст. 1125 ГК РФ.

При вызове нотариуса в исправительное учреждение по просьбе осужденного или его родственников для совершения нотариальных действий оплата соответствующих услуг нотариусу осуществляется из личных средств приглашающей стороны.

Удостоверение завещательных распоряжений осужденных начальниками исправительных учреждений в основном осуществляется лишь в отдаленных (северных) регионах, куда нотариусу добраться крайне сложно (ст. 36 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате).

В связи с этим возникает вопрос: лишены или нет своих прав те осужденные, которые вынуждены приглашать нотариуса, и почему они при наличии данных прав не хотят ими воспользоваться – составить и удостоверить завещание с помощью компетенции начальника места лишения свободы, причем совершенно бесплатно? Думается, что ответ на этот вопрос дадут данные опросов осужденных, но, вероятно, не так скоро ввиду нераспространенности в местах лишения свободы процедуры удостоверения завещания.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о том, кого можно считать начальником места лишения свободы в контексте ст. 1127 ГК РФ.

Учреждения, являющиеся местами лишения свободы, определены УИК РФ (Михлин А. С. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. О. О. Миронова. М., 2003. С. 156). Согласно ст. 74 УИК РФ исправительными учреждениями являются: исправительные колонии, воспитательные колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения. Следственные изоляторы выполняют функции исправительных учреждений в отношении осужденных, оставленных там для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию, а также в отношении лиц, осужденных на срок не свыше шести месяцев и оставленных в следственных изоляторах с их согласия.

В соответствии с ч. 9, 10 ст. 16 УИК РФ наказание в виде лишения свободы исполняется колонией-поселением, воспитательной колонией, лечебным исправительным учреждением, исправительной колонией общего, строгого или особого режима либо тюрьмой. Наказание в виде пожизненного лишения свободы исполняется исправительной колонией особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы.

В исключительных случаях лица, осужденные к лишению свободы, ранее не отбывавшие лишения свободы, которым отбывание наказания назначено в исправительной колонии общего режима, могут быть с их согласия оставлены в следственном изоляторе или тюрьме для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ).

В связи с вышеизложенным при удостоверении завещания начальником следственного изолятора необходимо дополнительное подтверждение того обстоятельства, что завещатель находился в следственном изоляторе именно в соответствии с приговором суда. В изоляторе временного содержания завещание, приравненное к нотариально удостоверенному завещанию, удостоверить нельзя. Для исключения возможных ситуаций о легитимности удостоверения завещания в том или ином месте лишения свободы следует внести поправку в формулировку подп. 5 п. 1 ст. 1127 ГК РФ: «5) завещания граждан, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, удостоверенные начальниками таких учреждений».

В деле реализации осужденными своих имущественных прав важным является наличие со-

ответствующей системы и механизма их обеспечения. При отсутствии последних наличие данных прав будет только декларацией.

В заключение следует отметить, что национальное право предлагает широкие возможности для решения вопросов, связанных с составлением и удостоверением завещания осужденных. Прогрессивные, по сравнению с прежним законодательством, нормы-новеллы разд. 5 «Наследование» ч. 3 ГК РФ подробно характеризуют саму завещательную процедуру и требования, предъявляемые к субъектам данной сделки. Несомненно, установление в ГК РФ права осужденных на удостоверение завещаний (ст. 1127 ГК РФ), соответствующего требованиям правового государства, состоялось, однако не разрешило ряд проблем. В связи с этим Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» направляет на «сближение положений Гражданского кодекса Российской Федерации с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Европейского союза; поддержание единообразия регулирования гражданско-правовых отношений в государствах – участниках Содружества Независимых Государств» (Рос. газ. 2008. 23 июля).

Учет международных стандартов является важной составляющей и для формирования единой системы законодательства, которая регламентирует вопросы составления и удостоверения завещаний осужденных к лишению свободы в условиях новых задач и требований, связанных с реформированием уголовно-исполнительной системы.



Библиографический список

1. Бортник Л. Ю. Об особенностях реализации гражданско-правового статуса осужденных к лишению свободы / Л. Ю. Бортник // Правовые проблемы укрепления российской государственности / под ред. В. А. Уткина. – Томск, 2004.
2. Гришко А. Я. Имущественные и неимущественные права лиц, отбывающих лишение свободы : монография / А. Я. Гришко, В. В. Рыбаков. – Рязань, 2007.
3. Михлин А. С. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / А. С. Михлин ; под ред. О. О. Миронова. – М., 2003.
4. Оглоблина О. М. Образцы завещаний / О. М. Оглоблина. – Изд. 3-е, изм. и доп. – М., 2009.

References

1. Bortnik L. Yu. Peculiarities of the Realization of Civil and Legal Status of People Sentenced to Imprisonment / L. Yu. Bortnik // Legal Problems of Strengthening of the Russian State System / ed. by V. A. Utkin. – Tomsk, 2004.
2. Grishko A. Ya. Property and Non-Property Rights of People Serving a Sentence / A. Ya. Grishko, V. V. Rybakov. – Ryazan, 2007.
3. Mikhlin A. S. Commentary to the Criminal Executive Code of the Russian Federation / A. S. Mikhlin ; ed. by O. O. Mironov. – M., 2003.
4. Ogloblina O. M. Sample Wills / O. M. Ogloblina. – 3rd ed., rev. and suppl. – M., 2009.

А. В. Щербаков,

заместитель начальника Псковского
юридического института ФСИН России
по строевой части
кандидат юридических наук

A. V. Shcherbakov,

Deputy Chief of Pskov Legal Institute
of the FPS of Russia
in charge of combatant forces
Candidate of Law

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Theoretical and Organizational Aspects of the Penal System Security

Аннотация. В статье определяется безопасность персонала уголовно-исполнительной системы, раскрывается механизм ее обеспечения. Кроме того, на основе анализа специальной литературы представлены основания классификации угроз безопасности. Обосновывается необходимость специальной психологической подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы к действиям в экстремальных условиях. Рассматривается сепарация осужденных как одно из условий обеспечения их безопасности, а также безопасности персонала уголовно-исполнительной системы.

Ключевые слова: безопасность работников уголовно-исполнительной системы, безопасность уголовно-исполнительной системы, угроза безопасности уголовно-исполнительной системы, механизм обеспечения безопасности персонала уголовно-исполнительной системы, факторы, влияющие на состояние безопасности личности, основания классификации угроз, деформация личности, сепарация осужденных.

Abstract. The article determines the criteria of personnel security in the penal system and discloses the mechanism of its ensuring. In addition, on the basis of the professional literature analysis the author presents the grounds for classification of security threats. The author proves the necessity of special psychological trainings for the employees of the penal system on how to act in extreme situations. The separation of the convicted is considered as one of the requirements for ensuring both their security and the security of the personnel of the penal system.

Key words: security of penal system officers, penal system security, threat to penal system security, mechanism of ensuring security of personnel in the penal system, factors affecting the security condition of a person, basis for the threat classification, deformation of a person, separation of the convicted.

Согласно официальным данным за последнее время существенно увеличилось количество осужденных с повышенной агрессивностью и возбудимостью, психическими отклонениями, склонных к различным формам деструктивного поведения, агрессии, конфликтам, членовредительству и суициду (Обращение министра юстиции Российской Федерации к Президенту Российской Федерации // Соврем. состояние уголов.-исполн. системы : сб. материалов / под общ. ред. Б. Б. Казака ; сост.: Б. Б. Казак [и др.]. Псков, 2009. С. 120). Все это отрицательно влияет на безопасность сотрудников уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). По этой причине, видимо, впервые к числу основных государственных приоритетов в сфере обеспечения национальной безопасности отнесено совершенствование организации исполнения уголовных наказаний.

Безопасность личности – это создаваемое и гарантируемое государством такое положение личности в обществе, при котором существует возможность пользования законными правами и свободами для защиты своих жизненно важных интересов от возможного причинения вреда.

Безусловно, говоря о безопасности сотрудника УИС, следует иметь в виду физическую, психологическую (психологические перегрузки, стрессы, накопление усталости), профессионально-нравственную безопасность (действия сотрудника, направленные на предотвращение нарушений нравственных и правовых норм в ситуациях, когда в отношении его применяются провокации, шантаж и иные подобные действия со стороны криминальных элементов).

Следовательно, обеспечение безопасности персонала УИС – это гарантированная законодательством Российской Федерации в соответствии с принципами и нормами международного права защита жизни, здоровья, чести и достоинства личности от противоправных посягательств и иных действий, имеющих целью причинение физических или нравственных страданий, а также предотвращение опасностей и угроз, в том числе угрозы распространения эпидемий, инфекционных заболеваний и туберкулеза.

На состояние безопасности личности влияют внутренние и внешние факторы. К первым относятся факторы психологического состояния; наследственные, генетические особенности, а ко вторым – факторы межличностного общения; взаимодействия с обществом и государством;

окружающей природы; влияния общего глобального состояния человечества.

Мы согласны с Б. Б. Казаком, который считает необходимым добавить к указанным факторам следующие: ненадлежащее с количественной, а в условиях радикальных структурных изменений и с качественной, сторон ресурсное обеспечение при увеличении числа решаемых задач и функций и возникновении принципиально новых; усиление роли УИС в борьбе с организованной, в том числе международной, преступностью; непосредственное участие в обеспечении безопасности, в первую очередь внутренней, общества и государства (Современное состояние уголовно-исполнительной системы. С. 137).

Угроза жизни человека, его здоровью или имуществу от внешних объектов возникает в экстремальных условиях, когда происходит незапланированное (неожиданное) изменение их состояния, приводящее к появлению и действию дезадаптирующих факторов.

Существует множество профессий, включающих человека в экстремальные ситуации. Сотрудники УИС не исключение.

Согласно ст. 26 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотрудники УИС на территории Российской Федерации независимо от занимаемой должности, места нахождения и времени суток обязаны в случае непосредственного обнаружения событий, угрожающих личной или общественной безопасности, принять меры к спасению людей, предотвращению и пресечению правонарушений, задержанию лиц по подозрению в совершении этих правонарушений (Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316).

Как отмечается в научной литературе, безопасность работников УИС – «это состояние защищенности жизненно важных интересов работников уголовно-исполнительных учреждений от внутренних и внешних угроз» (Перегудов А. Г. Понятие обеспечения безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в ИТУ. Уфа, 1994. С. 25). В современном русском языке термин «угроза» означает «запугивание, обещание причинить кому-нибудь неприятность, зло; возможную опасность» (Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. С. 716), «потенциально существующую опасность случайного или преднамеренного нарушения безопасности» (Лекарев С. В., Порк В. А. Бизнес и безопасность : толковый терминолог.

слов. / под науч. ред. А. И. Годунова, Б. С. Тетерина. М., 1995. С. 303).

Применительно к УИС угроза – это реально сформировавшееся желание нанести физический, материальный или иного характера вред отдельному лицу, группе лиц или общественным интересам, четко выраженное по отношению к ним любым понятным способом и реализующееся непосредственно в отношении персонала исправительных учреждений (далее: ИУ) и лиц, содержащихся под стражей, либо в виде психического насилия над той или иной личностью. Угроза может быть как потенциальной, так и реальной.

Существуют различные основания классификации угроз безопасности (Казак Б. Б. Службы безопасности исправительных колоний: современное состояние функционирования и перспективы : монография / под общ. ред. С. Х. Шамсунова. 2-е изд., испр. Псков, 2007. С. 36–37). Так, в зависимости а) от сфер функционирования личности, общества и государства выделяются следующие виды угроз безопасности: в политической, экономической, социальной, правовой, военной, экологической, техногенной, информационной сферах, в области культуры и просвещения, борьбы с преступностью; сферы воздействия сил природы: атмосферно обусловленные (наводнения), геологически обусловленные (землетрясения), космически обусловленные (удары метеоритов), биологически обусловленные (эпидемии); в) временных параметров и действия в пространстве: кратковременные и длительные, глобальные, региональные и локальные; г) источника: внешние и внутренние; д) отношения к человеческой деятельности: объективные, т. е. независимые от целенаправленной деятельности, и субъективные, которые создаются сознательно.

Каждый вид угроз безопасности УИС предполагает свой механизм обеспечения, под которым в широком смысле понимается система мер по предупреждению и пресечению угроз с помощью определенных ресурсов, которая включает в себя анализ угроз, принятие и процедуру исполнения решений по их нейтрализации. В данный механизм входят правовые, организационно-управленческие, экономические, технические, физические, психологические, информационные, культурные и другие аспекты. Эта система должна выполнять ряд функций:

1) своевременное оперативное выявление, прогнозирование и информирование руководства государственных и заинтересованных органов об угрозах общенациональным интересам (безопасности) России, безопасности УИС и составляющим ее элементам, включая как кризисные и иные негативные тенденции и процессы (политического, социального, техногенного и иного характера), так и целенаправленные действия из-

вне и изнутри общества, государства, УИС (т. е. посягательства), представляющие опасность для интересов страны и рассматриваемой социальной системы;

2) упреждающее воздействие государства, а конкретно – органов управления УИС, по локализации или нейтрализации потенциальных и реальных угроз путем принятия необходимых законодательных, административных, экономических, информационных мер;

3) непосредственное противодействие угрозам безопасности и носителям (источникам) этих угроз путем принятия различных мер воздействия (Казак Б. Б. Уголовно-исполнительная система в механизме обеспечения внутренней безопасности общества : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. С. 134).

Преодоление экстремальных условий требует от человека высокого уровня физической, физиологической, психической, моральной адаптированности. Имеющиеся исследования деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений в экстремальных условиях позволяют выявить следующие наиболее типичные ее недостатки: а) неумение своевременно вскрывать социально-психологические причины и условия, которые могут вызвать нежелательные эксцессы; б) недооценка происходящих событий; в) медлительность и нерешительность в принятии оперативных решений и просчеты в организации связи и обмена информацией между подразделениями ИУ; г) неоперативность действий; д) утрата рычагов управления в процессе проведения различных операций; е) просчеты и тактические ошибки и др. (Романович Г. Г., Юстицкий В. В. Психологические особенности действий сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях. Минск, 1998). На наш взгляд, эти недостатки объясняются рядом причин, в том числе отсутствием необходимой психологической подготовки персонала учреждений (Психологическая подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений к действиям в экстремальных условиях : учеб.-метод. пособие. Рязань, 1997. С. 7).

В экстремальных условиях у сотрудников УИС отмечаются следующие типичные реакции:

1) повышенная осторожность (стремление принять все меры предосторожности, в том числе дополнительные, как правило, связанные с преувеличением опасности);

2) адекватная мобилизация (стремление разобраться в обстановке, определить подлинную опасность, отличить ее от мнимой и лишь на основе этого принять необходимые меры);

3) пренебрежение опасностью (бравирование ей, стремление убедить себя в том, что серьезной угрозы нет, поэтому принимать меры предосторожности излишне) (Там же. С. 13–14).

Таким образом, экстремальная деятельность требует немедленного принятия решения, которое происходит в состоянии стресса, вызванного неопределенностью складывающейся ситуации. Психологи утверждают, что в условиях повышенной опасности даже у подготовленных в профессиональном отношении сотрудников УИС затрудняется процесс как принятия решения, так и его исполнения, что нередко приводит к импульсивным действиям и поступкам.

Следовательно, особенности деятельности сотрудников УИС в экстремальных условиях требуют специальной психологической подготовки, основными задачами которой являются следующие: а) формирование научного мировоззрения о соотношении биологического и социального в человеке, сущности и закономерностях его поведения, психологических механизмах совершения преступлений, возможностях развития и исправления личности; б) повышение психологической компетентности персонала УИС на всех уровнях системы профессионального образования с учетом специализации (профиля службы); в) развитие психологического потенциала личности (профессионально важных качеств) и формирование потребности в саморазвитии (личностном росте) (Дебольский М. Г. Состояние и основные направления совершенствования профессионально-психологической подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы // Проф. подготовка кадров для пенитенциар. учреждений в России и за рубежом: проблемы и перспективы : сб. материалов междунар. науч.-практ. семинара, 20 апр. 2006 г. Вологда, 2006. С. 47–48).

Что касается мест лишения свободы, то в них находятся две группы людей: одна лишена свободы, а другая, действуя от имени властных структур государства, обеспечивает должное исполнение наказания принудительным образом. Сотрудник ИУ имеет дело с преступниками, изо дня в день выполняет однообразный тяжелый труд, выслушивает в свой адрес оскорбления, ругань. Незаметно происходит деформация личности (Грибов В. «И вечный бой...» // Преступление и наказание. 1997. № 5. С. 19).

Мы согласны с авторами, утверждающими, что в условиях растущей криминализации, усложнения контингента основными барьерами, препятствующими профессиональной деформации, являются: высокие нравственные стандарты сотрудника, профессионализм, результативность работы и оптимизм (Строева Г. В. Факторы снижения риска профессиональной деформации сотрудников уголовно-исполнительной системы. URL: <http://www.edication.recom.ru>). Иначе говоря, в современных условиях сотрудник УИС должен не только обладать знаниями, но и иметь достаточно высокий духовно-нравственный уро-

вень, а также владеть новыми эффективными методами исправления осужденных. В связи с этим в профессиональной подготовке, переподготовке, повышении квалификации кадров УИС требуется усилить вопросы нравственного воспитания, а на местах широко использовать потенциал дополнительного образования и самообразования сотрудников (Там же).

По нашему мнению, сепарация осужденных (т. е. отдельное содержание лиц, совершивших менее тяжкие и незначительные преступления впервые по неосторожности и пригодных к ресоциализации и возвращению в общество) во многом будет способствовать безопасности как осужденных, так и персонала. Лица, категорически настроенные на следование криминальным установкам, совершение новых преступлений, злостное нарушение порядка, установленного в местах лишения свободы, организацию либо сплочение вокруг себя преступных групп, должны содержаться в гораздо более жестких условиях, чем в настоящее время (Выступление министра юстиции Российской Федерации А. В. Коновалова на научно-практической конференции по вопросам реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 10. С. 5). В числе важных целей сепарации – избавление администрации учреждений системы

исполнения наказаний от необходимости применять чрезмерно жесткие дисциплинарные, воспитательные меры.

Разумеется, государство не оставляет без внимания специфические условия деятельности сотрудников УИС и распространяет на эту категорию служащих ряд существенных гарантий и компенсаций; принимаются меры по их социальной поддержке и защите. Однако анализ обстоятельств, связанных с текучестью кадров в УИС, а также профессионализма и состояния здоровья ее сотрудников свидетельствует о том, что мотивация службы в данной системе в качестве пожизненного выбора стимулируется явно недостаточно.

Как отмечалось на научно-практической конференции по вопросам реформирования УИС, сегодня должен быть взят ориентир на повышение интенсивности, в том числе за счет высоких технологий, в работе государственной службы. Люди, способные выполнять обязанности поновому, с современными подходами к эффективности своей работы, должны получать высокую заработную плату (Там же. С. 7).

Таким образом, достойное стимулирование труда, повышение статуса сотрудников УИС во многом будут способствовать повышению уровня их безопасности.



Библиографический список

1. *Казак Б. Б.* Службы безопасности исправительных колоний: современное состояние функционирования и перспективы : монография / Б. Б. Казак ; под общ. ред. С. Х. Шамсунова. – 2-е изд., испр. – Псков, 2007.
2. *Перегудов А. Г.* Понятие обеспечения безопасности, порядка исполнения и отбывания наказания в ИТУ / А. Г. Перегудов. – Уфа, 1994.
3. *Романович Г. Г.* Психологические особенности действий сотрудников ОВД в экстремальных ситуациях / Г. Г. Романович, В. В. Юстицкий. – Минск, 1998.

References

1. *Kazak B. B.* Security Services of the Correctional Facilities: Current State of Functioning and Prospects / B. B. Kazak ; ed. by S. H. Shamsunov. – 2nd ed. – Pskov, 2007.
2. *Peregudov A. G.* The Concept of Security, Order of Execution and Punishment in the Correctional Labour Facility / A. G. Peregudov. – Ufa, 1994.
3. *Romanovich G. G.* Psychological Characteristics of Actions of Internal Affairs Bodies Officers during Extreme Situations / G. G. Romanovich, V. V. Yustitskiy. – Minsk, 1998.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 322

Н. М. Амелин,
*старший преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин юридического факультета
Владимирского государственного
гуманитарного университета
кандидат юридических наук*

N. M. Amelin,
*Senior Lecturer of the Department
of State and Law Studies of the Legal Faculty
of Vladimir State University for Humanities
Candidate of Law*

ПРАВОВАЯ И ИНФОРМАЦИОННАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОПТИМИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРАВООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА, ЦЕРКВИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Legal and Informational Conditionality of Optimizing the System of Legal Relations between Society, State and Church in Modern World

Аннотация. В статье исследуются проблемы правового регулирования взаимосвязей общества и государства с религиозными объединениями; предлагаются принципиально новые положения для успешного проведения муниципально-правовой реформы. Автор предпринимает попытку определить характер нового направления исследований, которое можно было бы обозначить как информационно-правовой механизм религиоведения. Кроме того, в статье затронуты проблемы развития права как информационного источника, основы взаимосвязей гражданского общества и государства с церковью.

Ключевые слова: церковь, информационная модель отношений, административно-правовая проблематика, муниципальные властеотношения, муниципально-правовая реформа, информационно-правовой механизм религиоведения.

Abstract. The given article studies the problems of legal regulation of relations between the society and state on the one hand and religious organizations on the other. The author offers fundamentally new propositions for carrying out the municipal and legal reform successfully. The author attempts to characterize the new direction of studies, which can be defined as an informational and legal mechanism of religion study. Moreover, the article touches upon the problems of developing of law as a source of information, and considers the basics of relations between the civil society, state and church.

Key words: the church, informational model of relations, subject matter of administrative law, relations between municipal authorities and the law, municipal and legal reform, informational and legal mechanism of religion study.

Исследование вопросов развития процесса оптимизации системы правоотношений общества, государства, церкви в современном мире учеными-юристами многих стран ограничивается преимущественно рамками конституции своего государства и его отношений с церковью и религиозными конфессиями. Между тем назрела потребность в изучении данных отношений на качественно новом, более высоком информационном уровне.

Информационные преобразования, осуществляемые в современном мире в различных государствах, имеют много общих черт и тенденций. Это позволяет говорить о необходимости поиска рационального решения проблемы оптимизации конституционно-правового развития отношений общества и государства с церковью, преодоления разобщенности национальных и конфессиональных школ в ходе конституционного строительства в гражданском обществе. Очевидна важность не только за-

крепления, но и последовательного осуществления конституционных положений о церкви.

Под воздействием процесса формирования гражданского общества и свободы личности меняется содержание понятия демократии. Коренные изменения в жизнедеятельности человека и общества, новые институты власти и национальные традиции обогащают имеющийся правовой механизм укрепления взаимосвязей общества и государства с церковью. Учитывая, что этот процесс отражается в конституционном законодательстве и общественной практике, имеются все основания говорить о зависимости между правом и оптимизацией взаимосвязей гражданского общества, государства и церкви, укреплением государственной, общественной дисциплины и правопорядка в данных общественных отношениях.

При рассмотрении права как основы взаимосвязей гражданского общества и государства с религиозными объединениями необходимо учи-

тивать, что главное правовое начало заключается в юридическом равенстве (равноправии) граждан.

Правовое регулирование взаимосвязей общества и государства с церковью предполагает существование особой, публично-политической власти, заинтересованной в укреплении статуса личности и правопорядка в обществе. Назначение данной власти – обеспечение единообразия в осуществлении юридических принципов в социально-нормативном регулировании отношений общества и государства с церковью. Для этого требуется единая воля и динамическая организация, т. е. юридический субъект управления, который бы по праву занимался согласованием общественных и государственных интересов.

Можно законодательно провозгласить самые прекрасные институты права, но они останутся застывшими, нежизнеспособными структурами, если информационно не развиты, не реализуются на практике. Правовое государство – это живой, дышащий, информационный политико-правовой процесс, способ информационно-правовой, государственно-правовой жизнедеятельности общества и его граждан.

Отождествление права с законом и инструкциями, когда за реальное право выдаются нормативные приказы, не считающиеся с принципами и ценностями гражданского общества, потребностями его развития, не позволяет творчески реализовывать практику информационного взаимодействия общества и государства с церковью. Кроме того, обществу и государству трудно отказать от формально-догматической трактовки права, а по существу от ее главных функций: комментирования издаваемых законов, апологии административно-приказной системы и авторитарного мышления, но интересы личности, гражданина этого требуют.

Расширение масштабов узконормативного понимания прав религиозных объединений обусловлено рядом обстоятельств. Прежде всего, той ролью, которую играет воинствующий атеизм как детище административно-командной системы: была создана иллюзия безграничного всепача приказа.

Формалистический подход к праву фактически служил оправданию сложившегося в СССР административно-командного отношения государства к церкви. Между государством и личностью возникла пустота, исчезли независимые, самостоятельные союзы, институты, организации, которые служили бы средством реализации интересов и потребностей человека и в то же время защитным барьером против государственного насилия над обществом. Нарастание отчуждения личности верующего от политической власти, резко обострившиеся противоречия между церковью, бюро-

кратией и народом – это колоссальный ущерб самой правовой идее оптимизации гражданского общества, государства и церкви.

Господствовавшее представление об автоматизме, механистическом детерминизме действия законов общественного развития в догматическом правоведении советского периода распространилось и на юридические законы. Гражданско-правовой, социологический подходы были объявлены буржуазными, якобы ведущими к разложению законности. Между тем именно под влиянием формально-догматической, узконормативной трактовки права совершались массовые репрессии, грубо попирались законность и правопорядок в отношениях с церковью.

Бесспорно, право не тождественно закону, оно идет не только и не столько от закона, сколько вместе с ним, т. е. проистекает из фактических общественных отношений в виде публичной информации. Не случайно правоведы 1920-х гг. пришли к выводу, что закон, кроме всего прочего, сам по себе не порождает право (Варламова Н. В. Правоотношения: философский и юридический подходы // Правоведение. 1991. № 4 ; Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976 ; Нерсесянц В. Е. История идей правовой государственности. М., 1993). Чтобы стать действительным правом, он должен воплотиться в жизнь, правомерное поведение людей, общественный порядок (Козлихин И. Ю. Идея правового государства, история и современность. СПб., 1993 ; Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2006). В противном случае закон остается лишь «добрым намерением» законодателя, мертвой нормой, «бумажным» правом. Между тем формализм в правоведении имеет место и в настоящее время, остается расхождение между декларациями и реальной действительностью.

Требование господства права в первую очередь предполагает закрепление в законе таких норм, которые обеспечивают «совместное гражданско-политическое существование на началах личной свободы и при минимуме карательного насилия» (Соловьев Э. Ю. Личность и право // Вопр. философии. 1989. № 8. С. 79–80). Речь идет о нормах, возникающих в объективных дозаконотворческих отношениях, праве, объективно складывающемся в свободных отношениях с религией, или праве гражданского общества и государства на оптимизацию взаимосвязей гражданского общества, государства и церкви. Однако если это общество государственно-организованное, то оно формирует структуры публичной политической власти.

При информационно-правовом обеспечении отношений общества и государства с церковью нельзя подменять понятия, когда не государство

производно от общества с его потребностями, а произвольно формируемые общественные отношения оказываются производными от организации государственного насилия, которая лишь имитирует использование права как средства информации.

Проблемы развития права как информационного источника, основы взаимосвязей гражданского общества и государства с церковью – это проблемы рационального обслуживания потребностей правового общества. Речь идет о разумном обеспечении господства права и гарантиях административного невмешательства в саморегулирующиеся процессы жизнедеятельности общества, государства и церкви.

Познание права как средства информации во взаимосвязанных отношениях саморазвивающегося гражданского общества и правового государства с церковью убеждает, что не все отношения общественных и государственных структур, даже если они регламентированы законом, могут быть правоотношениями, поскольку не каждые общественные отношения несут в себе принцип справедливости права и предполагают всеобщую меру свободы формально равных участников социального общения. Не может быть правовым, например, властно-приказное отношение к церкви, которое возникает под предлогом социального управления, пусть даже в самом демократическом обществе. Иные властноприказные отношения могут и должны быть ограничены правом.

На практике трудно ограничить социальный и конституционно-правовой аспекты реализации, например, муниципального права, поскольку структура, содержание правового механизма включены в систему местного самоуправления. В связи с этим оценка реализации муниципального права и соответствующего механизма его воздействия на церковь выступает в виде совокупного результата взаимодействия социальных и правовых моментов.

Признание активной роли государственно-правового фактора не означает абсолютизации роли государственного управления в становлении муниципального права, зависимость не столько от власти государства, сколько от воли населения, муниципально-правовых отношений с общественными, в том числе религиозными, объединениями. Право выступает в качестве средства приведения в действие муниципальной власти, которая, в свою очередь, наделяет муниципальное право организованной силой. Муниципальные властеотношения не накладываются на государственную и общественную жизнь со стороны, в результате политической борьбы, а вырабатываются практикой их конструктивного взаимодействия, в том числе и с религиозными объединениями. Местное самоуправление – это информационный путь к политической эманси-

пации гражданского общества, гарантия против огосударствления его структур, средство развития муниципально-правовых институтов.

С такой точки зрения успешное проведение муниципально-правовой реформы возможно в том случае, если оно осуществляется на основе следующих принципиальных положений:

- права и свободы человека – главный ориентир муниципальной реформы, сочетающийся с фундаментальными юридическими ценностями, провозглашаемыми и защищаемыми Конституцией РФ: право граждан на осуществление местного самоуправления, самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения, взаимосвязь религии и муниципального образования в воспитании и социализации личности;

- единство и целостность правового пространства РФ, в котором действует муниципальное право и происходит становление гражданского самосознания, а также духовное развитие личности;

- преемственность и обновление в развитии муниципально-правовой системы, поиски утраченного опыта земств по развитию церковно-приходских школ, брачно-церковных отношений;

- эволюционный и поэтапный характер осуществления муниципально-правовой реформы, развитие форм взаимодействия церкви и муниципалитетов;

- эффективность и оперативность муниципального нормотворчества, отражение в нем заботы местного населения о поддержании религиозного искусства и православного краеведения;

- определение стратегии развития отношения федерального законодательства о местном самоуправлении к религиозным объединениям;

- создание новой системы муниципального законодательства субъектов РФ, упорядочение и обновление его структуры, установление иерархии нормативных правовых актов в зависимости от их юридической силы, совершенствование процесса подготовки, принятия и исполнения законов;

- последовательное принятие иных законов, определяемых потребностью восполнения пробелов в муниципальном праве, а также необходимостью внесения изменений и дополнений в действующее законодательство в связи с принятием базовых и статусных законов, нормативных актов о поддержке инициативы религиозных объединений по благоустройству быта и оздоровлению образа жизни граждан.

Реализация муниципального права – неотъемлемая часть работы по преобразованию взаимоотношений российского общества, государства, местного самоуправления и церкви.

Российское общество, для того чтобы стать развитым с точки зрения современной цивилизации, прежде всего должно быть правовым информационным обществом. Российское государство, в свою

очередь, для того чтобы стать действительно социальным государством, должно быть правовым. Чрезмерные социальные блага порождают при осуществлении социальных функций государства бюрократический произвол, злоупотребления властью, коррупцию, разрыв демократических связей государства и общества с церковью (Социальная политика : учебник. М., 2002. С. 117–129).

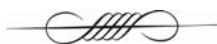
Однако современное российское общество недостаточно богато для того, чтобы гарантировать реальную социальную защищенность всем, кто находится в экономически невыгодном положении. В связи с этим государство должно осуществлять социальные функции, увеличивать ассигнования на социальное развитие.

Интерес ученых-юристов к проблематике информационно-правового обеспечения оптимизации взаимосвязей личности, общества и государства с церковью способствует их выведению за рамки изучения лишь среди действия принятого законодательства (Бондарь Н. С. Конституционная безопасность личности, общества и государства: постановка проблемы в свете конституционного правосудия, обеспечения социальной справедливости, равенства и прав человека // Законодательство и экономика. 2004. № 4). В итоге формируется новое направление исследований, которое можно было бы обозначить как информационно-правовой механизм религиоведения.

Комплексный характер информационно-правовых взаимосвязей гражданского общества и государства с церковью требует углубления интеграции различных отраслей обществознания. Научные публикации в сфере права, государства и религиоведения все чаще оперируют данными статистики и информатики (Агапов А. Ю. Информационно-правовое обеспечение в сфере культуры. М., 1992 ; Правовая информатика и кибернетика : учебник / под ред. Н. С. Полевого. М., 1993 ; Рассолов М. М. Управление, информация, право. М., 1993).

Новые интенсивные технологии в информационно-правовом пространстве невозможны без правовых средств машинной переработки информации, учета действия многофакторных моделей и корреляционного анализа.

Сложность, масштабность происходящих в России процессов обновления требуют изменения информационно-правового механизма религиоведения, научной парадигмы правового строительства. Переакцентирование исследовательского внимания с вопросов принятия законодательства на познание правовой сути общественной и государственной жизни, механизмов ее нормативной саморегуляции способствует выявлению социальных процессов, нуждающихся в правовом регулировании с позиций интересов общества, государства и церкви.



Библиографический список

1. Агапов А. Ю. Информационно-правовое обеспечение в сфере культуры / А. Ю. Агапов. – М., 1992.
2. Варламова Н. В. Правоотношения: философский и юридический подходы / Н. В. Варламова // Правоведение. – 1991. – № 4.
3. Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий теории права / А. М. Васильев. – М., 1976.
4. Козлихин И. Ю. Идея правового государства, история и современность / И. Ю. Козлихин. – СПб., 1993.
5. Нерсисянц В. Е. История идей правовой государственности / В. Е. Нерсисянц. – М., 1993.
6. Рассолов М. М. Управление, информация, право / М. М. Рассолов. – М., 1993.
7. Соловьев Э. Ю. Личность и право / Э. Ю. Соловьев // Вopr. философии. – 1989. – № 8.

References

1. Agapov A. Yu. Legal and Informational Security in the Sphere of Culture / A. Yu. Agapov. – M., 1992.
2. Varlamova N. V. Legal Relations: Philosophic and Legal Approaches / N. V. Varlamova // Jurisprudence. – 1991. – № 4.
3. Vasilyev A. M. Legal Categories: Methodological Aspects of Development of the System of Categories in the Theory of Law / A. M. Vasilyev. – M., 1976.
4. Kozlikhin I. Yu. The Idea of a Legal State: the Past and the Present / I. Yu. Kozlikhin. – SPb., 1993.
5. Nersesyants V. E. The History of the Legal State Ideas / V. E. Nersesyants. – M., 1993.
6. Rassolov M. M. Management, Information, Law / M. M. Rassolov. – M., 1993.
7. Solovyov E. Yu. The Person and the Law / E. Yu. Solovyov // Issues of Philosophy. – 1989. – № 8.

А. М. Анисимова,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук

A. M. Anisimova,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Process of Vladimir State University
Candidate of Law

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Main Tendencies of Changing Legislation on Retail Markets in the Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые тенденции изменения трудового законодательства и законодательства о розничной торговле. Анализируются вопросы, касающиеся целесообразности внесенных изменений в нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие указанную сферу общественных отношений.

Ключевые слова: трудовое законодательство, розничная торговля, торговое место, сельскохозяйственная продукция.

Abstract. The article considers some tendencies of changing the labour legislation and retail market legislation. The author analyzes the issues concerning expediency of changes introduced into normative legal acts of the Russian Federation and the given sphere of public affairs.

Key words: labor legislation, retail market, trading place, agricultural products.

В настоящее время пятая часть всей розничной торговли в нашей стране происходит на рынках, которых насчитывается порядка 6 тыс. Годовой объем розничных продаж товаров и услуг на них превышает 1 трлн рублей. За последние годы отмечена незначительная тенденция к сокращению доли розничной торговли на рынках, но фактор розничного рынка в России будет еще долго являться одним из наиболее важных вопросов социально-экономической политики.

Однако долгое время в законодательной регламентации этой сферы ничего не менялось. То есть рынки работали по правилам, установленным в 1990-е гг., при этом в стране с тех пор не только изменились экономические и политические условия, но и были определены иные задачи развития. Вследствие отсутствия надлежащего правового регулирования в розничной торговле сложилась недопустимая обстановка: товаропроизводители не имели свободного доступа на рынок из-за криминализации товаропроводящей сети и блокирования конкуренции преступными группами; по этой же причине цены на товары, продаваемые на рынках, были завышены в несколько раз.

Необходимо было остановить этот «беспредел» на законодательном уровне. Федеральный закон от 30 декабря 2006 г. № 271-ФЗ «О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (далее: Закон о розничных рынках) стал первым правовым актом федерального уровня, регулирующим вопросы организации и деятельности розничных рынков (Рос. газ. 2007. 10 янв.).

Порядок в организации работы розничных рынков до принятия Закона о розничных рынках отсутствовал. Только в отдельных субъектах (13 регионов) Российской Федерации имелись нормативные правовые акты, регулирующие розничную торговлю. К тому же эти нормативные акты не предусматривали эффективных мер по защите отечественных производителей. Принятый Закон о розничных рынках всеобъемлюще регулирует отношения, связанные с организацией и осуществлением деятельности по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на розничных рынках, а также права и обязанности лиц, осуществляющих указанную деятельность. Введено понятие «управляющая рынком компания», в обязанности которой вменено осуществление контроля за соблюдением на рынке санитарно-эпидемиологических нормативов, ведение реестра продавцов. Предусматривается повышение требований к размещению рынков. Так, с 2012 г. для организации деятельности рынка могут использоваться исключительно капитальные строения.

В связи с этим может возникнуть ситуация, когда большинство розничных рынков «переименовуют» в оптовые, так как деятельность последних Закон о розничных рынках не затрагивает. Здесь важно подчеркнуть, что разница заключается не в названии (оптовая или розничная торговля), а в экономическом содержании. Несоответствие заявленных видов деятельности — это нарушение, которое легко выявляется, и действующее законодательство предусматривает за это серьезные санкции ([URL: http://www.efedorov.ru/node/721](http://www.efedorov.ru/node/721)).

Сегодня одной из актуальных проблем российского розничного рынка является использование иностранной рабочей силы.

Впервые громко о торгово-рыночном беспределе заявил в 2007 г. В. В. Путин. Тогда он призвал начать наводить порядок с рынков и «отрегулировать присутствие там иностранных работников, в том числе усилив ответственность администраций за нарушения миграционных правил как работниками рынка, так и участниками торговли». Сразу же после этих слов на защиту интересов российских товаропроизводителей и коренного населения страны встали депутаты Госдумы, министерства и ведомства, в результате чего и появились соответствующие постановления Правительства Российской Федерации в 2007–2009 гг. об установлении допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли (напр.: Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли и в области спорта на территории Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 15 нояб. 2006 г. № 683 // Рос. газ. 2006. 16 нояб.). В итоге иностранные рабочие не имеют права заниматься розничной торговлей алкогольными напитками и пивом, также им запрещено продавать и фармацевтические товары.

Как заявил в одном из интервью вице-премьер А. Жуков, «эти меры необходимы, отсутствие порядка в этой сфере вредило всем – и мигрантам, и нам». Он считает, что данные меры приведут к легализации иностранной рабочей силы и большей социальной защищенности: «Те, кто трудится нелегально, абсолютно не защищены ни от работодателя, ни в социальном плане. По существу, это рабский труд, они абсолютно бесправны». Теперь с увеличением штрафов за найм нелегалов у работодателей не будет возможности обманывать сотрудников и держать их в рабстве.

При этом ожидать массового оттока иностранцев из-за продовольственных прилавков не приходится, поскольку многие из них давно уже официально стали гражданами России ([URL: http://www.bn.ru/news/2007/04/11/11914.html](http://www.bn.ru/news/2007/04/11/11914.html)).

С момента принятия Закона о розничных рынках законодателем были внесены в него изменения с целью его оптимизации, которые можно представить следующим образом.

Федеральным законом от 17 июля 2009 г. № 156-ФЗ «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона “О розничных рынках” и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (Рос. газ. 2009. 20 июля) внесены следующие изменения в ч. 2 ст. 24 Закона о розничных рынках.

Старая редакция:

С 1 января 2010 года оборудование и застройка рынков, за исключением сельскохозяйствен-

ных рынков и сельскохозяйственных кооперативных рынков, осуществляются управляющими рынками компаниями при обязательном соблюдении основных требований, предусмотренных статьей 11 настоящего Федерального закона. Субъекты Российской Федерации вправе сократить срок, установленный настоящей частью.

Новая редакция:

2. С 1 января 2013 года оборудование и застройка рынков, за исключением сельскохозяйственных рынков и сельскохозяйственных кооперативных рынков независимо от мест их нахождения, иных розничных рынков, находящихся на территориях городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, городов с численностью населения более 500 тысяч человек, являющихся столицами или административными центрами субъектов Российской Федерации, осуществляются управляющими рынками компаниями при обязательном соблюдении основных требований, предусмотренных статьей 11 настоящего Федерального закона. Субъекты Российской Федерации вправе сократить срок, установленный настоящей частью.

Федеральным законом от 3 июня 2009 г. № 116-ФЗ «О внесении изменений в статью 15 Федерального закона “О розничных рынках” и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» (Там же. 9 июня) внесены изменения в ст. 15 Закона о розничных рынках.

а) Дополнить частью 1.1 следующего содержания.

1.1. При формировании и утверждении схемы размещения торговых мест на универсальном рынке управляющая рынком компания должна предусматривать и предоставлять торговые места для осуществления деятельности по продаже сельскохозяйственной продукции гражданами, ведущими крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства или занимающимися садоводством, огородничеством, животноводством, в количестве, определенном органом местного самоуправления муниципального образования, на территории которого находится рынок, в порядке, установленном органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

б) Изменить редакцию части 6.

Старая редакция:

6. Порядок заключения договора о предоставлении торгового места, его типовая форма устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом должна предусматриваться упрощенная форма договора о предоставлении торговых мест на сельскохозяйственном рынке, сельскохозяйственном кооперативном рынке. Цена договора о предоставлении торгового места определяется управляющей рынком компанией самостоятельно.

Новая редакция:

6. Порядок заключения договора о предоставлении торгового места, его типовая форма устанавливаются органами государственной власти субъектов Российской Федерации. Таким образом должна предусматриваться упрощенная форма договора о предоставлении торговых мест на сельскохозяйственном рынке, сельскохозяйственном кооперативном рынке, а также гражданам, ведущим крестьянские (фермерские) хозяйства, личные подсобные хозяйства или занимающимся садоводством, огородничеством, животноводством, на универсальном рынке. Цена договора о предоставлении торгового места определяется управляющей рынком компанией самостоятельно.

Федеральным законом от 23 июля 2008 г. № 160-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием осуществления полномочий Правительства Российской Федерации» (Там же. 2008. 25 июля) внесены следующие изменения в статью 3 Закона о розничных рынках.

а) Изменить редакцию пункта 5.

Старая редакция:

5) сельскохозяйственный рынок – специализированный рынок, на котором осуществляется продажа сельскохозяйственной продукции в соответствии с перечнем, определенным Правительством Российской Федерации.

Новая редакция:

5) сельскохозяйственный рынок – специализированный рынок, на котором осуществляется продажа сельскохозяйственной продукции в соответствии с перечнем, определенным уполномоченным

Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

б) Изменить редакцию пункта 6.

Старая редакция:

6) сельскохозяйственный кооперативный рынок – сельскохозяйственный рынок, управление которым осуществляется управляющей рынком компанией, зарегистрированной в соответствии с законодательством Российской Федерации в форме сельскохозяйственного потребительского кооператива, и на котором осуществляется продажа сельскохозяйственной продукции в соответствии с перечнем, определенным Правительством Российской Федерации.

Новая редакция:

6) сельскохозяйственный кооперативный рынок – сельскохозяйственный рынок, управление которым осуществляется управляющей рынком компанией, зарегистрированной в соответствии с законодательством Российской Федерации в форме сельскохозяйственного потребительского кооператива, и на котором осуществляется продажа сельскохозяйственной продукции в соответствии с перечнем, определенным уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

Однако анализ внесенных законодателем изменений в законодательство о розничных рынках приводит к выводу о том, что они сводятся к формальному изменению текста закона, а это не может способствовать повышению качества регулирования рассматриваемой группы отношений. Таким образом, обозначенные в начале данной статьи проблемы, к сожалению, на настоящий момент решения не получили.



Библиографический список

1. О розничных рынках и о внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон : [от 30 дек. 2006 г. № 271-ФЗ : в ред. от 17 июля 2009 г. № 156-ФЗ] // Рос. газ. – 2007. – 10 янв. ; 2009. – 20 июля.
2. Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации : федер. закон : [от 28 дек. 2009 г. № 381-ФЗ] // Рос. газ. – 2009. – 30 дек.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : в ред. от 25 нояб. 2009 г. № 267-ФЗ] // Рос. газ. – 2001. – 31 дек. ; 2009. – 27 нояб.

References

1. On Retail Markets and Introducing Changes into the Labour Code of the Russian Federation : federal law : [of December 30, 2006 federal law № 271 : revised on July 17, 2009 federal law № 156] // Rossiyskaya Gazeta. – 2007. – January 10 ; 2009. – July 20.
2. On the Basics of State Regulation of Trade Activity in the Russian Federation : federal law : [of December 28, 2009 federal law № 381] // Rossiyskaya Gazeta. – 2009. – December 30.
3. The Labour Code of the Russian Federation : [federal law of December 30, 2001 federal law № 197 : of November 25, 2009 federal law № 267] // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – December 31 ; 2009. – November 27.

А. С. Божков,
аспирант кафедры гражданского
права и процесса Волгоградского
государственного университета

A. S. Bozhkov,
post-graduate student of the Department
of Civil Law and Process
of Volgograd State University

**ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В ОБЩЕМ СОБРАНИИ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВА
С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ОДНИМ ЛИЦОМ ВСЕХ УЧАСТНИКОВ
КАК ФОРМА ПРОВЕДЕНИЯ ОБЩЕГО СОБРАНИЯ**

**Representation by One Person at the Members General Meeting
of the Limited Liability Company on Behalf of All the Members as a Form
of Organizing a General Meeting**

Аннотация. В статье ставится вопрос о возможности проведения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью при участии одного лица, представляющего по доверенности интересы всех участников общества. Автор делает вывод, что законом проведение общего собрания в подобной форме не урегулировано, но и не запрещено. Автор считает, что проведение общего собрания в форме участия одного доверенного лица могло бы быть востребовано, и предлагает дополнить законодательство соответствующими нормами.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, общее собрание участников, доверенность, представительство.

Abstract. In the article the author poses a question concerning the possibility of conducting a general meeting of the members of a limited liability company with the participation of one person representing the interests of all the members by proxy. The author concludes that conducting general meetings in such a form is not regulated by the law but is not prohibited as well. The author states that conducting a general meeting in the form of participation of one authorized representative could be in demand and offers to supplement the legislation by the corresponding norms.

Key words: limited liability company, general meeting of members, letter of attorney, representation.

Многие проблемы управления в обществе с ограниченной ответственностью связаны с деятельностью коллективных органов управления общества, в том числе и общего собрания участников общества. Некоторые аспекты работы общего собрания на законодательном уровне урегулированы недостаточно и требуют дополнительного нормативного регулирования.

Общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью является высшим органом управления общества, о чем гласит п. 1 ст. 32 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (Рос. газ. 1998. 17 февр.). Реализуя свои полномочия, общее собрание участников решающим образом влияет на деятельность общества с ограниченной ответственностью. Вопросы, имеющие отношение к компетенции общего собрания и определяющие порядок его деятельности, являются первостепенно важными для участников общества и, следовательно, требуют особого внимания законодателя. Один из таких вопросов – это вопрос о выдаче доверенностей на представительство в общем собрании участников общества. Он урегулирован п. 2 ст. 37 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», где сказано, что уча-

стники общества вправе участвовать в общем собрании лично или через своих представителей; представители участников общества должны предъявить документы, подтверждающие их надлежащие полномочия; доверенность, выданная представителю участника общества, должна содержать сведения о представляемом и представителе (имя или наименование, место жительства или место нахождения, паспортные данные), быть оформлена в соответствии с требованиями пп. 4 и 5 ст. 185 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ) или удостоверена нотариально.

Представляется, что порядок проведения общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью указанной нормой урегулирован не до конца и требует дополнительной разработки. Подобная позиция, в частности, содержится в Комментариях к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» под редакцией М. Ю. Тихомирова, где предлагается в духе диспозитивного регулирования разрешить во внутренних документах или уставе общества не урегулированный законом вопрос о смене представителя участника в общем собрании участников общества (Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / под ред. М. Ю. Тихомирова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2007). Многие ис-

следователи считают, что надо дополнить ст. 37 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» новыми нормами или изменить существующие. Учитывая то обстоятельство, что целый ряд вопросов, связанных с деятельностью общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, требует дополнительного нормативного или внутреннего регулирования, автор статьи подробно остановится лишь на одном, наименее освещенном в правовой науке и практике, вопросе.

Согласно п. 1 ст. 185 ГК РФ доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу для представительства перед третьими лицами. Ни ГК РФ, ни Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» не содержат каких-либо прямых ограничений, связанных с запретом выдачи доверенности на представительство в общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью всеми участниками общества одному лицу. Для корпоративных отношений это означает, что даже при наличии нескольких десятков участников общества возможно проводить общее собрание фактически с участием одного доверенного лица.

Тем не менее законодательно подобные отношения не урегулированы. Данное обстоятельство оставляет неразрешенными вопросы, связанные с порядком проведения подобного собрания с участием всего одного доверенного лица, более того, не дает ответа на главный вопрос о том, соответствует ли проведение общего собрания участников при участии одного доверенного лица сути законодательства об обществах с ограниченной ответственностью. Логично обратиться к единственной норме, регулирующей поведение доверенного лица в отношениях между его несколькими доверителями. В соответствии с п. 3 ст. 182 ГК РФ представитель не может совершать сделки от имени представляемого в отношении себя лично; он не может также совершать такие сделки в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является, за исключением случаев коммерческого представительства. Однако остается непонятным, возможно ли считать принятие решения доверенным лицом на общем собрании от имени всех участников «сделкой в отношении другого лица, представителем которого он одновременно является», учитывая то обстоятельство, что доверенное лицо, принимая решение от имени всех участников, действует в одних и тех же правоотношениях как бы от имени всех его сторон.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанно-

стей. Решение, принимаемое на общем собрании участников общества с ограниченной ответственностью, является действием, направленным на изменение правовых отношений, а значит, является сделкой. Согласно ст. 154 ГК РФ сделки могут быть двух- или многосторонними (договоры) и односторонними; односторонней считается сделка, для совершения которой в соответствии с законом, иными правовыми актами или соглашением сторон необходимо и достаточно выражения воли одной стороны. Согласно ст. 423 ГК РФ договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей, является возмездным; безвозмездным признается договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления. В данном случае по решению общего собрания, предусмотренного ст. 423 ГК РФ, предоставления от одной стороны другой не происходит. Многосторонней сделкой (договором) решение общего собрания считать нельзя. Для совершения сделки в виде решения общего собрания достаточно выражения воли одной стороны, участников общества. Получается, что решение общего собрания участников общества является односторонней сделкой, и все участники общества занимают одну сторону сделки. При таких обстоятельствах «сделкой в отношении другого лица» в понимании п. 3 ст. 182 ГК РФ решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью в принципе являться не может.

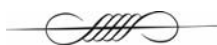
Значит, запрета в законодательстве на применение подобной конструкции участниками общества действительно не существует. Принципам закона, на взгляд автора, указанная конструкция также не противоречит, фактически представляя собой еще одну форму работы общего собрания участников общества. Широкое применение такой формы работы собрания позволит значительно упростить работу общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, что может быть востребовано в обществах, в которых, с одной стороны, значительное количество участников, а с другой, конфликты между участниками отсутствуют. Фактически форма работы собрания при участии одного доверенного лица может заменить собой проведение заочного голосования, предусмотренного ст. 38 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Очевидно, что применение формы работы общего собрания участников общества, подразумевающей участие одного доверенного лица, предоставляет широкие возможности для злоупотреблений со стороны данного лица. В связи с этим применение подобной формы должно

осуществляться исключительно с согласия всех участников общества, выраженного, например, только единогласно и только при личном присутствии на общем собрании. Понятно, что лицо, выбранное участниками общества в качестве единого представителя, должно обладать безусловным неограниченным кредитом доверия участников, однако даже с учетом такого доверия механизм контроля представителя и ограничения его полномочий объективно необходим. Подобный механизм контроля в виде, например, незамедлительных отчетов представителя, уведомлений о планируемых им к принятию решениях или ином виде, безусловно, должен быть закреплен законодательно или содержаться во внутренних документах общества. Однако важным фактором, ограничивающим возможные злоупотребления представителем, должно быть само содержание доверенностей, выдаваемых представителю. В доверенностях можно предусмотреть прямой запрет на принятие представителем решений по таким ключевым вопросам, как изменение устава общества, в том числе изменение размера уставного капитала общества, реорганизация или ликвидация общества.

Проведение общего собрания в форме участия единого представителя, учитывая отсутствие на это прямого запрета в законодательстве, может

быть предусмотрено и урегулировано внутренними документами общества с ограниченной ответственностью. Однако для широкого применения и надлежащей работы указанной формы деятельности общих собраний необходимо ее непосредственное законодательное закрепление и подробное определение на законодательном уровне порядка и особенностей работы собраний в форме такого рода. Учитывая вышеизложенное, автор считает, что Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» необходимо дополнить отдельной статьей, регламентирующей работу общего собрания участников в форме участия единого доверенного лица, а п. 2 ст. 37 данного закона можно было бы дополнить следующим положением: «Представительство на общем собрании одним лицом (представителем) двух и более участников общества возможно только по решению общего собрания участников общества, принятому при личном присутствии всех участников. Порядок проведения общего собрания участников общества при непосредственном присутствии только одного представителя, надлежаще представляющего интересы всех без исключения участников общества, определяется положениями настоящего Федерального закона, а также внутренними документами общества».



Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : [федер. закон : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : по состоянию на 27 дек. 2009 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301 ; 2009. – № 52, ч. 1, ст. 6428.
2. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью» / под ред. М. Ю. Тихомирова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 1) : [federal law : adopted by the State Duma on October 21, 1994 : in the edition of December 27, 2009] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32, art. 3301 ; 2009. – № 52, part 1, art. 6428.
2. Commentary to the Federal Law «On Limited Liability Companies» / ed. by M. Yu. Tikhomirov. – 4th ed., rev. and suppl. – M., 2007.

В. Г. Булгаков,
*докторант факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Волгоградской академии МВД России
кандидат технических наук, доцент*

V. G. Bulgakov,
*applicant for the doctoral degree
of the Faculty of Research and Teaching Staff Training
of Volgograd Academy of the Ministry of the Internal Affairs
Candidate of Engineering, Assistant professor*

**СПЕЦИФИКА ПОЛУЧЕНИЯ ОБРАЗЦОВ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ДИНАМИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ЧЕЛОВЕКА ПО МАТЕРИАЛАМ ВИДЕОЗАПИСИ**

**Specificity of Obtaining Samples for Comparative Examination
of Dynamic Features of a Man on Video Materials**

Аннотация. В статье обозначены проблемы получения образцов для сравнительного исследования динамических признаков человека по материалам видеозаписи. Рассмотрены требования, предъявляемые к таким образцам, и приведены рекомендации по получению образцов для сравнительного исследования походки человека.

Ключевые слова: динамические признаки человека, системы видеонаблюдения, образцы для сравнительного исследования, сопоставимость, экспериментальные образцы, свободные образцы.

Abstract. The article is dedicated to the problem of obtaining samples for comparative analysis of dynamic features of a person on video materials. The author considers the main demands to such samples and gives recommendations how to obtain samples for the comparative research of a person's step.

Key words: dynamic features of a man, systems of video-supervision (videoobservation), object of the examination, comparability, experimental object, free object.

В настоящее время системы видеонаблюдения очень распространены и широко используются в практике охраны различных объектов хозяйственного, бытового назначения, а также личной собственности граждан (в аэропортах, метрополитене, на вокзалах, автозаправочных станциях, автомагистралях, в торговых центрах, банках, казино, подъездах жилых домов и т. д.).

Кроме того, в регионах России продолжается внедрение аппаратно-программного комплекса «Безопасный город». На начало 2010 г. данная система развернута уже в 59 субъектах РФ, где функционируют свыше 148,8 тысячи установок видеонаблюдения (Пресс-релиз к расширенному заседанию Коллегии МВД России по итогам работы органов внутренних дел в 2009 году. URL: <http://www.mvd.ru/press/release/7475/>).

Объективный глаз видеокамеры позволяет получать материально фиксированную информацию об обстоятельствах события преступления, некоторых элементах механизма его совершения и преступнике (Суржиков М. Л., Поставнин В. И., Иванов П. Ю. Криминалистические требования на установку и эксплуатацию телевизионных систем наблюдения : информ. письмо. М., 2001. С. 3–4). При этом в ходе фиксации криминальной деятельности человека в поле зрения видеокамер попадает информация как о статических, так и о динамических признаках человека (особенностях походки, жестикуляции, динамических проявлениях преступных навыков).

Использование материалов, полученных системами видеонаблюдения, в ходе раскрытия и расследования преступлений состоит в основном в предоставлении архивной информации наблюдения для восстановления хода события происшествия. При этом возможности криминалистического исследования материалов записи систем видеонаблюдения в настоящее время ограничены малой информативностью зафиксированной видеокамерами первичной информации, а также неприспособленностью традиционных экспертных методик к исследованию изображений человека, полученных в динамике.

Судебные эксперты, исследующие такие материалы в рамках портретной экспертизы, сталкиваются с целым рядом проблем. Во-первых, лицо человека в видеоматериалах редко отображается крупным планом, занимает незначительную часть кадра и зафиксировано в ракурсах, затрудняющих изучение признаков элементов лица (Зинин А. М. Судебно-портретная экспертиза (современное состояние и актуальные вопросы) // Эксперт-криминалист. 2008. № 4. С. 19). Во-вторых, в некоторых случаях на видеоизображениях запечатлеваются только силуэты фигур, что в принципе исключает возможность проведения портретной экспертизы.

В связи с этим применение традиционных методик портретной идентификации по признакам внешности, запечатленным на видеоизображении, приводит лишь к вероятностным выводам (Зинин А. М., Зотов А. Б., Буданов С. А. Криминалистическое установление личности человека

с использованием фото-, видеоизображений и субъективных портретов : метод. рекомендации. М., 1998. С. 10–14). Чаще же из-за неудовлетворительного качества статичных изображений эксперты вообще вынуждены отказываться от проведения экспертизы на стадии осмотра объектов.

Вместе с тем сегодня уже разработаны основы криминалистического исследования для таких динамических признаков человека, как особенности походки, жестикуляции, артикуляции речевого аппарата и др. (Булгаков В. Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека : монография / под ред. А. М. Зинина. М., 2009. С. 128–149). Активно ведется наполнение баз данных типовых проявлений динамических признаков человека (Булгаков В. Г. О современной классификации признаков походки человека в криминалистике // Вестн. криминалистики. 2007. № 4(27). С. 49–56).

Кроме того, существуют положительные примеры экспертной практики проведения идентификационных биомеханических исследований походки человека (Барановский С. И., Китаев Н. Н. Идентификация личности по походке и осанке // Проверка версии о виновном / под общ. ред. Г. А. Густова. СПб., 1992. С. 11–12 ; Китаев Н. Н., Негреева М. Б., Шендеров В. А. Идентификационные возможности биомеханической экспертизы в криминалистике // Вестн. криминалистики. 2007. № 2(22). С. 61–63).

Установить причастность того или иного лица к совершению преступления возможно только в результате идентификационного исследования с использованием отображений человека, где указанное лицо зафиксировано в материалах видеозаписи. Следовательно, возникает необходимость в получении образцов тех или иных отображений внешности человека для проведения сравнительного исследования.

Получение образцов в данном случае представляет собой самостоятельное процессуальное действие, производимое органом расследования или судом в целях обеспечения производства судебной экспертизы и установления обстоятельств, имеющих значение для дела. Согласно ст. 202 УПК РФ при получении образцов для сравнительного исследования не должны применяться методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство.

В ст. 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» установлено, что образцы для сравнительного исследования – это объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для про-

ведения исследований и дачи заключения (Рос. газ. 2001. 5 июня). При этом получение образцов динамических признаков человека, представляющих собой отображения его динамических (психофизиологических) свойств, зафиксированных средствами видеозаписи, не противоречит действующему законодательству.

Следует отметить, что в ст. 202 УПК РФ не содержится исчерпывающего перечня образцов, изымаемых для сравнительного исследования. По мнению специалистов, они должны удовлетворять трем основным требованиям: несомненность происхождения, репрезентативность и сопоставимость (Криминалистика: информационные технологии доказывания : учеб. для вузов / под ред. В. Я. Колдина. М., 2007. С. 550–551). Несомненность происхождения означает точное указание в процессуальных документах источника происхождения образцов. Репрезентативность (представительность) заключается в отображении в образцах достаточного объема идентификационных признаков и надлежащем их качестве. Сопоставимость подразумевает отсутствие различий, не обусловленных действительным отличием сравниваемых объектов.

Рассмотрим подробнее два последних требования, предъявляемых к образцам для сравнительного исследования, применительно к образцам динамических признаков человека.

Репрезентативность отображений динамических признаков человека, полученных с использованием средств видеонаблюдения, определяется техническими характеристиками средств регистрации и их расположением относительно фиксируемых объектов.

В частности, отображение идентификационных признаков человека, проявляющихся в движении, определяется полнотой передачи динамической информации, которая может быть обеспечена только при непрерывной фиксации видеокамерой с высокой скоростью регистрации (не менее 25 кадров в секунду). Фрэймовая запись (т. е. запись отдельными кадрами) в данном случае совершенно не допустима. Используемые видеокамеры должны отвечать формату высокого разрешения (High Definition), а графическое разрешение изображения составлять 1920×1080 точек и более. Кроме того, существенное значение имеет выбранный в системе видеорегистрации формат сжатия при записи данных, а именно должны использоваться способы компрессии видеoinформации, не приводящие к ее потере, например, метод покадровой компрессии видеоданных.

Для получения изображений человека в полный рост или только его лица камеры следует располагать приблизительно на одном уровне с фиксируемым человеком (на высоте порядка 160–170 см). При этом должна обеспечиваться

возможность одновременного фиксирования человека несколькими телекамерами (как минимум двумя). Их целесообразно расположить с фронтальной и боковой (по возможности слева и справа) точек съемки относительно направления движения человека. Наиболее ценной с точки зрения идентификационного исследования является боковая проекция съемки движущегося человека, так как именно в этой проекции происходят наиболее высокоамплитудные движения конечностей.

Технические комплексы видеонаблюдения и видеорегистрации должны обеспечивать получение видеоданных высокого качества, пригодных для идентификационных исследований и предоставления материалов в суд. Сертификат соответствия указанным требованиям выдается по результатам исследования системы видеонаблюдения в Экспертно-криминалистическом центре МВД России (ЭКЦ МВД РФ подтвердил пригодность видеоданных, полученных с помощью комплексов VOCORD, для проведения последующих идентификационных исследований. URL: <http://sec4u.ru/text/8-2007-bezo/158/index.shtml>).

Следует также учитывать, что на качество получаемых отображений внешности человека, определяющих пригодность их для идентификационного исследования, влияют условия отражения, подразделяемые на две группы: 1) связанные с характеристиками средств фиксации и 2) учитывающие ряд условий, в которых происходит отражение. К первой группе относятся: характеристики видеокамеры (разрешающая способность, фокусное расстояние, угол поля зрения, светочувствительность и др.), скорость записи (частота съемки), ракурс, крупность плана съемки, условия освещения и т. д. Вторую группу факторов составляют: погодные условия, характер дорожного покрытия, особенности одежды, обуви человека и т. п.

Наибольшую сложность применительно к образцам динамических признаков человека представляет решение задачи создания условий сопоставимости объектов, поступающих на экспертное исследование, которые содержат отображения человека.

В соответствии со ст. 202 УПК РФ следователь вправе самостоятельно получить образцы для сравнительного исследования (судебной экспертизы) у подозреваемого, обвиняемого, а также у свидетеля или потерпевшего в случаях, когда возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. Однако, как показывает практика, получаемые таким образом образцы для сравнительного исследования далеко не всегда удовлетворяют требованиям, предъявляемым к производству судебной экспертизы.

Даже образцы для проведения портретной экспертизы, т. е. фотоснимки лица, нередко изготавливают с нарушением правил сигналетической съемки. Изъятие же образцов динамических признаков человека является достаточно сложным действием, связанным с применением технических средств видеозаписи, соблюдением целого ряда требований по их фиксации, и поэтому его целесообразно производить с участием специалиста либо лица, которому поручается проведение судебной экспертизы (эксперта).

Получение образцов для сравнительного исследования динамических признаков человека, в частности, особенностей походки, имеет свою специфику.

В частности, фиксировать образцы ходьбы следует не менее чем с двух направлений съемки (с боковой и фронтальной точек), крупным планом, предлагая лицу, чьи образцы походки отбирают, пройти в прямом и обратном направлении не менее 10 шагов. Для получения достаточного объема материалов для сравнительного исследования и обеспечения репрезентативности образцов следует повторить прохождение лица не менее трех раз.

При решении вопроса о необходимом количестве образцов для сравнительного исследования походки следует учитывать, что особенности походки наилучшим образом проявляются через некоторое время после начала движения, т. е. когда человек пройдет несколько шагов. С целью преодоления состояния «скованности», особенно перед объективом видеокамеры, необходимо создать лицу, чьи образцы походки отбирают, благоприятные условия. При этом достаточное количество образцов походки для исследования определяется экспертом, который в дальнейшем будет проводить ее экспертизу. Разные элементы походки и их отличительные признаки могут быть исследованы по изображениям, полученным как с фронтальной точки съемки относительно направления движения человека (например, угол разворота стопы и ширина шага), так и с боковой (например, длина, частота шага, время переноса ноги, клиренс и др.).

При получении образцов походки для сравнительного исследования следует варьировать темп движения, предлагая лицу, чьи образцы походки отбираются, пройти быстрым, обычным и медленным шагом. Образцы должны отображать все варианты походки проверяемого лица.

Моделирование в лабораторных условиях ситуации получения отображения динамических признаков человека бывает сложным и не всегда приводит к желаемому результату. Поэтому реконструировать все эти условия лучше именно там, где происходило расследуемое событие. При этом для фиксации образцов для сравнительного исследования могут использоваться те

же системы видеонаблюдения, которые запечатлели лицо в момент совершения преступления.

По нашему мнению, получение образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) динамических признаков человека следует считать разновидностью экспертного эксперимента. Полученные при этом образцы выступают лишь как источники доказательственной информации для производства соответствующей экспертизы. Результаты же экспертного исследования, выражившиеся в заключении эксперта, будут являться доказательством по уголовному делу. При этом следует согласиться с позицией О. Я. Баева, который рассматривает получение образцов для сравнительного исследования как «предшествующее, вспомогательное действие, обеспечивающее возможность проведения такого действительно уже следственного действия, как назначение экспертизы» (Баев О. Я. Основы криминалистики. М., 2001. С. 191).

При получении образцов походки для сравнительного исследования в ряде случаев есть вероятность, что лицо может отказаться от их предоставления или умышленно изменить исследуемые динамические признаки.

В связи с этим следует иметь в виду, что получить экспериментальные образцы походки в принудительном порядке в силу ее психофизиологической природы так же, как и образцы почерка, невозможно. При отказе лица от предоставления образцов для сравнительного исследования указанный факт должен найти свое отражение в соответствующем протоколе.

Для предупреждения умышленного искажения динамических признаков походки необходимо

создать условия, в которых управление двигательными действиями человека перейдет на неосознаваемый уровень и будет автоматизировано (Булгаков В. Г. Психофизиологические основы криминалистического исследования динамических признаков человека // Найновите научни постижения – 2009 : материали за 5-а междунар. науч. практ. конф. (17–25 март 2009 г). София, 2009. Т. 10 : Закон. Държавна администрация. С. 33–36). Это можно сделать, если, например, предложить лицу, от которого получают образцы походки, в процессе ходьбы осуществлять устный счет или вести беседу с испытуемым.

Экспериментальные образцы походки лица сопоставляются со свободными образцами его же походки. Под свободными образцами понимают образцы, возникшие до совершения преступления и начала расследования и вне всякой связи с ними. К ним относятся бытовые видеозаписи, например, полученные из семейного видеоархива лица. Они изымаются в ходе производства следственных действий – следственных осмотров, обысков, выемок и т. д. Несоответствие по каким-либо признакам экспериментальных и свободных образцов походки может свидетельствовать о возможном умышленном искажении лицом своей походки (Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов. М., 2003. С. 49, 57).

Таким образом, знание особенностей получения образцов динамических признаков человека для их экспертного исследования позволит более эффективно использовать эту информацию в решении идентификационных задач.



Библиографический список

1. Булгаков В. Г. Основы криминалистического исследования динамических признаков человека : монография / В. Г. Булгаков ; под ред. А. М. Зинина. – М., 2009.
2. Долженко Н. И. Образцы для сравнительного исследования и тактика получения экспериментальных образцов / Н. И. Долженко. – М., 2003.
3. Зинин А. М. Судебно-портретная экспертиза (современное состояние и актуальные вопросы) / А. М. Зинин // Эксперт-криминалист. – 2008. – № 4.

References

1. Bulgakov V. G. Fundamentals of Criminalistic Research of Dynamic Features of a Person / V. G. Bulgakov ; ed. by A. M. Zinin. – M., 2009.
2. Dolzhenko N. I. Samples for Comparative Research and Tactics of Obtaining Experimental Samples / N. I. Dolzhenko. – M., 2003.
3. Zinin A. M. Forensic Portrait Examination (Modern State and Urgent Questions) / A. M. Zinin // Expert-criminalist. – 2008. – № 4.

П. Г. Вельш,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

P. G. Velsh,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

ЭКСПЕРТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ МАССОВОГО ПРОИЗВОДСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Expert Study of Counterfeit Items of Mass Production: Problems and Possible Solutions

Аннотация. В работе дан анализ современного состояния рынка контрафактных автозапчастей. Автором определены роль и значение экспертного исследования в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с защитой авторских и смежных прав производителей.

Ключевые слова: контрафакт, эксперт, исследование, раскрытие преступления, расследование преступления, продукция.

Abstract. The paper contains analysis of the modern market of counterfeit automobile spare parts production. The author defines the role and importance of expert studies in disclosing and investigating crimes connected with the protection of the author's and adjoining copyright.

Key words: counterfeit, expert, examination, crime disclosure, crime investigation, production.

В современном мире в связи с ростом научно-технического прогресса активно развиваются отдельные виды преступной деятельности, которые в дальнейшем превращаются в мощные криминальные индустрии. В качестве примера можно привести нарушения авторских и смежных прав, выражающиеся в изготовлении и обороте контрафактной продукции.

«Торговые убытки России ежегодно в связи с нарушениями Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах»¹ (аудио, видео, компьютерные программы, компакт-диски и книги), по некоторым оценкам, составляют около 1 млрд долларов США, в том числе в сфере видеобизнеса в пределах 600 млн долларов США, а процентный показатель объема пиратских товаров от общего объема соответствующего типа товаров на рынке нашей страны составляет порядка 90 % (в сфере видеобизнеса – 80 %)» (О практике применения законодательства по защите интеллектуальной собственности, состоянии прокурорского надзора и мерах по усилению борьбы с пиратством в аудиовизуальной сфере : информ. письмо Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 30 марта 2001 г. № 36-15-01. URL: <http://www.libertarium.ru/prosecution-letter>). Чрезвычайно высоким остается уровень контрафактности программного обеспечения, который, по оценкам компании «Microsoft», составляет 92 %.

Помимо контрафактной аудио-, видеопродукции и программного компьютерного обеспечения, наиболее активно реализуемых, не менее распространены контрафактные изделия автомобильной промышленности, выпуск и оборот которых наносит значительный материальный

ущерб производителям подлинных изделий и потребителям ввиду низкого качества подделок.

В настоящее время деятельность по пресечению преступлений, связанных с изготовлением и оборотом контрафактной и поддельной продукции на территории нашего государства, регулируется: Гражданским кодексом Российской Федерации (ч. IV), Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (ч. 14.7 гл. 14), Уголовным кодексом Российской Федерации (далее: УК РФ) (ст. 146, 159, 180).

Анализ отечественного законодательства (например, ч. 3 ст. 180 УК РФ) показывает, что за данное преступление с причинением крупного ущерба положено наказание вплоть до 6 лет лишения свободы. Тем не менее размер «крупного ущерба» в статье не определен (как и сама методика установления ущерба какому-либо предприятию выпуском контрафактной продукции в том или ином объеме). Заметим, что в УК РФ отсутствуют четко сформулированные понятия: «производство контрафактной продукции», «использование торговой марки», «умысел» и др. (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Уголовный кодекс Российской Федерации (официальный текст с изменениями и дополнениями). М., 2010). Эти и ряд других недостатков, безусловно, негативно влияют на результативность борьбы с изготовлением и оборотом контрафактной продукции.

В то же время принятия эффективных мер правового, экономического, организационно-технического характера для защиты потребительского рынка требуют и условия вступления России во Всемирную торговую организацию. В рамках этой организации действует соглашение по тарифам и торговле, предусматривающее сотрудничество стран-участниц в борьбе с контрафактной продукцией.

© Вельш П. Г., 2010

¹ Данный закон утратил силу.

Особая роль в этой борьбе должна отводиться, по нашему мнению, экспертизе по установлению контрафактной продукции, подделки торговой марки или товарного знака. Необходимо помнить, что экспертами по данному вопросу могут выступать представители различных организаций, в том числе коммерческих, обладающие соответствующими знаниями и опытом. Как свидетельствует практика, при рассмотрении материалов дела во время судебных заседаний стороны нередко предъявляют экспертные заключения с противоположными выводами. В связи с этим возникает необходимость проведения повторных экспертиз, в результате чего сроки рассмотрения дела затягиваются, а при отсутствии решения суда практически создаются условия для продолжения преступной деятельности по изготовлению и обороту контрафактной продукции.

Отметим, что в отличие от Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях требует, чтобы в исходе дела не был заинтересован не только эксперт, но и специалист. В связи с этим привлечение в качестве специалистов представителей правообладателей с точки зрения уголовно-правового законодательства носит необоснованный характер. Между тем именно специалисты – представители правообладателя, по нашему мнению, располагают необходимыми знаниями, опытом работы, квалификацией и соответствующей документацией, позволяющими определить качество и соответствие конкретной продукции предъявляемым требованиям. С учетом изложенного считаем возможным (и даже необходимым) привлечение таких специалистов в производстве по делам, связанным с изготовлением и оборотом контрафактной продукции.

В рамках проводимого автором исследования был подвергнут глубокому анализу рынок автомобильных запчастей, который в настоящее время довольно динамично развивается, объемы продаж растут. Однако вместе с качественной продукцией растут и поступления поддельных запчастей. По разным данным, от 35 до 45 % всех деталей, реализуемых в оптовой и розничной торговле в нашей стране, являются контрафактными. Рынок поддельных запчастей оценивается в миллиарды долларов¹.

Практически все респонденты (эксперты-криминалисты – 92 %, сотрудники УБЭП – 85 %, следователи – 73,5 %) убеждены в необходимости развития нового направления (подвида) экспертных исследований поддельных автомобильных запчастей (деталей) в рамках трасологической экспертизы изделий массового производства.

¹ По данным официальной статистики ГИАЦ МВД России за первое полугодие 2010 г.; опроса сотрудников служб безопасности заводов ОАО «Горьковский автомобильный завод» и ОАО «Балаковорезинотехника» (г. Нижний Новгород); опроса сотрудников органов внутренних дел УВД по Владимирской области.

При этом к поддельным деталям специалисты склонны относить изделия, изготовленные не в заводских условиях, нацеленных на серийное производство автодеталей, а выпущенные в продажу без наличия на то лицензии, с нарушением авторских и смежных прав.

Целями экспертного исследования автозапчастей, по нашему мнению, являются следующие:

- установление факта подделки (несоответствия требованиям конструкторской документации на представленную деталь);
- установление соответствия представленных образцов автодеталей ГОСТам (ТУ), регламентирующим производство аналогичной продукции;
- установление соответствия представленных образцов автодеталей требованиям безопасности;
- установление общности источника происхождения деталей, изъятых из оборота в разных местах;
- идентификация конкретного оборудования, с помощью которого были изготовлены детали.

Для успешного достижения указанных целей, по нашему мнению, необходимо обращать особое внимание:

1) на упаковку. Заводская упаковка содержит следующую информацию: товарный знак завода-изготовителя; наименование и обозначение изделия; наименование ГОСТа (ТУ); дата изготовления; номер упаковщика; номер контролера; знак соответствия; клеймо окончательной приемки;

2) внешний вид деталей:

- пластмассовые детали, изготовленные промышленным путем, не должны иметь следов механической обработки;
- при производстве в заводских условиях детали должны быть гладкими, не иметь зазубрин и острых краев;
- рассеиватели фар должны иметь насыщенные цвета и не иметь надиров, сколов и других дефектов;

3) маркировку изделия. Заводская маркировка включает в себя: торговый знак завода-изготовителя; обозначение изделия; обозначение ГОСТа (ТУ); знаки омологации; дату выпуска; этикетку со штрих-кодом (для новых изделий); клеймо окончательной приемки. Пластмассовые детали фар и фонарей имеют маркировку материала, из которого они изготовлены.

Эксперт-трасолог в ходе проведения сравнительного исследования детали, взятой за эталон, с деталями, изъятыми в ходе оперативно-розыскных мероприятий, выявляет признаки, характерные для предметов данного типа, и может прийти к определенному выводу.

Безусловно, потребуется соответствующая конструкторская документация на представленную деталь и ее технологическая карта, которая содержит информацию о процессе изготовления детали (литье, штамповка, покрытие, работа фрезой, шлифовка и т. д.). Конструкторская документация, в свою очередь, позволит посредством визуального сравни-

тельного исследования определить несоответствие контрафактной детали оригиналу. Однако, как показывает анализ практики, основная проблема при производстве таких исследований заключается в том, что все указанные выше материалы в большинстве случаев находятся только у производителя и являются секретной информацией (Криминалистическая техника: основы трасологии и криминалистического исследования оружия : учеб. для вузов : в 2 ч. / под ред. проф. Н. П. Майлис. М., 2006. Ч. II).

Данное обстоятельство еще раз, на наш взгляд, подтверждает целесообразность привлечения в качестве специалистов, помимо экспертов системы правоохранительных органов, специалистов – представителей правообладателей. Это тем более оправданно, так как производители обычно самостоятельно принимают соответствующие меры по выявлению и борьбе с изготовлением и оборотом контрафактной продукции. По такому принципу, например, организована деятельность экспертной лаборатории, созданной на базе завода ОАО «Балаковорезинотехника» в г. Нижнем Новгороде. Ее специалисты решают вопросы факта подделки, соответствия представленных образцов автодеталей ГОСТам (ТУ), требованиям безопасности и др. Ежегодно лаборатория получает лицензию на проведение соответствующих экспертиз, что наделяет данные заключения по уголовным и административным делам юридической силой, и они признаются судом в качестве доказательств.

Практика расследования административных правонарушений и уголовных дел данной кате-

гории позволяет сделать вывод о том, что процесс расследования практически всегда требует производства экспертных исследований. В данном случае составляется заключение относительно технической контрафактности товара, при этом не затрагиваются юридические вопросы принадлежности продукции конкретному правообладателю. Специалисты, рассматривая конкретный объект исследования, дают заключение относительно его соответствия или несоответствия конкретному аналогу продукции, предоставленному для производства сравнительного исследования. В настоящее время данные экспертизы могут быть назначены как в экспертно-криминалистические подразделения МВД России, так и независимым экспертам, которые могут вести свою деятельность индивидуально или в составе независимых экспертных организаций.

В заключение отметим, что более эффективное использование криминалистических знаний в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с выпуском и оборотом контрафактной продукции, по нашему убеждению, станет возможным в условиях более пристального внимания к указанным проблемам со стороны законодателя. В качестве одного из первых серьезных шагов по решению проблемы расследования преступлений, связанных с изготовлением и оборотом контрафактной продукции, может быть выделение выпуска и оборота контрафактной продукции в самостоятельную норму, которую более уместно разместить в гл. 22 УК РФ о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Библиографический список

1. Дворянкин О. А. Защита авторских и смежных прав. Ответственность за их нарушение. Уголовно-правовой аспект / О. А. Дворянкин. – М., 2002.
2. Дронова О. Б. Анализ практики производства экспертиз контрафактной продукции «независимыми» экспертами в Волгоградской области / О. Б. Дронова // Судебная экспертиза : науч.-практ. журн. – Саратов, 2010. – № 2.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации // Уголовный кодекс Российской Федерации (официальный текст с изменениями и дополнениями). – М., 2010.
4. Криминалистическая техника: основы трасологии и криминалистического исследования оружия : учеб. для вузов. В 2 ч. Ч. II / под ред. проф. Н. П. Майлис. – М., 2006.
5. О практике применения законодательства по защите интеллектуальной собственности, состоянии прокурорского надзора и мерах по усилению борьбы с пиратством в аудиовизуальной сфере : информ. письмо Генер. прокуратуры Рос. Федерации от 30 марта 2001 г. № 36-15-01. – Режим доступа: <http://www.libertarium.ru/prosecution-letter>.

References

1. Dvoryankin O. A. Author's and Adjoining Copyright Protection. Liability for Their Infringement. Criminal and Legal Aspects / O. A. Dvoryankin. – M., 2002.
2. Dronova O. B. Analysis of the Practice of Making Examinations of Counterfeit Production by «Independent» Experts in Volgograd Region / O. B. Dronova // Judicial Examination. – Saratov, 2010.
3. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation // The Criminal Code of the Russian Federation (Official Text with Amendments and Supplements). – M., 2010.
4. Forensic Techniques: Fundamentals of Tracology and Forensic Study of Firearms. In 2 p. P. II / ed. by prof. N. P. Mailis. – M., 2006.
5. On the Practice of Application of Legislation on the Protection of Intellectual Property, Provision of Prosecutor's Supervision and Measures for Fighting Against Piracy in Audiovisual Sphere : information letter of the Russian Prosecutor General's Office of the Russian Federation of March 30, 2001 № 36-15-01. – Access mode: <http://www.libertarium.ru/prosecution-letter>.

Д. А. Вербицкий,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

D. A. Verbitskiy,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ЕГО МЕХАНИЗМА

Some Aspects of Legal Regulation and Its Mechanism

Аннотация. В статье формулируется определение механизма правового регулирования как системы правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права. Выделяются признаки, характеризующие цель механизма правового регулирования, средства ее достижения и результативность.

Ключевые слова: препятствия, правовое воздействие, правовое регулирование, механизм правового регулирования, процесс правового регулирования, эффективность правового регулирования, пути повышения эффективности правового регулирования.

Abstract. In the article the author defines the mechanism of legal regulation as a system of legal instruments organized in a highly logical way for the purpose of overcoming obstacles on the way to satisfying the interests of the subjects of law. The features are named that characterize the purpose of the system of legal regulation, ways of achieving it and its effectiveness.

Key words: obstacles, legal influence, mechanism of legal regulation, process of legal regulation, effectiveness of legal regulation, ways to increase the effectiveness of legal regulation.

Правовое воздействие обозначает единство общего влияния права на социальную жизнь и поведение людей. Совокупность элементов правового воздействия образует его механизм, состоящий из правовых принципов, правотворчества, механизма правового регулирования, правовой культуры.

Оптимизация правового воздействия проявляется как комплекс мер социального управления, раскрывающийся как механизм социального действия права. Изучение механизма правового воздействия позволяет учитывать значение и функции права в системе регуляторов социальных процессов.

Правовое воздействие в итоге выступает как нормативно-организационное влияние права на социальные процессы (одновременное влияние правовых и неправовых средств).

«Правовое воздействие – это результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как специальной системы собственно правовых средств (норм права, правоотношений, актов реализации и применения), так и иных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса)» (Комаров С. А. Общая теория государства и права. СПб., 2001. С. 323).

Правовое регулирование представляет собой воздействие всей системы юридических средств на общественные отношения с целью их упорядочения. В связи с этим предмет правового регу-

лирования образуют общественные отношения, требующие правового воздействия.

Метод правового регулирования раскрывает способы правового воздействия и состоит из следующих элементов:

- нормативное обеспечение за субъектами права возможности приобретать права и обязанности;
- условия (фактические обстоятельства), приводящие в действие юридические нормы;
- субъективные права и обязанности;
- меры юридического обеспечения поведения субъектов правоотношений (Емельянов Б. М., Травкин С. А. Теория государства и права : учеб. курс. М., 2003).

Различия между правовым воздействием и регулированием состоят в том, что предмет правового воздействия включает в себя предмет правового регулирования. Правовое регулирование как специально юридическое воздействие связано с установлением конкретных прав и обязанностей субъектов права, прежде всего, через правоотношения. Правовое воздействие не всегда связано с конкретными юридическими предписаниями. Правовое регулирование одновременно является и правовым воздействием, и одной из форм воздействия права на общественные отношения.

Правовое воздействие включает в себя информационно-психологический (мотивационный) аспект (совокупность воздействия правовых стимулов и ограничений), воспитательный (ценностно-ориентационный), выражающийся в идеологическом влиянии права на его субъекты,

социальный аспект (социальная среда действия права, включающая в себя формирование с помощью права социально полезных образцов поведения, социально-правовой контроль и др.).

Названные формы правового воздействия оказывают взаимовлияние: специально юридическое воздействие (правовое регулирование) основывается на информационно-психологическом воздействии, сочетается с воспитательными и социальными целями и средствами. Но это переплетение форм воздействия не означает отождествления правового воздействия и правового регулирования.

Если правовое воздействие – это прежде всего влияние на предмет воздействия с помощью системы действий, то правовое регулирование представляет собой упорядочение влияния правовых средств и форм на поведение субъектов права.

Таким образом, правовое регулирование – это воздействие права на общественные отношения при помощи системы специальных юридических средств и методов юридической науки (Комаров С. А. Указ. соч.).

Как и понятие правового регулирования, понятие его механизма в рамках правопведения представляет собой важную общетеоретическую категорию. Оно позволяет не только собрать вместе явления правовой действительности, связанные с решением жизненных ситуаций (нормы, правоотношения, юридические акты и др.), и обрисовать их как целостность (это достигается и при помощи понятия «правовая система»), но и представить их в работающем системно-воздействующем виде, а отсюда – высветить специфические функции, которые выполняют те или иные юридические явления в правовой системе; показать их связь между собой, их взаимодействие.

Механизм правового регулирования охватывает комплекс фрагментов правовой действительности, относящихся к догме права, т. е. комплекс последовательно связанных правовых средств. В этом отношении он имеет инструментальный характер.

Механизм правового регулирования представляет собой систему юридических средств, организованных в целях преодоления препятствий при реализации субъективных прав, обязанностей и интересов субъектов права.

Механизм правового регулирования является механизмом реализации нормативности права и стабилизации общественных отношений. Как процесс правовое регулирование состоит из следующих стадий: правотворчество и его влияние на регламентацию общественных отношений; возникновение субъективных прав и субъективных обязанностей; осуществление права посредством реализации субъективных прав и субъективных юридических обязанностей в конкретном правоотношении; применение права.

Специфическими юридическими средствами правового регулирования является установление запретов, дозволений, предписаний, элементов правового статуса и компетенции общих и специальных субъектов права (индивидуальных и коллективных), правовых форм и их взаимодействия между собой.

Таким образом, отличительная черта правового регулирования состоит в том, что оно имеет свой специфический механизм. Наиболее общим образом механизм правового регулирования может быть определен как взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения.

Механизм правового регулирования – организационное воздействие правовых средств, позволяющее в той или иной степени достигать поставленных целей, т. е. результативности. Как и любой иной управленческий процесс, правовое регулирование стремится к оптимизации, к действительности правовой формы, в наибольшей мере создающей режим благоприятствования для развития полезных общественных отношений.

Эффективность права выражает отношение цели его действия к его результату, это эффективность сочетания правовых стимулов и ограничений. Эффективность правового воздействия связана в основном с реализацией социальных ценностей. Одним из основных условий эффективности является ценность применяемых правовых средств.

Условиями этой эффективности являются обстоятельства, способствующие наибольшей реализации ценности права, а также сопутствующие факторы по достижению и использованию определенной социальной ценности. В частности, к условиям эффективности сочетания правовых стимулов и ограничений относятся: их соответствие интересам и мотивам поведения, совершенство законодательства и правоприменения, уровень правовой культуры, системное единство и комплексность использования определенных юридических средств и др.

Правовые стимулы являются формами правового побуждения к правомерному поведению субъектов права, правовые ограничения являются формами сдерживания противоправного деяния.

Эффективность правового регулирования – это соотношение между поставленной перед ним целью и достигнутым результатом (Абрамова А. А. О понятии механизма правового регулирования // Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. Я. Музыкина, В. В. Сорокина. Барнаул, 2005).

В современных условиях можно выделить следующие пути повышения эффективности правового регулирования:

1) совершенствование правотворчества, в процессе которого в нормах права (с учетом высокого уровня законодательной техники) наиболее полно выражаются общественные интересы и те закономерности, в рамках которых они будут действовать.

Нужно создавать с помощью соответствующих юридических и информационных средств такое положение, когда закон выгоднее соблюдать, чем нарушать. Кроме того, важно усилить юридическую гарантированность правовых средств, т. е. повысить уровень вероятности в достижении ценности и снизить уровень вероятности в воспрепятствовании этому процессу;

2) совершенствование правоприменения «дополняет» действенность нормативного регулирования. Если нормативная регламентация призвана обеспечить стабильность и необходимое единообразие в регулировании общественных отношений, ввести их в твердые рамки законности, то правоприменение – это учет конкретной обстановки, своеобразие каждой юридической ситуации. Оптимальное сочетание правотворчества и правоприменения придает гибкость и универсальность правовому регулированию, минимизирует сбои и остановки в действии права;

3) повышение уровня правовой культуры субъектов права также будет влиять на качество правового регулирования, на процесс укрепления законности и правопорядка (Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006. С. 37).

Интересы человека – вот главный ориентир для совершенствования элементов механизма правового регулирования. Выступая своего рода юридической технологией удовлетворения данных интересов, механизм правового регулирования должен быть социально ценным по своей природе, создавать режим благоприятствования реализации законных стремлений личности, упрощению ее правового статуса.

Оптимизация правового воздействия связана с проблемой преодоления препятствий как фактора снижения эффективности правового воздействия. В качестве некоторых препятствий можно назвать коллизионность правовых средств, отсутствие необходимых правовых форм и процедур, правонарушения, пробелы в праве, дефектность содержания правовых норм и др.

То есть оптимизация правового воздействия включает в себя: преодоление препятствий на уровнях правотворчества и правоприменения, создание механизма взаимообеспечения правотворческого и правоприменительного процессов, развитие и совершенствование системы правовых стимулов и ограничений и т. д.

Таким образом, основными способами совершенствования правового регулирования является совершенствование правотворчества и правоприменения, их оптимальное сочетание, повышение уровня правовой культуры и юридической техники, формирование эффективных правовых режимов, способов и средств правового регулирования, образующих основные элементы механизма правового регулирования.



Библиографический список

1. Абрамова А. А. Эффективность механизма правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Алина Александровна Абрамова. – Красноярск, 2006.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М., 2005.
3. Емельянов Б. М. Теория государства и права : учеб. курс / Б. М. Емельянов, С. А. Правкин. – М., 2003.
4. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах : учеб.-метод. пособие / А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2007.
5. Сырых В. М. Теория государства и права : учеб. для вузов / В. М. Сырых. – М., 1998.

References

1. Abramova A. A. Effectiveness of the Mechanism of Legal Regulation / Alina Alexandrovna Abramova. – Krasnoyarsk, 2006.
2. Vengerov A. B. Theory of State and Law. – M., 2005.
3. Emelyanov B. M. Theory of State and Law / B. M. Emelyanov, S. A. Pravkin. – M., 2003.
4. Malko A. V. Theory of State and Law in Questions and Answers / A. B. Malko. – 2nd ed., revised and suppl. – M., 2007.
5. Syryh V. M. Theory of State and Law / V. M. Syryh. – M., 1998.

О. В. Воронин,

*доцент кафедры уголовного процесса,
прокурорского надзора
и правоохранительной деятельности
Юридического института
Томского государственного университета
кандидат юридических наук, доцент*

O. V. Voronin,

*Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure, Public Prosecutions
and Law-enforcement Activity
of the Legal Institute of Tomsk State University
Candidate of Law, Assistant professor*

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ВОПРОСОВ,
СВЯЗАННЫХ С ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИГОВОРА**

**Some Problems of the Involvement of a Prosecutor into Consideration
and Resolution of Issues Connected with the Execution of Sentences**

Аннотация. В статье автор доказывает, что в производствах, направленных на рассмотрение и разрешение вопросов, связанных с исполнением приговора, прокурор реализует правообеспечительную функцию. В такой роли он является помощником суда, призванным способствовать вынесению законного и обоснованного решения. Наряду с судом прокурор выступает в положении субъекта судебного познания, а не доказывания.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, ассоциативное участие прокурора в разрешении дела, принцип состязательности.

Abstract. In the article the author proves that in sentencing cases hearings a prosecutor pursues the law providing activity. Here a prosecutor acts as a judge assistant providing legal and grounded sentencing. Along with the court the prosecutor operates more as a legal perception agent than as evidence proving one.

Key words: sentence execution stages, sentencing cases hearing procedures, cooperating with a prosecutor in resolution of a case, adversarial principle.

Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству в судебных производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, вправе участвовать прокурор (ч. 3 ст. 399 УПК РФ). Вместе с тем действующий уголовно-процессуальный закон оставляет открытым вопрос о функциональном содержании деятельности прокурора в этом случае.

Традиционно в литературе участие прокурора в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, обуславливалось осуществлением надзорных полномочий (Спиридонов Б. М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях. М., 1978. С. 80). Однако с учетом того, что современное законодательство выводит суд за пределы прокурорского надзора, сегодня едва ли возможно вести речь о реализации прокурором каких-либо надзорных полномочий при судебном разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора.

Существует мнение, что в производствах, направленных на рассмотрение и разрешение вопросов исполнения приговора, прокурор осуществляет особую деятельность, связанную с реализацией последствий обвинения (Шалу-

мов М. С. Проблемы совершенствования правового статуса государственного обвинителя как участника судебного разбирательства // Проблемы теории и практики прокурорского надзора в современных условиях : тез. науч.-практ. конф. / Ин-т повышения квалификации руководящих кадров Генер. прокуратуры Рос. Федерации. М., 2005. Ч. 2. С. 67).

На наш взгляд, данная позиция также уязвима. Последствием обвинения является вступивший в законную силу обвинительный приговор суда. Вопросы, возникающие в ходе его исполнения, составляют самостоятельный пласт отношений, не касающихся ни обвинения, ни самого приговора. Поэтому довольно сложно установить, в чем конкретно заключаются эти последствия и как они могут образовывать отдельное направление деятельности одного из основных участников судопроизводства. Другими словами, понятие «последствия обвинения» не имеет четких ни материально-правовых, ни процессуальных пределов.

Проектируя направленность обвинительной деятельности на производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, можно предположить, что такие последствия должны отражать содержание обвинения, т. е. быть направлены на применение уго-

ловно-правовых и иных ограничений в ходе отбывания наказания. За основу в этом случае можно взять решение Европейского суда по правам человека по делу Кэмпбелла (*Campbell*) и Фелла (*Fell*) против Соединенного Королевства, которое определило критерии отнесения деятельности публично-правовых субъектов в стадии исполнения приговора к уголовному обвинению (Европейский суд по правам человека. Избранные решения. М., 2000. Т. 1. С. 443).

В соответствии с указанным решением деятельность государственных органов является уголовным обвинением, если она направлена на применение уголовных или дисциплинарных мер, заключающихся в лишении осужденного льгот или права на досрочное освобождение за правонарушение в ходе исполнения наказания. Действительно, деятельность, удовлетворяющая данным критериям, в некоторых случаях может быть определена в качестве разновидности обвинительной, однако согласно отечественному законодательству она не входит в предмет прокурорской деятельности. В частности, вопросы о дисциплинарном воздействии на осужденных за совершение ими правонарушений находятся в компетенции администрации исправительных учреждений, а решение вопросов, связанных с досрочным освобождением или изменением наказания, является прерогативой суда. К тому же российское законодательство в качестве меры воздействия не предусматривает лишения осужденного возможности досрочного освобождения или изменения наказания в сторону смягчения.

Кроме того, направленность деятельности прокурора в этом случае может носить различный характер. Так, при оспаривании возможности предоставления условно-досрочного освобождения (далее: УДО) деятельность прокурора в какой-то мере можно отнести к аналогу обвинительной, однако при его согласии с предоставлением досрочного освобождения такая аналогия едва ли уместна.

С учетом сказанного, на наш взгляд, не следует сводить прокурорскую деятельность в производствах, связанных с рассмотрением и разрешением вопросов, касающихся исполнения приговора, к особой форме поддержания последствий обвинения.

В настоящее время в литературе распространено мнение, что в судебных стадиях и производствах современного уголовного процесса прокурор осуществляет две основные функции: поддерживает государственное обвинение и реализует правообеспечительную деятельность (Тушев А. А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации. СПб., 2005. С. 32). При этом в судебных стадиях и производствах, не связанных с реализацией уголовного преследо-

вания или поддержанием государственного обвинения, деятельность прокурора ограничивается только правообеспечением.

Уголовно-процессуальный закон, определяя правовое положение лица, участвующего в судебных стадиях и производствах со стороны прокуратуры, четко разграничивает понятия «государственный обвинитель» и «прокурор». Например, ст. 227, 237 УПК РФ, устанавливая порядок подготовки к судебному заседанию и проведения предварительного слушания, именуют участника со стороны прокуратуры «прокурором», а не «государственным обвинителем». Аналогичным образом поступает законодатель, когда ведет речь об участии прокурора в таких стадиях уголовного процесса, как кассационный и надзорный пересмотр судебных решений (ст. 402 УПК РФ) и исполнение приговора (ст. 399 УПК РФ). В то же время, когда речь идет об участии прокурора в суде первой инстанции или(и) в апелляционном пересмотре судебных решений, законодатель использует термин «государственный обвинитель». Такой подход законодателя отчасти подтверждает тезис о том, что в указанных стадиях и производствах функциональное содержание деятельности прокурора различно.

В этой связи, полагаем, можно заключить, что в производствах, направленных на разрешение вопросов, возникающих в ходе исполнения приговора, прокурор реализует правообеспечительную функцию и его деятельность при этом имеет свою специфику.

В частности, упрощенный характер производства не позволяет признать прокурора стороной в деле, поскольку он не преследует ни материально-правового, ни процессуального интереса. Фактически он является незаинтересованным наблюдателем, обладающим полномочиями участвовать в деле, высказывать суду в устной форме свое мнение, а также приносить представления на решения суда, не соответствующие его мнению. В такой роли прокурор практически выступает независимым помощником суда, призванным способствовать вынесению законного и обоснованного судебного решения. В литературе такая процессуальная деятельность иногда именуется ассоциативным участием прокурора в разрешении дела (Российский прокурорский надзор : учебник. М., 2001. С. 167). Ассоциативность в этом случае заключается, во-первых, в том, что прокурор наряду с судом выступает в роли субъекта судебного познания, а не доказывания, и, во-вторых, если в производстве по уголовному делу правообеспечительным направлением в основном охватывается охрана процессуальных прав и интересов, то в производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора (опять же в силу их упрощенного ха-

рактера), обеспечивается преимущественно материально-правовая составляющая.

Нетрудно заметить, что по своему процессуальному положению прокурор, участвующий в судебном разбирательстве в порядке ст. 399 УПК РФ, обладает несколько сходным статусом с прокурором, вступающим в гражданский процесс для дачи заключения. Однако на этом сходство заканчивается.

Основное отличие заключается в том, что ассоциативное участие прокурора в разрешении вопросов исполнения приговора обусловлено не реализацией последствий досудебной надзорной деятельности в ходе судебного разбирательства (Осокина Г. Л. Курс гражданского судопроизводства России. Томск, 2002. С. 213), а компенсацией недостающего процессуального элемента в силу упрощенного характера самого судебного производства. Причем такая «компенсационная» роль прокурора в упрощенных производствах – типичное явление для уголовного процесса. Например, именно необходимостью компенсации (дополнительного обеспечения) недостающего процессуального содержания можно, на наш взгляд, объяснить обширные распорядительно-надзорные полномочия прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью дознавателя в ходе досудебного производства по уголовным делам. В последнем случае существенные распорядительные полномочия необходимы ему также для обеспечения прав и законных интересов участников дознания (досудебного упрощенного производства).

Второе принципиальное отличие заключается в том, что прокурор, участвующий в разрешении указанных вопросов, в силу превалирования публичного начала в уголовном судопроизводстве всегда обеспечивает публичный интерес, а не интересы отдельных участников производства, которые могут совпадать с публичным интересом, но могут иметь и иную направленность. В этой связи прокурор всегда выступает помощником суда в разрешении дела, а не помощником отдельных участников производств, связанных с разрешением конкретных вопросов исполнения приговора.

Таким образом, с одной стороны, наличие отдельной уголовно-процессуальной функции, направленной на обеспечение интересов общества и государства, позволяет признать прокурора, участвующего в производствах, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, самостоятельным участником, с другой – ассоциативное участие в судебном познании правомерно порождает вопрос о пределах самостоятельности прокурора. Решение указанной проблемы видится в отграничении правообеспечительной функции прокурора от функционального содержания

деятельности иных участников и определении пределов действия принципа состязательности в рассматриваемых производствах.

Поскольку осуществление правообеспечительной деятельности возможно лишь прокурором, проблема отграничения этой функции от защиты (оказания юридической помощи) снимается. Кроме того, разграничить их можно по предметному признаку: сфера интересов защиты (оказания юридической помощи) значительно уже и обуславливается лишь отстаиванием конкретных притязаний осужденных (к примеру, на УДО), в то время как прокурорское правообеспечение, не исключая удовлетворения таких притязаний, может выражаться в противоположном стремлении, например, в воспрепятствовании освобождению неисправившихся осужденных. Аналогичным образом решается вопрос об отграничении прокурорской деятельности от деятельности администрации исправительного учреждения с той лишь разницей, что совокупность интересов представителя исправительного учреждения определяется лежащей на нем функцией исправления осужденного.

Сложнее обстоит дело с отграничением прокурорского правообеспечения от разрешения дела по существу. Для этого необходимо выяснить, возможна ли правообеспечительная деятельность вне правоприменительных форм. По мнению ряда ученых, в производстве по уголовному делу любые формы правообеспечения являются правоприменением (Юркевич Н. А. Реализация правообеспечительной функции в стадии предания обвиняемого суду. Томск, 1991. С. 16). На наш взгляд, при таком подходе, учитывая, что в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, правоприменение осуществляет только суд, практически невозможно будет разграничить деятельность суда и прокурора.

При этом, как известно, в производстве по уголовному делу существуют отдельные этапы, предназначенные для решения прокурором сугубо процессуальных вопросов, где как раз и осуществляется правообеспечительная деятельность в форме правоприменения. В производствах же, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора, в силу их упрощенного содержания таких этапов нет. Следовательно, правообеспечительная деятельность прокурора в данном случае не должна носить правоприменительного характера.

Таким образом, еще одной особенностью реализации правообеспечительной функции прокурором в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, и одновременно критерием, позволяющим отграничить это направление его деятельности от разрешения дела по существу, яв-

ляется отсутствие у прокурора правоприменительных полномочий. Именно поэтому прокурор согласно ст. 399 УПК РФ лишь высказывает суду свое мнение о возможности применения той или иной меры, изменяющей или прекращающей реализацию наказания, основанное на оценке представленных иными участниками судопроизводства материалов, а не дает заключения и не выносит какого-либо иного правоприменительного акта.

Ассоциативное участие прокурора в судебном разрешении дел, связанных с исполнением приговора, позволяет поставить вопрос о соответствии такой концепции состязательному построению современного уголовного процесса. На первый взгляд состязательность, предполагающая жесткое размежевание основных процессуальных функций, исключает какую-либо ассоциативность в судебном познании. Вместе с тем в литературе убедительно доказано, что данное начало, будучи определяющим, реализуется по-разному в различных производствах и стадиях уголовного процесса. Так, в судебном производстве по уголовным делам – ключевом производстве – состязательность, безусловно, выступает в качестве руководящего и определяющего принципа, в предварительном производстве – в большей степени как метод деятельности участников производства, а в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, – как психологическая установка участников судопроизводства на процессуальный спор (Бибило В. Н. Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора. Минск, 1986. С. 89). Различные формы реализации состязательного начала объясняются разницей в предмете, направленности и функциональном содержании деятельности участников в различных уголовно-процессуальных производствах. Применительно к производствам по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с использованием приговора, ввиду неравного процессуального положения основных участников, невозможности их распределения на стороны, активной роли суда в определении порядка рассмотрения дела и собирании доказательств состязательность действует лишь ограниченно (Воронин О. В. О некоторых вопросах действия состязательного начала в производствах по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 316. С. 104). Следовательно, ассоциативное участие прокурора в судебном познании обстоятельств дела при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора, на наш взгляд, не противоречит ст. 123 Конституции РФ и основным принципам современного уголовного процесса.

Действующий закон (ст. 399 УПК РФ) устанавливает факультативное участие прокурора в рассмотрении и разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора. Вместе с тем директивы Генерального прокурора РФ предписывают прокурорам принимать обязательное участие в разрешении указанных дел, что и происходит на практике.

Исходя из этого ряд ученых высказывали мнение, что прокурор должен приобрести статус обязательного участника производств, связанных с разрешением вопросов исполнения приговора. Такая необходимость обусловлена, как они считают, наличием в данном производстве уголовно-процессуального доказывания (Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979. С. 80). На наш взгляд, едва ли можно согласиться с подобными аргументами. Во-первых, доказывание осуществляется на всех стадиях и производствах уголовного процесса, а значит, это никоим образом не объясняет необходимости обязательного участия прокурора в рассматриваемых производствах. Во-вторых, если имеется в виду участие прокурора в процессе доказывания, то УПК РФ не относит его к субъектам доказывания в ходе процессуальной деятельности по разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Более того, это невозможно по той причине, что прокурор выступает помощником суда в разрешении дела: он – ассоциативный субъект судебного познания, следовательно, он априори не может являться субъектом уголовно-процессуального доказывания.

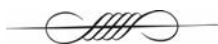
Принимая во внимание активную роль суда в установлении фактических обстоятельств дела, ассоциативное участие прокурора в судебном познании, полагаем, что следует оставить за последним статус факультативного участника судопроизводства.

Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что прокурор, участвующий в рассматриваемых производствах, высказывает суду свое мнение о возможности применения той или иной меры, направленной на изменение или прекращение отбывания наказания. Как показывает практика, такая возможность используется в большинстве дел, однако при этом формы реализации мнения прокурора различны. Например, в некоторых делах оно выражается в форме письменной резолюции на представлении или характеристике осужденного. С формальных позиций такой подход не противоречит действующему процессуальному законодательству, но едва ли подобную практику следует считать оправданной. Представляется, что в случае участия в разрешении данных дел прокурор должен устно высказать свое мнение с обязательным указанием

мотивов и оснований, и это мнение следует отразить в протоколе судебного заседания.

Кроме того, в литературе высказывались мнения о необходимости наделения прокурора, участвующего в деле, такими правами участника судопроизводства, как заявлять ходатайства и отводы, представлять доказательства (материалы), задавать вопросы и т. п. (Свиридов М. К. Порядок разрешения дел об условно-досрочном осво-

бождении от наказания : учеб. пособие. Томск, 1972. С. 45). На наш взгляд, прокурору как помощнику суда в судебном познании эти права ни к чему. Другой вопрос, что такие возможности могут быть ему полезны как субъекту, обеспечивающему публичный интерес в данных производствах. В этой связи, конечно, возражать о предоставлении ему указанных возможностей едва ли имеет смысл.



Библиографический список

1. *Бибилло В. Н.* Конституционные принципы правосудия и их реализация в стадии исполнения приговора / В. Н. Бибилло. – Минск, 1986.
2. *Осокина Г. Л.* Курс гражданского судопроизводства России / Г. Л. Осокина. – Томск, 2002.
3. *Тушев А. А.* Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации / А. А. Тушев. – СПб., 2005.

References

1. *Bibilo V. N.* Constitutional Principles of Justice and Their Realization at the Stage of Executing a Sentence / V. N. Bibilo. – Minsk, 1986.
2. *Osokina G. L.* The Course of Russian Civil Justice / G. L. Osokina. – Tomsk, 2002.
3. *Tushev A. A.* The Prosecutor in the Criminal Process of the Russian Federation / A. A. Tushev. – SPb., 2005.

Т. Ю. Герцог,
преподаватель кафедры юридических дисциплин
Московского социально-экономического института

T. Yu. Gertsog,
Lecturer of the Department of Legal Disciplines
of Moscow Social and Economic Institute

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, СКЛОННЫХ К ДЕЛИНКВЕНТНОМУ ПОВЕДЕНИЮ

Responsibility as a Factor of Resocialization of People Prone to Delinquent Behaviour

Аннотация. В статье анализируются подходы к определению понятий «ресоциализация», «реадаптация» применительно к лицам, имеющим склонность к делинквентному поведению. Автор предлагает рассматривать междисциплинарный подход в качестве методологической основы работы с делинквентами. Он обосновывает детерминирующую роль правовой культуры в процессе совершенствования социального функционирования. Анализируя феномен социальной ответственности, автор подчеркивает важность воспитания личности, ориентирующейся на интернальный локус контроля, который имеет тенденцию к изменению в процессе онтогенеза.

Ключевые слова: ресоциализация, реадаптация, междисциплинарный подход, ответственность, локус контроля личности, правовая культура.

Abstract. In this article the approaches to the definition of the concepts of «resocialization» and «readaptation» concerning the people prone to delinquent behavior are considered. The author suggests that it is necessary to use interdisciplinary approach as a methodological basis of the work with people prone to delinquent behavior. He grounds the crucial role of legal culture in the process of perfecting social functioning. Analyzing the phenomenon of social responsibility the author emphasizes the importance of upbringing of a person oriented at internal control locus which has a tendency of alteration in the process of ontogenesis.

Key words: resocialisation, readaptation, interdisciplinary approach, responsibility, control locus, legal culture.

В современной науке социализация выступает универсальной категорией, с помощью которой описывается процесс становления личности. Данное понятие адекватно отражает взаимосвязь «индивид–общество» и может выполнять методологическую функцию в анализе проблем и механизмов социального воспроизводства человека.

И. С. Кон определяет социализацию как «совокупность всех социальных и психологических процессов, посредством которых индивид усваивает систему знаний, норм, ценностей, позволяющих ему функционировать в качестве полноценного члена общества. Она включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные процессы, так или иначе влияющие на формирование личности» (Кон И. С. Социология личности. М., 1967. С. 19).

Одним из механизмов социализации является социальная адаптация. По мнению И. А. Милославовой, социализация и адаптация, выражая взаимоотношения индивида и общества, иллюстрируют различные стороны их взаимодействия. Социализация в онтогенезе раскрывает механизм социального становления человека, процесс усвоения жизненного опыта, а адаптация – активное приспособление к окружающему миру. Различая эти понятия, следует помнить, что как явления, выражающие процесс взаимодействия общества и личности, они взаимосвязаны и тесно переплетены (Милославова И. А. Адаптация как социально-психологичес-

кое явление // Социальная психология и философия / под ред. Б. Д. Парыгина. Л., 1973).

Десоциализация личности некоторыми учеными трактуется как нарушение социопсихического строя личности, разрушение значимых душевно-духовных связей, ослабление или деструкция морально-нравственной сферы, изменение системы ценностей (Пищелко А. В., Сочивко А. В. Реадаптация и ресоциализация. М., 2003. С. 5). Десоциализация развивается под влиянием трансформации внутриспсихической организации личности, которая нередко обусловливает делинквентное поведение.

Делинквентное поведение (лат. *delictum* – проступок, англ. *delinquency* – правонарушение, провинность) – антиобщественное противоправное поведение индивида, воплощенное в его поступках (действиях или бездействии), наносящих вред как отдельным гражданам, так и обществу в целом. Понятием «делинквентное поведение» оперируют специалисты в области права, социологии, педагогики, социальной работы.

Различные виды делинквентного поведения подвергаются не только социальному осуждению. Они формализуются государством в нормах права посредством описания характеризующих признаков и определения их в качестве правонарушений, за которые в законодательстве устанавливаются различные виды ответственности.

Особую общественную опасность представляет такой вид делинквентного поведения, как преступление. Преступлениями являются только те общественно опасные деяния, которые предусмотрены уголовным законом и запрещены им под угрозой наказания. К ним относятся: кражи и убийства, уго-

ны автомобилей и вандализм, терроризм и изнасилования, мошенничества и незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ и т. д. Эти преступления влекут наиболее строгие меры государственного принуждения – наказание и иные меры уголовной ответственности (обязательные работы, штраф, арест, лишение свободы и др.), которые применяются к лицам, достигшим возраста уголовной ответственности – 16 лет, а за некоторые преступления ответственность наступает с 14 лет. Совершение деяний, признаваемых преступлениями, лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, влечет применение мер воздействия, носящих воспитательный характер (объявление выговора или строгого выговора, помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение и др.) (Змановская Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения. М., 2004. С. 102).

Лица, склонные к делинквентному поведению, нуждаются в поиске путей возвращения в общество в качестве его полноценных членов. Ресоциализация (лат. *re* – повторное, возобновляемое действие; лат. *socialis* – общественный) таких лиц есть возобновление процесса социализации в целях включения в социально приемлемые формы жизнедеятельности. То есть, как считает Ю. В. Баранов, под ресоциализацией в данном случае следует понимать дополнительную социализацию для оптимальной адаптации личности к условиям социума (Баранов Ю. В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: правовые основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 16).

Социальная работа с лицами, имеющими склонность к делинквентному поведению, проводится, в частности, в специальных учреждениях – центрах ресоциализации.

В задачи таких центров входят: предоставление помощи криминогенным категориям граждан, утратившим социально полезные связи и нуждающимся в ресоциализации с целью возвращения в социосферу; оказание помощи в трудоустройстве, профориентации и профессиональной переподготовке; выявление актуальных проблем и кризисных ситуаций, конфликтогенных параметров, приведших к дезадаптированному состоянию; поиск путей выхода из трудного жизненного положения, выработка совместно с подопечными позитивных жизненных установок, помощь в реализации паттернов социально одобряемого поведения (Белинская А. Б. Конфликтология в социальной работе : учеб. пособие. М., 2009. С. 80).

При этом, получая помощь от социальных организаций, родных, близких, друзей, членов референтной группы, человек, оказавшись в ситуации социальной дезадаптации, должен стремиться в первую очередь реализовать собственный социальный интеллект, который проявляется в таких личностных свойствах, как адекватность, автономность, ответственность.

В последние годы большое признание получила концепция локуса контроля Дж. Роттера. Говоря о локусе контроля личности, имеют в виду склонность человека видеть источник управления своей жизнью либо преимущественно во внешней среде, либо в самом себе. В соответствии с этим выделяют два типа локуса контроля – экстернальный и интернальный. Об экстернальном локусе речь идет, когда человек приписывает ответственность за ход своей жизни внешним факторам (другим людям, судьбе, окружающей среде, случайности). Если же человек принимает ответственность за события, происходящие в его жизни, на себя, то следует говорить об интернальном локусе контроля. Важно, как нам представляется, не абстрагироваться от такого обстоятельства, как изменчивость локуса контроля, хотя исследования, посвященных этому вопросу, очень мало.

Принцип локуса контроля Дж. Роттера считается универсальным по отношению к любым типам ситуаций: он применим и в сфере достижений, и в сфере неудач. Как показывают исследования (Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983 ; Реан А. А. Психология изучения личности. СПб., 1999), существует положительная корреляция между интернальностью и осознанием смысла жизни: чем больше субъект верит, что все в жизни зависит от его собственных усилий и способностей, тем в большей мере он находит в жизни смысл и цели. Экстернальную же личность отличают тревожность, повышенная агрессивность, конформность, сниженный уровень толерантности.

Возможно, экстернальность связывается с плохой адаптацией потому, что люди способны добиться большего в жизни, если они верят, что могут отвечать за свою судьбу. Экстерналы сильнее подвержены социальному, групповому воздействию. Интерналы более независимы, ориентируются на собственное «Я». Это ведет к их лучшей адаптации, что подтверждается исследованиями. Интерналы, по-видимому, более уверены в своей способности решать проблемы, чем экстерналы, и поэтому независимы от мнения других (Быков С. В., Шальнова О. А. Уровень субъективного контроля и противоправное поведение подростков // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. Сер.: Юриспруденция. Тольятти, 2001. Вып. 18. С. 37).

По данным А. А. Реана, среди молодых делинквентов экстерналы абсолютно доминируют над интерналами, и их доля составляет 80 % (Реан А. А. Указ. соч. С. 78).

Социальная зрелость и ее составляющая «ответственность» формируются лишь в адекватной деятельности, которая регламентируется моральными и правовыми нормами. При этом, если моральные нормы несут оценочную нагрузку, нормы права предусматривают санкции и принуждение, включая применение силы в случае пренебрежения ими.

Право, будучи социальным явлением, воздействует на социальную действительность и тем самым

формирует правовую систему, включающую в себя субъекты права, правовые процессы, правовые нормы, правоотношения, правосознание и правовую культуру (Осипов М. Ю. Понятие и виды действия права // Право и государство. 2007. № 11. С. 11).

Наиболее полно сущность понятия «правовая культура» отражается, по нашему мнению, в определении, сформулированном В. В. Лазаревым, который подчеркивает, что правовая культура предполагает определенный уровень правового мышления и чувственного восприятия правовой действительности; качественное состояние процессов правотворчества и реализации права; специфические способы правовой деятельности (работу правоохранительных органов, конституционный контроль и т. д.); результаты правовой деятельности в виде духовных и материальных благ, созданных людьми (законы, системы законодательства, судебная практика и т. д.) (Цит. по: Комаров С. А. Общая теория государства и права. М., 1997. С. 331).

Правовая культура личности проявляется в совокупности представлений, взглядов, чувств индивида, выражающего свое отношение к праву.

Существенное значение для повышения уровня правовой культуры общества имеет правовое воспитание, которое выступает в виде систематического воздействия на сознание и поведение субъекта с целью создания у него чувства уважения к праву и формирования навыков соблюдения нормативных правовых актов на основе развитого мировоззрения.

Правовая неосведомленность граждан в значительной степени снижает предупредительную силу законов, затрудняет своевременное и квалифицированное решение вопросов, затрагивающих их права и интересы. Для правомерного поведения

индивиду необходима ориентация на социально-правовые нормы и общие правовые принципы.

Важнейшей задачей правового воспитания является его ориентация на борьбу с правонарушениями и прежде всего на профилактику противозаконных деяний. В связи с этим особое внимание должно уделяться устранению дефектов правосознания у лиц, уже продемонстрировавших свою склонность к делинквентному поведению.

Ресоциализация таких лиц является фактором изменения их поведения в направлении большей социальной адаптации. Поскольку подобные изменения происходят в конкретном правовом поле и детерминируются им, то процессы реадaptации и ресоциализации представляют интерес для юридической науки.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Ресоциализация лиц, склонных к делинквентному поведению, представляет собой комплексную проблему, и для ее решения наиболее эффективным является системный междисциплинарный подход, основанный на профессиональном взаимодействии специалистов разной ведомственной принадлежности (социальная работа, образование, здравоохранение, правоохранительные и правозащитные органы).

2. Существенным фактором эффективной ресоциализации делинквентов является формирование ответственности личности с интернальным локусом контроля.

3. Одним из основных условий становления социальной ответственности личности, предопределяющей формирование интенций правомерного поведения, выступает правовая культура.

Библиографический список

1. Баранов Ю. В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: правовые основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Баранов Ю. В. – М., 2008.
2. Белинская А. Б. Конфликтология в социальной работе : учеб. пособие / А. Б. Белинская. – М., 2009.
3. Быков С. В. Уровень субъективного контроля и противоправное поведение подростков / С. В. Быков, О. А. Шальнова // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. Серия «Юриспруденция». – Тольятти, 2001. – Вып. 18.
4. Змановская Е. В. Девиантология. Психология отклоняющегося поведения / Е. В. Змановская. – М., 2004.
5. Милославова И. А. Адаптация как социально-психологическое явление / И. А. Милославова // Социальная психология и философия / под ред. Б. Д. Парыгина. – Л., 1973.
6. Пищелко А. В. Рееадаптация и ресоциализация / А. В. Пищелко, А. В. Сочивко. – М., 2003.
7. Реан А. А. Психология изучения личности / А. А. Реан. – СПб., 1999.

References

1. Baranov Yu. V. Resocialization of the Condemned to Imprisonment and the Released from It / Baranov Yu. V. – M., 2008.
2. Belinskaya A. B. Conflictology in Social Work / A. B. Belinskaya. – M., 2009.
3. Bykov S. V. The Level of Subjective Control and Juvenile Delinquent Behaviour / S. V. Bykov, O. A. Shalnova // The Bulletin of Volzhskiy University named after V. N. Tatischev. Seria «Jurisprudence». – Toliatty, 2001. – Ed. 18.
4. Zmanovskaya E. V. Deviantology. Psychology of Delinquent Behaviour / E. V. Zmanovskaya. – M., 2004.
5. Miloslavova I. A. Adaptation as a Social and Psychological Phenomenon / I. A. Miloslavova. – L., 1973.
6. Pishchelko A. V. Readaptation and Resocialisation / A. V. Pishchelko, A. V. Sochivko. – M., 2003.
7. Rean A. A. Psychology of Person Study / A. A. Rean. – SPb., 1999.

Р. Б. Головкин,
начальник кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
Ж. А. Зотова,
соискатель факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

R. B. Golovkin,
Chief of the Department of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law, Professor
Zh. A. Zotova,
applicant of the Faculty of Research
and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

ПРАВО В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ: СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ТЕХНИЧЕСКИХ НОРМ

Law in the System of Regulating Behaviour: Correlation of Social and Technical Norms

Аннотация. В статье рассмотрено понятие и признаки регулирования поведения человека. Авторы в зависимости от объекта воздействия выделяют социальное и техническое регулирование; раскрывают признаки социального регулирования; анализируют различные точки зрения относительно понятия, признаков технических норм, их соотношения с нормами социальными и правовыми.

Ключевые слова: понятие и признаки регулирования поведения человека, социальное регулирование, техническое регулирование, соотношение социальных и технических норм, понятие и признаки технических норм.

Abstract. In the article the concept and signs of regulation of a person's behaviour is considered. Referring to the object of influence the authors name social and technical regulation; reveal the features of social regulation; analyze different points of view towards the concept, features of technical norms and their correlation with social and legal norms.

Key words: concept and signs of regulation of a person's behavior, social regulation, technical regulation, parity of social and technical norms, concept and signs of technical norms.

Регулирование поведения человека – сложный и во многом противоречивый процесс, который можно рассматривать как с теоретической, так и с практической точки зрения. В обиходной речи термин «регулирование» применяется при характеристике самых различных видов деятельности: регулирование автомобильного движения, регулирование температуры и освещения в помещениях, регулирование частной жизни и т. д. Однако на бытовом уровне характеристика регулирования во многих случаях вполне заменяема другими синонимичными понятиями, например: «воздействие», «упорядочение», «налаживание» и т. д.

Безусловно, применительно к различным отраслям знания трактовка понятия «регулирование» осуществляется по-разному (Головкин Р. Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России : монография. Владимир, 2004. С. 7–18). В настоящей статье мы будем понимать под регулированием *процесс воздействия на человека, результатом которого является упорядочение его поведения во взаимодействии с другими людьми, а также внешним миром.*

Исходя из данного определения регулирование обладает следующими признаками.

Во-первых, регулирование представляет собой процесс. Известно, что процесс – это и последовательная смена явлений, состояний, изме-

нений в развитии чего-либо, и совокупность последовательных действий, направленных на достижение определенных результатов (Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г. В. Осипова. М., 2000. С. 276). Процесс складывается из определенных стадий. В регулировании как в процессе мы выделяем следующие стадии: а) первичное воздействие на сознание регулирующего фактора (влияние природы, социально-психологических факторов, знакомство с текстом нормы, приказом начальника и т. д.); б) восприятие и осознание регулирующего фактора (уяснение воздействия и определение возможных последствий в результате его учета либо игнорирования в поведении человека); в) принятие решения и корректировка поведения.

Во-вторых, регулирование представляет собой воздействие на поведение человека. Воздействие на человека может быть разноплановым: это и природный фактор (вспомним недавнюю аномально высокую температуру воздуха), и его личные естественные потребности, и социальные детерминанты. Кроме того, воздействие может быть целенаправленным, т. е. предполагать заранее предусмотренный результат, например, индивидуальное предписание. Целенаправленное воздействие может повлиять и на поведение субъекта, на который оно не было рассчитано, например, государственные реформы в России, направленные на монетизацию льгот определенных категорий граждан,

оказали регулирующее воздействие и на членов их семей. Регулирующее воздействие может носить и стихийный, ситуативный характер, например, резкое недомогание у человека.

В-третьих, регулирование – это и результат воздействия на человека. Здесь следует обратить внимание на следующее: даже если лицо пытается игнорировать воздействие, регулирование все равно присутствует. Полагаем, что регулирующие последствия воздействия на лицо предопределены. В пользу данного вывода могут свидетельствовать некоторые иллюстрации: например, если человек не учел надвигающуюся непогоду и не взял зонт, то он скорее всего промокнет под дождем и будет вынужден действовать – переодеться или высушить одежду. Другой пример: за нарушение правовой нормы может последовать юридическая ответственность и т. д. Целенаправленное воздействие может привести не к тем результатам, которые предусматривал его автор, например, антиалкогольная кампания не только не победила, но и спровоцировала экономический кризис и рост алкоголизма и наркомании.

В-четвертых, регулирование обуславливает поведение человека по отношению к другим людям во всех сферах своей деятельности (на работе, в частной жизни и т. д.). Человек выстраивает свои взаимоотношения с другими людьми на основе базовых стереотипов поведения, заложенных программой социализации и воспитания и корректируемых индивидуально-ситуативными моментами. Например, юноша с детства воспринял норму, утверждающую уважение к пожилым людям, в результате он уступит место в общественном транспорте старшему человеку, даже если сам находится в состоянии усталости.

В-пятых, посредством регулирования обеспечивается поведение человека во взаимоотношениях с внешним миром. Особенностью регулирования данных взаимоотношений является то, что оно носит односторонний характер. Например, при разработке инструкции по поведению человека в условиях стихийных бедствий можно предусмотреть влияние только на поведение человека. На стихию в данном аспекте человеческой деятельности повлиять нельзя, можно только предугадать ее поведение, основываясь на научном прогнозе и предшествующем опыте.

В-шестых, регулирование, как следует из вышеприведенного определения и перечисленных признаков, может быть дифференцировано на различные виды.

Классификация видового состава регулирования осуществляется по разным основаниям в зависимости от нужд исследования, например, в зависимости от объекта воздействия выделяют социальное и техническое регулирование. При этом процессу унификации, стандартизации жизни человека, т. е. рег-

ламентации поведения человека, присущ ряд специфических способов внешнего выражения – форм. Ими выступают: а) правила поведения – нормы; б) реализация этих правил, т. е. сам процесс поведения, структура и компоненты общественного устройства, обеспечивающие определенный порядок социального развития; в) теории, взгляды и другие нормативные мотивационные элементы сознания. В совокупности эти элементы образуют нормативную систему регулирующего воздействия на поведение.

Центральное место в этой системе занимает система норм, регулирующих поведение людей. Эту систему обычно подразделяют на подсистему собственно социального регулирования в виде норм, регламентирующих взаимоотношения людей, и подсистему технических норм, которые регламентируют взаимоотношения человека с техникой и объективными явлениями природы.

В связи с указанными обстоятельствами возникает вопрос о соотношении социальных и технических норм.

Социальные нормы, являясь своего рода регулятивными программами, предусматривающими определенную модель поведения людей, имеют идеальную природу (и целевая, и инструментальная части программ формируются в сознании субъекта)¹, что позволяет, на наш взгляд, отнести социальные нормы к общественному сознанию при активной роли объекта регулирования.

Социальное регулирование с учетом данных позиций обладает следующими качествами.

1) Ведущим звеном в социальном регулировании являются программы регулирующих воздействий субъекта на объект, которые складываются в сознании субъекта, несут на себе печать его потребностей, планов и устремлений, словом, его субъективности. Это позволяет считать сами регулятивные программы духовными образованиями. Далее, социальное регулирование есть взаимоотношения субъекта и объекта регулирования. Причем все ступени регулятивного цикла, отношений субъекта и объекта регулирования так или иначе связаны с сознанием. Субъект вырабатывает регулятор, но объект, принимая его, оценивает содержание программы и дополнительно координирует свои действия в соответствии с собственными потребностями и установками, проводя предлагаемую программу через сознание. Наконец, для подкрепления действенности своих программ субъект регулирования использует авторитет социальных институтов, поддерживающих регулирование, например, государство.

¹ В данном случае следует исключить непрограммные средства социальной организации, в которых регуляция осуществляется без участия сознания. Такова, например, регуляция экономическими рычагами: безработица, вынуждающая человека дорожить своим рабочим местом.

2) Содержание социального регулирования определяется характером экономического строя общества и его культурой.

С точки зрения структуры социальное регулирование представляет собой особым образом организованное воздействие субъекта на объект. В качестве объекта социального регулирования, как известно, выступают общественные процессы любого типа, общественные связи и отношения между людьми, подлежащие переводу из одного состояния в другое, отвечающее действующим критериям субъекта о функциональной организованности объекта. Активной, деятельной стороной в процессе регулирования, безусловно, является субъект, его деятельность, его усилия, направленные на формирование и преобразование объекта, которые определяют характер и результат акта регулирования.

3) Социальное регулирование проникает во все сферы жизнедеятельности общества, активно осуществляя там изменения. Полагаем, что данный тезис не нуждается в особых пояснениях, поскольку функциональным назначением социального регулирования является изменение социальных процессов в направлении, требуемом субъекту, действующему, в свою очередь, на основе познания объективных социальных законов.

Следовательно, социально-нормативное регулирование – это функция общества, сущность которой состоит в упорядочении взаимосвязей между людьми особыми, выработанными в сознании субъектов регулирования программами, способными активно влиять на упорядочение поведения взаимодействующих субъектов.

Роль технических норм в жизни общества и их взаимосвязь с правом в науке трактуются неоднозначно.

Проблемы технических норм стали активно обсуждаться в специальной юридической литературе в конце XIX в. До этого отечественных и зарубежных юристов в большей степени интересовали вопросы соотношения права с другими социальными нормами, особенно с нравственностью. Технические нормы не относились к их числу и оставались в «тени». Н. М. Коркунов, анализируя определение права, выделил нормы технические и этические. При выведении понятия технической нормы на передний план выдвигались цели, детерминирующие ее содержание. «Нормы технические, – писал Н. М. Коркунов, – это правила, указывающие, как следует поступать для достижения какой-либо одной определенной цели. Таковы правила гигиены, педагогики, грамматики, строительного искусства, научающие нас, каким образом сохранить здоровье, развить способности ребенка, удобопонятно выразить словами мысль, построить здание. Различных технических норм столько же, сколько может быть у людей различных целей. Соблюдение каждой такой нормы

приводит к осуществлению только данной отдельной цели...» (Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 1894. С. 31).

В свою очередь, Г. Ф. Шершеневич писал, что «не подлежит определению со стороны правовых норм и отношение человека к внешнему миру» (Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве. Казань, 1896. С. 17–20). Следуя за Н. М. Коркуновым, он указывал, что «необходимость вызывает и создает искусство, которое укладывается в вырабатываемые веками нормы, основанные на законах природы. Эти нормы могут быть названы техническими. Правовые нормы здесь совершенно бессильны и неприемлемы» (Там же. С. 17). И дальше задавал вопрос: «Что значила бы правовая норма, постановляющая, что степень урожая должна соответствовать количеству затраченного труда? А это и была бы именно норма, определяющая отношение человека к природе <...> Напротив, мы не можем себе представить правовую норму, обязывающую земледельцев прилагать к обработке земли известное количество труда, применять известные орудия, устранять те или иные опасности, угрожающие урожаю. Но такая норма, очевидно, имеет в виду определить не только отношение человека к природе, а отношение человека к другим людям» (Там же).

Очевидно, что в этом случае как раз и идет речь о технических нормах, облеченных в правовую форму.

Г. Ф. Шершеневич, рассматривая отношение человека к природе вне конкретной формы общественных отношений, упускал из виду, что последние могут проявляться в действиях (поведении) человека по отношению к природе, на которые право может воздействовать, как и на все другие сознательно-волевые действия человека.

Следовательно, Г. Ф. Шершеневич, как и Н. М. Коркунов, технические нормы трактовал как нормы, которые определяют отношение человека к природе, там, где это отношение, по сути дела, невозможно определить, считал технические нормы независимыми от воли человека.

В начале XX в. техницизм проник в правовую систему, но скорее всего в виде инородного явления. Известный юрист Е. Б. Пашуканис различал собственно-правовое регулирование общественных отношений и регулирование в почтовой, железнодорожной и военных службах, где оно жестко определено целью и характером деятельности диспетчера, врача и т. п. Здесь нет, в отличие от правового порядка, частных субъектов с их притязаниями. Такая конструкция вписывалась в рамки общей тенденции усиления непосредственного, т. е. административно-технического, руководства в порядке подчинения общему хозяйственному плану. «Классовость» права с его формами ей уступает (Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М., 1980).

Отторжение технических норм от правовых приобрело в начале 1920–1930-х гг. устойчивый характер и сохранилось поныне. Почти все учебники по теории государства и права не включают технические нормы в число источников права, т. е. нормативных правовых актов, нормативных договоров правовых обычаев и судебного прецедента (Оксамытный В. В. Теория права и государства. М., 2004. С. 352–370).

С середины 1950-х гг. проблеме технических норм стали уделять повышенное внимание. Пиком научных изысканий стали 70-е гг. XX в., что было связано в первую очередь с очередным этапом научно-технической революции, усиленной технизацией, электронизацией и информатизацией многих сторон общественной жизни. К сожалению, в последние годы было проведено лишь одно комплексное монографическое исследование технических норм на базе современного состояния российского права с учетом накопленного опыта в области теории права (Пчелкин А. В. Техничко-юридические нормы в современной России (проблемы теории и практики) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004).

Специальная юридическая литература изобилует различного рода суждениями относительно понятия и признаков технических норм, их соотношения с нормами социальными и правовыми. Если отвлечься от несущественных нюансов, свойственных отдельным высказываниям, то можно констатировать наличие ряда основных концепций технических норм.

Одни ученые (их меньшинство) отрицают факт существования технических норм. «Не существует, на мой взгляд, — писала Н. Ф. Кузнецова, — особых норм, регулирующих отношения человека к орудиям труда, животным и природе как таковым (так называемых технических норм)» (Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967. С. 13). Далее она указывала: «Нормы, регулирующие отношения людей по поводу объектов природы, к животному миру и орудиям производства, также являются социальными нормами, как по своему составу, так и по форме» (Там же. С. 14).

Другие ученые полагают, что технические нормы относятся к особому виду правил, не являющихся социальными, определяющими поведение людей в обращении с материальным миром — с предметами труда, силами природы, орудиями труда и т. п. (Бондаренко Э. Н. К вопросу о соотношении социальных и технических норм // Вопр. сов. государства и права. Томск, 1974. С. 210 ; Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961. С. 125–126 ; Ткаченко Ю. Г. Нормы советского социалистического права и их применение. М., 1955. С. 3 ; Шебанов А. Ф. Нормы советского социалистического права. М., 1956. С. 7 ; Явич Л. С. Советское право — регулятор общест-

венных отношений в СССР. Душанбе, 1956. С. 16 и др.). А. Ф. Черданцев определял технические нормы следующим образом: «Техническая норма есть сознательно-волевое общее правило поведения, объективно предопределяемое достигнутым уровнем науки и техники, устанавливающее определенные требования к действиям людей по отношению к природе, средствам производства и другим предметам внешнего мира, в которых (действиях) проявляются их общественные отношения» (Черданцев А. Ф. Техничко-юридические нормы в советском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1963. С. 5).

А. С. Сиротин сформулировал следующее определение: «Технические нормы — предопределяемые объективными закономерностями развития природы и отражающие достигнутый уровень производительных сил, прежде всего науки и техники, правила, которые должен соблюдать человек в отношении к окружающему материальному миру. Это правила, указывающие способы и приемы воздействия человека на неживой материальный мир с целью использования объективных закономерностей его развития и извлечения полезных свойств предметов и явлений природы, закрепляющие требования к качественным и количественным характеристикам продукции, способам ее производства, хранения и эксплуатации» (Сиротин А. С. Право и технические нормы в развитии социалистического общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 32).

В качестве одного из признаков технической нормы ученые называют ее связь с природой. Исходя из этого Б. А. Урванцев под техническими нормами понимал выработанные на основе знания того или закона, явления природы конкретные меры, единицы измерения, способы использования законов природы на службе обществу, меры общепонятные, пригодные для многократного и повседневного применения (Урванцев Б. А. Порядок и нормы. М., 1991. С. 167–170). Аналогичным образом определял технические нормы В. Н. Хропанюк. По его мнению, технические нормы — это правила наиболее целесообразного обращения людей с предметами природы, орудиями труда, различными техническими средствами (Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М., 1995). Назначение технических норм заключается в правильном использовании сил природы, техники наиболее экономичным и экологически безвредным способом.

Третья группа ученых считает, что технические нормы регулируют отношения между людьми и поэтому относятся к нормам социальным. Так, П. Т. Полежаи и В. С. Шелестов писали: «...вопреки господствующему в литературе мнению, нам представляется, что все действующие в обществе правила поведения, в том числе и технические нормы,

всегда носят социальный характер» (Полежаи П. Т., Шелестов В. С. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе // Сов. государство и право. 1960. № 10. С. 14). В качестве основного довода в пользу отстаиваемой позиции П. Т. Полежаи и В. С. Шелестов выдвинули тот факт, что применение технических норм отвечает интересам всего общества и оно контролируется различными государственными и общественными организациями. Эту точку зрения разделял и В. А. Кучинский: «...регламентируя порядок обращения со средствами производства и устанавливая санкции за его нарушение, технические нормы регулируют именно общественные отношения, а не отношения с орудиями и предметами труда. В силу этого технические нормы являются нормами социальными» (Кучинский В. А. Личность, свобода, право. Минск, 1969. С. 161–162).

Четвертая группа ученых проблему технических норм рассматривает лишь как проблему содержания социальных норм, отрицая, таким образом, самостоятельное существование технических норм вне форм других социальных норм (Алексеев С. С. О перерастании советского права в систему норм коммунистического общежития // Сов. государство и право. 1962. № 5. С. 24). Так, С. С. Алексеев отмечал, что «если существуют нормы, регулирующие поведение людей (а не отдельного человека) по отношению к предметам природы, техники и пр., то они неизбежно приобретают социальное содержание, т. е. являются нормами, регулирующими отношения между людьми по поводу природы, техники <...> Проблема технических норм – это в сущности лишь проблема содержания социальных норм. Технические требования в той части, в которой они обладают социальным содержанием, могут быть выражены и в правовых нормах, и в нормах нравственности, и в нормах общественных организаций, и в обычаях» (Там же. С. 24–25).

Суть приведенных выше положений С. С. Алексеева состоит в том, что в них, с одной стороны, отрицается возможность самостоятельного существования технических норм вне формы других, а именно социальных норм, с другой – технические нормы, поскольку они регулируют отношения между людьми (хотя бы и по поводу техники, природы), включаются в число социальных. Именно на это указывал В. И. Нижечек, полемизируя с С. С. Алексеевым (Нижечек В. И. Советское право в системе нормативного регулирования социалистических общественных отношений. Иркутск, 1973. С. 401–402).

Данная позиция С. С. Алексеева, на наш взгляд, представляется не безупречной и справедливо критикуется в юридической литературе. В данном случае С. С. Алексеев допустил отождествление двух явлений: «социальное содержание» и «социальная оценка» (значение нормы). И различие здесь

не в терминологии, а в существе вопроса. Как справедливо отмечал В. Д. Попков, ошибка авторов, отождествляющих технические нормы с социальными, проявляется в расширении понятия социальной нормы за счет подмены предмета социальной оценки самой нормой. Технические нормы не носят социального характера, он присущ отношениям людей в связи с этими нормами (Попков В. Д. Соотношение права и морали в период развернутого строительства коммунизма. М., 1962. С. 392–393).

В определенной мере каждая точка зрения имеет свое основание и оправдание, однако каждая из них отражает лишь одну сторону взаимосвязи технических норм. Между тем следует рассматривать технические нормы во всех их взаимосвязях.

Прежде всего, на наш взгляд, нужно отметить, что технические нормы имеют свое самостоятельное существование независимо от социальных норм. Признавая самостоятельное существование технических норм, мы несколько иначе понимаем их характер, нежели авторы, отграничивающие технические нормы от социальных. Эти ученые фактически признают существование индивидуальных технических норм, считают техническое требование, основанное на целесообразности, технической нормой. Такое требование весьма условно можно признать технической нормой. Эта норма только в потенции. Целесообразность такого требования послужит лишь толчком, основой превращения его в техническую норму.

При характеристике норм вообще, в том числе и социальных, различными авторами правильно отмечается, что не всякое правило поведения является нормой. Нормой становится только такое правило, которое приобретает характер общего правила.

Относя технические нормы к социальным, т. е. общественным нормам, мы исходим из того, что не может быть индивидуальных норм, норм, лишенных общего характера, которым руководствуются лишь отдельные индивиды. Правила, не имеющие общего характера, не являющиеся нормами, не могут оказывать регулирующего воздействия на поведение людей.

Ученые, не признающие технические нормы нормами социальными, обычно утверждают, что технические нормы «могут быть выведены и отдельным индивидом», а «для придания общего значения правилу, призванному регулировать отношения между людьми... необходимо, чтобы это правило было признано тем коллективом... в интересах которого оно устанавливается» (Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Указ. соч. С. 125).

Действительно, техническое правило может быть разработано и выведено отдельным индивидом, но оно на этой стадии и представляет собой суждение лишь отдельного индивида о должном или возможном поведении, поэтому

соблюдение его не поддерживается силой общественного мнения. И пока такое суждение, представление о должном поведении человека по отношению к природе, средствам производства и т. п., несмотря на его целесообразность, экономичность, выгодность и другие положительные качества, еще не распространилось среди большинства определенного коллектива людей и не признано ими, то оно еще не является технической нормой. Для того чтобы стать нормой, техническое правило должно приобрести черты правила общего характера, стать мерой поведения не отдельного индивида, а коллектива.

Более подробно признаки технических норм анализировались А. С. Сиротиным. По его мнению, технические нормы отличаются от социальных вообще и от правовых, в частности, по следующим признакам: объективная сторона; субъект нормотворчества; способ выражения; сфера действия; объект регулирования; непосредственные цели; последствия несоблюдения (Сиротин А. С. Указ. соч. С. 35). Кратко остановимся на содержании каждого из указанных признаков.

1. Объективная сторона. Фактором, составляющим объективную сторону правовых норм, являются производственные отношения – экономический базис общества, т. е. фактические отношения между людьми.

В основе технических норм лежат непосредственно не отношения между людьми, а достигнутый уровень развития производительных сил, прежде всего науки и техники. Это различие, заключающееся в том, что первые (т. е. нормы права) предопределяются характером производственных отношений, а последние (т. е. технические нормы) – степенью развития производительных сил, либо ускользает от внимания сторонников отнесения технических норм к социальным, либо игнорируется ими. А между тем, как замечал А. С. Сиротин, это важное условие понимания природы технических норм.

2. Субъект нормотворчества. Правовые нормы формируются уполномоченными на это органами государства; технические – в различные исторические периоды различными субъектами, например, учеными, изобретателями, конструкторами и др.

Поскольку различны субъекты правового и технического нормотворчества, постольку различны и источники возникновения правовых и технических норм. Источником возникновения правовых норм является нормотворческая деятельность компетентных органов государственной власти, протекающая в определенных организационных формах.

Источник возникновения технических норм лежит в иной плоскости. Это процессы научных исследований, инженерно-конструкторской деятельности отдельных специалистов или опреде-

ленных коллективов (научно-исследовательских институтов, конструкторских бюро и т. п.).

Во многих случаях источником технических норм являются научные выводы, обобщение опыта, обоснованные технико-экономические расчеты, объективные данные научно-технических экспериментов (Бондаренко Э. Н. Указ. соч. С. 206 ; Нижечек В. И. Указ. соч. С. 405 ; Островский Л. Я. Нормы затрат труда рабочих и служащих. Минск, 1970. С. 57–58).

3. Способ выражения. Нормы права всегда абстрактны. Они содержат образцы (модели) поведения людей. Технические нормы содержат либо точные указания на необходимые условия, при которых проявляется определенная закономерность, либо параметры, которым должны отвечать продукты труда, условия производства, эксплуатации и хранения (температура, влажностный режим и т. п.). Это достигается путем использования специфических средств выражения технических норм¹. Данный способ заключается в использовании специализированных технических характеристик и особенно качественных показателей средств производства, предметов труда и готовой продукции.

4. Сфера действия. Непосредственной сферой действия правовых норм являются взаимоотношения людей; технических – отношение человека к неживой природе.

5. Объект регулирования. Правовые нормы регулируют поведение людей в их общественных отношениях, технические – поведение людей в их отношении к природе.

6. Непосредственные цели. Непосредственной целью правовых норм является упорядочение поведения людей в их взаимоотношении друг с другом; технических – упорядочение поведения людей в их отношении к неживой природе и на этой основе обеспечение повышения эффективности извлечения полезных свойств различных предметов материального мира.

7. Последствия несоблюдения. Последствием несоблюдения правовых норм является отрицательная реакция со стороны государства; технических – недостижение желаемого производственно-технического результата.

А. В. Пчелкин, не раскрывая понятия технической нормы, выделяет следующие ее признаки.

1. Технические нормы являются продуктом сознательно-волевой деятельности людей, в от-

¹ Л. Я. Островский, считая использование специфических средств изложения технических норм признаком, отличающим их от других социальных норм, подчеркивал, что «этот признак классификации норм остался незамеченным в теории права» и что «указанные средства дают возможность техническим языком (и вообще языком точных наук) конкретно и полно выразить соответствующие требования к поведению людей» (Островский Л. Я. Указ. соч. С. 66).

личие от объективных признаков природы, на основе которых они складываются.

2. Они имеют своей целью удовлетворение субъектом определенной потребности за счет сил и свойств природы.

3. Содержанием технических норм выступает техническое действие, совершение или воздержание от которого приводит к заранее известному результату.

4. Являясь непосредственным регулятором технической деятельности людей, они во всех случаях участвуют в регулировании взаимодействия человека с объектами природы (субъектно-объектных отношений) и во взаимодействии с другими социальными нормами могут участвовать в регулировании общественных отношений, складывающихся в процессе данной деятельности (Пчелкин А. В. Указ. соч. С. 16–38).

Таким образом, на основе вышеизложенного можно заключить, что вопрос об их природе решается в научной литературе по-разному и нуждается в дальнейшей разработке.

В заключение, рассматривая соотношение технических и социальных норм, необходимо, на наш взгляд, отметить следующее.

Во-первых, технические нормы тесно связаны с жизнью общества, направлены на регулирование поведения человека, значит, их следует признать разновидностью социальных норм. Технические нормы соотносятся с иными социальными регуляторами как целое и часть. Технические нормы имеют социальный характер, но в отличие от социальных норм, которые регулируют отношения непосредственно между людьми (человек–человек), технические нормы регулируют поведение людей в связи с использованием техники (человек–техника–человек).

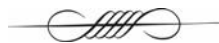
Во-вторых, технические нормы могут облекаться в форму других социальных норм, составлять их содержание, соотносясь в этом случае с другими социальными нормами как содержание и форма. По отношению к социальным нормам технические нормы выступают не как противоположность (антипод), а как одна из разновидностей норм вообще, в том числе и социальных. Родовым признаком технических норм как индивидуальных, так и социальных является то, что в основе их содержания лежит техническое действие, направленное на включение или недопущение включения законов природы, приводящих к заранее известному результату. В то же время у технико-социальных норм есть и специфическое социальное содержание. Социальным содержанием социально-технических норм выступает общественное отношение между субъектом технической деятельности и иными субъектами социального взаимодействия по поводу данного способа технической деятельности.

Если технические и социальные нормы могут соотноситься между собой как содержание и форма, то естественно, что в таком же соотношении могут находиться технические и юридические нормы, когда первые принимают форму вторых.

В-третьих, технические нормы облекаются в правовую форму тогда, когда в этом заинтересовано государство. Государство использует технические нормы для осуществления своих функций. Экономическая теория доказала, что отношения, возникающие в процессе производства, всегда выступают в конечном счете как социальные отношения. «Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, и только через посредство этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 357). Таким образом, специфика технических норм выражается в том, что они выступают в качестве социальных норм с техническим содержанием.

В-четвертых, технические нормы, являясь самостоятельным разрядом норм поведения людей, обладают особенностями, отличающими их от социальных по ряду признаков. Некоторые из этих признаков названы в специальной литературе, например: 1) субъект нормотворчества; 2) способ обеспечения исполнения норм; 3) содержание норм (Бондаренко Э. Н. Указ. соч. С. 206). Кроме того, следует обратить внимание на тот факт, что реализацию технических норм часто проще обеспечить, нежели норм, регулирующих отношения между людьми. Это обстоятельство связано с тем, что технические нормы, с одной стороны, почти всегда опираются на объективную реальность, на которую в нарушение данной нормы субъекту затруднено или вообще невозможно воздействовать, например, практически невозможно запустить без топлива двигатель внутреннего сгорания. В этом случае нарушение технической нормы не позволит воспользоваться транспортным средством. Такие нормы условно обозначим как *объективные технические нормы*. С другой стороны, нарушение технических норм, предусматривающих акцент на большую свободу и самостоятельность субъектов, может привести к поломке технического средства, причинению вреда жизни, здоровью и собственности людей. Эту группу технических норм условно обозначим как *субъективные технические нормы*.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами представляется целесообразным подкреплять реализацию субъективных технических норм правовыми предписаниями, при этом разрабатывать такие технические нормы, которые бы носили в большей степени объективный характер и нарушение их не приносило существенного вреда обществу и человеку.



Библиографический список

1. Головкин Р. Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России / Р. Б. Головкин. – Владимир, 2004. – Гл. 1, § 1.
2. Иоффе О. С. Вопросы теории права / О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. – М., 1961.
3. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – Спб., 1894.
4. Оксамытный В. В. Теория права и государства / В. В. Оксамытный. – М., 2004.
5. Полежай П. Т. О соотношении юридических и технических норм в социалистическом обществе / П. Т. Полежай, В. С. Шелестов // Сов. государство и право. – 1960. – № 10.
6. Урванцев Б. А. Порядок и нормы / Б. А. Урванцев. – М., 1991.
7. Шершеневич Г. Ф. Определение понятия о праве / Г. Ф. Шершеневич. – Казань, 1896.

References

1. Golovkin R. B. Moral and Legal Regulation of Private Life in Modern Russia / R. B. Golovkin. – Vladimir, 2004. – Chapter 1, § 1.
2. Ioffe O. S. Questions of the Theory of Law / O. S. Ioffe, M. D. Shargorodskiy. – M., 1961.
3. Korkunov N. M. Lectures on the General Theory of Law / N. M. Korkunov. – Spb., 1894.
4. Oksamytniy V. V. Theory of State and Law / V. V. Oksamytniy. – M., 2004.
5. Polezhay P. T. On the Parity of Legal and Technical Norms in a Socialist Society / P. T. Polezhay, V. S. Shelestov // Soviet State and Law. – 1960. – № 10.
6. Urvantsev B. A. Order and Norms / B. A. Urvantsev. – M., 1991.
7. Shershenevich G. F. Definition of the Concept of Law / G. F. Shershenevich. – Kazan, 1896.

В. А. Грунина,
старший преподаватель кафедры
гражданско-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

V. A. Grunina,
Senior Lecturer of the Department
of Civil Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

**СИНЕРГЕТИКА В ПОЗНАНИИ ЯВЛЕНИЙ
ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ**

Necessity of Synergy Use in the Process of Studying the Phenomena of Legal Validity

Аннотация. В статье рассматривается необходимость обращения к синергетике в процессе научного исследования правовых явлений, что обусловлено существованием целого ряда теоретико-правовых проблем, перспективное решение которых требует дополнения традиционного диалектико-материалистического метода познания теорией самоорганизации.

Ключевые слова: теория самоорганизации, правовая система, правовая действительность.

Abstract. The article deals with the necessity of the use of synergy during the process of scientific research of legal phenomena. This is caused by the existence of a whole complex of theoretical and legal problems which perspective solution requires the use of the theory of self-organization in addition to the traditional dialectical-materialist method of cognition.

Key words: theory of self-organization, legal system, legal validity.

Прежде чем мы обратимся к вопросу о необходимости использования синергетики в познании правовых явлений, нужно составить четкое представление, во-первых, о возможности применения ее постулатов, а во-вторых, о потребности применения нетрадиционного методологического подхода.

Возможность применения понятий и принципов синергетики в познании правовой действительности коренится в самой природе права как сложного и системного образования. Элементы, образующие в совокупности правовую систему, сами выступают в качестве сложноорганизованных систем. Происходят ли в правовой системе как сверхсложной процессы самоорганизации? Безусловно! Известно, что правовая система объединяет в органическую целостность такие явления, как: позитивное право, правовые отношения, правовую культуру, правовое сознание и ряд других. Качественная специфика элементов правовой системы позволяет предположить, что процессы самоорганизации, с одной стороны, частично регулируются правом, а с другой, имманентны для права. Так, правовые нормы закрепляют лишь наиболее существенные признаки общественных отношений, допуская тем самым в известной степени самоорганизацию адресатов правовых норм. Наиболее характерным примером самоорганизации может служить правоприменительное усмотрение. Что касается имманентности для права процессов самоорганизации, то данные процессы преимущественно относятся к такому элементу правовой системы, как правовое сознание. Даже самое тоталитарное государство не в силах искоренить самоорганизацию индивидуального и мас-

сового сознания населения. Как известно, вольнодумцы и инакомыслящие есть в любом обществе.

Если сложный характер правовой системы, а следовательно, и возможность использования синергетики не вызывает сомнений, то потребность обращения к достаточно нетрадиционной методологии не так очевидна. В настоящее время, несмотря на отдельные критические высказывания, диалектико-материалистический метод преобладает в научных исследованиях. Плодотворные результаты его применения достаточно очевидны, однако имеется ряд теоретико-правовых проблем, успешная разработка которых требует сочетания традиционного диалектического подхода с новой парадигмой научного познания – синергетикой. Из спектра проблем выделим две: проблему демократии и неразрывно связанную с ней проблему прав и свобод человека.

Конец XX и начало XXI в. вполне можно назвать триумфальным шествием демократии. Демократическими по форме (с точки зрения содержания говорить было бы преждевременно) стали многие государства на политической карте мира. Нельзя не согласиться с мнением А. И. Ковлера о том, что прогресс демократии в мировом масштабе выявил также и слабость, и противоречивость классической демократии (Ковлер А. И. Кризис демократии? Демократия на рубеже XXI века. М., 1997. С. 94).

Полагаем, что использование принципов синергетики (нелинейность, нестабильность, неустойчивость) применительно к проблеме демократизации отсталых и развивающихся стран позволит глубже понять сущность тех процессов, которые препятствуют установлению демократического режима в указанных государствах, а в конечном счете и отнесенность ценности самой демократии. Понимание процессов развития прежде всего как нели-

нейных способствует осознанию именно относительной, а не абсолютной ценности демократии. Навязывание суверенным государствам демократических ценностей, которые по своей сути не вписываются в рамки исторической традиции данных стран, может привести к непредсказуемым результатам. Наглядным примером может служить Палестина, где в ходе демократических парламентских выборов победу одержала экстремистская партия «Хамас», что существенным образом обострило обстановку на Ближнем Востоке.

Принципы синергетики, создающие весьма оригинальное новое видение картины мира, позволяют не только описать, но и глубже понять кризисные явления в современных демократиях (Подробнее о кризисе демократии см.: Ковлер А. И. Указ. соч.). Идеалам демократии в известной степени противостоят жесткие императивы реальности. Так, участие всего народа в управлении делами государства фактически ограничивается лишь участием в периодических выборах органов государственной власти и управления, при этом значительная часть населения уклоняется от выполнения данных своих гражданских обязанностей: в странах с развитой экономикой – в силу «лености и праздности своего образа жизни», в тех же странах, где экономика переживает периоды кризиса, – в силу тяжелого финансового положения и утраты доверия к представителям органов государства.

Экономическое развитие и обеспечение безопасности требуют определенных отступлений от принципа социального равенства, а также ряда основных прав и свобод человека. Идеалы свободы, равенства и многие другие общечеловеческие ценности, сформулированные великими гуманистами XVII–XVIII вв., требуют нового прочтения. Так, В. Е. Чиркин отмечает, что «современное общество не отказывается от ценностей XVIII в., но им придается новое истолкование, они наполняются новым содержанием» (Чиркин В. Е. Общечеловеческие ценности и современное государство // Государство и право. 2002. № 2. С. 7). Интерпретация прежних ценностей происходит с позиции не индивида, личности, а прежде всего с точки зрения интересов всего общества, государства. Происходит ли в связи с этим уход от демократии к авторитарным и тоталитарным режимам – вопрос далеко не однозначный. По замечанию А. И. Ковлера, «исторический спор между тоталитаризмом и демократией еще не завершен» (Ковлер А. И. Указ. соч. С. 101).

Представляется, что проблема сочетания демократических и авторитарных методов управления обществом вполне может быть продуктивно объяснена и описана с помощью понятий и принципов синергетики (например, порядок и хаос¹, флуктуа-

ция, точки бифуркации, аттрактор, принципы неустойчивости, нелинейности и ряд других).

Мы солидарны с мнением Е. В. Кирдяшова, полагающего, что «анализ целого ряда государственно-правовых явлений с позиций синергетики является оригинальным и может дать весьма интересные результаты в плане взаимодействия, взаимовлияния этих явлений друг на друга, а может быть, и ответить на существующие в науке вопросы» (Кирдяшов Е. В. К вопросу о возможностях использования синергетики в теории государства и права // Рос. право в Интернете. 2003. № 1). С точки зрения Е. В. Кирдяшова, использование синергетики весьма полезно для реализации прогностической функции теории государства и права, а также для изучения пределов правового воздействия, содержания права и определения оптимальных вариантов правового регулирования тех или иных отношений с учетом саморегуляции соответствующих систем (Там же).

В. В. Залесский справедливо указывает, что «право призвано вносить упорядоченность в общественные отношения, создавая относительно замкнутую систему постольку, поскольку возможность эффективного управления связывается с определенным уровнем устойчивости системы. Направление правового регулирования, осуществляемого законодателем, должно охватывать относительно отдаленные результаты. Если это направление не совпадает со случайными флуктуациями, возможно возникновение ситуаций, не охватываемых предвидением законодателя» (Залесский В. В. Вероятность и самоорганизация в гражданском праве // Журн. рос. права. 2005. № 10. С. 86).

Наглядным примером может служить достаточно замкнутая плановая экономика СССР. Административное регулирование экономических отношений не смогло искоренить возникновение различного рода флуктуаций и процессов самоорганизации. Договорные отношения хотя и возникают по воле людей, в массе своей объективируются, приобретают самостоятельное существование, их развитие обгоняет законотворческую деятельность, подталкивая законодателя к фиксации и регулированию стихийно сложившегося порядка взаимоотношений. Противостоят этому объективному процессу невозможно. Это процесс самоорганизации общественных отношений, отражающий, складывающийся на данный момент переход от хаоса бесчисленного множества отношений неопределенного числа субъектов права к порядку. Попытка законсервировать достигнутый уровень порядка с помощью правовых средств не может увенчаться успехом. Устойчивость сложившейся системы договорных отношений заключается в ее изменчивости. Невозможность поставить преграду, искоренить флуктуации и процессы самоорганизации в этой системе вполне убедительно иллюстрирует кризис как самой экономической системы, так и всего Советского Союза.

¹ Нельзя не отметить некоторые постулаты синергетики: процессы развития предстают как непрерывное чередование порядка и хаоса, последний же оказывается конструктивным.

Можно заключить, что такие понятия синергетики, как: открытость сложноорганизованных систем, самоорганизация, закон возрастания энтропии в замкнутой системе, – имеют не только сугубо теоретическое, но и большое практическое значение.

«Под действием норм права происходит самоорганизация системы правоотношений, возникающих случайным образом вследствие разнообразных обстоятельств, имеющих, с точки зрения законодателя, общественно-правовое значение» (Залесский В. В. Указ. соч. С. 88). Нельзя не отметить, что оценка результатов самоорганизации в качестве общественно полезных либо вредных носит во многом субъективный характер и отчасти зависит от самого государства: является ли оно демократическим либо авторитарным. Например, если в демократическом государстве самоорганизация предпринимателей различного уровня пользуется поддержкой государства, то в советский период самоорганизация частного капитала вызывала резко негативную реакцию.

«Проблема самоорганизации в системе гражданских правоотношений относится не только к динамично развивающимся договорным связям, но прослеживается в сфере правового бытия субъектов гражданского права и в области правоотношений собственности. При этом проявляется стремление к достижению стабильности (но не стагнации!). Всякая стабильность в системе любых явлений относительна и определяется вероятностными характеристиками развития» (Там же). Следует согласиться с мнением В. В. Залесского о том, что процессы самоорганизации охватывают все стороны имущественных отношений, регулируемых гражданским правом (Там же. С. 91). В то же время процессы самоорганизации возможно наблюдать не только в сфере отраслей частного, но и публичного права. Так, достаточно широкое распространение в сфере правотворческой деятельности получило такое явление, как лоббизм. К отрицательным проявлениям самоорганизации нужно отнести и феномен «теневое право».

Все сказанное выше позволяет нам констатировать наличие целого ряда проблем как теоретической, так и практической направленности, продуктивное решение которых предполагает объективную потребность обращения к методологическому потенциалу синергетики как нового направления научных исследований. Однако, подчеркивая возможность и объективную потребность применения постулатов синергетики в познании правовых явлений, нельзя не

затронуть еще один аспект. Поскольку новая парадигма сложилась в недрах естественно-научного знания, то ее применение в сфере гуманитарного знания связано с известными трудностями. В первую очередь следует определиться: какую роль выполняет сама синергетика в правовой сфере – можно ли говорить о ней как о методе или методологии познания правовых явлений, либо она выступает в качестве парадигмы, стиля научного мышления, исследовательской программы, т. е. занимает метатеоретический уровень? Каковы ее основные функции применительно к специфике правовой действительности? Возможно ли говорить об органическом сочетании диалектического подхода и синергетики, либо стоит вести речь об их раздельном применении в общем процессе познания закономерностей права? Ответы на эти вопросы крайне важны для того, чтобы реалистически оценить возможности продуктивного использования теории самоорганизации в разработке теоретико-правовых проблем.

Проанализировав необходимость использования синергетики при анализе явлений правовой действительности, можно сделать следующие выводы.

1. Отличительной чертой современного научного познания является проникновение принципов нелинейного мышления в сферу гуманитарного знания.

2. Возможность применения понятий и принципов синергетики в познании правовой действительности коренится в самой природе права. Общеизвестно, что право представляет собой сложное и, быть может, сверхсложное системное образование. В числе элементов правовой системы обычно называют позитивное право, правовые отношения, правовое сознание, правовую культуру, правовые учреждения, юридическую практику. Характерно, что данные элементы вполне можно рассматривать в качестве сложноорганизованных систем.

3. Понимание нелинейности развития способствует более глубокому анализу и пониманию ценности таких феноменов, как демократия, права и свобода человека, либерализм. Не менее значимым является применение синергетики при решении проблемы эффективности действия права, поскольку она привлекает внимание к происходящим в обществе процессам самоорганизации, ориентирует на изучение состояний неустойчивости правовой системы, риска в правовом регулировании, без учета которых действие права не может быть эффективным.



Библиографический список

1. Синергетическая парадигма: многообразие поисков и подходов. – М., 2000.
2. Сырых В. М. Логические основания общей теории права. В 2 т. / В. М. Сырых. – Изд. 2-е, стер. – М., 2004.
3. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М., 2002.

References

1. Synergetic Paradigm: Variety of Searches and Approaches. – M., 2000.
2. Syryh V. M. Logical Basis of the General Theory of Law. In 2 v. / V. M. Syryh. – 2nd ed., reprinted. – M., 2004.
3. Theory of State and Law / ed. by V. K. Babaev. – M., 2002.

В. В. Долотова,
*адъюнкт факультета подготовки
 научно-педагогических кадров
 ВЮИ ФСИН России*

V. V. Dolotova,
*post-graduate student
 of the Faculty of Research and Teaching Staff Training
 of VLI of the FPS of Russia*

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КАТЕГОРИИ «ИСПОЛНЕНИЕ»
 В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОРЕАЛИЗУЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**Some Peculiarities of Use of the Category «Execution»
 in Law-making and Law-application Activity**

Аннотация. В статье автор обращается к категории «исполнение» и рассматривает ее в трех аспектах: как вид юридической деятельности, как фактор формирования законодательства, как форму реализации права. В ходе проведенного анализа автор выявил основные трудности исполнения как формы реализации права, а также предложил пути преодоления выявленных препятствий. В статье автор уделит внимание специфике исполнения обязывающих норм в уголовно-исполнительной системе.

Ключевые слова: категория, исполнение, реализация права, обязывающие нормы.

Abstract. In the article the author deals with the category «execution» and reveals the three aspects of it: a kind of legal activity, a factor of legislation formation, a form of exercise of a right. During the analysis the author has pointed out the basic difficulties of execution as the form of exercise of a right, and also offered ways of overcoming the obstacles revealed. In the article the author has also paid attention to the specificity of execution of obliging norms in the penal system.

Key words: category, execution, exercise of a right, obliging norms.

Исполнение представляет собой сложную категорию, используемую в разных ипостасях, одной из них, очень важной, является применение при некоторых правотворческих и правореализующих процессах.

Правотворческие органы при разработке и издании юридических норм изучают социально-экономическую и иную ситуацию, сложившуюся в стране, объективные потребности развития общества, необходимость и целесообразность юридического урегулирования общественных отношений. Правотворчество должно быть тесно связано с правоприменительной практикой. Именно последняя дает возможность судить о качестве и эффективности исполнения уже принятых нормативных правовых актов, информирует о необходимости их изменения или отмены, позволяет сокращать до минимума число актов по одному и тому же вопросу в интересах лучшей обозримости нормативного материала, облегчения пользования им (Головкин Р. Б., Мамчун В. В., Пожарский Д. В. Теория государства и права. Владимир, 2003. С. 119).

Таким образом, только на основе всестороннего анализа исполнения действующего законодательства правотворческие органы могут корректировать и совершенствовать свою работу.

В правореализующей деятельности свое отражение категория «исполнение» получает: как вид юридической деятельности, как фактор формирования законодательства, как форма реализации права.

Исполнение как разновидность публичного управления обществом заключается в регулирова-

нии правоотношений, складывающихся после вступления в законную силу актов государственно-властных органов, направленных на восстановление (компенсацию) с помощью установленных законом мер государственного принуждения нарушенных прав и законных интересов физических и юридических лиц. Главная цель исполнительного производства состоит в том, чтобы посредством принуждения (проведения необходимых мероприятий по делопроизводству) обеспечить реальное восстановление нарушенных или оспариваемых прав, охраняемых законом интересов (Горбунова Я. П. Исполнительное производство как институт административного права : дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2007. С. 41–42). Исполнительное производство тесно взаимодействует с другими отраслями права, такими как: конституционное, гражданское, гражданско-процессуальное, семейное, трудовое, налоговое, финансовое, жилищное, уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно-процессуальное, административное, таможенное право и др. По мнению В. В. Яркова, исполнительное законодательство является комплексным правовым образованием, которое соединяет в себе нормы различной отраслевой принадлежности, что в конечном счете и определяет компетенцию соответствующего органа государственной власти (Ярков В. В. Проблемы реализации судебных актов. М., 2005. С. 211).

Современная обстановка в России характеризуется глобальными экономическими и социально-политическими переменами. Именно интенсивный процесс развития и изменения общественных отношений вынуждает законодателя в целях обеспечения всестороннего правового регулирования

принимать и изменять большое количество нормативных правовых актов, причем все большее значение придается качеству принимаемых документов (Никитюк С. М. Категория «стоимость» в правовом регулировании общественных отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2009. С. 17). В связи с этим есть основания рассматривать категорию «исполнение» как фактор формирования законодательства.

При формулировании правовых норм, разработке и оформлении нормативных правовых и индивидуальных юридических актов используется совокупность специальных приемов, средств, правил, именуемая юридической техникой, которая обеспечивает совершенство данных актов. Необходимо детально рассмотреть нормотворческую (правотворческую) технику как совокупность правил, приемов, средств и способов подготовки, составления и оформления нормативных актов с целью выявления особенностей правовой фиксации категории «исполнение».

Понятие «исполнение» в законодательных актах Российской Федерации встречается достаточно часто, однако, несмотря на это, вопросов по его содержанию и толкованию возникает очень много.

Рассмотрение исполнения как формы реализации права необходимо начать с определения самой реализации права. Под реализацией права следует понимать претворение (воплощение) норм права в правомерное поведение субъектов правоотношения.

Форма реализации права представляет собой способ действия (поведение) субъектов по осуществлению субъективных прав и юридических обязанностей, направленный на достижение конкретной цели, обусловленный фактическими и юридическими основаниями, определенной процедурой и правовыми последствиями.

Проблемы реализации правовых норм всегда находились в центре внимания ученых-юристов. Различные аспекты реализации права были предметом исследования таких представителей общей теории права и отдельных отраслевых юридических наук, как: Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, В. В. Лазарев, М. К. Маликов, А. В. Малько, Н. И. Матузов, М. Ф. Орзих, Ю. С. Решетов, К. В. Шундилов, Л. С. Явич и др. (Фалькина Т. Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 62–63).

Вопрос о классификации форм реализации права в юридической литературе является дискуссионным. Так, в 50-е гг. XX в. по предложению М. Ф. Орзиха стали различать такие формы реализации права, как использование, исполнение, соблюдение и применение. Затем данная трактовка обосновывалась в работах С. С. Алексеева, И. Я. Дюрягина, В. В. Лазарева, А. С. Пиголкина, Ю. Г. Ткаченко, Л. С. Явича и др. Однако в 1970-е гг. были высказаны предложения о целесообразности от-

граничения формы реализации права от проблемы применения права.

По утверждению М. Ф. Орзиха, наряду с применением, исполнением и соблюдением правовых норм, другим видом (и одновременно формой) является реализация субъективного права (Орзих М. Ф. Формы реализации норм социалистического права // Сов. государство и право. 1968. № 2. С. 102).

Как отмечал Л. С. Явич, необходимо различать: 1) соблюдение правовых норм; 2) исполнение юридических обязанностей; 3) использование (приобретение и реализация) субъективных прав; 4) применение норм права (Явич Л. С. Формы реализации (осуществления) советского права // Общая теория советского права / под ред. С. Н. Брагуся и И. С. Самошенко. М., 1966. С. 264).

Выделение форм реализации права имеет, прежде всего, теоретическое значение и позволяет всесторонне и системно изучить данный процесс. Выделение форм реализации права и определение характера действий по правореализации, которые осуществляются в указанных формах, позволяет говорить о саморегуляции собственного поведения субъектов права.

Использование, исполнение, соблюдение относят к непосредственным формам реализации права (Кожевников С. Н. Реализация права: понятие и формы реализации права. Н. Новгород, 2002. С. 11–12). Это объясняется тем, что субъекты реализуют юридические нормы, предусматривающие права, обязанности, запреты, самостоятельно.

Под исполнением как формой реализации права следует понимать активные действия субъекта права по осуществлению возложенных на него юридических обязанностей. В правоотношениях активного типа исполнение характеризуется следующими особенностями. Во-первых, субъект обязан исполнить правовое предписание независимо от личного к нему отношения (уплата налога); во-вторых, исполнение осуществляется в форме активных действий субъектов реализации права; в-третьих, исполнение обязанности вытекает из его обязательного государственно-волевого характера.

Для определения особенностей исполнения как формы реализации права автором было проведено социологическое исследование, в ходе которого были опрошены 94 курсанта 1–3-го курсов ВЮИ ФСИН России в период с 25 октября по 15 ноября 2009 г. Цель опроса – выявить существенные свойства и особенности исполнения как формы реализации права; изучить направления повышения эффективности исполнения, а также проблему, препятствующую успешной реализации права в форме исполнения. Гипотеза опроса предполагала, что исполнение является непосредственной формой реализации, тем не менее непосредственная реализация не в полной мере адекватна, что обусловлено субъективными и объективными препятствиями этих процессов.

Опрос проводился в форме закрытого анкетирования. Анкета состояла из нескольких групп вопросов. Первая группа вопросов касалась демографических свойств опрашиваемых (пол, возраст и т. д.).

Вторая группа вопросов была направлена на установление взаимосвязи исполнения с обязывающими нормами. Вопросы данной группы были сформулированы следующим образом.

1. Откуда Вы знаете о своих обязанностях?

- а) со слов начальника курса;
- б) прочитал должностную инструкцию;
- в) знаю законодательство.

2. Какие обязанности выполнять легче?

- а) гражданина РФ;
- б) сотрудника ФСИН.

В результате анализа ответов на данные вопросы было установлено, что исполнение не всегда эффективно реализуется вследствие не вполне адекватного знания респондентами обязывающих норм.

Третья группа вопросов касалась взаимосвязи юридической ответственности и исполнения. Среди вопросов данной группы были такие:

1. В связи с чем Вы не нарушаете законодательство?

- а) боязнь наказания;
- б) моральные принципы;
- в) не нарушая сам, подаю пример другим.

2. Знаете ли Вы о взысканиях, которые последуют за неисполнением своих обязанностей?

- а) да;
- б) нет.

В результате была установлена корреляция знаний об ответственности с исполнением обязывающих норм, а также тот факт, что для исполнения требуется определенная внешняя деятельность со стороны другого субъекта, т. е. сама по себе непосредственная реализация в форме исполнения происходит с большими затруднениями.

Четвертая группа вопросов была связана с выявлением трудностей реализации исполнения и его совершенствованием.

В качестве примера вопросов данной группы можно привести следующие.

1. Что, по Вашему мнению, улучшит процесс реализации права в форме исполнения?

- а) ужесточение мер взыскания за неисполнение обязанностей;
- б) повышение качества нормативных правовых актов;
- в) сокращение количества нормативных правовых актов.

2. Ужесточение каких мер взыскания, по Вашему мнению, приведет к улучшению процесса исполнения норм права?

- а) меры дисциплинарного взыскания;
- б) меры административного взыскания;

в) меры уголовного наказания.

После обработки результатов анкеты было установлено, что трудности носят субъективно-объективный характер, связанный главным образом с низким качеством законодательства и низким уровнем правовой культуры. Соответствующее преодоление этих затруднений позволит повысить эффективность исполнения в форме реализации законодательства.

В результате проведенного автором исследования и анализа специальной литературы можно выявить основные трудности непосредственного исполнения, нейтрализация которых позволит повысить эффективность данной формы реализации права, а также предложить пути преодоления данных препятствий.

Основными препятствиями непосредственного исполнения являются следующие.

1. Техничко-юридические причины, т. е. снижение качества нормативных правовых актов, предусматривающих реализацию обязанностей, а также их количественный рост, что затрудняет деятельность правоисполнителей.

2. Противоречивость самих нормативных правовых актов. Так, в ст. 25 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» закреплено, что «потребитель вправе обменять непродовольственный товар надлежащего качества на аналогичный товар у продавца, у которого этот товар был приобретен, если указанный товар не подошел по форме, габаритам, фасону, расцветке, размеру или комплектации» (Рос. газ. 1996. 16 янв.). Однако существует Перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки и комплектации, утвержденный Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. № 55 (Там же. 1998. 4 февр.). На указанный Перечень в ст. 25 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» имеется ссылка. Ознакомившись с данным Перечнем, человек сталкивается с проблемой невозможности реализации своих законных прав, так как указанный перечень охватывает все категории непродовольственных товаров.

3. Подмена регулятивных свойств правовых норм, т. е. взамен обязывающих норм используются запрещающие.

Пути преодоления выявленных трудностей автор видит в следующем.

1. Повышение качества нормативных правовых актов.

2. Сокращение количества принимаемых нормативных правовых актов.

3. Простота и доступность положений нормативных правовых актов.

4. Совершенствование юридической техники, т. е. совершенствование системы соответствующей

щих средств, приемов, методов и правил подготовки и изложения правовых актов.

В целях выявления особенностей исполнения обязывающих норм был проведен анализ действующего законодательства, в результате которого мы пришли к выводу, что специфика исполнения обязывающих норм заключается в следующем:

а) исполнение осуществляется лично, но при этом достаточно часто требуется дополнительный правоприменительный или правоисполнительный акт;

б) исполнение подкрепляется юридической ответственностью, т. е. это мера должного поведения, от которой нельзя отказаться;

в) осуществляется строго в рамках, установленных правовыми предписаниями, но могут выйти за их пределы в инициативной форме, направленной на улучшение реализации обязанности и конечного результата;

г) обязывающие нормы могут быть договорными и статусными.

При этом к особенностям исполнения обязывающих норм в УИС автор относит следующие:

а) исполнение связано с функциями пенитенциарных учреждений, например, создавать условия для обеспечения правопорядка и законности, безопасности осужденных, а также персонала, должностных лиц и граждан, находящихся на их территориях; обеспечивать привлечение осужденных к труду, а также осуществлять их общее и профессиональное образование и профессиональное обучение; обеспечивать охрану здоровья осужденных и т. д.;

б) индивидуальное исполнение должно обеспечивать претерпевание наказания;

в) распространяется только на сотрудников, занимающих должности в соответствии с законодательством;

г) исполнение обусловлено жесткой иерархией и субординацией;

д) исполнение чаще всего ограничивает права и свободы других людей;

е) исполнение не останавливается прекращением исполнения наказания в отношении конкретного осужденного;

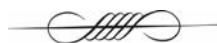
ж) уголовно-правовой системе присуще статусное исполнение;

з) всемерное предотвращение распространения служебной информации.

В настоящее время подзаконное правотворчество все чаще порождает коллизии, статусные обязанности противоречат общегражданским. Так, согласно пп. 6.7, 6.8 Положения о наставничестве в учреждениях и органах ФСИН, утвержденного приложением № 4 к приказу ФСИН России от 14 июня 2006 г. № 390, «Об организации воспитательной работы с работниками Федеральной службы исполнения наказаний» наставник должен знакомиться с личной жизнью подшефного (URL: <http://fsin.ucoz.ru/forum/12-140-1>), что прямо противоречит положениям Конституции РФ (ст. 23).

Реализация обязанностей нередко пересекается с реализацией запретов. Однако данные понятия нельзя смешивать, так как это затрудняет реализацию и тех и других норм, что приводит к «провисанию их в воздухе».

Таким образом, исполнение есть сложная категория, используемая как в правотворческих, так и в правореализующих процессах. Исполнение в правовом регулировании общественных отношений – это общеправовая категория, характеризующая деятельность государственных органов, должностных лиц по исполнению правоприменительных решений, фактор формирования законодательства, а также форма реализации обязывающих правовых предписаний. Исполнение обязывающих норм в УИС обладает некоторыми особенностями, производными от общих закономерностей исполнения и специфики отношений, складывающихся в пенитенциарной системе.



Библиографический список

1. Головкин Р. Б. Теория государства и права / Р. Б. Головкин, В. В. Мамчун, Д. В. Пожарский. – Владимир, 2003.
2. Горбунова Я. П. Исполнительное производство как институт административного права : дис. ... канд. юрид. наук / Горбунова Я. П. – Воронеж, 2007.
3. Кожевников С. Н. Реализация права: понятие и формы реализации права / С. Н. Кожевников. – Н. Новгород, 2002.
4. Фалькина Т. Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления : дис. ... канд. юрид. наук / Фалькина Т. Ю. – Екатеринбург, 2007.
5. Ярков В. В. Проблемы реализации судебных актов / В. В. Ярков. – М., 2005.

References

1. Golovkin R. B. Theory of State and Law / R. B. Golovkin, V. V. Mamchun, D. V. Pozharskiy. – Vladimir, 2003.
2. Gorbunova Ya. P. Executive Manufacture as an Administrative Law Institution / Gorbunova Ya. P. – Voronezh, 2007.
3. Kozhevnikov S. N. Exercise of a Right: Concept and Forms of Exercise of a Right / S. N. Kozhevnikov. – N. Novgorod, 2002.
4. Falkina T. Yu. Forms of Exercise of a Right and the Mechanism of Their Realisation / Falkina T. Yu. – Ekaterinburg, 2007.
5. Yarkov V. V. Problems of Realization of Judicial Certificates / V. V. Yarkov. – M., 2005.

В. А. Жабский,
докторант Академии права и управления
ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

V. A. Zhabskiy,
applicant for the doctoral degree
of the Academy of Law and Management
of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ НОРМ О КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ВИДЕ НАКАЗАНИЯ

Implementation of Norms Concerning Property Confiscation in Russian Legislation as an Additional Type of Punishment

Аннотация. Статья посвящена вопросам имплементации в российском законодательстве норм о конфискации имущества как дополнительном виде наказания, что является важным инструментом в борьбе с организованной преступностью, коррупцией, экономическими преступлениями. Автор вносит предложение о том, чтобы вновь ввести конфискацию имущества в систему уголовных наказаний и предусмотреть ее за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности.

Ключевые слова: имплементация, конфискация имущества, дополнительный вид наказания, система уголовных наказаний.

Abstract. The article is dedicated to the questions of implementation in Russian legislation of norms concerning property confiscation as an additional type of punishment which serves an important instrument in fighting against organized crime, corruption and economic crimes. The author offers to introduce property confiscation into the system of criminal punishments and apply it in cases of grave and high crimes with mercenary purposes.

Key words: implementation, property confiscation, additional type of the punishment, system of criminal punishments.

При сопоставлении законодательных норм России и зарубежных стран, определяющих систему уголовных наказаний, порядок и условия их отбывания и исполнения, при формулировании форм и основных направлений имплементации зарубежных правовых норм в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации автор исходил из того, что нет и не может быть законодательной системы, которую можно просто у кого-то позаимствовать, не принимая во внимание собственную правовую и культурную жизнь, на не до конца формализованных основаниях. «Ключевую роль в регулировании переплетающихся спонтанных порядков играет традиция, создающая не до конца формализованные метаправила, которые люди не всегда могут четко изложить, но которые они соблюдают» (Зорькин В. Право эпохи модерна. О том, каковы юридические уроки предыдущих попыток модернизации России // Рос. газ. 2010. 25 июня).

В основе определения направлений гармонизации норм зарубежного законодательства, по мнению автора, должны быть положения, закрепленные прежде всего в Европейских пенитенциарных правилах 2006 г. (URL: http://www.prison.org/law/eur_pr.shtml), решениях Государственного совета Российской Федерации от 11 февраля 2009 г., рассматривавшего вопрос совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы

(URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/3150>), Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43, ст. 5544).

В рамках рассматриваемой в статье проблемы заслуживает внимания опыт стран СНГ по использованию наказания в виде конфискации имущества (уголовные кодексы (далее: УК) Беларуси, Украины, Азербайджана, Армении, Киргизии, Таджикистана, Туркмении, Узбекистана). Данная правовая норма достаточно распространена и в законодательстве стран дальнего зарубежья (США, Франция).

Как известно, на момент принятия в 1996 г. УК РФ предусматривал такой дополнительный вид наказания, как *конфискация имущества*. Затем Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» конфискация имущества была исключена из системы наказаний (Парламент. газ. 2003. 11 дек.). Однако в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма”» (Рос. газ. 2006. 29 июля) и Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (Там же. 10 марта) ныне

действующий УК РФ содержит разд. VI «Иные меры уголовно-правового характера», к которым относится, в частности, конфискацию имущества (ст. 104.1–104.3 УК РФ).

Между тем введение в 2006 г. в УК РФ конфискации имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера не может быть оценено положительно. Зарубежный опыт стран, где конфискация относится к иным уголовно-правовым мерам (Польша, Швейцария, Голландия), имеет значение, когда он используется с учетом национальных условий. В противном случае даже те правовые институты, которые сыграли положительную роль в сфере противодействия преступности в других странах, в России могут дать отрицательный результат (Бриллиантов А. Изменения законодательства о наказании // Рос. юстиция. 2004. № 5. С. 36).

Вряд ли можно согласиться с мнением А. Чучаева о том, что в ныне действующей редакции нормы о конфискации сущность ее «фактически не изменилась» (Чучаев А. Конфискация возвращена в Уголовный кодекс, но в другом качестве // Законность. 2006. № 9. С. 12). В период, когда законодатель предусматривал конфискацию имущества в качестве дополнительного вида наказания (ст. 52 УК РФ), она заключалась «в безвозмездном изъятии в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного». В новой редакции нормы о конфискации (ст. 104.1 УК РФ) законодатель кардинальным образом изменил предмет конфискации.

Сейчас конфискацией имущества признаются принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества: денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения отдельных преступлений, или являющихся предметом незаконного перемещения через таможенную границу Российской Федерации, ответственность за которое установлена ст. 188 УК РФ, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Установление конфискации имущества в качестве дополнительного вида уголовного наказания представляется более эффективным. Во многом это связано с тем, что конфискация имела бы более серьезный предупредительный эффект. «Прежде преступник, сколь много бы он ни похитил, должен был помнить о том, что может лишиться всего, даже если будет доказан всего лишь один эпизод его преступной деятельности (что ослабляло стимулы к совершению преступлений)» (Скобликов П. Конфискация имущества упразднена. Навсегда? // ЭЖ-Юрист. 2004. № 7).

Одним из серьезных аргументов в пользу введения конфискации имущества в уголовное зако-

нодательство в качестве дополнительного наказания является рост корыстной и корыстно-насильственной преступности в последние годы, зафиксированный в нашей стране. А этот вид наказания направлен на борьбу именно с такими преступлениями. Удельный вес корыстной преступности в нашей стране достигает сейчас 70–80 % (Пимонов В. А. Конфискация имущества как уголовное наказание // Государство и право. 2002. № 7. С. 114). Число осужденных, в частности за грабеж, увеличилось в 2004 г. по сравнению с 2003 г. на 18,3 %, а в 2005 г. по сравнению с 2004 г. – на 19,6 % (Рос. юстиция. 2005. № 6. С. 27). В последние годы отмечается фактически постоянный (временами беспрецедентный!) рост регистрации разбойных нападений (Побегайло Э. Ф. Нерадостный юбилей // Рос. юстиция. 2006. № 6. С. 5). Доля корыстных и корыстно-насильственных преступлений в общей структуре преступности в 2009 г. составила 47,6 % (URL: <http://www.mvd.ru/stats/10000231/10000447/7492/>). А ведь роль конфискации как раз и состоит в усилении карательно-воспитательного воздействия на осужденного к основному виду наказания (лишению свободы) путем воздействия на его имущественные интересы.

Важно также отметить и то, что судьи в большинстве своем высоко оценивают потенциальные возможности данного вида наказания. Так, по данным В. А. Пимонова, 80 % судей в предложенной им анкете на вопрос о том, какова, по их мнению, роль конфискации имущества как дополнительного наказания в процессе уголовно-правового воздействия, ответили, что роль этой меры заключается в предупреждении преступлений (Пимонов В. А. Указ. соч. С. 14–15). В 2003 г., когда конфискация имущества применялась в качестве дополнительного наказания, она была назначена 16663 осужденным (2,2 % от общего числа осужденных), тогда как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью – 4375 осужденным (0,6 %), а штраф – всего 1115 осужденным (0,1 %) (Рос. юстиция. 2005. № 8. С. 42). Опрос, проведенный А. В. Степанищевым, также показал, что за сохранение конфискации имущества в качестве дополнительного наказания в уголовном законодательстве высказались 98 % практических работников (Степанищев А. В. Проблемы правового регулирования применения конфискации имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 23).

Однако среди ученых достаточно много противников конфискации имущества как вида уголовного наказания (Голубов И. И. Конфискация имущества как вид уголовного наказания : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 155 ; Иванов В. Н. Должна ли сохраняться конфискация имущества как вид уголовного наказания? // Сов. государство и право. 1958.

№ 9. С. 100–101 ; Кузнецов А. Конфискация имущества как кумулятивный вид наказания в уголовном законодательстве // Уголов. право. 1999. № 2. С. 43 ; Матвеева А. А. Конфискация имущества в современном законодательстве Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11, Право. 2007. № 4. С. 26 ; Михайлов В. Законодательное закрепление конфискации имущества: позитивный анализ // Уголов. право. 2008. № 2. С. 54–59 ; Чернов А. Д. Основные направления развития видов наказания, не связанных с лишением свободы, на современном этапе // Рос. следовател. 1999. № 3. С. 19 и др.). Их аргументы в основном можно свести к следующему: 1) конфискация имущества как вид наказания противоречит общепризнанным нормам международного права, Конституции РФ, принципам гуманизма и справедливости; 2) существование конфискации имущества в уголовном законодательстве нарушает право граждан на собственность; 3) применение конфискации имущества направлено не столько против виновного, сколько против его семьи; 4) конфискация имущества существенно осложняет социальную адаптацию лиц после освобождения из мест лишения свободы.

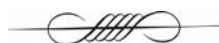
Да, действительно, ст. 17 Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что «никто не должен быть произвольно лишен своего имущества» (Рос. газ. 1995. 5 апр.). Аналогичное положение закрепляет также и Конституция РФ. Однако конфискация имущества может быть применена только к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и только на основании приговора суда, вступившего в законную силу.

Аргумент противников конфискации о том, что «в процессе этого наказания изымается, как правило, имущество, приобретенное осужденным в процессе своей трудовой деятельности, а не на средства, добытые преступным путем», также ни на чем не основан, так как конфискация имущества должна предусматриваться только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Следовательно, конфискации подлежит имущество, нажитое осужденным преступным путем, а не в процессе его трудовой деятельности.

Относительно интересов семьи осужденного можно отметить то, что существует перечень имущества, не подлежащего конфискации. Кроме того, на практике чаще применялась не полная конфискация имущества, а частичная, поэтому в абсолютном большинстве случаев полностью средств к существованию семья осужденного не лишалась.

Особо следует подчеркнуть, что в основополагающих международно-правовых документах первостепенное значение придается такому инструменту борьбы с преступностью, как конфискация имущества. Так, Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. (Бюл. междунар. договоров. 2003. № 5), Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Там же. 2005. № 2), Конвенция ООН против коррупции 2003 г. (Там же. 2006. № 10) (и это лишь часть международных документов, ратифицированных Россией, по этому вопросу) называют конфискацию имущества в качестве важного средства противодействия наиболее опасным формам транснациональной преступности. Следует также заметить, что конфискация имущества в качестве наказания предусмотрена в Модельном Уголовном кодексе для государств – участников Содружества Независимых Государств (ст. 57) (URL: <http://docs.cntd.ru/document/901781490>). Исключение конфискации имущества из перечня уголовных наказаний «значительно ограничило возможности выполнения Российской Федерацией своих международно-правовых обязательств» (Зорькин В. Д. За правовой диалог между Европейским судом и европейскими конституционными судами // Вестн. Европ. суда по правам человека. 2005. № 5. С. 95).

Таким образом, по мнению автора, конфискация имущества как дополнительный вид наказания – это важный инструмент в борьбе с организованной преступностью, коррупцией, экономическими преступлениями. В связи с этим необходимо вновь ввести конфискацию имущества в систему уголовных наказаний и предусмотреть ее за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности.



Библиографический список

1. Борисов А. Б. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. Б. Борисов. – 3-е изд. – М., 2010.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой Федер. Собрания Рос. Федерации 24 мая 1996 г.] : офиц. текст : по состоянию на 4 окт. 2010 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954 ; 2010. – № 41, ч. 2, ст. 5199.

References

1. Borisov A. B. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation (Article by Article) / A. B. Borisov. – 3rd ed. – M., 2010.
2. The Criminal Code of the Russian Federation : [adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on May 24, 1996 : official text : as on October 4, 2010 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25, art. 2954 ; 2010. – № 41, p. 2, art. 5199.

А. А. Илджев,
начальник кафедры уголовного права
и уголовного процесса
Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
А. Р. Абуталипов,
заместитель прокурора
Ново-Савиновского района г. Казани
кандидат педагогических наук

A. A. Ilidzhev,
Chief of the Department of Criminal Law
and Criminal Process
of Kazan branch of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor
A. R. Abutalipov,
Deputy Prosecutor
of Novo-Savinovskiy district of Kazan
Candidate of Pedagogics

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА ОРГАНИЗОВАННУЮ ПРЕСТУПНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ**

**Acute Problems of Legal Regulation of Responsibility for Organized Criminal Activity
under the Current Criminal Legislation of Russia**

Аннотация. Статья посвящена изучению проблем организованной преступной деятельности по уголовному праву России. В работе исследуется развитие уголовно-правовой мысли относительно данной формы преступной деятельности. Анализируется уголовное законодательство советского и постсоветского периодов в части правовой регламентации некоторых форм соучастия. В ходе исследования авторы предпринимают попытку растолковать некоторые элементы определения организованной преступной деятельности.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, организованная преступная деятельность, формы соучастия, преступное объединение, соучастие с распределением ролей, групповое соучастие, преступная организация.

Abstract. The article is dedicated to the study of the problems of organized criminal activity under Russian criminal law. The article considers the evolution of criminal and legal ideas towards this form of criminal activity. Soviet and Post-Soviet criminal legislation concerning legal regulation of different forms of accompliceship is analyzed. In the course of the research the author attempts to explain some elements of the organized criminal activity definition.

Key words: accompliceship, organized criminal activity, forms of accompliceship, criminal association, accompliceship with roles distribution, group accompliceship, criminal organization.

В настоящее время законодатель закрепил общее понятие соучастия в преступлении в ст. 32 УК РФ и, кроме того, в ст. 35 УК РФ определил признаки группы лиц, группы лиц по предварительному сговору, организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), т. е. фактически воспринял точку зрения, высказанную более сорока лет назад М. Д. Шаргородским и И. П. Малаховым. В общем законодательном понятии соучастия определены как все признаки соучастия с распределением ролей, так и основные (но не все) признаки групповых форм соучастия. Последние характеризуются рядом дополнительных признаков, что отражено в ч. 1–4 ст. 35 УК РФ. О том, что общее понятие соучастия (положения ст. 32 УК РФ) относится и к групповым формам соучастия (ч. 1–4 ст. 35 УК РФ), а также к статьям Особенной части УК РФ, в которых содержатся признаки преступления, совершенного группой лиц, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией), свидетельствует хотя бы тот факт, что при определении групповых форм соучастия законодатель не указывает на умышлен-

ный характер совместного участия и умышленное преступление. И это неслучайно. Понятие групповых форм соучастия базируется на общем законодательном определении понятия соучастия в преступлении.

Проблемы уголовно-правовой регламентации некоторых элементов института соучастия всегда являлись важными и актуальными. Законодатель никогда не оставлял попыток изменить некоторые нормы о соучастии. Одним из последних подтверждений этого может служить Федеральный закон от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которым, в частности, внесены существенные изменения в некоторые положения ст. 35 УК РФ и, по существу, дана новая редакция ст. 210 УК РФ (Рос. газ. 2009. 6 нояб.). Качественное изменение преступности, отмеченное в последние десятилетия, в частности, возникновение и значительное распространение организованной преступности в России, а также изменения в правовом регулировании ответственности за соучастие в преступлении актуализировали дискуссию, в том числе и о сущности соучастия, но несколько в ином аспекте.

Как отмечается в юридической литературе, в основу законодательного определения соучастия взято указание на совместное участие в совершении преступления. Однако участники организованной преступности объединяются не просто для совершения одного или какого-то определенного количества преступлений, а для преступной деятельности. Организованная преступная деятельность проявляется: 1) в организации или создании преступных сообществ, преступных организаций и организованных групп и руководстве этими образованиями, координации преступных действий, создании устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами, а также в участии в них; 2) выполнении участниками организованных преступных формирований различных функциональных обязанностей: вовлечение в них новых участников, обучение их криминальным навыкам, установление и поддержание внутригрупповых норм поведения и ответственности, обеспечение функционирования преступных структур путем осуществления мер безопасности, пропаганды, разведки, установления коррумпируемых связей и др.; 3) систематическом совершении преступлений как тяжких, особо тяжких, так и сложных по своему исполнению, требующих не только соорганизованности, но и высокой преступной квалификации, а также специальных познаний в тех или иных областях. Данные преступления совершаются, как правило, для получения прямой или косвенной финансовой либо иной материальной выгоды. Такого рода усложненные формы совершения преступлений, по мнению ряда авторов, невозможно поместить в рамки традиционного понятия соучастия.

Дискуссия о законодательной основе борьбы с организованной преступностью, а следовательно, и о сущности соучастия в преступлении началась в конце 1980-х гг., т. е. еще во время действия УК РСФСР 1960 г. В 1989 г., когда не была внесена в этот Кодекс ст. 17¹, определявшая групповые формы соучастия, И. М. Гальперин писал, что действовавшее тогда уголовное законодательство предоставляло достаточные возможности для целенаправленной борьбы с организованной преступностью (Гальперин И. М. Организованная преступность, коррупция и уголовный закон // Соц. законность. 1989. № 4). Некоторые авторы, на наш взгляд, явно недооценили опасность и специфику организованной преступности, а одновременно переоценили возможности советского уголовного законодательства, разработанного не в расчете на борьбу с современной преступностью. «Все возможности», которыми располагал в этом плане УК РСФСР, включали в себя: привлечение за приготовление к преступлению в случае создания группы; квалификация деяний как совершенных группой

лиц по предварительному сговору; учет этого обстоятельства какотягчающего.

В 1990-е гг., исходя из сущностных изменений в групповой преступности, многие авторы выдвинули целый ряд выводов по уточнению смысла соучастия в преступлении и предложений, направленных на модификацию уголовного законодательства. В частности, С. В. Дьяков обозначил два пути разрешения возникшей проблемы. По его мнению, в уголовном законодательстве необходимо сформулировать норму о формах соучастия, среди которых должна быть трактовка преступного сообщества. В то же время в Особенной части УК РФ ответственность за участие в организованной преступности в форме преступного сообщества следовало бы закрепить альтернативно: путем указания в конкретных составах на совершение преступления в рамках преступного сообщества и путем формирования специальных составов по отдельным видам преступлений, где распространенность организованной преступности, специфика объекта посяательства и способов совершения преступления дают социологическое обоснование к формулированию такого рода норм в законе (Организованная преступность. М., 1989. С. 275). Суждения С. В. Дьякова в значительной мере нашли свое отражение в действующем УК РФ.

Критически оценивая нормы УК РСФСР 1960 г. об ответственности за групповые формы соучастия, А. С. Емельянов также отметил, что этот Кодекс «не позволяет правоохранительным органам успешно бороться с групповой преступностью, практически разоружает органы правосудия в борьбе с организованной преступностью. В таком виде, в каком институт соучастия закреплен ныне в уголовном законодательстве, он позволяет рассматривать совместное участие двух и большего числа лиц применительно к отдельно взятому преступлению и не дает возможности рассматривать совместность участия применительно к преступной деятельности» (Там же. С. 295). После принятия УК РФ в 1996 г. данная проблема, по признанию ряда ученых, также не может быть признана разрешенной. В связи с этим И. Г. Галимов и Ф. Р. Сундунов предложили сформулировать в российском уголовном праве институт создания, руководства и участия в организованном объединении преступников. Соответствующая же группа норм должна, по их мнению, регламентироваться не в рамках института соучастия, а наряду с ним (Галимов И. Г., Сундунов Ф. Р. Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения. Казань, 1998. С. 201). «Новый закон (нормы УК РФ о соучастии в преступлении. – А. И., А. А.), – констатирует И. Э. Звечеровский, – как минимум не помог практикам в применении института соуча-

ствия» (Звечеровский И. Э. Совершение преступления в соучастии: проблема квалификации // Законность. 1999. № 11. С. 31–32). На несовершенство правового регулирования ответственности за организованные формы соучастия указывают также Н. П. Водько, Л. Д. Гаухман, П. К. Кривошеин, С. В. Максимов, В. Н. Осипкин, А. В. Покаместов и др. (Водько Н. П. Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью. М., 2000. С. 9 ; Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества. М., 1997. С. 5, 25 ; Кривошеин П. К. Что противостоит организованной преступности // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 16 ; Осипкин В. Н. Организованная преступность // Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998. С. 9 ; Покаместов А. В. Проблемы уголовно-правовой борьбы с организаторами преступной деятельности // Уголовное законодательство: история и современные проблемы. Волгоград, 1998. С. 37–38).

В юридической литературе высказываются по этому вопросу и предложения в порядке *de lege ferenda*. Так, С. А. Балеев считает, что ст. 32 УК РФ должна содержать определение не только понятия соучастия в преступлении, но и соучастия в преступной деятельности. В ч. 2 ст. 32 УК РФ он предлагает закрепить следующее положение: «Соучастием в преступной деятельности признается предумышленное, имеющее целью совершение умышленных преступлений, объединение двух или более лиц, которые совместными усилиями создают условия для реализации преступной программы» (Балеев С. А. Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2000. С. 54). В то же время А. Р. Зайнутдинова предлагает только изменить наименование и редакцию ст. 32 УК РФ: «Статья 32. Понятие соучастия в преступлении и преступной деятельности»

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц, подлежащих по настоящему Кодексу уголовной ответственности, в совершении преступления или преступной деятельности» (Зайнутдинова А. Р. Ответственность за организованные формы соучастия по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 29).

В ст. 32 УК РФ отражено общее понятие соучастия, которое охватывает как соучастие с распределением ролей, так и групповые, в том числе и организованные формы соучастия. Несмотря на то, что законодатель при определении организованной группы и особенно преступного сообщества (преступной организации), а также установлении особых условий ответственности

их организаторов (ч. 5 ст. 35 УК РФ) и не использует понятие «преступная деятельность», тем не менее оно подразумевается. Возникает вопрос: как именовать создание организованной группы, преступного сообщества или преступной организации, руководство ими или участие в них? Речь в этих случаях идет именно о преступной деятельности. Деяние в уголовно-правовом смысле может приобретать и форму преступной деятельности как определенной совокупности антисоциальных проступков (Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 77 и след. ; Советское уголовное право. Общая часть / под ред. В. Д. Меньшагина и Н. Д. Дурманова. М., 1969. С. 137 ; Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Б. В. Здравомыслова. М., 1996. С. 134–135 и др.). В связи с этим под организованной преступной деятельностью должно пониматься не какое-то аморфное, опасное состояние личности, а система или совокупность действий, направленных на организацию, руководство и участие в организованных преступных объединениях, а также совершение в составе этих преступных формирований конкретных преступлений. С. А. Балеев следующим образом раскрывает содержание организационной преступной деятельности: 1) организация совершения конкретного преступления и (или) руководство его исполнением; 2) создание организованной группы и (или) руководство ее преступной деятельностью; 3) создание преступной организации и (или) руководство исполнением ее членами преступлений; 4) создание преступного сообщества и (или) руководство исполнением его участниками преступных деяний; 5) осуществление общего руководства организованной группой, преступной организацией или преступным сообществом без непосредственного участия организатора в подготовке и совершении конкретных преступлений (Балеев С. А. Указ. соч. С. 8). В содержание же организованной преступной деятельности, помимо организационной деятельности, входит и участие в организованных преступных формированиях, а также в совершении конкретных преступлений.

Таким образом, под организованной преступной деятельностью должна пониматься определенная система актов поведения ее участников. В связи с этим мы считаем, что определение соучастия в преступлении вполне приемлемо с точки зрения сущности организованной преступности. Единственно, здесь возникает трудность в юридическом обосновании уголовной ответственности лиц, создающих организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) или осуществляющих руководство ими, за все преступления, совершенные их участниками,

если эти преступления охватывались умыслом этих лиц (ч. 5 ст. 35 УК РФ). В данном случае организаторы фактически создают отлаженный механизм, своего рода «коллективный» субъект преступления, «орудие» для осуществления пре-

ступной деятельности, поэтому они несут ответственность за все совершенные этим «коллективным» субъектом преступления независимо от того, участвовали они или нет в приготовлении или совершении этих преступлений.



Библиографический список

1. *Балеев С. А.* Ответственность за организационную преступную деятельность по российскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Балеев Сергей Александрович. – Казань, 2000.
2. *Водько Н. П.* Уголовно-правовая борьба с организованной преступностью / Н. П. Водько. – М., 2000.
3. *Галимов И. Г.* Организованная преступность: тенденции, проблемы, решения / И. Г. Галимов, Ф. Р. Сундунов. – Казань, 1998.
4. *Гаухман Л. Д.* Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества / Л. Д. Гаухман, С. В. Максимов. – М., 1997.
5. *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления / В. Н. Кудрявцев. – М., 1960.

References

1. *Baleev S. A.* Responsibility for Organized Criminal Activity under Russian Criminal Law / Baleev Sergey Aleksandrovich. – Kazan, 2000.
2. *Vodko N. P.* Criminal and Legal Struggle with Organized Crime / N. P. Vodko. – M., 2000.
3. *Galimov I. G.* Organized Crime: Trends, Problems, Solutions / I. G. Galimov, F. R. Sundurov. – Kazan, 1998.
4. *Gauhman L. D.* Criminal Responsibility for the Organization of a Criminal Association / L. D. Gauhman, S. V. Maksimov. – M., 1997.
5. *Kudryavtsev V. N.* The Objective Side of Crimes / V. N. Kudryavtsev. – M., 1960.

В. В. Карпунина,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

V. V. Karpunina,
post-graduate student of the Faculty
of Research and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ СТРУКТУРЫ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Concepts and Types of the Structure of Legal Literacy

Аннотация. В статье на основе анализа различных точек зрения относительно определения структуры правовой культуры автор предлагает свой вариант дефиниции этого понятия, роль и значение правовой культуры, рассматривая ее в качестве всеохватывающей категории. Кроме того, характеризуются такие виды структур, как: ценностная, функциональная, семиотическая, инструментально-измерительная, институциональная, энтропийная.

Ключевые слова: правовая культура, правовая система общества, элементы правовой культуры, структура правовой культуры, юридическая деятельность, законность.

Abstract. On the basis of different points of view concerning the definition of the structure of legal literacy the author of the article offers her own definition of this concept. The article also underlines the role and importance of legal literacy and considers it as a multipurpose category. Besides, such types of structures are characterized as value structures, functional, semiotical, instrumental measuring, institutional and entropic structures.

Key words: legal literacy, legal system of a society, elements of legal literacy, structure of legal literacy, legal activity, legality.

В настоящее время в юридической литературе отсутствует единая и общепринятая позиция по вопросу определения структуры правовой культуры. Между тем, анализируя различные мнения ученых относительно данной проблемы, можно выявить одну общую закономерность. Все авторы стремятся подчеркнуть роль и значение правовой культуры и в итоге рассматривают ее в качестве всеохватывающей категории. Этот подход имеет как преимущества, так и недостатки. С одной стороны, он позволяет увидеть, что правовая культура характеризует широкий спектр правовых явлений, с другой – неизбежно возникает проблема соотношения правовой культуры с такой категорией, как правовая система. Если сравнить элементы структуры правовой системы и правовой культуры, то можно увидеть, что они однотипны. Например, в числе элементов одновременно и правовой культуры, и правовой системы выделяют: 1) право как систему норм; 2) правоотношения; 3) юридическую деятельность и юридическую практику; 4) юридические акты; 5) юридическую технику; 6) законность; 7) государственно-правовые учреждения; 8) юридическую науку (Алексеев С. С. *Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования.* М., 1999. С. 269–270 ; Бабаев В. К. *Правовая система общества // Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева.* Н. Новгород, 1993. С. 86 ; Каминская В. И., Ратинов Р. Л. *Правосознание как элемент правовой культуры // Правовая культура и вопросы правового воспитания / отв. ред. Л. Д. Бойков.* М., 1984. С. 22 ; Матузов Н. И.

Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 94–95 ; Медведев В. А. *Правовая культура российского общества: особенности и тенденции развития : дис. ... канд. юрид. наук.* Чебоксары, 2004. С. 30 ; Певцова Е. А. *Современные дефинитивные подходы к правовой культуре и правовому сознанию // Журн. рос. права.* 2004. № 3. С. 74 ; *Правовая система социализма: понятие, структура, социальные связи : в 2 кн. / отв. ред. А. М. Васильев.* М., 1986. Кн. 1. С. 39 ; Сальников В. П. *Правовая культура // Общая теория права : курс лекций / под ред. В. К. Бабаева.* Н. Новгород, 1993. С. 502 ; Семитко А. П. *Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс.* Свердловск, 1990. С. 21). В результате провести различия между категориями становится крайне трудно.

На наш взгляд, понятие «правовая культура» в отличие от понятия «правовая система общества» имеет несколько иную направленность. Если правовая система характеризует принцип взаимосвязи правовых явлений (системность), то правовая культура призвана отразить уровень и особенности их развития и функционирования. С этой точки зрения необходимо учитывать полиструктурность правовой культуры. При этом раскрыть структуру правовой культуры значит не только выделить элементы ее состава, но и указать на специфику внутренних связей.

Представляется, что структура правовой культуры – это такая организация взаимосвязей элементов, которая отражает многогранность правовой культуры и ее органическую целостность как системы, раскрывающей особенности и уровень развития права.

Рассматривая правовую культуру в указанном аспекте, следует выделить такие виды структур, как: ценностная, функциональная, семиотическая, инструментально-измерительная, институциональная, энтропийная. Рассмотрим каждую из них более подробно.

Ценностная структура. Важным компонентом правовой культуры являются правовые ценности, типичные для общества на определенном этапе его развития. Например, для современного российского общества характерно, что основополагающие ценности получили свое нормативное закрепление в Конституции РФ, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Элементами ценностной структуры правовой культуры являются как конкретные виды ценностей, так и характер их взаимозависимости. Одна из особенностей, например, отражается в иерархическом принципе: на своеобразной иерархической вершине правовых ценностей в соответствии со ст. 2 и 18 Конституции РФ находится человек, его права и свободы. Указанные статьи провозглашают, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Иерархия правовых ценностей обусловлена не только различной силой нормативных правовых актов, но и природой самих общественных отношений. Так, в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Можно привести пример из сферы уголовного права. УК РФ, с одной стороны, определяет понятие и виды преступлений, а с другой – в гл. 8 устанавливает обстоятельства, исключающие преступность деяния. Все шесть обстоятельств начинаются одной и той же формулировкой – «не является преступлением причинение вреда». В данном случае, скажем, при необходимой обороне, жизнь и здоровье обороняющегося лица более приоритетны и ценны для общества, чем жизнь и здоровье нападающего. Необходимо при этом отметить, что жизнь и здоровье лица, совершающего преступление, также находятся под защитой УК РФ (ст. 108. Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление).

Функциональная структура. Правовую культуру нельзя воспринимать как простую совокуп-

ность элементов, суммативное целое. Важной особенностью является динамика, развитие правовой культуры. Это развитие связано: с усвоением правовых знаний и ценностей в рамках внутренних психических процессов, протекающих в правовом сознании; уточнением и углублением научного знания о природе правовых явлений; удовлетворением потребностей и интересов путем совершения гражданами правовых поступков, принятия юридически значимых решений государственными органами и должностными лицами. В этой связи к элементам функциональной структуры правовой культуры следует отнести: правовое сознание, юридическую науку, правовое поведение, юридическую деятельность, социально-правовую активность.

Семиотическая структура. Ее выделение напрямую связано с так называемым семиотическим подходом к культуре (Лотман Ю. М., Успенский Б. А. О семиотическом механизме культуры. СПб., 2000), в рамках которого последняя понимается как знаковая система, некий механизм, создающий совокупность текстов. Правовые документы: нормативные правовые акты, правоприменительные, правореализующие и правоинтерпретационные акты – представляют собой текст, содержащий определенную информацию. Соответственно элементами семиотической структуры являются текст юридического документа и его части (отдельные термины, предложения, абзацы), оформленные с соблюдением правил юридической техники.

Инструментально-измерительная структура. Правовая культура как мера характеризует уровень развития, совершенства различных правовых явлений: законодательства, правоприменительной практики и т. д. В этой связи к элементам структуры следует отнести различные методики оценки эффективности правовых норм, функционирования органов государственной власти, а также понятия «законность» и «правопорядок».

Институциональная структура. На наш взгляд, правовую культуру следует рассматривать как культуру государственно-организованного общества. Это значит, что функционирующий государственный механизм не может быть отделен от правовой культуры. В этой связи институциональная структура включает в себя элементы, с одной стороны, системы права и системы законодательства, а с другой – механизма государства. Отметим, что некоторые ученые-юристы (С. С. Алексеев, А. С. Бондарев, В. П. Сальников, А. П. Семитко) не включают в структуру правовой культуры государственно-правовые институты. Этот подход, на наш взгляд, является недостаточно обоснованным, поскольку правовые нормы не появляются «из ниоткуда», а право и государство в известном смысле представляют собой неразрывное, органическое

единство. С учетом вышеизложенного элементами институциональной структуры будут являться как правовые институты, отрасли, подотрасли права, законы и иные источники права, так и конкретные виды государственных органов. Необходимо отметить, что в качестве составной части правовой культуры общества должны рассматриваться также и различного рода организационно-правовые формы общественных объединений (хозяйственные товарищества и общества, производственные и потребительские кооперативы, общественные и религиозные организации, объединения работодателей, благотворительные организации, государственные корпорации, некоммерческие партнерства и проч.).

Энтропийная структура. Учитывая, что правовая культура характеризует не только уровень, но и особенности развития правовой системы, то все дефекты и недостатки в функционировании права являются отрицательной, но все же частью правовой культуры. В синергетике под энтропией пони-

мают меру беспорядка, хаоса. Необходимо отметить, что в юридической литературе предпринимались попытки исследования правовой энтропии (Грунина В. А. Синергетические основы правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006 ; Павлова Ю. В. Правовая энтропия : дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2004). Основываясь на этих работах, возможно предположить, что по своей сути энтропийная структура представляет собой правовую антикультуру общества. Последняя, выступая частью правовой культуры, характеризует правовую действительность под определенным углом зрения и является специфическим срезом правовой жизни общества.

В заключение следует отметить, что предложенный взгляд на структуру правовой культуры, конечно же, не безупречен. Однако надеемся, что он внесет положительный вклад в дискуссию по данному вопросу и будет способствовать дальнейшему исследованию этой сложной проблемы.



Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М., 1999.
2. Грунина В. А. Синергетические основы правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Вероника Александровна Грунина. – Владимир, 2006.
3. Каминская В. И. Правосознание как элемент правовой культуры / В. И. Каминская, Р. Л. Ратинов // Правовая культура и вопросы правового воспитания / отв. ред. Л. Д. Бойков. – М., 1984.
4. Павлова Ю. В. Правовая энтропия : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Юлия Владимировна Павлова. – Владимир, 2004.

References

1. Alexeev S. S. Law: the Basics – Theory – Philosophy: Experience of a Complex Study / S. S. Alexeev. – M., 1999.
2. Grunina V. A. Synergetic Bases of Legal Regulation / Veronica Alexandrovna Grunina. – Vladimir, 2006.
3. Kaminskaya V. I. Legal Awareness as an Element of Legal Literacy / V. I. Kaminskaya, R. L. Ratinov // Legal Literacy and Questions of Legal Education / ed. by L. D. Boykov. – M., 1984.
4. Pavlova Yu. V. Legal Entropy / Julia Vladimirovna Pavlova. – Vladimir, 2004.

А. В. Коваль,

докторант кафедры криминалистики
Военного университета Министерства обороны
Российской Федерации
кандидат юридических наук

A. V. Koval,

doctoral candidate of the Forensic Studies Department
of the Military University of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia
Candidate of Law

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ТАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЕ ОТПРАВЛЕНИЯ

Procedural and Tactical Aspects of Imposing of Arrest on Post and Telegraph Departures

Аннотация. Статья посвящена научному осмыслению двух процессуальных институтов – наложению ареста и осмотру почтово-телеграфных отправок и тактическим аспектам их проведения. Последовательно реализуя методический замысел исследования, автор анализирует теоретические основания и положения, широкий объем эмпирических фактов; формирует и развивает методологическую среду в интересах выработки определения и сущности такого процессуального института, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, указывает пути законотворческой деятельности по обеспечению прав граждан при применении указанного процессуального института.

Ключевые слова: арест, почтово-телеграфные отправления, выемка, обыск, следственный осмотр, тайна переписки.

Abstract. The article is devoted to the scientific research of two procedural institutions – of imposing of arrest and inspection of post and telegraph departures, and considers the tactical aspects of their performing. Consistently realising a methodical plan of research, the author analyzes the theoretical bases and positions, a wide file of the empirical facts. Forms and develops the methodological environment in interests of development of definition and essence of such remedial institute as arrest imposing on pochtovo-cable departures, specifies ways of legislative activity on maintenance of the rights of citizens at application of the specified remedial institute.

Key words: arrest, mail and telegraph departures, seizure, search, investigatory examination, secret of correspondence.

В современном российском праве тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений охраняется на конституционном уровне (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ).

Федеральный закон от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» в ст. 15 «Тайна связи» обязывает операторов почтовой связи «обеспечивать соблюдение тайны связи» (Рос. газ. 1999. 22 июля). Согласно ст. 2 этого закона под тайной связи понимается «тайна переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, не подлежащая разглашению без согласия пользователя услуг почтовой связи». Более детально рассматриваемое понятие раскрыто в ст. 15 данного закона: это «информация об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях, почтовых переводах денежных средств, телеграфных и иных сообщениях, входящих в сферу деятельности операторов почтовой связи, а также сами эти почтовые отправления, переводимые денежные средства, телеграфные и иные сообщения...». Такие сведения могут быть выданы только отправителям (адресатам) или их представителям. Осмотр и вскрытие почтовых отправок, осмотр их вложений, а также иные

ограничения тайны связи возможны только на основании судебного решения.

Относительно видов сообщений, на которые распространяются конституционные и уголовно-процессуальные гарантии, Федеральный закон «О почтовой связи» называет почтовые отправления, телеграфные и иные сообщения. В международных актах о правах человека используется понятие «корреспонденция», а в ст. 185 УПК РФ – понятие «почтово-телеграфные отправления». Согласно толковому словарю русского языка корреспонденция и есть почтово-телеграфные отправления (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 298). Однако Федеральный закон «О почтовой связи» различает эти понятия и относит к почтовым отправлениям адресованные письменную корреспонденцию, посылки, прямые почтовые контейнеры. Письменной корреспонденцией называются «простые и регистрируемые письма, почтовые карточки, секограммы, бандероли и мелкие пакеты» (ст. 2). В связи с этим трудно согласиться с И. Л. Петрухиным, полагающим, что понятие корреспонденции шире, «поскольку включает в себя переписку, осуществляемую не только с помощью почты и телеграфа, но и иным образом» (Петрухин И. Л. Личные тайны (Человек и власть). М., 1998. С. 73). Корреспонденция, наоборот, представляет собой одну из

групп почтовых отправлений. Следовательно, название ст. 185 УПК РФ сформулировано в соответствии с отраслевым законодательством о связи.

Полагаем, что наряду с почтовыми и телеграфными сообщениями, закон должен защищать и тайну сообщений, передаваемых по компьютерным, спутниковым и иным техническим каналам связи. В то же время следует иметь в виду, что если такие сообщения передаются открытым текстом, без шифровки и кодирования, на общедоступных частотах, то они не могут быть защищены от несанкционированного перехвата.

В практике иногда встречаются случаи ареста и выемки сообщений, которые не являются почтово-телеграфными отправлениями, – это пейджинговые сообщения, сообщения электронной почты или иные передаваемые по сетям электро-связи сообщения. Однако следует иметь в виду, что ч. 2 ст. 23 Конституции РФ допускает ограничение права граждан на тайну «иных сообщений» только по судебному решению, в связи с чем выемка подобных сообщений должна быть проведена только по решению суда. Нарушение данного требования влечет признание полученных доказательств недопустимыми.

Сущность наложения ареста на почтово-телеграфные отправления можно сформулировать следующим образом: это следственное действие, заключающееся: в возложении на учреждение связи обязанности задерживать соответствующие почтово-телеграфные отправления, уведомляя об этом следователя; в их осмотре; снятии копий и в необходимых случаях изъятии в целях получения доказательственной и иной содержащейся в данных отправлениях информации, имеющей значение для расследования уголовного дела.

Данное следственное действие, по существу, является особой разновидностью выемки и состоит из двух относительно самостоятельных, но взаимосвязанных элементов: а) наложения ареста на почтово-телеграфные отправления; б) их осмотра и выемки. При этом наложение ареста является принудительной мерой, обеспечивающей последующее следственное действие – выемку.

Вместе с тем возможные ограничения тайны связи в уголовном процессе не сводятся только к производству перечисленных действий. Например, запрос следователя об адресных данных пользователей услуг почтовой связи также ограничивает право граждан. Для предоставления такой информации согласно ст. 15 Федерального закона «О почтовой связи» требуется решение суда, однако механизм его получения в УПК РФ отсутствует. Тем не менее наибольшим ограничениям тайна связи подвергается именно при производстве перечисленных выше следственных действий, когда становится возможным оз-

накомление с содержанием почтово-телеграфных отправлений.

О фактических основаниях наложения ареста на корреспонденцию действующий уголовно-процессуальный закон умалчивает. В ч. 1 ст. 185 УПК РФ законодатель ограничивается достаточно расплывчатой формулировкой: «При наличии достаточных оснований полагать, что... сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться... в... почтово-телеграфных отправлениях... на них может быть наложен арест». Из приведенного определения неясно, каков характер этих «сведений», однако именно их получение составляет конечную цель данного следственного действия. При этом закон не разрешает налагать арест на корреспонденцию в иных целях, например, для создания препятствий общения подозреваемого или обвиняемого с иными лицами. Эта цель может быть достигнута путем применения меры пресечения, например, домашнего ареста (п. 2 ч. 1 ст. 107 УПК РФ).

Полагаем, что для решения вопроса о фактических основаниях наложения ареста на корреспонденцию необходимо определить цели ареста, осмотра и выемки почтово-телеграфных отправлений. УПК РФ о них также умалчивает, а в науке уголовного процесса существуют различные мнения.

Так, с точки зрения И. Л. Петрухина, к этим целям следует отнести: 1) получение информации доказательственного характера о преступлении, его участниках, местах сокрытия орудий и объектов преступной деятельности; 2) временное прекращение переписки между обвиняемым (подозреваемым) и другими лицами; 3) розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого); 4) обеспечение наложения ареста на имущество обвиняемого и подозреваемого (денежные переводы, посылки). Соответственно основаниями наложения ареста на корреспонденцию следует считать фактические данные (доказательства), с высокой степенью вероятности указывающие на наличие переписки между обвиняемым (подозреваемым) и другими лицами и на возможность почерпнуть из этой переписки сведения, имеющие значение для уголовного дела (относящиеся к любой из указанных целей) (Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 72).

Б. Т. Безлепкин предлагает следующий перечень целей наложения ареста на корреспонденцию: а) получение сведений, имеющих значение для дела; б) воспрепятствование заинтересованным лицам передавать друг другу информацию, касающуюся хода расследования и способную причинить ему ущерб; в) установление места нахождения скрывающегося обвиняемого или подозреваемого (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В. М. Савицкого [и др.]. М., 1999. С. 238).

По мнению В. П. Божьева, список целей должен выглядеть следующим образом: а) осмотр корреспонденции; б) последующее ее изъятие; в) создание препятствий для обмена информацией в процессе расследования между заинтересованными лицами; г) выявление лиц, участвовавших в совершении преступления; д) установление мест, где скрываются разыскиваемые преступники; е) выявление места сокрытия похищенного и орудий преступления (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В. М. Лебедева. М., 2000. С. 341).

На наш взгляд, следует различать две группы целей: цели наложения ареста на корреспонденцию и цели ее осмотра и выемки. Они носят как доказательственный, так и обеспечительный характер.

Целями наложения ареста на корреспонденцию являются: а) дальнейшие ее осмотр и, при необходимости, выемка; б) воспрепятствование передаче обвиняемым и связанными с ним лицами друг другу информации, касающейся хода расследования; в) обеспечение наложения ареста на имущество обвиняемого и подозреваемого (денежные переводы, посылки).

Осмотр и выемка почтово-телеграфных отправок, в свою очередь, могут быть нацелены: а) на получение информации доказательственного характера о преступлении, его участниках, местах сокрытия орудий и объектов преступной деятельности; б) розыск скрывшегося обвиняемого (подозреваемого).

Соответственно фактическими основаниями производства рассматриваемого следственного действия являются доказательства, указывающие на возможность достижения какой-либо (или нескольких) из перечисленных целей.

Единственным юридическим основанием наложения ареста на почтово-телеграфные отправления является судебное решение (ч. 2 ст. 185 УПК РФ), которое одновременно означает и разрешение на проведение осмотров и выемку почтово-телеграфных отправок, поэтому во время действия ареста неоднократные осмотры и выемки корреспонденции проводятся без дополнительного обращения к суду.

Часть 3 ст. 185 УПК РФ устанавливает перечень требований к содержанию ходатайства следователя о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления, среди которых есть требование о необходимости указывать в ходатайстве, какие именно виды почтово-телеграфных отправок подлежат аресту, так как арест необязательно должен носить «сплошной» характер, все зависит от целей, которые ставит перед собой следователь. Если следователь интересуется, например, переписка обвиняемого, то нет необходимости задерживать почтовые переводы денежных средств. С точки зрения за-

щиты частной жизни именно такой избирательный подход представляется нам оптимальным.

УПК РФ не дает следователю права арестовывать, осматривать и изымать корреспонденцию без судебного решения, даже в неотложных случаях. По отношению к осмотру и выемке это оправдано, но промедление с задержанием корреспонденции, особенно в районах вооруженного конфликта, может повлечь для дела негативные последствия. Если следователю становится известно, что на почте находится письмо (или телеграмма), имеющее исключительно важное значение для раскрытия преступления, он должен обладать правом в районах вооруженного конфликта вынести постановление о задержании корреспонденции на определенный срок (например, до 24 часов с момента вынесения постановления). В течение этого срока следует получить разрешение суда на осмотр и выемку этой корреспонденции, в противном случае письма и телеграммы направляются адресату. Полагаем, что появление в УПК РФ такого правила будет способствовать установлению истины по делу, при этом обеспечивая сохранение в тайне содержания переписки.

Одновременно с наложением ареста на почтово-телеграфные отправления или даже до этого момента следователем может быть осуществлена тактическая операция, направленная на то, чтобы побудить интересующих следствие лиц воспользоваться услугами связи и отправить какое-либо сообщение соучастникам преступления или иным лицам.

Анализ текста ст. 185 УПК РФ показывает, что регламентированный ею порядок производства данного следственного действия складывается из следующих этапов.

1. Вынесение следователем постановления о возбуждении перед судом ходатайства о наложении ареста на почтово-телеграфные отправления и производстве их осмотра и выемки.

В постановлении следователя указываются данные о лице, чья корреспонденция должна задерживаться; основания наложения ареста, виды почтово-телеграфных отправок, подлежащих аресту, и наименование исполнителя ареста – учреждения (оператора) связи (ч. 3 ст. 185 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство не дает ответа на вопрос, чья корреспонденция может быть подвергнута аресту, осмотру и выемке. Однако представляется правильным мнение, что арест может быть наложен на корреспонденцию не только обвиняемого или подозреваемого, но и любого другого лица, если она имеет документально подтвержденное значение для дела, учитывая, что конституционная норма касается лишь формального основания производства данного следственного действия. Ника-

ких ограничений по кругу лиц, чья корреспонденция может быть арестована и изъята, из ст. 23 Конституции РФ не следует.

В качестве примера можно привести определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2006 г. № 590-О, которым было отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мачалабы Николая Николаевича на предмет проверки конституционности ст. 185 УПК РФ, не содержащей указаний на круг лиц, на почтово-телеграфные отправления которых может быть наложен арест, поскольку отсутствие в ст. 182 и 185 УПК РФ перечня лиц, в жилище которых может быть произведен обыск, а на почтово-телеграфные отправления наложен арест, не означает, что проведение названных следственных действий может быть произвольным. Закон устанавливает, что для их проведения во всяком случае необходимо наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела, либо они могут содержаться в бандеролях, посылках или других почтово-телеграфных отправлениях (Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Мачалабы Николая Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 125, 165, 182, 185, 186, 404, 406 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьями 5, 9, 12 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 дек. 2006 г. № 590-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

Б. Т. Безлепкин считает, что арест может быть наложен на корреспонденцию не только обвиняемого или подозреваемого, но и любого другого лица, если она имеет значение для дела (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В. М. Савицкого [и др.]. С. 239). В. П. Божьев, напротив, полагает, что отсутствие в УПК РФ перечня лиц, на корреспонденцию которых может быть наложен арест, не означает, что арест может быть наложен на корреспонденцию любого лица: «Такой вывод не соответствовал бы положениям ст. 23 Конституции РФ, гарантирующей тайну переписки. Арест может быть наложен лишь на корреспонденцию подозреваемых, обвиняемых и связанных с ними лиц» (Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В. М. Лебедева. С. 341).

Мы считаем, что конституционная норма касается лишь формального основания производства данного следственного действия. Никаких ограничений по кругу лиц, чья корреспонденция может быть арестована и изъята, из ст. 23 Конституции РФ не следует.

Вместе с тем отсутствие таких ограничений в УПК РФ представляется упущением законодателя, которое может повлечь необоснованное вмешательство в частную жизнь граждан. Для того чтобы исключить произвольное вторжение в тайны почтово-телеграфных отправлений граждан, в УПК РФ следует особо оговорить, что ограничение этих тайн возможно только в отношении подозреваемого, обвиняемого и лиц, с которыми они поддерживают связь через почту и телеграф (Смолькова И. В. К вопросу о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию // Перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы. Иркутск, 1999. С. 108).

И. Л. Петрухин предлагает более радикальный вариант: выделить из круга лиц, связанных с обвиняемым (подозреваемым), тех, которые, переписываясь с обвиняемым, пользуются его особым доверием и могут получить от него сведения, интересующие следствие (Петрухин И. Л. Указ. соч. С. 75). Правильность такой позиции вызывает сомнение, прежде всего, из-за неопределенности критерия «лица, пользующиеся особым доверием». Ограничителем для тотального контроля за всеми близкими и знакомыми обвиняемого должны служить фактические основания производства рассматриваемого следственного действия.

Для наложения ареста на почтово-телеграфные отправления как процессуальной меры принуждения должны соблюдаться общие условия их применения. Наложение ареста на корреспонденцию носит длящийся характер, но срок ареста не может превышать срока предварительного расследования по данному уголовному делу (Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / под ред. В. М. Савицкого [и др.]. С. 239). Учитывая тесную связь между наложением ареста на почтово-телеграфные отправления и контролем и записью переговоров, полагаем, что суду целесообразно устанавливать по аналогии срок ареста в пределах 6 месяцев (ч. 5 ст. 186 УПК РФ). В частности, арест не может действовать по приостановленному либо прекращенному делу. Между тем ранее, когда разрешение на производство данного следственного действия давалось следователем военным прокурором по уголовным делам в отношении военнослужащих, самовольно оставивших часть, практиковались арест и выемка почтово-телеграфных отправлений по их месту жительства до призыва, в том числе и после приостановления производства по делу. Кроме того, ч. 6 ст. 185 УПК РФ обязывает следователя уведомлять суд, принявший соответствующее решение, об отмене ареста на почтово-телеграфные отправления.

2. Получение согласия руководителя следственного органа на производство данного следственного действия в соответствии со ст. 165 УПК РФ.

3. Принятие судом соответствующего решения.

4. Направление копии этого решения в соответствующее учреждение связи и исполнение ареста на почтово-телеграфные отправления, возлагаемое на оператора связи, который, исполняя решение суда, уведомляет следователя о факте задержания отправлений.

В областном (краевом, республиканском) центре постановление направляется руководителю областного (краевого, республиканского) почтового подразделения, в городах – городского, в районе области – начальнику центрального отделения связи района, который дает распоряжение задержать почтово-телеграфные отправления и незамедлительно уведомить об этом следователя по оставленному им контактному телефону.

После направления руководителю почтового учреждения судебного решения «следователю целесообразно проверить, известно ли о наложении ареста на корреспонденцию работникам, непосредственно занятым на ее разборке» (Быховский И. Е. Выемка // Соцзаконность. 1982. № 1. С. 56), так как судебное решение может по тем или иным причинам остаться без исполнения у начальника, а отправления, на которые наложен арест, будут доставляться адресату.

Арест может быть наложен как на приходящие в учреждение связи на имя адресата, так и исходящие от подозреваемого, обвиняемого или иных лиц отправления. В последнем случае нельзя исключать того, что подозреваемый может отправить письмо из другого района или населенного пункта (где услуги связи предоставляет иное почтовое отделение) либо неверно указать на конверте свою фамилию и обратный адрес. В данном случае необходимо установить лиц, с которыми может вести переписку интересующее следствие лицо, и наложить арест на отправления, поступающие на их имя. При этом следователь должен располагать достаточно вескими основаниями, что в поступающих на их имя почтово-телеграфных отправлениях могут быть предметы, документы или сведения, имеющие значение для расследуемого уголовного дела.

Если подлинная фамилия фактического получателя почтовых отправлений следствию неизвестна (например, лицо проживает без регистрации), в ходатайстве следователя рекомендуется указать фамилию, имя, отчество лица, на чей адрес предполагается поступление подлежащих задержанию отправлений.

Следователь может ходатайствовать перед судом о задержании любых почтово-телеграфных отправлений или только отправлений отдельных видов (адресованная письменная корреспонденция, посылки и прямые почтовые контейнеры, телеграммы, радиogramмы и т. д.) либо поступающих от определенного лица или из определенных населенных пунктов.

5. Осмотр задержанной корреспонденции.

Осмотр арестованных почтово-телеграфных отправлений следует начинать с изучения упаковки. Вскрытие отправлений должно осуществляться таким образом, чтобы на них самих и на их упаковке не осталось следов данной операции.

В необходимых случаях вскрытие почтово-телеграфных отправлений следует производить после консультаций со специалистами, в том числе взрывотехниками. Следователь осматривает корреспонденцию, знакомясь с содержанием текстов писем, телеграмм, посылок и т. д. и, если содержащиеся в переписке сведения (или иные вложения, например, предметы в посылке) имеют значение для дела, производит их выемку. Посылки следует изымать вместе с материалом, в который они были упакованы, препроводительным бланком и всем содержимым.

Если после осмотра следователь придет к выводу о нецелесообразности препятствовать переписке, он может дать указания о направлении ее соответствующему адресату. При этом он может снять копию с письменной корреспонденции и с конверта, из которого она была извлечена, произвести фотосъемку или видеозапись содержимого бандероли или посылки, а также упаковки.

6. Снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений, их выемка и приобщение к делу.

Следователь вправе в любой момент (в том числе и до поступления к нему уведомления оператора связи) приступить к осмотру и выемке почтово-телеграфных отправлений. При этом должны обеспечиваться условия нераспространения конфиденциальной информации, подпадающей под понятие тайны сообщений. В частности, в соответствии с ч. 5 ст. 185 УПК РФ осмотр, выемка и снятие копий с задержанных почтово-телеграфных отправлений производятся с участием понятых только из числа сотрудников данного учреждения связи. Это важная гарантия неразглашения тайны почтово-телеграфных отправлений, так как указанные лица обязаны хранить ее уже в силу своих должностных обязанностей, однако в районах вооруженного конфликта она не всегда возможна. Кроме того, целесообразно дополнить ч. 5 ст. 185 УПК РФ требованием предупреждать прочих участников выемки и осмотра (специалиста и переводчика) о необходимости сохранения тайны почтово-телеграфных сообщений и об ответственности за ее нарушение.

Каждый факт осмотра и выемки отправлений (вне зависимости от его результатов) оформляется протоколом, составляемым по правилам ст. 166 УПК РФ. Часть 5 ст. 185 УПК РФ впервые устанавливает специальные требования к протоколу осмотра почтово-телеграфных отправлений, в котором должно быть указано, кем

и какие почтово-телеграфные отправления были подвергнуты осмотру, скопированы, отправлены адресату или задержаны. Помимо этого в протоколе необходимо отразить, какие технические средства применялись для копирования отправок, прочтения тайнописи; подробно должна быть описана упаковка исследованных отправок (указывается материал, состояние, сделанные на ней надписи – фамилия, имя и отчество либо наименование организации, учреждения-отправителя, прямой и обратный почтовый адрес, фамилия, имя, отчество либо наименование организации получателя, содержание оттисков почтовых штемпелей). После этого в протоколе фиксируется содержание почтово-телеграфных отправок: указывается, какая информация была получена при ознакомлении с текстами писем, телеграмм, содержимым посылок, бандеролей и т. д. Текст писем может быть воспроизведен в протоколе осмотра полностью или частично (если лишь какая-то часть письма имеет значение для дела).

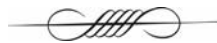
По результатам осмотра почтово-телеграфные отправления могут быть задержаны и приобщены к делу (в оригиналах или копиях) или отправлены адресату.

7. Отмена ареста на почтово-телеграфные отправления. Арест отменяется постановлением следователя, когда в нем отпадает необходимость, с уведомлением об этом суда (судьи),

принявшего решение о наложении ареста, и руководителя следственного органа.

Реализация этой процедуры может ограничиться лишь первыми четырьмя этапами (если корреспонденция не поступила) или первыми пятью этапами (если осмотр показал, что задержанная корреспонденция не имеет значения для дела) либо охватить все семь этапов. Однако полагаем, что вторжение в частную жизнь в ходе данного следственного действия выражается не только в ознакомлении с содержанием писем, телеграмм, посылок и т. п. (осмотр), но и в самом факте запрета доставлять корреспонденцию адресату (арест).

Гражданин, которому стало известно об аресте, осмотре и выемке его корреспонденции, вправе подать жалобу на незаконность и необоснованность этих действий в суд, руководителю следственного органа или прокурору. Если жалоба признана обоснованной, то гражданину должно быть принесено официальное извинение. Разглашение тайны почтово-телеграфных отправок также влечет применение уголовно-правовых или дисциплинарных санкций. Уголовная ответственность за нарушение тайны переписки, почтовых, телеграфных и иных сообщений предусмотрена ст. 138 УК РФ. Остальные виды почтово-телеграфных отправок (бандероли, посылки, денежные переводы) законодатель оставляет без защиты, что свидетельствует о том, что уголовный закон также нуждается в совершенствовании.



Библиографический список

1. Безлепкин Б. Т. Настольная книга следователя и дознавателя / Б. Т. Безлепкин. – М., 2008.
2. Быховский И. Е. Выемка / И. Е. Быховский // Соцзаконность. – 1982. – № 1.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В. М. Лебедева, В. П. Божьева. – 5-е изд. – М., 2009.
4. Петрухин И. Л. Личные тайны (Человек и власть) / И. Л. Петрухин. – М., 1998.
5. Смолькова И. В. К вопросу о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию // Перспективы совершенствования деятельности органов внутренних дел и государственной противопожарной службы / И. В. Смолькова. – Иркутск, 1999.

References

1. Bezlepkina B. T. Manual for an Investigator / B. T. Bezlepkina. – M., 2008.
2. Bykhovskiy I. E. Seizure / I. E. Bykhovskiy // Social Legality. – 1982. – № 1.
3. Scientific and Practical Commentary to the Criminal Procedural Code of the Russian Federation / ed. by V. M. Lebedev, V. P. Bozhiev. – 5th ed. – M., 2009.
4. Petrukhin I. L. Private Secrets (Man and Power) / I. L. Petrukhin. – M., 1998.
5. Smolkova I. V. To the Question of Imposing Arrest on Mail and Telegraph Correspondence // Perspectives of Improving the Activity of Internal Affairs Agencies and State Fire-Prevention Service / I. V. Smolkova. – Irkutsk, 1999.

А. В. Коломина,
доцент кафедры криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук

Л. К. Комарова,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
ВЮИ ФСИН России

A. I. Kolomina,
Associate Professor of the Forensic Studies Department
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law

L. K. Komarova,
post-graduate student of the Faculty
of Research and Teaching Staff Training
of VLI of the FPS of Russia

СТРАХ КАК ФАКТОР ПРАВОВЫХ АФФЕКТОВ

Fear as a Factor of Affects in Law

Аннотация. Статья посвящена анализу эмоциональных состояний человека (страха и аффекта), имеющих правовое содержание и обуславливающих правовое поведение личности.

Ключевые слова: эмоция, свидетель, аффект.

Abstract. The given article is devoted to the analysis of the emotional state of a person (fear and affect) which has the legal contents and determines a person's legal behaviour.

Key words: emotion, witness, affect.

Поведение человека, в том числе и опосредованное правом, во многом обуславливается эмоциями. Эмоциональный мир человека чрезвычайно сложен, безграничен и в какой-то степени таинствен. Эмоции – одна из существенных функций нервно-психической деятельности человека, побуждающих действовать его определенным образом. Жизнь без эмоций так же невозможна, как и без ощущений. Особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношения между мотивами (потребностями) и успехом или возможностью успешной реализации отвечающей им деятельности субъекта. В них отражается положительное и отрицательное отношение человека к какому-либо предмету или явлению, поэтому право учитывает в ряде случаев эмоциональное состояние человека, определившее в той или иной степени поведение, в том числе и в правоотношениях (например, при совершении правонарушения). Эмоции нередко окрашивают поведение человека в особый чувственный тон, создавая более или менее веские устойчивые переживания. Однако при этом чувства иногда возникают внезапно, протекают бурно и быстро проходят. Такие длительные или кратковременные переживания называются психическими, или эмоциональными, состояниями.

Одно из сильнейших психических состояний – это страх, который может рассматриваться в виде страсти, боязни, робости, сильного опасения, тревожного состояния души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001).

С точки зрения биологии страх – это проявление основы любого биологического существования

инстинкта самосохранения. Общепринято, что в основе существования личности лежат два сильных начала – инстинкт самосохранения (страх) и инстинкт продолжения рода (удовольствие).

Индивидуальные страхи вариативны, но в своей сущности производны от генерального страха – страха смерти и страха ухудшить свою жизнедеятельность. Следовательно, биологический страх порождает социальные страхи, которые связаны с функционированием личности в обществе в системе связей с другими людьми.

При определенных условиях страхи человека порождают сильнейшие эмоциональные порывы, быстро возникающие, захватывающие его целиком и имеющие правовые последствия. Такие состояния называются правовыми аффектами (от лат. *affectus* – страсть, душевное волнение).

Термины *affectio*, *affectus* в римском праве употреблялись для обозначения понятий «воля», «намерение», «склонность». Чувственный акт, основанный на осознанной эмоциональной взаимности, также отражался в содержании этих терминов. Так, термин *affection* можно понимать как любовь или иные чувственные проявления, но уже не основанные на любовном влечении (например, расположение, пристрастие). Некоторые ученые все же отмечают различие этих двух синонимических терминов, употребляемых в источниках римского права. Например, *affectus*, по мнению чешского специалиста по римскому праву М. Бартошека, означал «возбужденное состояние», а в более поздние периоды развития римского права – и «действие в таком состоянии».

Аффекты обычно понимают как отдельные эмоциональные состояния, характеризующиеся повышенной силой воздействия на сознание и волю, которые наступают в результате определенного внешнего воздействия. Так, Р. С. Немов

пишет: «Аффекты – это особо выраженные эмоциональные состояния, сопровождающиеся видимыми изменениями человека, который их испытывает» (Немов Р. С. Психология : в 3 кн. М., 1994. Кн. 1: Общие основы психологии. С. 371). Об аффектах как особых эмоциональных состояниях высказываются также В. Л. Васильев, Ф. С. Сафуанов и другие психологи (Васильев В. Л. Юридическая психология. СПб., 1997. С. 539 ; Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. пособие. М., 1998. С. 118).

Однако не каждое эмоциональное состояние может квалифицироваться как юридически значимое и влиять на правовые последствия, соответственно не всякий «психологический аффект» будет признан «правовым аффектом». Как психологический, он может наступить в результате самовзвинчивания и экзальтации.

Как правовой аффект:

- во-первых, характеризуется целостностью и своеобразием в зависимости от вида, а также влиянием на личность, приводящим к снижению ее возможности быть субъектом правоотношений;
- во-вторых, существенно ограничивает свободу воли и волеизъявления субъекта;
- в-третьих, влечет наступление определенных юридических последствий и ответственности.

Это позволяет сделать вывод, что правовой аффект – это не какое-то определенное, конкретное эмоциональное состояние; это понятие, которое позволяет определить целую совокупность юридически значимых эмоциональных состояний, отвечающих вполне определенным требованиям, опосредованным нормами права. Следовательно, при выдвижении предположения о наличии или отсутствии аффекта у конкретного лица в момент совершения правонарушения, заключения сделки, брака нельзя получить ответ о том, что аффект был или его не было, на этот вопрос следует несколько иной ответ: был или не был физиологический, патологический, кумулятивный или другой вид правового аффекта.

Для правильной квалификации деяния и определения юридической ответственности необходимо установить, какой именно вид аффекта имел место быть. С этой целью необходимо кратко проанализировать основные виды правового аффекта.

1. Понятие *патологического аффекта* было введено во второй половине XIX в. австрийским и немецким психиатром Р. Крафт-Эбингом и трактовалось как «умоисступление», «гневное беспамятство», «душевное замешательство», «болезненная вспыльчивость» и т. п.

При патологическом аффекте расстройство психики характеризуется болезненным состоянием, и человек не отдает отчета в своих действиях и не может руководить ими. Патологиче-

ский аффект является временным расстройством психической деятельности человека.

Психотический характер патологического аффекта получил свое выражение главным образом в глубоком расстройстве сознания, в чрезвычайной напряженности аффекта, в полном выключении обычных задержек и последующей прострации, в степени, не свойственной физиологическому аффекту (Введенский Н. Проблемы исключительных состояний в судебно-психиатрической практике // Проблемы судебной психиатрии. М., 1997. С. 347).

При воздействии необычного сверхсильного раздражителя, «запредельно» напрягающего эти процессы, происходит нервный срыв. Срыв проявляется в нарушении нормального взаимодействия между раздражительным и тормозным процессами в коре головного мозга. Наступает крайняя степень охранительного торможения, как бы охраняющего перенапряженные нервные клетки от полного истощения и создающего условия для их восстановления. Это торможение одновременно является и защитным механизмом организма, и патогенным, вызывая те или иные проявления нарушений высшей нервной деятельности. Чаше всего таким срывам подвержены люди с неполноценной нервной системой, хотя такое состояние не исключается и у любого человека при достаточно сильном травмирующем раздражителе (Фелинская С. И. Реактивные состояния в судебно-психиатрической клинике. М., 1986. С. 26).

Патологический аффект представляет собой кратковременное психологическое состояние, внезапное возникновение которого связано с психотравмирующими факторами. В данном случае всегда имеются проявления нарушения сознания.

2. *Физиологический аффект* обладает минимальной степенью свободы, хотя и не утрачивает ее полностью. Так, в состоянии физиологического аффекта лицо, не обладая «полной свободой воли», не должно нести и «полную юридическую ответственность» за совершенные в таком состоянии деяния. Это положение вытекает из психологической природы аффекта как особого состояния лица и является юридическим основанием и предпосылкой возможности признания аффекта смягчающим вину обстоятельством. Однако юридическая оценка правонарушения, совершенного в состоянии аффекта, не может ограничиваться установлением аффекта вообще, а предполагает наличие так называемого оправданного аффекта, вызванного извинительными с позиции человеческой морали обстоятельствами. В связи с этим закон устанавливает необходимый признак таких эмоциональных состояний – вызванность неправомерными действиями потерпевшего.

3. *Кумулятивный («капельный») аффект* отличается от физиологического тем, «что его

первая фаза, в течение которой развивается длительная психотравмирующая ситуация, обуславливающая накопление эмоционального напряжения у обвиняемого, обычно растянута во времени. Этому могут способствовать и индивидуальные психологические особенности. Аффективный взрыв может наступить и после незначительного события “последней капли”» (Нагаев В. В. Основы судебно-психологической экспертизы : учеб. пособие для вузов. М., 2000. С. 119).

Кумулятивный аффект как разновидность физиологического влечет возникновение правовых отношений и наступления правовых последствий.

4. *Аномальный аффект* представляет собой взрывные эмоциональные (аффективные) реакции, которые характеризуются патологически измененными закономерностями течения и развития. При этом под «патологически измененными закономерностями» не понимается такая патология, которая характеризует патологический аффект. «Речь идет, – как отмечал известный русский психиатр В. П. Сербский, – ...об аффекте у истеричных, алкоголиков, тяжелых дегенератов и пр. Эти лица и в обычном своем состоянии возбуждают сомнение, могут ли они руководить своими поступками; когда же к этому присоединяется аффект, то это ведет к тому, что они часто утрачивают и последний остаток самообладания; к этому надо прибавить, что и сам характер аффекта нередко представляет особенности в виде, например, иллюзорного восприятия окружающего» (Цит. по: Калашник Я. М. Патологический аффект // Проблемы судебной психиатрии. М., 1941. Вып. 3. С. 277).

Таким образом, анализ теории аффектов позволяет констатировать, что страх – это один из весо- мых факторов формирования и проявления психо- эмоциональных состояний сильного душевного вол- нения, в том числе и аффектов, имеющих правовое содержание, т. е. правовых аффектов.

Кроме того, следует отметить еще ряд обстоя- тельств:

– во-первых, любое проявление страха в кон- кретных отношениях может воздействовать на поведение человека как положительно (напри- мер, страх ухудшения благосостояния может служит мотивом совершенствования трудовой деятельности), так и отрицательно (например, тот же страх ухудшения благосостояния может явиться мотивом совершения преступлений);

– во-вторых, отрицательное проявление стра- ха может вызвать бурно протекающий эмоцио- нальный порыв, а именно аффект, ограничиваю- щий сознание и волю субъекта;

– в-третьих, не каждое эмоциональное со- стояние квалифицируется как юридически зна- чимое и влияет на правовые последствия. Соот- ветственно не каждый аффект будет являться правовым. Как психические состояния он может наступить в результате самовзвинчивания и эк- зальтации. Как правовой:

1) характеризуется целостностью и своеобра- зием в зависимости от вида, а также влиянием на личность, приводящим к снижению ее возмож- ности быть субъектом правоотношений;

2) существенно ограничивает свободу воли и волеизъявления субъекта;

3) влечет наступление определенных юриди- ческих последствий и ответственности.

Библиографический список

1. *Введенский Н.* Проблемы исключительных состояний в судебно-психиатрической практике / Н. Введенский // Проблемы судебной психиатрии. – М., 1997.
2. *Нагаев В. В.* Основы судебно-психологи- ческой экспертизы : учеб. пособие для вузов / В. В. Нагаев. – М., 2000.
3. *Назаренко Г. В.* Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших пре- ступления и общественно опасные деяния : мо- нография / Г. В. Назаренко. – М., 2001.
4. *Сафуанов Ф. С.* Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : науч.-практ. пособие / Ф. С. Сафуанов. – М., 1998.

References

1. *Vvedenskiy N.* Problems of Extraordinary States in Judicial and Psychiatric Practice / N. Vvedenskiy // Problems of Judicial Psychiatry. – М., 1997.
2. *Nagaev V. V.* Basics of Judicial and Psycho- logical Examination / V. V. Nagaev. – М., 2000.
3. *Nazarenko G. V.* Relevant in the Criminal Law Mental States of People Who Committed Crimes and Socially Dangerous Acts / G. V. Nazarenko. – М., 2001.
4. *Safuanov F. S.* Judicial and Psychological Ex- amination in Criminal Trial / F. S. Safuanov. – М., 1998.

А. С. Кузнецов,
*аспирант кафедры уголовного права, уголовного
 процесса и криминалистики Московского
 государственного института международных
 отношений (Университета) МИД России*

A. S. Kuznetsov,
*post-graduate student of the Department of Criminal
 Law, Process and Forensic Studies of Moscow State
 Institute of International Relations (University)
 of the MFA of Russia*

СЛЕДЫ НЕЗАКОННОЙ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ПРИЗНАКИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Signs of Illegal Banking Activity as Features of the Objective Side of a Crime

Аннотация. В статье на основе анализа действующего законодательства и судебно-следственной практики представлен перечень способов совершения незаконной банковской деятельности. Автором сделан акцент на поддельных (подложных) документах, являющихся носителями типичных следов данного преступления и позволяющих установить способ совершения данного преступления.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, объективная сторона преступления, следы преступления.

Abstract. On the basis of the analysis of the current legislation and forensic practice data the author presents a list of ways of illegal banking activity. The author emphasizes counterfeit (fake) documents which serve typical signs of this type of a crime that as well allows to identify the method of committing this crime.

Key words: illegal banking activity, objective side of a crime, traces of a crime.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, складывается из следующих признаков: 1) **общественно опасное деяние**, к которому законодатель относит: а) осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации; б) осуществление банковской деятельности (банковских операций) без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно; 2) **общественно опасные последствия** в виде крупного ущерба гражданам, организациям или государству либо извлечения дохода в крупном размере; 3) **причинная связь** между совершенным деянием и наступившими последствиями. Уголовная ответственность по ст. 172 УК РФ наступает лишь в случае наличия всех трех перечисленных признаков.

Уяснение содержания признаков объективной стороны незаконной банковской деятельности невозможно без внесения ясности в терминологию.

Понятие «банковская деятельность» применяется законодателем в ряде нормативных правовых актов, относящихся к различным отраслям права¹. Однако ни в одном из них оно не получило адекватного определения на законодательном уровне. Это обстоятельство существенно затрудняет единообразное применение уголовного закона в части расследования и привлечения к ответственности за незаконную банковскую деятельность.

В научной литературе также нет единого мнения о том, что следует понимать под банковской деятельностью. Представляется, что наиболее содержательной является дефиниция, согласно которой под **банковской деятельностью** понимается *предпринимательская деятельность кредитных организаций, направленная на систематическое осуществление банковских операций на основании специального разрешения (лицензии) Банка России, полученного после государственной регистрации кредитной организации в порядке, предусмотренном федеральным законодательством*.

Законодатель не дает определения и понятия «банковская операция». Некоторые разночтения существуют и в научно-правовой литературе по этому вопросу. Большинство из существующих ныне дефиниций не отражает комплексного характера термина «банковская операция». Как нам представляется, в интересах ст. 172 УК РФ под **банковскими операциями** следует понимать сделки, систематически проводимые кредитными организациями в соответствии с принципом исключительной правоспособности, объектом которых могут выступать деньги, ценные бумаги, драгоценные металлы, природные драгоценные камни, на основании Федерального закона «О банках и банковской деятельности» и лицензии Банка России на осуществление банковских операций (Викулин А. Ю., Тосунян Г. А., Экмалян А. М. Банковское право Российской Федерации. Общая часть : учебник / под общ. ред. Б. Н. Топорнина. М., 1999. С. 206).

Перечень банковских операций предусмотрен ст. 5 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (Ведомости Съезда народ. депутатов РСФСР.

© Кузнецов А. С., 2010

¹ Напр.: ст. 2, 3 Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 77 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», ст. 15.26 КоАП РФ, ст. 172 УК РФ, Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» и др.

1990. № 27, ст. 357) (далее: Закон о банках). Правила осуществления банковских операций являются обязательными и устанавливаются Банком России в соответствии с федеральными законами.

Банковская деятельность состоит в систематическом проведении банковских операций как разновидности предпринимательской деятельности. Она регламентируется гражданским законодательством, Законом о банках, Федеральным законом от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (Рос. газ. 2002. 13 июля) и другими нормативными правовыми актами.

Как и любое событие преступления, совершение незаконной банковской деятельности всегда оставляет в материальном мире разнообразные следы. В свою очередь, объективная сторона незаконной банковской деятельности как внешнее выражение процесса преступного посягательства будет являться сферой образования следов данного преступления.

В криминалистике традиционно следы преступления подразделяются на идеальные и материальные. Идеальные следы являются отображением криминалистически значимой информации в сознании людей, хранящемся в памяти человека. Материальные следы представляют собой изменения в элементах вещной обстановки, возникающие в результате механического, химического, биологического, термического и иного воздействия (Россинская Е. Р. Криминалистика : курс лекций. М., 2006. С. 67).

Различают криминалистическое понятие материальных следов в широком и узком значении (Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика. М., 2010. С. 149 ; Криминалистика / под. ред. Н. П. Яблокова. М., 2010. С. 235 ; Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. М., 2008. С. 195). В узком значении под следами понимают изменения на предметах, которые отображают внешнее строение объекта, вызвавшего эти изменения (Руководство по расследованию преступлений / под ред. А. В. Гриненко. М., 2008. С. 293). Следы в широком значении определяются как возникшие в результате совершения преступления любые изменения в материальной среде (Криминалистика / под. ред. Н. П. Яблокова. С. 235). Учитывая в общем специфику расследования незаконной банковской деятельности и сбора доказательственной базы по делам о данных преступлениях, в частности, будем использовать широкое понимание материальных следов в криминалистике.

Успешность расследования преступлений, состав которых предусмотрен ст. 172 УК РФ, безусловно, во многом зависит от того, насколько полно удалось выявить, зафиксировать, исследовать и эффективно использовать следы данного

преступления. Следы, являясь источником сведений о преступлении, позволяют разобраться в его сути, установить достаточно детально отдельные его обстоятельства, а следовательно, и объективную сторону деяния.

Осуществление банковской деятельности (банковских операций) без регистрации означает, что лицо, фактически проводящее банковские операции, не зарегистрировалось в качестве кредитной организации, которой предоставлено право на проведение данных операций.

Так, Следственным комитетом при МВД России в апреле 2010 г. было возбуждено уголовное дело в отношении двух участников организованной преступной группы, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных пп. «а», «б» ч. 2 ст. 172 УК РФ. В ходе расследования было установлено, что подозреваемые, не пройдя надлежащим образом регистрацию и не имея лицензии Центрального банка России, незаконно осуществляли такие банковские операции, как: открытие и ведение банковских счетов юридических лиц, расчеты по поручению юридических лиц по их банковским счетам, инкассация денежных средств, кассовое обслуживание физических и юридических лиц, купля-продажа иностранной валюты в наличной и безналичной формах. В частности, они использовали ряд подконтрольных коммерческих организаций, зарегистрированных на лиц, утеревших свои гражданские паспорта, и иных подставных лиц, и организовали открытие в различных банках г. Москвы расчетных счетов этим обществам. Затем по просьбам своих клиентов, нуждающихся в получении в наличной форме принадлежащих им безналичных денежных средств, а также в конвертации в иностранную валюту и выводу их за рубеж, перечисляли эти деньги по фиктивным основаниям на ранее открытые и контролируемые ими банковские счета иностранных и российских юридических лиц. По данным следствия, ежемесячный оборот от незаконной банковской деятельности подозреваемых составлял 1 млрд рублей (Следственным комитетом при МВД России проводится предварительное расследование уголовного дела о незаконной банковской деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/news/40842/>).

Осуществление банковской деятельности (банковских операций) без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, имеет место, если даже, зарегистрировавшись в качестве кредитной организации и получив право на определенные виды банковских операций (лицензию), кредитная организация осуществляет выходящие за пределы выданной лицензии банковские операции, либо лицензия отозвана досрочно или по иным причинам потеряла свою юридическую силу.

Так, в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 172 УК РФ в январе 2009 г. по материалам оперативной проверки ДЭБ МВД России, было установлено, что С., являясь начальником управления клиентского обслуживания ОАО КБ «Русич Центр Банк» (г. Москва) и не имея лицензии Центрального банка Российской Федерации, незаконно осуществлял такие банковские операции, как: инкассация неучтенных денежных средств клиентов, конвертация рублей в иностранную валюту, незаконное обналичивание денежных средств и др. При этом С. и его соучастники использовали ряд подконтрольных коммерческих орга-

низаций, зарегистрированных на подставных лиц, и организовали открытие в различных банках г. Москвы расчетных счетов этим обществам. Затем по просьбам своих клиентов, нуждающихся в получении в наличной форме принадлежащих им безналичных денежных средств, а также в конвертации их в иностранную валюту, перечисляли эти деньги по фиктивным основаниям на ранее открытые и контролируемые С. счета. По предварительным данным следствия, только за 2008 г. доход С. от незаконной банковской деятельности составил около 100 млн рублей (Информация Следственного комитета при МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru/news/44024/>).

Особенностью расследования незаконной банковской деятельности является своевременное и полное изъятие документов кредитной организации, которые могут нести в себе следы данного преступления.

В целях установления общественно опасного деяния как признака объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, в виде осуществления банковской деятельности (банковских операций) без регистрации или осуществления банковской деятельности (банковских операций) без специального разрешения (лицензии) в кредитной организации необходимо изъять:

- учредительные и иные документы, связанные с государственной регистрацией кредитной организации и получением лицензии на осуществление банковских операций;
- организационно-распорядительную документацию, инструкции, положения, регламенты, правила и иные внутренние документы кредитной организации (ее филиала);
- материалы внутреннего аудита кредитной организации (ее филиала);
- книгу регистрации открытых и закрытых лицевых счетов кредитной организации (ее филиала);
- бухгалтерскую, статистическую и финансовую отчетность кредитной организации (ее филиала);
- объяснительные записки, справки, письменные разъяснения руководителя кредитной организации (ее филиала) и работников кредитной организации (ее филиала);
- договоры, заключенные кредитной организацией (ее филиалом) (Шмонин А. В. Теоретические основы расследования преступлений, сопряженных с банковскими технологиями. М., 2006).

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ, – материальный. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность наступает лишь в том случае, если деяние причинило крупный ущерб гражданам, организациям или государству либо сопряжено с извлечением дохода в крупном размере. Нам представляется противо-

речивой позиция ряда ученых, предлагающих считать состав незаконной банковской деятельности формальным в случае, когда речь идет об извлечении дохода в крупном размере (Зотов П. В. К вопросу об объективной стороне незаконной банковской деятельности // Рос. следователь. 2007. № 9. С. 18 ; Карпович О. Г. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность // Банков. право. 2003. № 1. С. 47 ; Ревина В. В. Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности // Современная Россия: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. ученых, преподавателей, аспирантов, представителей органов исполн. власти и бизнеса : в 2 т. М., 2009. Т. 2. С. 16). Если учесть, что для наличия формального состава преступления достаточно установить только факт указанного в законе деяния, то противоречие позиции О. Г. Карповича букве закона будет налицо, поскольку в диспозиции ст. 172 УК РФ четко обозначен момент наступления уголовной ответственности, который законодатель связывает с возникающими альтернативно последствиями:

- либо причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству;
- либо извлечение дохода в крупном размере.

Размер крупного ущерба и дохода в крупном размере установлены в примечании к ст. 169 УК РФ и составляет 1 млн 500 тыс. рублей.

При определении **крупного ущерба** судебная практика и большинство ученых ссылаются на положения ст. 15 ГК РФ, предлагая включать в данное понятие как реальный ущерб, так и упущенную выгоду. В юридической литературе в целях достижения согласованности терминологии небезосновательно предлагается в редакции ст. 172 УК РФ заменить понятие «крупный ущерб» на «убытки в крупном размере», так как в гражданском законодательстве ясно сказано, что под убытками следует понимать реальный ущерб и упущенную выгоду (Волженкин Б. В. Экономические преступления. СПб., 1999. С. 120 ; Зотов П. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика незаконной банковской деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 17 ; Саркисян А. Ж. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007. С. 9).

Установление обстоятельств, связанных с причинением ущерба в результате осуществления незаконной банковской деятельности, предполагает установление не только самого факта причинения ущерба, но и причинной связи между незаконным выполнением банковских операций и наступлением вредных последствий. Кроме того, также необходимо установить, в чем выразился ущерб, кому он был причинен и в каком размере.

Размер причиненного ущерба должен быть установлен со всей полнотой и достоверностью. При наличии каких-либо противоречий необходимо назначить судебно-бухгалтерскую экспертизу.

В случаях причинения ущерба гражданам и организациям следы незаконной банковской деятельности следует искать в исковых заявлениях к кредитным организациям, гражданско-правовых договорах, документах, которыми оформлялось выполнение банковских операций, в бухгалтерской документации и др.

Сложнее обстоит вопрос с установлением ущерба государству в результате осуществления незаконной банковской деятельности. В настоящее время отсутствует единая методика установления данного признака объективной стороны преступления. Объем настоящей статьи не позволяет всесторонне рассмотреть этот вопрос, требующий, как нам представляется, отдельного исследования.

Размер **крупного дохода** как последствия незаконной банковской деятельности установлен УК РФ. В то же время содержание данного понятия в правовой литературе не находит единого понимания. Это в первую очередь связано с отсутствием как в уголовном, так и в гражданском и налоговом законодательстве единого представления о том, что является доходом вообще.

Ряд ученых, основываясь на положениях налогового законодательства, предлагают определять масштабы незаконной банковской деятельности размером полученных доходов без учета расходов, понесенных в ходе данной деятельности (Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. А. Э. Жалинского. М., 2005. С. 386 ; Плотников С. А. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 145). Нам представляется наиболее последовательным включать в содержание понятия «доход» весь совокупный доход, полученный лицом за период его незаконной банковской деятельности. Затраты, связанные с ее осуществлением, не должны приниматься во внимание, поскольку такая деятельность, как справедливо отмечает Е. М. Куликов, сама по себе является противоправной и все полученное от ее осуществления подлежит не налогообложению, а полному изъятию в доход государства (Куликов Е. М. Незаконная банковская деятельность: уголовно-правовые и криминологические проблемы : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 53).

Следы, необходимые для установления извлеченного в результате незаконной банковской деятельности дохода, следует искать в кредитной организации среди кассовых документов (кассовые чеки; приходно-расходные кассовые ордера; инкассаторские ведомости; сводная выписка по кассе банка с приложением подлинников всех

кассовых документов; сводная выписка по счетам юридических лиц (корпоративных клиентов) и физических лиц с приложением подлинников платежных (платежное поручение, мемориальный ордер и др.) (Жучков А. А. Расследование незаконной банковской деятельности (некоторые проблемы и пути их разрешения) // Закон и право. 2009. № 9. С. 85), бухгалтерских документов и «черновых записей».

Установление обстоятельств, связанных с извлечением дохода в результате незаконной банковской деятельности, требует в большинстве случаев проведения комплексной судебно-бухгалтерской и судебно-экономической экспертизы. Такая экспертиза назначается для анализа финансово-хозяйственной деятельности организации, определения фактических результатов этой деятельности и полученной прибыли.

Подводя итог вышесказанному, следует добавить, что правильное и своевременное установление признаков объективной стороны незаконной банковской деятельности требует учитывать в той или иной степени характерные для данного преступления типичные объекты – носители следов преступления:

- оборудованные помещения обменных пунктов и банков, а также иные помещения организаций;

- аппаратные (компьютеры, периферийное оборудование и физические носители магнитной информации) и программные средства (программное обеспечение и информация на машинном носителе) компьютерной техники;

- рекламные объявления (в большинстве случаев источником публикации избираются телевидение, радио, печатные средства массовой информации и сеть Интернет) о привлечении под различными видами денежных средств граждан или юридических лиц либо об оказании банковских услуг;

- печатная продукция (прайс-листы, буклеты), содержащая информацию об оказываемых услугах, выполняемых операциях;

- поддельные (подложные) документы, а также иные документы (указанными характеристиками не обладающие), возникающие в процессе осуществления незаконной банковской деятельности;

- объявления о приеме на работу;

- сведения о периодическом выполнении однообразных действий (обмен валюты);

- сведения о приобретении оборудования, используемого для организации деятельности банков, кассовых узлов, сейфовых комнат, хранилищ ценностей, депозитариев и пунктов обмена валют (бронированные двери, бронированные стекла, передаточные лотки, депозитные сейфы, программное обеспечение и т. д.).



Библиографический список

1. Жучков А. А. Расследование незаконной банковской деятельности (некоторые проблемы и пути их разрешения) / А. А. Жучков // Закон и право. – 2009. – № 9.
2. Зотов П. В. К вопросу об объективной стороне незаконной банковской деятельности / П. В. Зотов // Рос. следователь. – 2007. – № 9.
3. Карпович О. Г. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность / О. Г. Карпович // Банков. право. – 2003. – № 1.
4. Криминалистика / под ред. Н. П. Яблокова. – М., 2010.
5. Руководство по расследованию преступлений / под ред. А. В. Гриненко. – М., 2008.

References

1. Zhuchkov A. A. Investigation of Illegal Banking Activity (Some Problems and Ways to Solve Them) / A. A. Zhuchkov // Law and Rights. – 2009. – № 9.
2. Zotov P. V. To the Question of the Objective Side of Illegal Banking Activity / P. V. Zotov // Russian Investigator. – 2007. – № 9.
3. Karpovich O. G. Criminal Liability for Illegal Banking Activity / O. G. Karpovich / Bankovskoe Pravo. – 2003. – № 1.
4. Forensic Studies / ed. by N. P. Yablokov. – M., 2010.
5. Guidebook for Crimes Investigation / ed. by A. V. Grinenko. – M., 2008.

Е. В. Легезина,
адъюнкт кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России

E. V. Legezina,
post-graduate student of the Department
of Criminal Law of Tyumen Legal Institute
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

**МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ,
СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ГРУППЫ**

Mechanism of Formation of Criminal Behaviour of Minor Criminals Performing Crimes in Groups

Аннотация. В статье рассматриваются механизм формирования группового преступного поведения несовершеннолетних, мотивы такого поведения и условия их формирования.

Ключевые слова: механизм преступного поведения, преступность несовершеннолетних, групповая преступность, мотивы преступного поведения.

Abstract. In article the mechanism of formation of group criminal behavior of minor criminals as well as causes of such behavior and conditions of their formation are considered.

Key words: the mechanism of criminal behavior, criminality of minors, group criminality, motives of criminal behavior.

В криминологической науке не вызывает сомнений то обстоятельство, что преступность несовершеннолетних – это преимущественно групповая преступность. Так, в зависимости от вида преступлений групповые преступления составляют до 70 % в структуре всей преступности несовершеннолетних.

На протяжении длительного времени проблема групповой преступности несовершеннолетних разрабатывается в социологическом, психологическом, педагогическом, криминологическом и других аспектах. Вместе с тем в условиях динамичности социальной среды многочисленные исследования данной проблемы не снижают актуальности главных вопросов: почему происходит объединение или вступление несовершеннолетних в преступные группы, какие факторы этому способствуют, как предупредить преступность несовершеннолетних.

Механизм преступного поведения включает в себя такие элементы, как психические процессы и состояния, факторы внешней среды, т. е. причины и условия конкретного преступления (Механизм преступного поведения / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1981. С. 30–31).

Механизмы группового и единоличного преступного поведения несовершеннолетних существенно разнятся, что обусловлено в первую очередь мотивацией преступного поведения.

Развитие мотивационной сферы начинается в раннем детстве и продолжается всю жизнь. Устойчивый характер побуждения, различные по своей силе и значимости, начинают приобретать лишь в подростковом возрасте, формируя направленность личности. В этом возрасте проявляются как достоинства, так и недостатки в

структуре интересов, привычек, ценностных ориентаций, установок, т. е. всего, что определяет развитие личности несовершеннолетнего.

Однако мотивация как нравственно-психологическое качество личности обуславливает преступное поведение только при взаимодействии с проблемной ситуацией (Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: Норма и патология. М., 1982. С. 180–182). Ситуация является таковой, если стоит вопрос о выборе возможных вариантов поведения.

Особая разновидность проблемной ситуации – фронтальная ситуация, когда на поведение личности существенное влияние оказывает малая социальная группа. Фронтальная ситуация выступает условием совершения преступления, во-первых, когда преступная группа формирует или усиливает имеющуюся криминальную мотивацию своих участников, во-вторых, облегчает ее проявление в определенный момент. Однако для вовлечения в групповое преступление нужны «причины», т. е. социальные качества личности, необходимые для совместной преступной деятельности.

Таким образом, детерминанты конкретного группового преступления складываются из криминогенной мотивации личности, необходимой для совместной преступной деятельности, и из фронтальной ситуации совершения этого преступления (Шеслер А. В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты. Саратов, 2006. С. 52).

При совершении преступлений несовершеннолетними фронтальные ситуации отмечаются наиболее часто. Группа, в которой пребывает несовершеннолетний, является для него референтной. Подросток желает принадлежать к этой группе, идентифицирует себя с ней, группа существует в его сознании.

Следует заметить, что факты формирования групп несовершеннолетних – процесс закономерный. Для подростка характерна повышенная потребность в общении со сверстниками, к мнению которых они прислушиваются больше, чем к мнению взрослых, родителей и учителей. Это повышенное стремление к общению объясняется возрастными закономерностями психического развития, основным психологическим новообразованием которого выступает самосознание, формирующееся в общении, во взаимодействии с себе подобными. Несовершеннолетние при их эмоциональной неустойчивости, отсутствии выдержки и самообладания в большинстве случаев не способны выбрать соответствующий вариант поведения, т. е. в основе их мотивов лежит деформированная потребность личности, сложившаяся в результате отрицательного влияния микросреды.

Чтобы войти в группу, подросток должен следовать определенному варианту поведения. Оказавшись в группе с криминогенной направленностью, он усваивает образ жизни этой группы, крайне дорожит членством в ней и вынужден следовать принятым в ней стандартам поведения. Следствием этого могут быть конфликты в другой микросреде, характеризующейся иными формами жизнедеятельности. Нередко мотивом поступков несовершеннолетнего является именно защита своей принадлежности к этой группе. При отсутствии целенаправленного воздействия он будет стремиться к сохранению того образа жизни, который бы в большей степени обеспечивал функционирование присущих ему ведущих мотивов. Поведение подростка зависит от интенсивности его приверженности к ценностям и стандартам подобной референтной группы.

Таким образом, группа оказывает давление на личность несовершеннолетнего, предъявляя к нему определенные требования как в образе жизни, так и в конкретной жизненной ситуации. Если он не следует принятым в группе стандартам поведения, то, естественно, не сможет стать ее полноценным членом.

Особенно подвержены риску войти в преступные группы несовершеннолетние с отклонениями психики, испытывающие на себе жесткое влияние фронтальной ситуации. Это связано с тем, что психические аномалии играют роль условий, затрудняющих позитивную социализацию личности несовершеннолетнего.

Отчужденность таких лиц от нормального человеческого общения нередко выталкивает их в группы с негативной направленностью, где они восполняют необходимые социальные связи и имеющийся дефицит общения. Это приводит к формированию таких свойств личности, которые в конкретной жизненной ситуации могут привести к совершению преступления в составе группы.

Часто несовершеннолетние с психическими аномалиями значительно самореализуются и занимают особый статус именно в преступных группах (Шеслер А. В. Указ. соч. С. 52). У данных лиц снижены прогностические способности, ослаблен механизм внутреннего самоконтроля. Действительно, нередко возникает необходимость потерять чувство страха, чтобы пойти, например, на убийство, конфликт с правоохранительными органами и др.

Огромное влияние на формирование мотивации преступного поведения несовершеннолетних оказывает наличие в группе уже имеющих криминальный опыт участников, пропагандирующих криминальную субкультуру в группе сверстников, усвоенную в воспитательных колониях. Эти лица отличаются маргинальным образом жизни, в основном не работают и не учатся, злоупотребляют алкоголем и наркотиками, азартными играми, ориентированы на получение биологических удовольствий.

Несовершеннолетние, приобщаясь к криминальной субкультуре, системе неформальных норм, в силу своей психологии, во многом основанной на подражании взрослым, не только приобретают склонность к совершению преступлений, преступной деятельности, но и сами становятся проводниками данной субкультуры среди других подростков. Характер преступной деятельности таких групп отличается большой общественной опасностью.

Фронтальным ситуациям присуще не только сильное воздействие на личность лица, совершившего преступление, но и изменение типичной для определенных преступлений мотивации (Шеслер А. В. Указ. соч. С. 54).

Часто мотивами преступного поведения несовершеннолетних, совершающих преступления в составе группы, выступают желания завоевать авторитет в группе и самоутвердиться. По мнению К. Е. Игошева, в основе многих преступлений корыстной мотивации, совершаемых подростками, лежит вполне осознанный мотив ложной престижности, реализуемый через потребительство, когда подростки, не чувствующие к себе симпатии товарищей или теплого отношения в своей семье (феномен «психологической заброшенности»), стремятся вызвать их расположение тем, что на украденные деньги приглашают друзей в кино, покупают для них сладости, задабривая их, тем самым «выпрашивая, завоевывая» их дружбу (Игошев К. Е. Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего. Свердловск, 1973. С. 22). Раскрывая структуру мотивов несовершеннолетних преступников, Н. А. Дремова выявила, что даже мотивы краж и хищений не сводятся к корысти, а включают подражание моде, увлечение вещью, потребность в самоутверждении и др. (Дремова Н. А. Мотив и цель в преступлениях несо-

вершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 19).

Л. Б. Филонов полагает, что в структуре побуждений насильственной мотивации также преобладает потребность в самоутверждении подростка. Насильственная мотивация, характеризующаяся высокой эмоциональностью и ситуативностью, сочетается с особой жестокостью насильственного поведения несовершеннолетних (Филонов Л. Б. Детерминация возникновения и развития отрицательных черт характера у лиц с отклоняющимся поведением // Психология формирования и развития личности / под ред. Л. И. Анцыферовой. М., 1981. С. 346).

При рассмотрении механизма формирования преступного поведения подростка, совершающего преступление в группе, нельзя недооценивать негативное влияние семьи, школы и некоторых других социальных групп.

Семья играет исключительно важную роль в биологическом и социальном воспроизводстве человека. Негативное влияние семьи может быть как непосредственным, так и опосредованным. Оно рассматривается в качестве причины формирования асоциальной направленности личности несовершеннолетнего и условия становления его на путь преступления.

Непосредственное влияние семьи заключается в целенаправленном воздействии на ребенка в целях формирования антиобщественных свойств: предоставление ребенку стандартов негативного проявления (алкоголизм, наркомания, проституция), безконтрольность, внутрисемейные конфликты, усиливающие формирование негативной мотивации. Опосредованное негативное влияние состоит в отсутствии положительных эмоциональных контактов, совместной позитивной деятельности.

Семья, включая ребенка в свою эмоциональную структуру, обеспечивает тем самым его первичную, но чрезвычайно важную социализацию, т. е. вводит его в структуру общества (Антонян Ю. М., Кудрявцев В. Н. Личность преступника. СПб., 2004. С. 46). Если этого не происходит, формирование несовершеннолетнего осуществляется через отчуждение от семьи, идет процесс выталкивания его в иные социальные слои, в частности, в группы с криминогенной направленностью.

В современных условиях дефекты неполной семьи также приобретают существенное негативное значение для формирования личности подростка. Неполная структура семьи может по-разному влиять на воспитание подростков: порождать внутренние психологические конфликты между родителем и ребенком, трудности в организации досуга; отражаться на ее материальном достатке; уменьшать возможности контроля над подростком. Однако отсутствие одного из роди-

телей не следует рассматривать как первопричину формирования мотивации на совершение преступления. Вместе с тем следует отметить, что ребенок, имеющий обоих родителей, потенциально обладает большими возможностями для полноценного развития, нежели дети, воспитывающиеся в структурно неполных семьях.

Причины социально-негативного развития личности несовершеннолетнего заключаются в комплексе условий, характеризующих материально-бытовое положение семьи, культуру внутрисемейных взаимоотношений, педагогическую компетентность родителей, а также то, что с увеличением возраста подростков влияние семьи заметно ослабевает, уступая место неформальной группе.

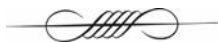
Влияние семьи на воспитание детей не может быть заменено никакими другими средствами воспитания. Поэтому учреждения, выполняющие данные функции, могут только дополнять семейное воспитание. Однако в настоящее время эти учреждения также не способствуют развитию позитивных свойств личности несовершеннолетнего.

Существуют недостатки, связанные с неправильным педагогическим подходом к трудным подросткам, дети находятся в состоянии отверженных. Невозможность добиться успеха, отсутствие деятельности, в которой несовершеннолетний может реализовать себя, психологический дискомфорт, наступающий в результате неудовлетворенности, в силу слабой успеваемости, конфликтов с учителями и одноклассниками приводят подростка к отчуждению от коллектива класса, снижению его референтной значимости, поискам иной предпочитаемой среды общения и референтной группы сверстников. И когда эта группа формируется в условиях пустого временипрепровождения и рискованных занятий, стремление к самоутверждению, желание быть на уровне в глазах своей референтной группы становятся основным криминальным фактором возникновения такой группы, катализатором преступного поведения несовершеннолетних.

Существующая на коммерческой основе досуговая деятельность также не способствует положительному формированию личности несовершеннолетнего. Занятия в свободное время и субъективные условия, выраженные в направленности личности (ценностные ориентации, мотивы, потребности, способности, материальные возможности), должны отражать степень проявления культурной активности несовершеннолетних. В настоящее время, направляя детей в досуговые учреждения, родители хотят не столько занять ребенка социально полезной деятельностью, сколько развить те качества, которые могут быть востребованы на рынке труда.

В рамках настоящей статьи изучен механизм формирования группового преступного поведения несовершеннолетних, который характеризуется возникновением мотивов преступного поведения во взаимосвязи со свойствами личности подростка, необходимыми для совместной преступной деятельности, вызывающими решимость

совершить преступление, и конкретной фронтальной ситуации, детерминирующей преступление. Рассмотренные аспекты преступного поведения несовершеннолетних могут быть учтены при планировании и реализации профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних.



Библиографический список

1. *Антонян Ю. М.* Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев. – СПб., 2004.
2. *Игошев К. Е.* Правонарушения и ответственность несовершеннолетнего / К. Е. Игошев. – Свердловск, 1973.
3. *Кудрявцев В. Н.* Правовое поведение: Норма и патология / В. Н. Кудрявцев. – М., 1982.
4. *Шеслер А. В.* Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты / А. В. Шеслер. – Саратов, 2006.

References

1. *Antonyan Yu. M.* Personality of a Criminal / Yu. M. Antonyan, V. N. Kudryavtsev. – SPb., 2004.
2. *Igoshev K. E.* Offences and Liability of a Minor / K. E. Igoshev. – Sverdlovsk, 1973.
3. *Kudryavtsev V. N.* Legal Behaviour: Norm and Pathology / V. N. Kudryavtsev. – M., 1982.
4. *Shesler A. V.* Group Criminality: Criminological and Criminal-legal Aspects / A. V. Shesler. – Saratov, 2006.

С. В. Маликов,
*заведующий кафедрой криминалистики
 Военного университета
 Министерства обороны Российской Федерации
 доктор юридических наук, профессор*

S. V. Malikov,
*Head of the Forensic Studies Department
 of the Military University of the Ministry
 of Defense of the Russian Federation
 Doctor of Law, Professor*

**ВЛИЯНИЕ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА ТЕОРИИ ВОЕННОГО ИСКУССТВА НА ТЕЗАУРУС
 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**Influence of Concepts of the Theory of Military Art on the Thesaurus of the Criminal Code
 of the Russian Federation**

Аннотация. В статье обосновывается необходимость принятия законодательства военного времени и введения нового квалифицирующего признака – «совершение преступления в районах вооруженного конфликта немеждународного характера». Кроме того, автор уточняет такие понятия теории военного искусства, как «боевая обстановка», «боевые действия» и «военные действия», применительно к тезаурусу Уголовного кодекса Российской Федерации вводит в научный оборот и анализирует следующие понятия: «район боевых действий», «район военных действий» и «район вооруженного конфликта».

Ключевые слова: тезаурус Уголовного кодекса Российской Федерации, боевая обстановка, военные действия, боевые действия, район боевых действий, район военных действий, район вооруженного конфликта.

Abstract. The article grounds the necessity of adopting the war time legislation and introducing a new qualificatory feature such as «committing a crime in the areas of a non-international armed conflict». Besides, the author gives a concrete definition of such concepts of the theory of military art as «war situation», «operations» and «military actions» but in relation to the thesaurus of the Criminal Code of the Russian Federation. Besides, the author introduces and analyzes the following concepts «area of military operations», «area of military actions» and «area of an armed conflict».

Key words: thesaurus of the Criminal Code of the Russian Federation, war situation, military actions, operations, area of operations, area of military actions, area of an armed conflict.

Закономерность войн и современных вооруженных конфликтов влечет за собой объективную необходимость постоянного совершенствования международно-правовой базы и научного осмысления всех процессов, происходящих не только в международных отношениях, связанных с причинами возникновения войн и вооруженных конфликтов и установлением соответствующих ограничений и запретов, но и на национальном уровне.

Проведенное изучение опыта правового регулирования в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) показало, что в тот период, несмотря на казалось бы детальную регламентацию всех сторон жизни населения страны, военных действий и работы органов военной юстиции, существовал один крупный недостаток – многочисленные источники правового регулирования и отсутствие единой концепции правового обеспечения военных действий и комплексных нормативных правовых актов, регламентирующих особенности судостроительства и судопроизводства в условиях войны. Представляется целесообразным устранить этот недостаток путем разработки системы законодательного регулирования в условиях войны.

Первым шагом к созданию такой системы является принятие законодательства военного времени,

так как в отличие от прежнего законодательства, которое устанавливало ответственность за преступления против военной службы, совершенные как в мирное, так и военное время и в условиях боевой обстановки, нормы действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) предусматривают ответственность только за преступления против военной службы, совершаемые в условиях мирного времени. В ч. 3 ст. 331 УК РФ указывается, что уголовная ответственность за преступления против военной службы, совершенные в военное время либо в боевой обстановке, определяется законодательством Российской Федерации военного времени. До издания закона, предусмотренного ч. 3 ст. 331 УК РФ, в соответствующих случаях должны применяться нормы гл. 33 «Преступления против военной службы» и других глав УК РФ, в том числе гл. 34 «Преступления против мира и безопасности человечества». Кроме того, ст. 1 УК РФ требует, чтобы новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежали включению в УК РФ. Однако законодатель просто не успевает адекватно отреагировать на стремительно развивающийся вооруженный конфликт.

В целях устранения нелогичности, незавершенности и слабой системности военно-уголовного законодательства возникла необходимость восстановления в УК РФ норм об ответственности

сти за преступления, совершенные в военное время и в боевой обстановке.

Девятнадцатого сентября 2001 г. в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации депутатами А. А. Сигуткиным, Н. М. Безбородовым и В. В. Чайкой был внесен законопроект № 130883-3 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части совершенствования военно-уголовного законодательства), который должен дополнить ныне действующий УК РФ нормами законодательства военного времени. В связи с этим в Государственной Думе прошли парламентские слушания на тему «Проблемы совершенствования военно-уголовного законодательства». Участники парламентских слушаний одобрили концепцию разработанного Комитетом Государственной Думы по обороне совместно с Военной Коллегией Верховного Суда Российской Федерации и учеными-юристами Военного университета Минобороны России проекта федерального закона и рекомендовали Государственной Думе принять этот законопроект в первом чтении. Однако после нескольких переносов слушаний в связи с редактированием и доработкой законопроекта, спустя семь лет, 2 декабря 2008 г. данный законопроект был снят с рассмотрения в Государственной Думе в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы.

Между тем даже если бы законодательство военного времени и было принято, то именно отсутствие должной правовой основы участия воинских формирований в боевых действиях в период вооруженных конфликтов немеждународного характера стало бы причиной неприменения законодательства военного времени, которое устанавливает уголовную ответственность военнослужащих за совершение преступлений в военное время и в боевой обстановке.

Выходом из данной правовой коллизии может стать включение в УК РФ норм об уголовной ответственности за совершение преступлений против военной службы в районах вооруженного конфликта немеждународного характера, что, в свою очередь, будет являться правовой основой использования этого квалифицирующего признака в правоприменительной практике. Более того, уголовное наказание за совершение преступлений в районах вооруженного конфликта, по мнению Х. М. Ахметшина, которое мы полностью разделяем, должно быть строже, чем за преступления против военной службы, совершенные в мирных условиях, но вместе с тем мягче, чем за преступления, совершенные в военное время и в боевой обстановке (когда стоит вопрос о суверенитете самой Российской Федерации (Цит. по: Маликов С. В. К вопросу о правовом регулировании расследования преступлений, совершаемых военнослужащими в районах вооруженного конфликта // Рос. военно-правовой сб. 2004. № 1).

Именно неурегулированность вопроса о привлечении к уголовной ответственности военнослужащих за совершение преступлений в районах вооруженного конфликта немеждународного характера нормами национального законодательства привела к тому, что Бюро Парламентской Ассамблеи Совета Европы (далее: ПАСЕ) продолжает настаивать на создании международного трибунала по военным преступлениям и преступлениям против человечности в Чеченской Республике (Рекомендации ПАСЕ № 1227 (2000 г.), № 1444 (2000 г.), № 1456 (2000 г.), № 1478 (2000 г.), № 1498 (2001 г.) в отношении конфликта в Чечне // Совет Европы и Россия. 2000. № 1–2 ; 2001. № 1).

Требует кардинального решения и вопрос о законодательном закреплении в УК РФ доктринального толкования следующих понятий теории военного искусства, используемых в правоприменительной практике: «военные действия», «боевые действия», «боевая обстановка», «район вооруженного конфликта», «район военных действий» и «район боевых действий».

Для более детального анализа содержания таких понятий, как «военные действия», «боевые действия» и «боевая обстановка» необходимо обратиться, прежде всего, к их значению. В Словаре русского языка «боевые действия» или «военные действия» толкуются как чрезвычайные обстоятельства, как деятельность, являющаяся причиной возникновения и существования чрезвычайных условий (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1982. С. 78), а «боевая обстановка» – как совокупность чрезвычайных (боевых) условий, в которых что-либо происходит (Там же. С. 569).

Вызывает определенный интерес и то, какое содержание вкладывает в данные понятия теория военного искусства, которая оперирует большим количеством специфических и только ей присущих понятий.

Существует несколько, порой диаметрально противоположных, точек зрения на содержание понятий «военные действия» и «боевые действия». Так, составители Военного энциклопедического словаря весьма произвольно определяют военные действия как организованное применение сил и средств для выполнения поставленных боевых задач частями, соединениями, объединениями всех видов вооруженных сил на суше, в воздухе и на море (Военный энциклопедический словарь : в 3 т. М., 1997. Т. 1. С. 127). Составители словаря не видят разницы между этими двумя понятиями, так как фактически они объединили их в одно, вложив в определение «военные действия» содержание понятия «боевые действия». В связи с этим неслучайно в данном словаре отсутствует определение понятия «боевые действия».

В свою очередь, С. Н. Красильников понимает под военными действиями действия вооруженных сил во время войны, направленные на раз-

гром противника на суше, в воздухе и на море (Словарь основных военных терминов / под ред. С. Н. Красильникова. М., 1965. С. 47). Это определение более точное, но и оно страдает односторонностью, так как вооруженные силы могут вести военные действия по отражению агрессии независимо от объявления состояния войны.

На наш взгляд, наиболее точное и полное определение военных действий дано в Советской военной энциклопедии: военные действия – это стратегические действия вооруженных сил по разгрому противника на суше, в воздухе и на море (Советская военная энциклопедия : в 8 т. М., 1989. Т. 2. С. 260).

Боевые действия С. Н. Красильников характеризует как действия войск (авиации, флота) с целью уничтожения живой силы и военной техники противника, овладения его территорией, оказания противодействия наступлению противника, отражения его ударов и удержания своей территории, а также действия, связанные с передвижением и расположением войск на месте в условиях угрозы нападения противника (Словарь основных военных терминов. С. 30). Данное определение, на наш взгляд, слишком объемно, в нем теряется суть понятия «боевые действия» – различный масштаб действий войск.

Наиболее правильное и лаконичное определение содержится в Советской военной энциклопедии, где под боевыми действиями понимается организованное применение сил и средств для выполнения поставленных боевых задач частями, соединениями и объединениями видов вооруженных сил (Советская военная энциклопедия. С. 539).

Иначе говоря, основное отличие понятия «военные действия» от понятия «боевые действия» заключается в том, что военные действия ведутся на стратегическом уровне – на уровне фронтов в форме стратегических операций на театре военных действий, а боевые действия ведутся на оперативном, оперативно-тактическом и тактическом уровнях частями, соединениями и объединениями (до армии или корпуса включительно) в форме боев, ударов, сражений, армейских (корпусных) операций.

Из этого следует, что понятие «военные действия» является более широким, чем понятие «боевые действия», которое входит в качестве составной части в понятие «военные действия» как одна из форм ведения военных действий. Другими словами, если фронт ведет военные действия в форме стратегической операции, то так или иначе и объединения, и соединения, и части, входящие в состав фронта, ведут боевые действия в форме боев, сражений, операций и ударов (Советская военная наука : воен.-теорет. тр. Военной акад. Генер. штаба. М., 1990. С. 47–48).

Под районом вооруженного конфликта в теории военного искусства понимается любая территория, на которой происходят вооруженные столкновения конфликтующих сторон в период вооруженного конфликта международного или немеждународно-

го характера. При этом район военных действий определяется как территория (водное или воздушное пространство), охватывающая часть театра военных действий, на которой воюющие стороны ведут военные действия в форме стратегических операций. В свою очередь, под районом боевых действий понимается участок местности (водного или воздушного пространства), где части, соединения и объединения ведут боевые действия в форме боев, сражений, операций и ударов (Словарь основных военных терминов. С. 196).

Понятие «боевая обстановка» в теории военного искусства понимается однозначно и совпадает со своим, рассмотренным нами выше, содержанием.

Так, в Словаре основных военных терминов боевая обстановка определяется как совокупность различных факторов и условий, сложившихся к определенному сроку, в которых совершается подготовка и осуществляется ведение боя или операции. К ним относятся: состояние противника, состояние своих войск и соседей, степень радиоактивного и химического заражения местности и воздуха, характер местности и состояние дорожной сети, экономическое состояние района действий и морально-психологическое состояние населения, погода, время суток, года и т. д. (Там же. С. 27).

Советская военная энциклопедия дает в целом аналогичную, однако более точную формулировку понятия «боевая обстановка»: это совокупность факторов и условий, складывающихся в районе ведения боевых действий в определенное время и влияющих на подготовку и выполнение подразделений, частями и соединениями боевой задачи (Советская военная энциклопедия. Т. 7. С. 551).

При этом с понятием «боевая обстановка» связано понятие «боевые действия», которыми эта обстановка обусловлена. Понятие «военные действия» находится в связи с понятием уже большей степени общности – «стратегическая обстановка».

Временные рамки боевой обстановки теория военного искусства ограничивает сроками получения боевой задачи на ведение боевых действий подразделениями, частями, соединениями и выполнения боевой задачи.

Однако юридическая наука, в отличие от теории военного искусства, вкладывает в содержание понятия «боевая обстановка» различное значение, которое определяется сложившейся в современной юридической литературе практикой смыслового словоупотребления и правоприменения.

Так, с точки зрения науки уголовного права понятие «боевая обстановка» выступает квалифицирующим, или необходимым, признаком составов преступлений против военной службы. Это понятие, рассматриваемое в уголовно-правовом аспекте, предполагает, по мнению В. М. Чхиквадзе и М. Я. Савицкого, нахождение воинской части в непосредственном соприкосновении и близости с не-

приятельскими войсками. Боевая обстановка может создаваться не только на фронте, но и в тылу (например, во время воздушных налетов, высадки десанта и т. д.). Боевая обстановка может иметь место не только в военное время, но и в мирное время, когда, например, часть выполняет какое-либо боевое задание (Чхиквадзе В. М., Савицкий М. Я. Положение о воинских преступлениях (комментарий) / под ред. И. Т. Голякова. Ашхабад, 1943. С. 46).

Н. В. Васильев придерживается в целом аналогичной позиции, однако он более полно раскрывает содержание этого понятия. Так, он трактует понятие боевой обстановки как нахождение воинской части или подразделения в непосредственном соприкосновении с противником. Следовательно, для воинской части существует боевая обстановка, если часть ведет бой или же, получив приказ, приступает к осуществлению боевых действий. Причем в боевой обстановке воинская часть находится и в том случае, когда она, будучи расположенной в глубоком тылу, выполняет боевую задачу, например, в связи с налетом вражеской авиации, нападением при помощи средств дальнего поражения, высадкой десанта. В отдельных случаях боевая обстановка может возникнуть и в мирное время, например, при вторжении на территорию государства вооруженных банд, нападении на пограничную заставу и т. п. (Воинские преступления / Х. М. Ахметшин [и др.] ; под ред. Н. Ф. Чистякова. М., 1970. С. 55–56).

Точку зрения Н. В. Васильева также во многом разделяют Ю. Д. Северин и В. И. Радченко (Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1984. С. 487 ; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко. М., 1994. С. 453). В свою очередь, А. Г. Горный понимает под боевой обстановкой совокупность факторов и условий, в которых осуществляются подготовка и ведение боя (операции), т. е. он трактует понятие боевой обстановки с позиции теории военного искусства. Данный автор считает, что боевая обстановка может быть и в условиях мирного времени, например, в связи с локальными вооруженными конфликтами, вторжением на территорию государства воинских подразделений или вооруженных банд сопредельного го-

сударства, при нарушении неприкосновенности воздушного или морского пространства государства, а также при выполнении воинскими частями интернационального долга (Закон об уголовной ответственности за воинские преступления : комментарий / под ред. А. Г. Горного. М., 1986. С. 28).

По мнению Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева, боевая обстановка – это оперативная ситуация, характеризующаяся вооруженным столкновением либо угрозой такого столкновения воинского подразделения с противником. Она возможна как в военное, так и в мирное время. Боевая обстановка мирного времени может возникнуть в случае вооруженных действий негосударственных военных формирований, направленных против целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации (Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю. И. Скуратова и В. М. Лебедева. М., 1996. С. 526–527).

Мы солидарны с позицией Н. А. Петухова, согласно которой понятие «боевая обстановка», хотя и было разработано для боевых действий и является одним из понятий теории военного искусства, в большей мере выступает фактической (объективной), чем юридической категорией. В связи с этим оно может применяться как в военное, так и в мирное время, если войска решают в соответствии с боевыми приказами поставленные перед ними оперативные или тактические задачи с использованием имеющихся в их распоряжении сил и средств вооруженной борьбы. Именно такие задачи решались в период вооруженного конфликта в Чеченской Республике, поэтому при юридической оценке преступных действий виновных военнослужащих этот квалифицирующий признак должен учитываться (Петухов Н. А. История военных судов России / под ред., с предисл. В. М. Лебедева. М., 2003. С. 321–324).

Таким образом, в настоящее время актуальной является проблема законодательного закрепления в УК РФ однозначного доктринального толкования вышеперечисленных понятий с учетом понятийного аппарата теории военного искусства в целях совершенствования и упорядочивания правоприменительной практики в уголовном судопроизводстве.



Библиографический список

1. Маликов С. В. Военно-полевая криминалистика : монография / С. В. Маликов. – М., 2008.
2. Маликов С. В. Правовое обеспечение, организация и методика расследования преступлений в боевой обстановке : монография / С. В. Маликов. – М., 2004.
3. Маликов С. В. Расследование преступлений, совершенных военнослужащими в районах вооруженного конфликта : монография / С. В. Маликов. – М., 2004.

References

1. Malikov S. V. Martial Forensic Studies / S. V. Malikov. – M., 2008.
2. Malikov S. V. Legal Support, Organization and Methods of Investigating the Crimes in the Areas of Armed Conflicts / S. V. Malikov. – M., 2004.
3. Malikov S. V. Investigating the Crimes Committed by Militaries in the Areas of Armed Conflicts / S. V. Malikov. – M., 2004.

Д. Н. Мешков,
*доцент кафедры гражданского права и процесса
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук*
К. А. Куцепалов,
*студент 5-го курса Владимирского
государственного университета*

D. N. Meshkov,
*Associate Professor of the Department
of Civil Law and Process
of Vladimir State University
Candidate of Law*
K. A. Kutsepalov,
fifth-year student of Vladimir State University

**РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА НА ОСНОВАНИИ ПОДПУНКТА «Б» ПУНКТА 6 ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 81
ТРУДОВОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ**

**Cancellation of an Employment Contract Under Item «b» of Article 81 Part 2 of the Labour Code
of the Russian Federation: Problem Issues**

Аннотация. В статье авторы анализируют проблему увольнения работника за появление на рабочем месте в состоянии опьянения. Появление работника на работе в состоянии опьянения определяют как дисциплинарный проступок, влекущий за собой применение дисциплинарного взыскания. Раскрывают суть рекомендуемой последовательности действий работодателя, которая приведет к юридической «безопасности» увольнения работника.

Ключевые слова: увольнение, место работы, дисциплинарное взыскание.

Abstract. In this article the writers examine the problem of discharging employees for appearance in the workplace under the influence of alcohol. They point out that appearance of an employee in the workplace under the influence of alcohol is a breach of discipline which results in the application of a disciplinable action. The authors disclose the recommended sequence of actions of employers that lead to the juridical safety of employee layoff.

Key words: discharging, workplace, disciplinable action.

В настоящее время в большинстве крупных организаций с большим штатом очень часто возникает проблема, связанная с появлением сотрудника на работе в состоянии опьянения. Встречаются случаи, когда работник качественно и добросовестно выполняет свои обязанности, и руководство организации в течение какого-то времени может не обращать внимания на его некорректное поведение. Однако в итоге может встать вопрос о его увольнении. Причем уволить такого сотрудника или просто отстранить от работы достаточно сложно.

В современном российском трудовом законодательстве предусмотрено такое основание расторжения трудового договора по инициативе работодателя, как появление сотрудника на работе в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения. В данном случае не имеет значения, будет ли это трудовой договор, заключенный на неопределенный срок, либо срочный трудовой договор, так как факт появления на рабочем месте в состоянии опьянения считается однократным грубым нарушением трудовых обязанностей.

Пункт 6 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации (далее: ТК РФ) содержит перечень таких нарушений, в который, кроме всего прочего, входит появление сотрудника на работе в состоянии алкогольного, наркотического или

иного токсического опьянения. При этом следует иметь в виду п. 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 28 сентября 2010 г.) (далее: постановление Пленума Верховного Суда), в котором указано, что «перечень грубых нарушений трудовых обязанностей, дающий основание для расторжения трудового договора с работником по пункту 6 части первой статьи 81 Кодекса, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» (Рос. газ. 2004. 8 апр. ; 2010. 1 окт.).

В соответствии со ст. 192 ТК РФ появление работника на работе в состоянии алкогольного опьянения является дисциплинарным проступком, поэтому при применении к нему дисциплинарного взыскания необходимо учитывать положения ст. 193 ТК РФ, которая регламентирует порядок его применения.

Как справедливо утверждает В. И. Миронов, следует также учитывать, что «появление работника в состоянии опьянения на работе в нерабочее время не может рассматриваться в качестве дисциплинарного проступка, так как не связано с выполнением им трудовых обязанностей. Тогда как временем отдыха работник распоряжается по своему усмотрению, подчинение власти работодателя, в том числе и в части наложения дисциплинарных взысканий, ограничено рамками рабо-

чего времени» (Трудовое право России : учебник / под ред. В. И. Миронова. М., 2005. С. 176).

В соответствии с п. 42 постановления Пленума Верховного Суда состояние алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения может быть подтверждено как медицинским заключением, так и другими видами доказательств, которые должны быть соответственно оценены судом, однако в любом случае основным доказательством нахождения работника в состоянии опьянения будет медицинское заключение.

В настоящее время в ТК РФ не содержится специальных указаний, касающихся процедуры установления факта нахождения работника в состоянии опьянения. В таких случаях необходимо придерживаться положений Временной инструкции о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения, утвержденной Минздравом СССР 1 сентября 1988 г. № 06-14/33-14 (в ред. от 27 июля 2010 г.) (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») (далее: Инструкция).

Согласно данной Инструкции медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения производится в специализированных кабинетах наркологических диспансеров (отделений) психиатрами-наркологами или в лечебно-профилактических учреждениях психиатрами-наркологами и врачами других специальностей, прошедших соответствующую подготовку, как непосредственно в учреждениях, так и с выездом в специально оборудованных для этой цели автомобилях.

Д. Л. Щур и Л. В. Щур-Труханович справедливо отмечали, что «на основании медицинского освидетельствования формулируется заключение, в котором характеризуется состояние освидетельствуемого на момент обследования. Юридически значимым обстоятельством для увольнения работника по подпункту “б” пункта 6 части первой статьи 81 ТК РФ является не факт потребления алкоголя, а именно состояние опьянения – ведь возможно, что факт употребления алкоголя будет установлен, а признаки опьянения не будут выявлены» (Щур Д. Л., Щур-Труханович Л. В. Прекращение трудового договора: Комментарий к главе 13 Трудового кодекса РФ. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В законодательстве имеется ряд моментов, которые дают работнику, появившемуся на рабочем месте в состоянии опьянения, определенные преимущества. Так, сославшись на ст. 33 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», утвержденных Верховным Советом Российской Федерации 22 июля 1993 г. № 5487-1 (в ред. от 28 сентября

2010 г.) (далее: Основы законодательства), он вправе отказаться от прохождения медицинского освидетельствования. В этом случае ему должны быть разъяснены возможные последствия такого отказа, кроме того, отказ от медицинского освидетельствования должен оформляться в медицинской документации и подписываться отказавшимся от освидетельствования, а также медицинским работником (Рос. вести. 1993. 9 сент. ; Рос. газ. 2010. 30 сент.). В случае судебного спора выписка из медицинской документации может быть использована работодателем как одно из доказательств вины работника.

Вместе с тем Основы законодательства в некоторых случаях позволяют обязать работника пройти медицинское освидетельствование. Например, ст. 43 Основ законодательства уточняет следующее: применение медицинского освидетельствования без согласия гражданина допускается, если он страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих, либо иными тяжелыми психическими расстройствами.

В случае, если работник ведет себя агрессивно, вызывая или отказывается покинуть рабочее место, работодатель вправе вызвать сотрудников милиции. При этом следует иметь в виду, что данный вопрос не регламентируется ни Законом Российской Федерации «О милиции» от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 (в ред. от 22 июля 2010 г.) (далее: Закон о милиции) (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета РСФСР. 1991. 18 апр. ; Рос. газ. 2010. 26 июля), ни каким-либо иным нормативным правовым актом.

Общественные отношения, наиболее близкие описываемым, регулируются п. 11 ст. 11 Закона о милиции. Данная норма гласит, что милиция имеет право доставлять в медицинские учреждения лиц: 1) находящихся в общественных местах в состоянии опьянения (обязательным критерием при этом является утрата способности самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке); 2) могущих причинить вред окружающим или себе; 3) находящихся в жилище – по письменному заявлению проживающих там граждан, если есть основания полагать, что поведение указанных лиц представляет опасность для их здоровья, жизни и имущества.

На настоящий момент точного законодательного определения термина «общественное место» нет, однако ряд нормативных правовых актов (Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 23 июля 2010 г.) (Рос. газ. 2001. 31 дек. ; 2010. 27 июля), Закон о милиции, Федеральный закон от 7 марта 2005 г. № 11-ФЗ «Об ограничениях розничной продажи и потребления (распития) пива и напитков, изготавливаемых на его основе» (Парламент. газ. 2005. 14 мар-

та) и иные) трактуют это понятие как улицы, парки, дворы домов, подъезды, лестничные клетки, общественный транспорт, театры, кинотеатры, пляжи и другие места.

В то же время наука административного права предлагает определенную классификацию общественных мест: 1) общественные места постоянного пользования – улицы, площади, скверы, транспортные магистрали и т. п.; 2) общественные места временного пользования – магазины, театры, стадионы и т. д.; 3) эпизодические общественные места – лес, горный склон, озеро, река, когда там, например, проводятся те или иные мероприятия, и т. д. (Административное право : учебник / под ред. Л. Л. Попова. М., 2005. С. 290).

В соответствии со ст. 291 ТК РФ рабочее место – это место, где работник должен находиться или куда ему необходимо прибыть в связи с его работой и которое прямо или косвенно находится под контролем работодателя. Из этого следует, что рабочее место не является общественным местом. Однако бывают и исключения, например, магазины могут быть одновременно и местом работы продавцов, менеджеров, уборщиков, а также других работников, и общественным местом. К числу таких рабочих мест можно отнести и горнолыжные спуски, театры, стадионы. Некоторые профессии вообще связаны с продолжительным нахождением на улице или иных общественных местах (например, раздача рекламных листовок). Очевидно, что работодателям таких организаций гораздо легче уволить работника, нежели работодателям предприятий, заводов, рабочие места которых общественными не являются.

При вызове сотрудников правоохранительных органов следует также обратить внимание на ст. 44 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 18 июля 2009 г.) «О наркотических средствах и психотропных веществах», которая гласит: «...лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что оно больно наркоманией, находится в состоянии наркотического опьянения либо потребило наркотическое средство или психотропное вещество без назначения врача, может быть направлено на медицинское освидетельствование» (Рос. газ. 1998. 15 янв. ; 2009. 21 июля).

Работодатели иногда совершают грубую ошибку, вызывая врачей «скорой помощи» для фиксации факта алкогольного опьянения. В соответствии с Инструкцией, как было отмечено выше, подобное медицинское освидетельствование могут производить только психиатры-наркологи в специально оборудованных для этой цели автомобилях. Очевидно, что врачи «скорой помощи» таковыми не являются, к тому же у них нет соответствующих автомобилей.

Как же еще можно привлечь работника к ответственности, если он отказывается от прохож-

дения медицинского освидетельствования? В соответствии с положением постановления Пленума Верховного Суда состояние алкогольного, наркотического или токсического опьянения может быть подтверждено как медицинским заключением, так и другими видами доказательств. Такими доказательствами могут быть: акт о появлении на работе в состоянии опьянения, приказ об отстранении от работы, свидетельские показания других работников (в том числе службы охраны), записи камер видеонаблюдения и др.

Рассмотрим каждое из этих доказательств подробнее. Трудовое законодательство не содержит требований к оформлению акта о появлении работника на работе в состоянии алкогольного опьянения. Однако очевидно, что в нем должны содержаться сведения: о месте, дате, времени составления акта; о лице, в отношении которого акт составлен; о лице, составившем акт; о лицах, присутствующих при составлении акта; признаках, дающих основание полагать, что работник находится в состоянии алкогольного опьянения, – а также подписи составителя акта и лиц, присутствующих при его составлении. При этом описывать состояние работника нужно подробно, полностью, уделяя внимание всем деталям (запах алкоголя, несвязная речь, шаткая походка), так как при отсутствии медицинского заключения данный акт становится одним из основных доказательств. Далее, в соответствии с ч. 1 ст. 193 ТК РФ работодатель должен затребовать от работника письменного объяснения по данному факту. Если по истечении двух рабочих дней указанное объяснение работником не будет предоставлено, то составляется акт об отказе дачи письменного объяснения по существу совершенного дисциплинарного проступка.

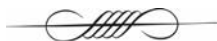
При получении свидетельских показаний необходимо обратить внимание на их объективность и беспристрастность. Работники, дающие показания, не должны находиться в ссоре с увольняемым работником, претендовать на его место или быть иным образом заинтересованы в его увольнении, иначе суд может найти основания для того, чтобы не доверять показаниям данных лиц.

На записях камер видеонаблюдения должны быть хорошо отражены состояние работника, дата, место, время видеозаписи. При сборе доказательств работодателям необходимо иметь в виду, что суд будет оценивать их на предмет относимости, достоверности и допустимости.

В случае составления приказа об увольнении работника должны с ним ознакомить в течение трех дней под подпись и вручить ему копию приказа. Если увольняемый отказывается подписать приказ, то об этом составляется акт, который подписывается руководителем и двумя свидетелями.

Для того чтобы увольнение работника, появившегося на рабочем месте в состоянии опьянения, состоялось на законных основаниях и без проблем, работодатель должен иметь следующий пакет документов: медицинское заключение, акт о появлении работника на работе в состоянии алкогольного опьянения, акт об отстранении его от работы, письменные объяснения уволенного работника по факту нахождения на рабочем месте в состоянии опьянения. Кроме

того, желательно наличие нескольких свидетелей и по возможности записи с камеры видеонаблюдения. В заключение отметим, что поскольку увольнение работника «за пьянство» в большинстве случаев может крайне негативно сказаться на его дальнейшей карьере, то существует большая вероятность того, что в дальнейшем работодателю придется отстаивать свое решение в суде, где и пригодятся вышеперечисленные доказательства.



Библиографический список

1. Трудовой кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 197-ФЗ : в ред. от 25 нояб. 2009 г. № 267-ФЗ] // Рос. газ. – 2001. – 31 дек. ; 2009. – 27 нояб.
2. Временная инструкция о порядке медицинского освидетельствования для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения (утв. Минздравом СССР 01.09.1988 № 06-14/33-14, с изм. от 27.07.2010). – Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Доказательства и доказывание в судебном процессе. Судебная практика. – М., 2010. – (Практика применения законодательства).
4. Трудовое право : учеб. для вузов / под ред. В. И. Миронова. – СПб., 2009.
5. Трудовое право России : учебник / под ред. В. И. Миронова. – М., 2005.

References

1. The Labour Code of the Russian Federation : [federal law of December 30, 2001 № 197 : revised on November 25, 2009] // Rossiyskaya Gazeta. – 2001. – December 31 ; 2009. – November 27.
2. Temporary Instruction on the Procedure of Medical Examination for Disclosing the Fact of Alcohol Consumption and the State of Intoxication (approved by the Ministry of Health of the USSR on 01.09.1988 № 06-14/33-14, as amended of 27.07.2010). – The document was not published. Access from the information-legal system «ConsultantPlus».
3. Proofs and Proving in Legal Proceedings. Judicial Practice. – М., 2010. – (Practice of Law Enforcement).
4. Labour Law / ed. by V. I. Mironov. – SPb., 2009.
5. Labour Law of Russia / ed. by V. I. Mironov. – М., 2005.

А. С. Мограбян,
*аспирант кафедры гражданского права и процесса
 Волгоградского государственного университета*

A. S. Mograbyan,
*post-graduate student of the Department
 of Civil Law and Process
 of Volgograd State University*

ВНЕШНИЙ ОБЛИК ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА: НЕМАТЕРИАЛЬНОЕ БЛАГО ИЛИ НЕИМУЩЕСТВЕННОЕ ПРАВО?

Individual's Appearance: Non-material Value or a Non-property Right?

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения понятия «внешний облик человека», выявлению основных его признаков. Особое внимание уделяется закреплению в законодательстве права на охрану изображения гражданина. Автор приходит к выводу, что внешний облик представляет собой личное нематериальное благо, а право на неприкосновенность внешнего облика человека включает в себя как право на неприкосновенность личного изображения, так и право на физическую неприкосновенность внешнего облика.

Ключевые слова: внешний облик физического лица, субъективное право на неприкосновенность внешнего облика, личное нематериальное благо, неимущественное право, охрана изображения гражданина, право на физическую неприкосновенность внешнего облика.

Abstract. The article is devoted to the problem of defining the concept of «a person's appearance» and revealing its basic features. Special attention is focused on the entrenchment of the right to a citizen's image protection in the legislation. The author comes to the conclusion that a person's appearance is a personal non-material value, and the right to inviolability of a person's appearance includes both the right to inviolability of a personal image and the right to physical inviolability of their appearance.

Key words: individual's appearance, subjective right to inviolability of appearance, personal non-material value, non-property right, protection of a citizen's image, right to the physical inviolability of appearance.

В 90-е гг. XX в. гражданское законодательство закрепило возможность защиты «неотчуждаемых прав и свобод человека и других нематериальных благ» присущими ему способами. Однако, несмотря на это, ни в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее: ГК РФ), ни в иных источниках гражданского права не содержится легального определения нематериальных благ. Кроме того, большинство из них сконструированы таким образом, что порождают немало споров, в том числе касающихся понятийного аппарата. Например, в ст. 150 ГК РФ «Нематериальные блага», несмотря на ее название, говорится как о нематериальных благах, так и о личных неимущественных правах, причем диспозиция данной статьи не позволяет однозначно определить, тождественны ли эти понятия или же представляют собой разные явления. В частности, в п. 1 ст. 150 ГК РФ названные выше понятия употребляются в следующих сочетаниях: с одной стороны, «...личные неимущественные права и другие нематериальные блага...», с другой – «...иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага». Кроме того, в п. 2 ст. 2 ГК РФ говорится, что «неотчуждаемые права и свободы человека и другие нематериальные блага защищаются гражданским законодательством...». Такая неопределенность порождает проблему соотношения понятий «нематериальное благо» и «неимущественное право», к решению которой в науке подходят по-разному.

Одни авторы полагают, что неправильно говорить о личных неимущественных правах, поскольку они вовсе не являются субъективными гражданскими правами. В частности, по мнению В. А. Тархова, вообще не может быть субъективных прав на объекты, не отделяемые от личности, субъекта, поэтому правильнее говорить не о личных правах, а о личных благах, ибо пользование ими не имеет юридического характера, а правовые отношения возникают с их нарушением (Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1973. С. 378). С этим автором солидарна Р. О. Халфина, считающая, что «для охраны личных благ нет необходимости в конструкции какого-то правоотношения, так как оно было бы настолько неопределенным, что никакой полезной функции не выполнило бы» (Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 124).

Другие авторы высказывают мнение о том, что все личные неимущественные права, в том числе не связанные с имущественными, являются субъективными правами, которые имеют в качестве своего объекта нематериальные блага со всеми вытекающими из этого постулата последствиями (Матузов Н. И. Вопросы теории субъективных прав граждан // Сов. государство и право. 1961. № 4 ; Недбайло П. Е. Субъективные права // Правоведение. 1961. № 4. С. 18 и др.).

Третьи признают существование нематериальных благ наряду с личными неимущественными правами, причем различие их видят в том, что первые приобретаются гражданами от рож-

дения, последние предоставляются гражданам и юридическим лицам в силу закона (Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации / под ред. О. Н. Садикова. М., 1999. Ч. 1. С. 329).

Согласно действующему гражданскому законодательству понятие «нематериальное благо» является собирательным, относящимся как к самому благу, так и к личным неимущественным правам.

М. Н. Малеина считает некорректным объединение в одном термине прав и благ, так как личное неимущественное право и его объект, несмотря на то, что тесно взаимосвязаны, тем не менее не тождественны. Она предлагает уточнить данный в п. 1 ст. 150 ГК РФ перечень нематериальных благ, исключив из него неимущественные права (Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан (понятие, осуществление, защита) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 9).

Действительно, нематериальные блага и личные неимущественные права – это разные понятия. Личные неимущественные права являются предоставленными в силу закона субъективными правами, имеющими в качестве объекта нематериальные блага, приобретенные гражданами от рождения. К такому же выводу пришел и В. П. Кацалов. Анализируя ст. 150 ГК РФ, он отмечал, что «...в правовом смысле отделить личное неимущественное право от нематериального блага очень сложно, но соотносить данные категории вполне возможно. Так как личные неимущественные права возникают по поводу благ, которые лишены экономического содержания, личными неимущественными являются права на нематериальные блага» (Кацалов В. П. Частная жизнь как правовая категория // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. Н. Новгород, 1999. С. 200–201).

Таким образом, личное неимущественное право представляет собой субъективное право, определяемое в теории как мера возможного для правообладателя поведения, а нематериальное благо есть объект указанного права, то, на что поведение правообладателя направлено.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что внешний облик представляет собой нематериальное благо, предоставленное каждому от рождения, и является объектом субъективного права на неприкосновенность внешнего облика.

Следует отметить, что в действующем законодательстве не содержится определения понятия «внешний облик». Ученые также расходятся во мнениях по данному вопросу.

Так, М. Н. Малеина использует такое понятие, как индивидуальный облик (вид), понимая под ним совокупность таких сведений о лице, которые можно получить, не прибегая к специальным исследованиям (внешность, фигура, физические

данные, одежда) (Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2001. С. 124).

Представители криминалистической науки определяют внешний облик как неразрывную совокупность наружных элементов и признаков, воспринимаемых окружающими в виде целого или фрагментарного образа (Цветков П. П. О криминалистическом исследовании внешнего облика человека // Правоведение. 1972. № 2. С. 124).

Однако прежде чем дать четкое определение понятия «внешний облик», необходимо выявить его основные признаки. Внешний облик обладает общими и специфическими признаками.

Общими являются признаки, присущие любым нематериальным благам. К таковым относятся:

- нематериальный характер. Внешний облик не имеет материального (имущественного) содержания, что проявляется в невозможности его точной оценки;

- личный характер. Внешний облик неразрывно связан с личностью его обладателя;

- индивидуальность. Внешний облик обладает свойством индивидуализации самой личности его обладателя, делает его неповторимым, непохожим на других;

- неотчуждаемость. Внешний облик не может быть отделен от личности его обладателя, он характеризует общественное состояние его обладателя и является его неотъемлемым, хотя и подверженным изменениям, качеством в течение всего периода его существования. Внешний облик, как и иные нематериальные блага, существует без ограничения срока его действия.

Специфическими называются признаки, которые присущи только внешнему облику. Среди них выделяют:

- направленность на обеспечение физической неприкосновенности личности;

- подверженность качественным изменениям. Внешний облик личности меняется на протяжении всего периода его существования, причем изменения происходят как в результате вмешательства (хирургическая операция, смена имиджа и т. д.), так и вне зависимости от такового (возрастные изменения).

Таким образом, внешний облик личности представляет собой неотделимое от личности и индивидуализирующее ее личное нематериальное благо, направленное на обеспечение физической неприкосновенности человека, включающее в себя совокупность всех внешних признаков физического лица, воспринимаемых окружающими как единое целое или как части целого, подверженных качественным изменениям на протяжении всего периода его существования.

В ГК РФ внешний облик человека не назван в качестве нематериального блага и не сформулиро-

вано право на внешний облик. В законодательстве содержится лишь одна из составляющих данного права – право на изображение гражданина. В юридической литературе отмечалось, что если речь идет о праве на изображение, объектом выступает внешность, а не изображение (Тагайназаров Ш. Т. Гражданско-правовое регулирование личных неимущественных прав граждан в СССР. Душанбе, 1990. С. 170). Однако, на наш взгляд, следует согласиться с точкой зрения, согласно которой право на изображение является одной из составляющих права на внешний облик (Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан... С. 125).

С 1 января 2008 г. вступила в силу ст. 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина», где говорится, что «обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина (в том числе его фотографии, а также видеозаписи или произведения изобразительного искусства, в которых он изображен) допускаются только с согласия этого гражданина. После смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей». Вместе с тем законом предусмотрены и некоторые исключения из этого правила. Так, согласие гражданина не требуется в случаях, когда: 1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах; 2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводится в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования; 3) гражданин позировал за плату.

Профессор А. М. Эрделевский рассматривает изображение гражданина и в другом аспекте – как объект авторского права: «Если изображение гражданина является полностью или частично результатом его творческой деятельности, то он признается автором или соавтором изображения как объекта авторского права» (Эрделевский А. М. Об охране изображения гражданина // Законодательство. 2007. № 7. С. 9–13). В соответствии со ст. 1259 ГК РФ к объектам авторских прав относятся, в частности, произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства, а также фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии.

Таким образом, обнародование изображения лица без его согласия также является нарушением личного неимущественного права автора на обнародование произведения, а использование произ-

ведения без согласия автора – нарушением исключительных прав автора на использование произведения. Статья 1281 ГК РФ устанавливает срок действия исключительного права на произведение – «в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора». В соответствии со ст. 1282 ГК РФ по истечении срока действия исключительного права произведение науки, литературы или искусства, как обнародованное, так и необнародованное, переходит в общественное достояние и может свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты авторского вознаграждения. При этом охраняются авторство, имя автора и неприкосновенность произведения. Перешедшее в общественное достояние необнародованное произведение может быть обнародовано любым лицом, если только обнародование произведения не противоречит воле автора, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и т. п.). Однако когда речь идет об обнародовании произведения, содержащего изображение лица, то, помимо воли автора произведения, направленной на его обнародование, необходимо и согласие изображенного гражданина или других лиц, указанных в ст. 152.1 ГК РФ.

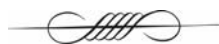
До 1 января 2008 г. право на изображение регулировалось ст. 514 «Охрана интересов гражданина, изображенного в произведении изобразительного искусства» ГК РСФСР 1964 г., согласно которой «опубликование, воспроизведение и распространение произведения изобразительного искусства, в котором изображено другое лицо, допускается лишь с согласия изображенного, а после его смерти – с согласия его детей и пережившего супруга. Такого согласия не требуется, если это делается в государственных или общественных интересах либо изображенное лицо позировало автору за плату» (Гражданский кодекс РСФСР : [утвержд. Верхов. Советом РСФСР 11 июня 1964 г.] // Ведомости Верхов. Совета РСФСР. 1964. № 24, ст. 407).

В учебнике по гражданскому праву под редакцией Е. А. Суханова право на изображение рассматривается в качестве самостоятельного личного неимущественного права, отличного от права на неприкосновенность внешнего облика (Гражданское право : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2006. Т. 2 : Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права. С. 428–430). В гражданском законодательстве также получило отражение только право на изображение. Однако в юридической литературе отмечалось, что если речь идет о праве на изображение, объектом выступает внешность (а не изображение) (Тагайназаров Ш. Т. Указ. соч. С. 170).

На наш взгляд, право на неприкосновенность внешнего облика – широкое понятие, включающее в себя и право на неприкосновенность личного изображения, и право на физическую неприкосновенность внешнего облика, связанное и с правом на жизнь, и с правом на здоровье, и с правом на личную неприкосновенность. Поскольку в некоторых случаях с нарушением права на неприкосновенность внешнего облика связано нарушение права на личную неприкосновенность, возникает угроза жизни и здоровью человека, например, в случае незаконного хирургического вмешательства. Так, известен случай, когда электроэнцефалограф показал прекращение деятельности мозга пациента (т. е. смерть), врачи извлекли из организма два глаза, левое легкое, одну почку, треть костного мозга и несколько кусочков кожи. После пересадки этих органов и тканей другим больным-реципиентам

медсестра неожиданно обнаружила, что электроэнцефалограф не работал, а пациент в действительности жив. В судебном порядке пациент потребовал от больницы возмещения причиненного ему ущерба (Покойник ожил в некомплектном виде // Биржа «АиФ». 1995. № 5).

Полагаем, что введение ст. 152.1 ГК РФ – большой шаг вперед в сфере регулирования права личности на неприкосновенность внешнего облика, но действующее законодательство в названной сфере еще нуждается в совершенствовании. Прежде всего, необходимо внести изменения в п. 1 ст. 150 ГК РФ, включив в перечень нематериальных благ внешний облик личности, а также дополнить гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита» статьей, содержащей определение понятия «внешний облик физического лица» и положения о правовом регулировании права на неприкосновенность внешнего облика личности.



Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : [федер. закон : принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. : по состоянию на 27 дек. 2009 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301 ; 2009. – № 52, ч. 1, ст. 6428.
2. Кацалов В. П. Частная жизнь как правовая категория / В. П. Кацалов // Право граждан на информацию и защита неприкосновенности частной жизни. – Н. Новгород, 1999.
3. Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита / М. Н. Малеина. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2001.
4. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В. А. Тархов. – Саратов, 1973.
5. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М., 1974.
6. Эрделевский А. М. Об охране изображения гражданина / А. М. Эрделевский // Законодательство. – 2007. – № 7.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part 1) : [federal law : adopted by the State Duma on October 21, 1994 : in the edition of December 27, 2009] // Collection of the Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32, art. 3301 ; 2009. – № 52, p. 1, art. 6428.
2. Katsalov V. P. Private Life as a Legal Category / V. P. Katsalov // The Right of Citizens to Information and Protection of Inviolability of a Private Life. – N. Novgorod, 1999.
3. Maleina M. N. Personal Non-property Rights of Citizens: Concept, Realization, Protection / M. N. Maleina. – 2nd ed., rev. and suppl. – M., 2001.
4. Tarkhov V. A. Liability in the Soviet Civil Law / V. A. Tarkhov. – Saratov, 1973.
5. Khalfina R. O. General Study of Legal Relationship / R. O. Khalfina. – M., 1974.
6. Erdelevskiy A. M. On the Protection of a Citizen's Image / A. M. Erdelevskiy. – Legislation. – 2007. – № 7.

А. А. Озеров,
директор ООО «Группа компаний «Привилегия»»

A. A. Ozerov,
Director of Privilege Group, LLC

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ИНДИВИДОВ В МОНИТОРИНГЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВА

Some Problems of Participation of Citizens in Lawmaking Activity Monitoring

Аннотация. В статье раскрываются вопросы участия граждан в процессе мониторинга правотворчества. Рассматриваются теоретическая и практическая возможность их участия в мониторинге, а также основные проблемы, которые препятствуют полноценному внедрению данного явления в правовую систему России.

Ключевые слова: мониторинг, правотворчество, граждане, индивиды, закон.

Abstract. The given article deals with the problems of participation of citizens in the process of lawmaking activity monitoring. The author considers the theoretical and practical possibility of participation of citizens in this monitoring as well as the basic problems which interfere with a full-scale introduction of the given phenomenon in the legal system of Russia.

Key words: monitoring, lawmaking process, citizens, individuals, law.

В настоящее время в юридической науке появляется все больше работ, посвященных вопросам исследования мониторинга правотворчества. Однако при изучении данного явления, в частности субъектов мониторинга, многие авторы упускают из виду такую проблему, как возможность участия индивидов в мониторинге. Возможность участия индивидов как самостоятельных субъектов в мониторинге правотворчества представляется весьма неоднозначным явлением. Исследование данной проблемы позволит установить границы этого участия, а также его практическую ценность для российского права.

В настоящее время существуют различные точки зрения по данному вопросу. Одни авторы признают возможность участия индивидов в мониторинге (Кравченко Л. А. Мониторинг правового поля РФ: Состояние и перспективы // Государственная власть и местное самоуправление. 2003. № 5. С. 3–4), другие отрицают (Крызов С. Б. Участие уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации в мониторинге законодательства и правоприменительной практики // Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики : материалы второй всерос. науч.-практ. конф. М., 2004. С. 80). Некоторые придерживаются такого мнения, в соответствии с которым полноценное участие индивидов в мониторинге невозможно, однако возможно участие на бытовом уровне, уровне своих потребностей, что, в свою очередь, способствует снижению уровня правового нигилизма (Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2006. С. 90).

Рассмотрение этого вопроса необходимо начинать с определения основы данного вида субъектов. Если использовать в качестве такой основы категорию «Человек», подразумевая единичную

человеческую особь, действительного основателя государства, права и всей правовой системы, то, вне всякого сомнения, Человек является субъектом мониторинга. Человека можно считать и первоосновой всех субъектов мониторинга правотворчества. Его первичность обуславливается, во-первых, генетически, индивиды и юридические лица не просто происходят от Человека, но и продолжают поддерживаться его волей, сознанием, действиями, а во-вторых, особой правовой значимостью и ценностью. Любой субъект мониторинга правотворчества имеет значение и всякий смысл только в соотношении с Человеком (Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 248, 253–260). В данном смысле Человек не только принимает участие в мониторинге, но и фактически определяет его направления.

Если говорить об участии индивида в мониторинге как субъекта, обладающего гражданскими правами и обязанностями, подразумевая под ним правоспособное физическое лицо, то все представляется не так однозначно.

Разумеется, участие граждан в системе мониторинга необходимо и имеет огромное значение, однако в условиях настоящей правовой действительности затруднено. Участие граждан в мониторинге законодательства, процессов правотворчества и в целом в определении правовой политики государства закреплено в Конституции Российской Федерации. При этом она не содержит конкретного указания на право проведения мониторинга правотворчества, поскольку мониторинг – это новая правовая сфера, новое правовое явление, еще не нашедшее пока полноценного отражения в законодательстве Российской Федерации. Однако анализ основных прав и свобод, закрепленных Конституцией Российской Федерации, позволяет с большой долей уверенности полагать, что граждане имеют достаточно прав для реализации мониторинга. Так, ст. 32 Консти-

туции Российской Федерации предоставляет гражданам право участия в управлении делами государства, правом избирать и быть избранными, право отправления правосудия и право допуска к государственной службе. Право граждан на управление делами государства неразрывно связано с принципом народовластия. Предоставление таких прав юридически обеспечивает реализацию данного принципа, включение граждан в процессы принятия властных политических решений, в том числе возможность участия в процессах правотворчества. Статьи 30 и 31 Конституции Российской Федерации предоставляют гражданам право участвовать в различных объединениях и союзах, а также право собираться, проводить пикеты и митинги. Согласно ст. 33 Конституции Российской Федерации граждане имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы. Вышеприведенные положения Конституции Российской Федерации являются важным средством осуществления и защиты прав граждан и, пожалуй, наилучшим образом отражают действительные полномочия граждан при осуществлении мониторинга правотворчества. Содержание ст. 33 Основного закона нашло продолжение в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (Рос. газ. 2006. 5 мая). Согласно этому закону граждане вправе обращаться в любой государственный орган с предложениями внесения рекомендаций по совершенствованию законов и иных нормативных актов, деятельности государственных и муниципальных органов, развитию общественных отношений, улучшению социально-экономической и иных сфер деятельности государства и общества. Кроме того, гражданин может обратиться с жалобой на какие-либо действия и прочие нарушения его прав с просьбой о содействии ему в реализации своих конституционных прав и свобод. Государственные органы обязаны объективно, всесторонне и своевременно рассмотреть обращение и дать ответ, а в случае необходимости принять меры по устранению нарушений прав и свобод гражданина. Таким образом, российское законодательство представляет широкий набор прав для осуществления мониторинга физическими лицами.

При наличии возможности в осуществлении мониторинга особое значение имеют воля и инициатива граждан. Российское общество и правовая система государства устроены таким образом, что практически каждый гражданин следит за изменениями законодательства, реализует свои права, формирует свое мнение относительно природы, качества и необходимости нормативных актов. Иногда это происходит неосознанно, помимо его воли. Отечественное законодательство находится в

стадии постоянной трансформации, практически каждый месяц принимаются, отменяются или вступают в силу важные нормативные акты, и, как правило, отдельные отрасли в результате своего изменения затрагивают рано или поздно каждого человека. Так, например, изменения законодательства в области административных правонарушений, а также таможенного права традиционно вызывают широкий общественный резонанс. При негативном воздействии новых норм права граждане нередко пользуются своими правами, предоставленными Конституцией Российской Федерации, желая довести свое мнение до органов власти. Разумеется, такие сигналы при поступлении в компетентные органы не должны оставаться без внимания. В западных странах, например, подобные предложения граждан тщательно изучаются, анализируются и нередко приводят к изменению или отмене введенных норм либо к введению необходимых. В России пока такие случаи – редкость.

Участие в мониторинге в части отслеживания изменений законодательства осуществляется большинством граждан через средства массовой информации. Ежедневно телевизионные и радиопрограммы доводят до сведения граждан информацию об изменениях правовых норм. Печатные средства массовой информации (газеты, журналы и официальные государственные вестники) доводят информацию до граждан, публикуя основные законы и комментарии к ним.

Кроме неосознанного мониторинга, граждане осуществляют мониторинг целенаправленно. Как правило, подобная деятельность осуществляется на профессиональной или научной основе. Относительно профессионального мониторинга необходимо отметить, что он осуществляется гражданами в результате их профессиональной деятельности. Такой мониторинг ежедневно проводят работники различных коммерческих и правовых структур. Следователи, судьи, работники органов прокуратуры, бухгалтеры, кадровые менеджеры, аудиторы – вот далеко не полный перечень лиц, профессионально занимающихся мониторингом законодательства. Автор настоящей статьи осознанно отделяет работников государственных органов от самих органов. При ежедневной работе с законодательством сотрудники различных государственных структур, органов и коммерческих предприятий формируют свое личное мнение относительно той или иной нормы, нередко отличающееся от официального мнения органа или компании. Соответственно носителем идей и мнений и как следствие субъектом мониторинга выступает физическое лицо.

Особым и наиболее важным с точки зрения гражданского мониторинга выступает научный мониторинг. Он имеет наибольшее значение, так как научно обоснован, его цели и практическая

ценность конкретно сформулированы. Данный мониторинг, как правило, осуществляется лицами, имеющими не только профильное высшее образование, но и ученую степень или звание. Особо ценным представляется этот вид мониторинга еще и потому, что указанные субъекты не только не боятся высказывать идеи, мысли и предложения, но и заранее настроены на доведение результатов своей деятельности до широкого круга общественности. Формами подобного мониторинга могут выступать различные научные труды, официальные предложения по улучшению и изменению сложившейся ситуации в различных областях права.

Таким образом, гражданский мониторинг можно подразделить на три вида:

1. Обыденный мониторинг.
2. Профессиональный мониторинг.
3. Научный мониторинг.

Однако, несмотря на возможность активного участия граждан в мониторинге правотворчества, остаются нерешенными вопросы, препятствующие достижению качественных результатов мониторинга. Мониторинг как система действий ценен не сам по себе, а только когда он направлен на достижение определенных целей. Недостаточно отслеживать правовые отношения, результаты реализации права и изменения законодательства, необходимо информировать компетентные органы об итогах проделанной работы. В связи с этим возникают две основные проблемы: а) отсутствие инициативы граждан; б) отсутствие интереса и понимания со стороны государства. Разумеется, нельзя говорить об этих проблемах как об абсолютной норме для нашего государства. Короткая история Российской Федерации знает примеры проявления гражданской активности и оперативной согласованной работы государства в данной сфере. Однако в целом же ситуация – сложная. Так, по результатам социальных опросов, проведенных фондом «Общественное мнение», более 50 % граждан не доверяют властным институтам (Межличностное и институциональное доверие. База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_rei/d082621); 33 % граждан оценивают работу Государственной Думы Российской Федерации плохо, 19 % – очень

плохо (Оценки работы органов власти. База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_rei/dd050427); 33 % граждан часто нарушают законы, 36 % опрошенных считают, что законы Российской Федерации плохие (Российский закон: их соблюдение и нарушение. База данных ФОМ. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/power/pow_law/d080923).

При сложившейся ситуации ожидать активных действий в области мониторинга правотворчества со стороны граждан не приходится. Во многом осуществлению правового мониторинга препятствует правовой нигилизм граждан. Сегодня среди источников правового нигилизма основным является кризисное состояние российского общества. Экономическая нестабильность, социальная напряженность, внутренний сепаратизм, коррупция не только не способствуют сокращению нигилизма, но и всячески приумножают его (Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» // Правоведение. 1994. № 2. С. 3–16).

Правовой нигилизм либо наивный правовой идеализм, неразвитость институтов гражданского общества, низкая правовая культура – вот главные препятствия на пути внедрения гражданского мониторинга.

Другой серьезной проблемой является незаинтересованность государства в инициативах со стороны граждан, а также простое непонимание их идей и проектов. Как показывает практика, инициативы, не совпадающие с основным политическим курсом, часто не принимаются во внимание, а в некоторых случаях находят серьезное противодействие со стороны государства. Помимо незаинтересованности, трудности возникают из-за бюрократизма и коррупции, постоянных «спутников» государственного аппарата.

Несмотря на существующие сложности, мониторинг правотворчества, осуществляемый гражданами, – это реальность, однако только налаживание диалога между властью и гражданами, развитие институтов гражданского общества и повышение качества жизни граждан позволят осуществлять его в полной мере, с пользой для государства и общества.



Библиографический список

1. Архипов С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. – СПб., 2004.
2. Жужгов И. В. Мониторинг правового пространства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук / Жужгов Игорь Владимирович. – Ставрополь, 2006.
3. Матузов Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм как две стороны «одной медали» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2.

References

1. Arkhipov S. I. The Subject of Law: Theoretical Research / S. I. Arkhipov. – SPb., 2004.
2. Zhuzhgov I. V. Monitoring of the Legal Space of the Russian Federation / Zhuzhgov Igor Vladimirovich. – Stavropol, 2006.
3. Matuzov N. I. Legal Nihilism and Legal Idealism as Two Sides of the Same Coin / N. I. Matuzov // Jurisprudence. – 1994. – № 2.

Д. В. Пожарский,
докторант кафедры
государственно-правовых дисциплин
Академии управления МВД России
кандидат юридических наук, доцент

D. V. Pozharskiy,
applicant for the doctoral degree
of the Department of State and Law Studies
of the Academy of Management of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИОННОЙ И ПОНЯТИЙНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Protective Function of a State: Problems of Identity of Classification and Concept

Аннотация. Статья посвящена проблеме функций государства. Освещаются основные проблемы классификации и понятия функций государства. Подробно анализируются методологические проблемы охранительной деятельности государства, которая рассматривается в качестве одной из главных функций современного государства.

Ключевые слова: функция государства, охранительная деятельность государства, проблемы классификации, проблемы идентичности, обеспечивающий характер.

Abstract. The paper considers functions of a state. The major problems of classification and concept of the state functions are revealed. The author analyzes in detail the methodological problems of the protective activity which is presented as one of the basic functions of a modern state.

Key words: functions of a state, protective function of a state, classification problems, identity problems, ensuring character.

Теория и методология проблем, связанных с деятельностью государства по управлению обществом, как и прежде, находятся в центре внимания юридической науки. В известной степени это объясняется тем, что при рассмотрении практически любой грани или аспекта государственно-правового бытия так или иначе обнаруживается связь – большая или меньшая – с вопросами функционирования государства.

Отечественными учеными накоплен значительный теоретико-методологический «капитал» в данной области, благодаря чему проблематика функций государства стала едва ли не наиболее емкой по содержанию и обилию научного материала.

Однако сегодня многие фундаментальные положения о социальной роли и значении государства, не так давно казавшиеся аксиоматичными, требуют научного уточнения применительно к существенно изменившейся социальной действительности. На данное обстоятельство весьма точно указал в свое время П. И. Новгородцев: «Эволюция государства... касается, прежде всего, его функций, но это изменение функций не может не отразиться и на его организации» (Новгородцев П. И. Сочинения / сост. и вступ. ст. и примеч. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М., 1995. С. 19).

Кардинальные изменения сущностных характеристик Российского государства, произошедшие в последнее время, значительно повлияли на всю систему функций государства и каждую из них в отдельности. Не составила исключения и охранительная функция государства, в силу своего обеспечивающего характера занимающая

особое, стратегическое место в данной системе. Охранительная функция в современных условиях представляет собой комплексное магистральное направление деятельности, обеспечивающей безопасность государства, общества и личности посредством государственно-правовой охраны общественных отношений.

В современных условиях существенно изменились и продолжают меняться ее предметная направленность, содержание и структура. В системе новых социально-экономических и политико-правовых координат появились новые ценности и цели, реализация которых во многом зависит от эффективности и всепроникающего характера охранительной деятельности государства. Однако приходится констатировать, что государство по-прежнему не в состоянии обеспечить своей надежной охраной весь комплекс возникающих в обществе связей и отношений.

Следовательно, вполне очевиден вывод о необходимости исследования телеологии, организационных и правовых основ, принципов и методов охранительного воздействия государства, позволяющих обозначить пределы, объем, социальное назначение и роль охранительной функции государства.

Исследование вышеуказанных вопросов нам представляется чрезвычайно важным и многотрудным мероприятием, но все-таки более частным делом по сравнению с решением общетеоретических вопросов о месте охранительной функции в системе методов, понятий, принципов и подходов, выработанных отечественной наукой в рамках теории функций государства.

Одной из таких проблем, имеющей существенное методологическое значение, является проблема классификационной идентичности охранительной функции государства. Оставляя за скобками самые разные подходы и модели, отметим, что наиболее распространенной в отечественной юридической науке классификацией функций государства выступает их деление в зависимости от сферы, в которую устремлена деятельность государства (экономическая, политическая, социальная, идеологическая) (Теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 2001. С. 368–369).

Однако в такой системе (классификационной модели) трудно выяснить и обосновать место и роль охранительной функции. Дело в том, что вряд ли можно наделять охрану, даже в самом широком значении этого термина, свойствами обособленной сферы социума. Тем не менее охрана важнейших общественных отношений (территория, суверенитет, социально-экономический строй, правопорядок, идеология, культура, окружающая среда и др.) представляет собой постоянную важнейшую задачу государства, выполняемую им на любом историческом этапе развития.

Как видим, в данном случае приходится сталкиваться с определенной методологической трудностью – проблемой классификационного статуса охранительной функции государства. Ставить ее в один ряд с экономической, социальной, культурно-воспитательной и иными функциями вряд ли оправданно.

В связи с этим нам представляется верной позиция тех ученых, которые считают, что критериями классификации функций государства могут быть не только особенности, своеобразие общественных отношений – объектов государственного воздействия, но также специфика содержания видов государственной деятельности (Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. Саратов, 1995. С. 50–51).

В свое время на эту особенность обратил внимание известнейший государствовед Георг Еллинек: «Разделением государственных функций не может быть признано разложение их по отдельным областям управления» (Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 578).

В современной юридической науке аналогичной точки зрения придерживается Ю. А. Тихомиров, который полагает, что применительно к функциям государства целесообразно принимать во внимание не только сферы социума, дающие функциям соответствующее наименование, но и виды деятельности государства (учредительная, регулирующая, распорядительная, контрольная и др.) в той или иной сфере (Тихомиров Ю. А. О модернизации государства // Журн. рос. права. 2004. № 4. С. 6).

На наш взгляд, утвердившееся положение о том, что наличие относительно обособленных

сфер социального бытия выступает универсальным критерием классификации функций государства, не всегда в состоянии четко и точно объяснить всей палитры осуществляемого государством воздействия. Разумеется, функции государства осуществляются в определенных сферах, т. е. предметно обусловлены. Однако нельзя абсолютизировать связь между функциями и сферами деятельности государства. Каждая функция государства лишь преимущественно связана с определенной сферой его деятельности. Это значит, что в конкретной сфере может осуществляться не одна, а несколько функций государства. Равным образом одна и та же функция государства может проявить себя в различных сферах государственной деятельности (Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 18). Современное государство в условиях не только внешней, но и внутренней интеграции решает задачи, нередко выходящие за пределы отдельно взятой сферы.

Таким образом, перед нами встает задача определить, к какой же классификационной группе, а точнее, к какому типу функций относится охранительная функция государства. Вполне очевидно, что отнесение данной деятельности к «функциям-сферам» вряд ли оправданно, хотя во многих источниках происходит именно так. Например, в учебнике «Теория государства и права», изданном под редакцией С. С. Алексеева в 1985 г., среди внутренних функций Советского государства названы: «функция *охраны* и преумножения социалистической собственности», «функция *охраны* социалистического правопорядка, прав и свобод граждан», «функция *охраны* природы и рационального использования природных ресурсов» (выделено нами – Д. П.) (Теория государства и права / под ред. проф. С. С. Алексеева. М., 1985. С. 203–207).

В данном случае, по сути, названы основные компоненты, подфункции охранительной функции государства. Но не это главное. Все три вышеперечисленные функции соседствуют с хозяйственно-организаторской, культурно-воспитательной, социальной и другими функциями в одной классификационной группе. На наш взгляд, здесь происходит смешение двух главных типов функций – функций, обусловленных сферами социума, и функций-видов деятельности.

То же самое можно наблюдать и в современных изданиях. Так, В. В. Оксамытный правозащитную и правоохранительную функции государства рассматривает в числе внутренних функций наряду с политической, экономической, социальной, фискальной, идеологической и экологической (Оксамытный В. В. Теория государства и права. М., 2004. С. 233–234).

В. И. Червонюк выделяет охранительную функцию государства применительно к основным сферам жизнедеятельности общества (Червонюк В. И. Теория государства и права. М., 2006. С. 121).

Принимая во внимание вышеуказанные точки зрения, полагаем, что охранительная функция государства должна рассматриваться в ином классификационном ключе и составлять наряду с иными важнейшими функциями-видами деятельности особую классификационную группу. К данной классификационной группе следует отнести также контрольно-надзорную, идеологическую, информационную и другие функции государства, характеризующиеся сквозным обеспечивающим (по отношению ко всем сферам жизнедеятельности общества) характером. Вполне возможно, что наиболее прочная парная диалектическая связь существует между охранительной и регулятивной (созидательной) функциями государства, понимаемыми в широком смысле и в известной степени порождаемыми консервативным и либеральным началом соответственно. Однако термины «регулятивная функция государства» и «созидательная функция государства» не являются общепринятыми и устоявшимися в отечественной науке и вынуждены будут оправдывать свое появление.

В связи с этим важно обратить внимание на то обстоятельство, что в советской науке наименование функций государства полностью совпадало с содержанием важнейших задач на том или ином этапе социалистического строительства. При этом в наименовании большинства функций присутствовали термины, которые в современных условиях могут показаться излишне художественными (*регулирования* меры труда и потребления, охраны и *преумножения* (выделено нами. – Д. П.) социалистической собственности, оказания социальных услуг членам общества, охраны природы и рационального использования природных ресурсов, борьбы за мир и мирное сосуществование, укрепления нерушимой дружбы, братского сотрудничества и взаимопомощи стран мировой системы социализма) (Теория государства и права / под ред. С. С. Алексеева. С. 197 ; Черноголовкин Н. В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М., 1960. С. 47).

Относительно терминологической адекватности наименования «охранительная функция государства» считаем необходимым отметить следующее. Даже самый беглый анализ учебной и научной литературы позволяет обнаружить значительные расхождения в наименовании данного направления и вида деятельности государства. В целом в отечественной науке сложи-

лось два основных подхода к решению этого вопроса.

Сторонники первого склонны именовать данную функцию в зависимости от главного (по их мнению) объекта государственно-правовой охраны (охранительного воздействия государства). В качестве таковых в разных трудах называются: правопорядок, законность, права и свободы человека, собственность и ее формы, конституционный строй, территория и суверенитет государства и др. В соответствии с данными предпочтениями в отечественной юридической литературе встречаются такие наименования, как: «функция защиты прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законности и правопорядка» (Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности. М., 1998. С. 68), «функция охраны правопорядка и укрепления законности» (Сырых В. М. Теория государства и права. М., 1998. С. 32), «функция охраны прав и свобод граждан, всех форм собственности, правопорядка» (Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. С. 57), «правоохранительная и правозащитная функции» (Оксамытний В. В. Указ. соч. С. 233), «функция охраны прав и свобод личности» (Сим А. В. Функция охраны прав и свобод личности в современном Российском государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. С. 11), «функция охраны окружающей среды» (Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права. Саратов, 2006. С. 68) и др.

Сторонники второго подхода (Т. Н. Радько, В. И. Червонюк и др.), чью точку зрения разделяем и мы, предпочитают не выделять объектную обусловленность охранительной деятельности в качестве главного критерия, а называют данную функцию охранительной главным образом исходя из ее содержательной уникальности. Полагаем, что данная позиция в методологическом отношении более удачна, поскольку исчерпывающий перечень объектов государственно-правовой охраны может быть весьма подвижным, меняясь в зависимости от степени важности общественных отношений. А это, в свою очередь, может привести к излишне абстрактному описанию охранительной функции государства.

В заключение отметим, что все объекты государственно-правовой охраны, главным из которых сегодня выступают права и свободы человека, вне сомнения, составляют предметное содержание охранительной функции и с учетом иерархических особенностей могут рассматриваться на правах подфункций в составе сложного, комплексного образования – охранительной функции государства.



Библиографический список

1. Байтин М. И. Вопросы общей теории государства и права / М. И. Байтин. – Саратов, 2006.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве / Г. Еллинек. – СПб., 2004.
3. Морозова Л. А. Проблемы современной российской государственности / Л. А. Морозова. – М., 1998.
4. Теория государства и права / под ред. проф. С. С. Алексеева. – М., 1985.
5. Тихомиров Ю. А. О модернизации государства / Ю. А. Тихомиров // Журн. рос. права. – 2004. – № 4.
6. Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства / Н. В. Черноголовкин. – М., 1970.

References

1. Baytin M. I. Questions of the General Theory of State and Law / M. I. Baytin. – Saratov, 2006.
2. Ellinek G. General Study of a State / G. Ellinek. – SPb., 2004.
3. Morozova L. A. Problems of the Modern Russian State System / L. A. Morozova. – M., 1998.
4. Theory of State and Law / ed. by prof. S. S. Alekseev. – M., 1985.
5. Tikhomirov Yu. A. On State Modernization / Yu. A. Tikhomirov // Journal of Russian Law. – 2004. – № 4.
6. Chernogolovkin N. V. Theory of the Functions of a Socialist State / N. V. Chernogolovkin. – M., 1970.

О. Р. Рузевич,

ассистент кафедры уголовного права
и процесса факультета права и психологии
Владимирского государственного университета
кандидат юридических наук

O. R. Ruzevich,

assistant lecturer of the Department of Criminal Law
and Process of the Faculty of Law and Psychology
of Vladimir State University
Candidate of Law

УГРОЗА КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Threat as a Qualifying Indicator of Property Crimes

Аннотация. В статье рассматривается угроза как квалифицирующий признак преступлений против собственности (грабеж и неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения). Автор выделяет требования, которым должна отвечать система обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность за преступления против собственности.

Ключевые слова: грабеж, угон транспортного средства, квалифицирующий признак, угроза применения насилия.

Abstract. In the article threat is considered as a qualifying indicator of property crimes (robbery, illegal capturing of a car or another kind of vehicle without the intention of stealing it). The author focuses on the requirements to the system of circumstances which aggravate criminal liability for property crimes.

Key words: robbery, capturing of a vehicle, qualifying indicator, threat of using force.

Вопрос о том, что включает в себя понятие «квалифицирующее обстоятельство», в науке уголовного права является одним из наиболее спорных. В юридической литературе, например, термины «квалифицирующее обстоятельство», «квалифицирующий признак», «квалифицирующий признак состава преступления» в основном используются как синонимичные¹. Исключением является позиция Т. А. Костаревой, выделяющей в качестве самостоятельных понятия «обстоятельства, которые признаются в законе квалифицирующими», «квалифицирующие признаки в законе», «квалифицирующие обстоятельства уголовных дел» (Костарева Т. А. Квалифицирующие обстоятельства в уголовном праве (понятие, законодательная регламентация, влияние на дифференциацию ответственности). Ярославль, 1993. С. 10–11).

Л. Л. Кругликов справедливо утверждает, что «уяснение юридической природы правовых понятий предполагает определение того, к какому миру явлений они принадлежат, каковы их строение, по-

элементный состав, связи и отношения, в чем заключается их роль в праве, каково их место в системе юридических категорий и понятий. Без системно-структурного метода исследования здесь не обойтись» (Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. Ярославль, 1999. С. 149).

Понятие «обстоятельство, отягчающее ответственность» тесно связано с другим понятием – «состав преступления». Такие обстоятельства входят в совокупность признаков состава преступления и в этом отношении обладают набором черт, характеризующих их как признаки состава. В связи с этим вызывает возражение весьма распространенная в современной уголовно-правовой доктрине трактовка состава преступления как совокупности или системы признаков, необходимых и достаточных для признания деяния преступлением (Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 161–168). Эта формулировка, правильная относительно основного состава преступления, неточна применительно к квалифицированным составам, поскольку отягчающие ответственность признаки, входящие в совокупность (систему) признаков квалифицированного состава преступления, выступают как добавочные, дополнительные и с точки зрения оснований признания деяния преступным предстают как избыточные, не «необходимые» (Меликов А. А. Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность за хищения, и их установление в судебной практике : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 70).

Согласно имеющейся в уголовном праве концепции главными признаками, на базе которых

© Рузевич О. Р., 2010

¹ Т. А. Плаксина делает вывод: основную смысловую нагрузку несет слово «квалифицирующий (-щее)». «Оно призвано подчеркнуть: то, что обозначается данными терминами, включено в юридическое основание уголовной ответственности и вследствие этого влияет на квалификацию содеянного. Тем самым уточняется правовая природа стоящих за указанными терминами явлений, поскольку они противопоставляются отягчающим наказанием обстоятельствам, подлежащим учету не при квалификации преступлений, а при индивидуализации наказания (ст. 63 УК РФ) (Плаксина Т. А. Социальные основания квалифицирующих убийств обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления. Барнаул, 2006. С. 31).

осуществляется отбор квалифицирующих обстоятельств составов преступлений, являются, с одной стороны, общественная опасность деяния, объем которой не нашел полного отражения в законодательной конструкции основного состава преступления, а с другой – структурная и функциональная специфика вводимых законодателем квалифицирующих (дополнительных) признаков (Карлов В. В. К вопросу о критериях отбора квалифицированных составов преступлений // Уголовное право в борьбе с преступностью : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск, 1987. С. 106).

Юридическую природу квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков можно уяснить путем выявления их функциональных свойств и связей. «В отличие от субстратных, функциональные свойства элементов обусловлены их ролью, местом в системе... Соответственно и раскрываются эти свойства лишь при опосредовании непосредственно данных субстратных свойств элементов спецификой системы, когда осуществляется своеобразное “просвечивание” этих свойств через призму функциональных отношений, характерных для данной системы» (Лиепинь Э. К. Основные моменты системного подхода // Учен. зап. Латв. ун-та. Рига, 1973. Вып. 198. С. 20).

Наличие квалифицирующих признаков обусловлено не отражением их связи с совершенным преступлением, с составом преступления, а стремлением законодателя конкретизировать процесс дифференциации ответственности и индивидуализации наказания, сузить судебское усмотрение, обеспечить более надежную детерминацию правоприменительной деятельности в части определения объема ответственности лиц, виновных в совершении преступления. Именно способностью оказывать корректирующее воздействие на определение объема ответственности в законе рассматриваемые обстоятельства отличаются от других признаков состава преступления. Эта их черта (особенность) относится к числу сущностных (Лиепинь Э. К. Указ. соч. С. 20).

Квалифицирующими признаются законодательно определенные факторы, влияющие на типовую степень общественной опасности деяния. Их природа двойственна. С одной стороны, они входят в состав квалифицированного (особо квалифицированного) состава преступления. Следовательно, влияя на уголовно-правовую оценку содеянного, оказывают влияние на легальную и судебную пенализации. «...Каждому общему типовому определению преступления, даваемому в диспозиции закона, каждому составу всегда соответствует общее типовое наказание, определенное в санкции...» (Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. С. 313). С другой стороны, квалифицирующие признаки не характеризуют основной состав преступления,

они используются законодателем для отражения изменения опасности содеянного, «установления в законе новых пределов наказуемости, смягченной либо усиленной санкции по сравнению с той, которая сопряжена с основным составом преступления» (Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Дифференциация ответственности в уголовном праве. СПб., 2003. С. 171).

Угроза в преступлениях против собственности используется законодателем для конструирования более опасной их разновидности и соответственно для определения в законе новых, измененных пределов наказуемости, дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне. Следовательно, обстоятельство,отягчающее уголовную ответственность, формализуется в правовом предписании, а именно в качестве фактора: 1) «сопутствующего» основному составу преступления; 2) усиливающего характер и степень общественной опасности деяния; 3) предусматривающего более жесткие меры уголовной ответственности (Кругликов Л. Л., Василевский А. В. Указ. соч. С. 62).

Система обстоятельств, отягчающих уголовную ответственность за преступления против собственности, совершаемых путем угрозы, должна отвечать определенным требованиям, обеспечивающим системность, типичность и логическую непротиворечивость законодательного материала (Меликов А. А. Указ. соч. С. 73–74). Системность означает, что они обладают свойством отражать повышенную общественную опасность посягательства на основной непосредственный объект. Квалифицирующим должно признаваться только такое обстоятельство дела, которое всегда свидетельствует о значительном изменении в степени общественной опасности деяний определенного вида.

В качестве примеров сопоставления по степени общественной опасности внешне схожих по объективным признакам преступлений автор приводит материалы судебной практики.

Так, Г. 18 апреля 2004 г. примерно в 19 ч стал стучать в дверь квартиры, где проживали его мать и сводный брат, требуя, чтобы его впустили, выражаясь при этом в их адрес нецензурной бранью, размахивая неустановленным предметом и высказывая угрозы убийством. Последнее обстоятельство Р. и Д. воспринимали реально, поскольку знали, что Г. ранее судим за совершение убийства, имеет неуравновешенную психику, злоупотребляет алкогольными напитками. Опасаясь за свою жизнь и жизнь сына, Р. вызвала наряд милиции, виновный был задержан. Суд квалифицировал действия Г. по ст. 119 УК РФ (Архив Кунцев. район. суда г. Москвы за 2004 г. Д. № 363-7/2004).

Требование типичности квалифицирующего признака состоит в том, что он должен отражать

наиболее распространенные случаи повышенной общественной опасности преступлений против собственности и, в свою очередь, не подменять основной состав. При их выделении законодатель обязан располагать всесторонней, в том числе и криминологической, характеристикой преступного деяния и его разновидностей с тем, чтобы было обеспечено соответствие выделяемого признака указанным качествам.

Требование логической непротиворечивости означает, что формулировка квалифицированных и особо квалифицированных составов, а также собственно одинаковых отягчающих обстоятельств в этих составах должна обладать внутренней юридической логикой. Данное требование в первую очередь относится к законодательной технике определения указанных факторов и конструирования составов (Щепельков В. Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 4–7).

Поскольку квалифицирующие признаки выступают дополнительными признаками по отношению к основному составу преступления, то состав, именуемый квалифицированным (особо квалифицированным), с необходимостью включает совокупность признаков основного состава преступления. В этих условиях нет необходимости вновь их перечислять. Анализ действующего уголовного законодательства показывает, что чаще всего при описании квалифицированных составов в уголовном законодательстве используются формулировки «то же деяние» (или «те же деяния»), «те же действия» («то же действие»). По общему правилу они адекватно передают содержание части первой соответствующей статьи. В том случае, когда основной состав преступления подразумевает только активную форму поведения либо множество актов, используются словосочетания «то же действие», «те же действия».

Однако в статьях о хищениях этот принцип по какой-то причине не соблюдается. Исключение составляют лишь ч. 2 и 3 ст. 160 УК РФ, где использована формула «те же деяния».

С точки зрения Л. Л. Кругликова, можно привести немало примеров, когда вместо обычной формулы («то же деяние» и т. п.) при описании квалифицированных составов в законе использованы иные приемы. При этом не всегда они могут быть оценены как неудачные (Кругликов Л. Л. Проблемы теории уголовного права. С. 144). Например, если основной состав преступления имеет усеченный характер, а квалифицированный – налицо при наступлении вреда, то обычная формула не применяется. Так, в ч. 1 ст. 162 УК РФ говорится об ответственности за нападение с целью хищения, а в п. «в» ч. 4 той же статьи – за фактическое причинение в результате разбойного нападения тяжкого вреда здоро-

вью потерпевшего. В некоторых случаях такая конструкция целесообразна, поскольку невозможна или затруднена ее замена обычной.

Как уже указывалось, квалифицирующие обстоятельства выполняют двоякую функцию – используются как средство дифференциации уголовной ответственности и одновременно в качестве признаков состава преступления входят в основание последней. Следовательно, в квалифицированных составах должно быть в разумных пределах ограничено использование оценочных понятий.

Например, угроза применением насилия, опасного для жизни или здоровья, выступающая в качестве способа угона транспортного средства, значительно облегчает процесс выполнения основного действия – завладения. Носителем «дополнительной» общественной опасности в данном случае выступает особый способ совершения преступления.

Так, И. остановил на автодороге такси и, сев в салон автомашины, приставил к горлу водителя имеющийся у него кухонный нож и велел проследовать в соседнюю деревню, при этом угрожал убийством.

Водитель, испугавшись физической расправы, выполнил требование виновного. И., оставаясь в машине, угрожая водителю ножом и высказывая в его адрес угрозу убийством («выходи из машины, иначе – убью»), завладел автомобилем без цели хищения. Суд квалифицировал действия И. по ч. 4 ст. 166 УК РФ (Архив Вязник. гор. суда Владим. обл. за 2006 г. Д. № 1-468/2006).

Важное практическое значение имеет структурная и функциональная специфика вводимых законодателем квалифицирующих (дополнительных) признаков.

Исследуя правовую природу смягчающих и отягчающих обстоятельств, Л. Л. Кругликов обоснованно заметил, что тот или иной фактор, обладающий множеством черт, в равной мере относящих его к обстоятельствам и Общей, и Особой частям УК РФ, способен с разной силой сказываться на оценке вредоносности криминальных деяний. Будучи характерным для определенной группы преступлений, он «свидетельствует о заметном повышении степени опасности содеянного и личности, поэтому его причисляют к перечню отягчающих наказание обстоятельств» (Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). Воронеж, 1985. С. 102). В то же время в некоторых видах преступлений его влияние на общественную опасность резко возрастает; это влияние объясняется спецификой определенного вида преступления, тех признаков, с которыми этот фактор «вступает в контакт». Они «как бы создают фон,

на котором влияние на уровень опасности выражается особенно рельефно». В случаях, когда фактор является характерным для таких посягательств, он становится их квалифицирующим признаком (Кругликов Л. Л. Смягчающие и отягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве (вопросы теории). С. 102–103).

Квалифицирующие обстоятельства, на взгляд автора, не просто «особенно сильно» повышают опасность содеянного, а поднимают ее на новый уровень (Буранов Г. К. Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России. Ульяновск, 2002. С. 45–46 ; Костарева Т. А. Указ. соч. С. 49–51). Для части из них свойственно не только увеличивать степень общественной опасности преступления, но и изменять ее характер.

Так, находясь у кафе, О. и С. достигли договоренности о совершении нападения на продавщицу указанного кафе с целью завладения находящимися там ценностями. Распределив роли, О. и С. постучали в закрытую дверь кафе и, когда продавец М. открыла дверь, совершили нападение на нее. С. повалил М. на пол, накинув последней куртку на голову. О. нанес удар имевшимся у него ножом по пальцу ее руки и потребовал передачи ему ключей от кассы. После этого О. и С. протаскивали потерпевшую к кассе, где под угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, потребовали открыть кассу. Воспользовавшись имевшимся в кассе ключом, О. и С. похитили из кассы деньги в сумме 1324 руб. После этого вновь под угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, О. и С., действуя в рамках общей договоренности, сорвали с шеи потерпевшей золотую цепь и золотой крестик, а также похитили принадлежащий М. мобильный телефон LG и деньги в сумме 1000 руб. С похищенными ценностями О. и С. с места происшествия скрылись.

Суд квалифицировал действия О. и С. по ч. 3 ст. 162 УК РФ как разбой, т. е. нападение в целях хищения чужого имущества, совершенный с угрозой применения насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с незаконным проникновением в помещение (Архив Ленин. район. суда г. Владимира за 2007 г. Д. № 1-383/07).

Виновные, используя при разбое угрозу применения насилия, опасного для жизни и здоровья, помимо отношений собственности (основной объект), нарушили еще психическую и физическую неприкосновенность личности. В этом случае деяние посягает дополнительно еще на один объект, в некоторой мере меняя качественную оценку своей опасности.

Таким образом, нельзя согласиться с Т. А. Лесниевски-Костаревой, связывающей действие ква-

лифицирующих обстоятельств только со степенью опасности преступлений. Уязвимость ее позиции обусловлена своеобразным пониманием характера общественной опасности. Данный автор, во-первых, трактует эту качественную характеристику через меру опасности, количественный показатель, безусловно, не раскрывающий ее сути как явления. Во-вторых, смешивает понятия характера преступления и характера его опасности, что не одно и то же (Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 46).

Для исправления виновного, достижения цели предупреждения преступлений адекватным образом должны измениться и ответные меры государственного принуждения, т. е. должны быть увеличены на соответствующую ступень. При этом санкция за квалифицированное преступление формируется согласно тем же принципам и механизму, что и санкция за «простое» преступление. Однако, определяя ее медиану, законодатель также должен исходить из соотношения опасности «обычных» для каждой из данных разновидностей преступления деяний, с уровнями которой коррелируют размеры соответствующих медиан. Ядро санкции «наращивается» на основе оценки дефинитивных признаков преступления, но уже с учетом и в преломлении квалифицирующих обстоятельств, обусловивших «скачок» вредоносности посягательств. В результате уголовно-правовые последствия преступления меняются и в количественном (увеличение срока наказания), и в качественном отношении (из санкции могут исключаться более мягкие или вводиться более строгие виды наказаний и т. п.; иной может стать категория преступления, что влечет неприменение или применение при других условиях различных институтов уголовного права – освобождения от уголовной ответственности или наказания, судимости и т. д.). Квалифицирующие признаки вызывают иной объем ответственности виновного за содеянное, нежели при «простом» преступлении, таким образом происходит дифференциация уголовной ответственности.

Фактором, детерминирующим включение угрозы в квалифицирующие признаки состава преступления, выступает ее повышенная по сравнению с основным составом общественная опасность, вернее, объем возрастания вредоносности преступного деяния при использовании угрозы. В силу разного характера и природы отдельных видов преступлений эффект, производимый воздействием конкретного фактора на их социальную опасность, может оказаться не просто различным, дифференцирующим признаки на собственно отягчающие и квалифицирующие, а по своей силе достаточно разноплановым и влияю-

щим на правовую регламентацию обстоятельств. Некоторые из числа квалифицирующих обстоятельств повышают опасность посягательства гораздо весомее в сравнении с остальными, на порядок усиливают негативное воздействие на общественные отношения, но в сопоставлении не с «простым» преступлением, а уже с его разновидностью при других квалифицирующих обстоятельствах. В связи с чем признаки, обладающие столь сильным эффектом, принято именовать особо квалифицирующими, а предусматривающие их составы преступления – особо квалифицированными.

Б. А. Миренским высказано мнение, что квалифицирующие признаки – это те обстоятельства, которые характерны лишь для данного состава преступления (Миренский Б. А. Законодательная техника и проблемы уголовного права // Сов. государство и право. 1986. № 12. С. 107). Действительно, среди указанных обстоятельств есть такие, которые присущи очень узкой группе преступлений (например, мучения характеризуют способ совершения двух преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 111 и п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ; угроза изъятием имущества свойственна только составу понуждения к действиям сексуального характера – ст. 133 УК РФ).

Однако в целом для угрозы данное суждение вряд ли может быть признано обоснованным. Проведенный анализ уголовных дел о преступлениях против собственности, в которых она выступала способом совершения посягательства, показал, что наиболее распространенными были угрозы применения насилия.

Так, С. по предварительному сговору с К., будучи в состоянии алкогольного опьянения, с целью разбойного нападения подошли к стоящей у пивного бара на ул. Вокзальная г. Вязники автомашине КамАЗ, в которой находились водитель Б. и экспедитор К-в. Открыв дверь автомашины, С. встал на подножку кабины и потребовал, чтобы Б. и К-в вышли из кабины автомашины. На данное требование Б. ответил отказом, после чего С. потребовал у Б. и К-ва деньги в сумме 500 руб. На отказ Б. отдать деньги С. нанес ему не менее 5 ударов кулаком по лицу, после чего К. сел в кабину автомашины между водителем Б. и пассажиром К-вым, и вместе с С. вновь потребовал деньги в сумме 500 руб., при этом К. нанес не менее 5 ударов кулаком по лицу К-ва. Затем С. и К., угрожая Б. и К-ву убийством из оружия, якобы находящегося у них за поллой куртки, продолжали требовать деньги в сумме 500 руб. Б. и К. данную угрозу убийством восприняли реально. Подавив таким образом волю к сопротивлению, С. и К. обыскали Б. и К-ва и открыто похитили из сумки Б. принадлежащие последнему деньги в сумме 100 руб.

После совершения разбойного нападения на водителя Б. и К-ва с целью неправомерного завладения транспортным средством С. и К. потребовали совершить с ними поездку по территории Вязниковского района. Под воздействием ранее примененного насилия и угроз убийством из огнестрельного оружия, а также внушенного страха Б. и К-в, опасаясь за свою жизнь и здоровье, воспринимая угрозу убийством реально, будучи не способными к возможному сопротивлению, согласились выполнить требования С. и К. Под управлением водителя Б. на автомашине совершили поездку с ул. Вокзальная г. Вязники по территории Вязниковского района, а когда Б. и К-в в пути следования из автомашины убежали, С. и К. продолжили поездку одни, причинив собственнику автомашины крупный ущерб в размере 485537,75 руб.

Суд квалифицировал действия С. и К. по ч. 4 ст. 166 УК РФ (Архив Вязник. гор. суда Владим. обл. за 2001 г. Д. № 1-484/01).

Необходимо отметить, что одно и то же обстоятельство в разных составах преступлений имеет различное значение: для одних деяний угроза служит квалифицирующим признаком, для других – особо квалифицирующим. По мнению исследователей, занимавшихся проблемой отбора квалифицирующих признаков, причина такой ситуации заключается в том, что степень изменения опасности содеянного напрямую зависит от природы и восприятия обществом данного вида преступления; она индивидуальна для различных посягательств, хотя может и совпадать (Буранов Г. К. Указ. соч. С. 48 ; Лесниевски-Костарева Т. А. Указ. соч. С. 41–42).

Внешним выражением этих обстоятельств являются квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки, определенные в соответствующих частях статей. Если они отражают более высокую степень общественной опасности посягательства на непосредственный объект уголовно-правовой охраны (в данном случае интересы собственности), то они должны так или иначе характеризовать какой-либо признак основного состава преступления. При этом такая характеристика должна носить дополнительный характер, отражающий повышенную степень общественной опасности по сравнению с основным составом.

Специфическим обстоятельством, отягчающим ответственность за грабеж по признаку способа совершения, является его совершение с угрозой применения насилия, не опасного для жизни или здоровья (п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ). Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать

побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) (Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2003. № 2). По сути, аналогичное разъяснение содержится в п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (Рос. газ. 2008. 26 дек.). Следовательно, угроза в п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ охватывает совершение в отношении потерпевшего подобных действий в целях завладения либо удержания чужого имущества.

Например, С. и А. заранее договорились о совместном совершении грабежа. А. ударил кулаком в лицо потерпевшего М., а когда последний упал, нанес ему еще несколько ударов по голове и другим частям тела, причинив побои, открыто похитил куртку, шапку, ремень, а также 1200 руб., принадлежащих потерпевшему.

После этого С. ударил кулаком по затылку второго потерпевшего – К. и, угрожая физической расправой и дальнейшим избиением, потребовал от него передачи ему вещей и денег. С целью усиления психологического воздействия и подавления сопротивления С. и А. нанесли К. еще несколько ударов кулаками по телу и голове. С учетом сложившейся ситуации, реально опасаясь угрозы применения насилия и агрессивного

поведения преступников, потерпевший К. не оказал сопротивления преступникам и передал им куртку, шапку и деньги в сумме 2500 руб. Суд квалифицировал действия А. и С. как грабеж по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ (Архив Ленин. район. суда г. Владимира за 2005 г. Д. № 1-267/05).

В случаях, когда угроза осуществляется для удержания имущества, похищенного в результате предыдущих преступлений (например, обнаруженного при обыске), то состав грабежа отсутствует.

Отмеченные закономерности подтверждают вывод, что основное деяние отражает в уголовном законе непосредственную направленность посягательства на определенный вид общественных отношений, ради охраны которых введена данная норма, в силу чего оно занимает доминирующее положение по отношению к способу, который выполняет либо функциональную роль, обеспечивая его исполнение, либо имеет конкретизирующее значение, служа целям дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступлений. Применение угрозы в качестве способа совершения квалифицированного вида посягательства облегчает достижение преступной цели, значительно повышая степень общественной опасности деяния. Таким образом, чем опаснее вид угрозы, тем больший вред причиняется психической неприкосновенности личности, что, в свою очередь, увеличивает общественную опасность содеянного. Кроме того, для части квалифицирующих обстоятельств свойственно не только увеличивать степень общественной опасности, но и изменять ее характер.



Библиографический список

1. *Буранов Г. К.* Отягчающие наказание обстоятельства в уголовном праве России / Г. К. Буранов. – Ульяновск, 2002.
2. *Кругликов Л. Л.* Дифференциация ответственности в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, А. В. Василевский. – СПб., 2003.
3. *Меликов А. А.* Обстоятельства, отягчающие уголовную ответственность за хищения, и их установление в судебной практике : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Меликов Александр Асламбекович. – М., 2005.

References

1. *Buranov G. K.* Circumstances Aggravating Punishments in the Criminal Law of Russia / G. K. Buranov. – Ulyanovsk, 2002.
2. *Kruglikov L. L.* Responsibility Differentiation in the Criminal Law / L. L. Kruglikov, A. V. Vasilevskiy. – SPb., 2003.
3. *Melikov A. A.* Circumstances Aggravating Criminal Liability for Larcenies and Their Determination in Judicial Practice / Melikov Alexander Aslambekovich. – M., 2005.

Э. О. Самитов,
*старший преподаватель
 кафедры гражданского права
 Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
 кандидат юридических наук*

Р. Р. Фатхуллин,
*начальник кафедры уголовно-исполнительного права
 и специальных дисциплин
 Казанского филиала ВЮИ ФСИН России
 кандидат юридических наук*

E. O. Samitov,
*Senior Lecturer of the Department
 of Civil Law of Kazan branch
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Law*

R. R. Fathullin,
*Chief of the Department of Penal Law
 and Special Disciplines of Kazan branch
 of VLI of the FPS of Russia
 Candidate of Law*

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИСТЯЗАНИЙ

Features of Criminalistics Characteristic of Tortures

Аннотация. В статье сформулировано понятие криминалистической характеристики истязаний и определена структура взаимосвязей ее элементов. На основе изучения 257 архивных уголовных дел раскрыто содержание системы взаимосвязанных ее элементов (обстановка, способы, мотивы и следы истязаний, личность преступника и потерпевшего).

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования, истязания.

Abstract. In the article the concept of criminalistics characteristic of tortures is formulated and the structure of its elements is defined. On the basis of studying 257 archival criminal cases the author reveals the system of its interconnected elements that includes conditions, ways, motives, and traces of tortures; personality of a criminal and of a victim.

Key words: criminalistics, investigation strategy, tortures.

Истязание является преступлением, которое совершается против жизни и здоровья личности. Статья 22 Конституции Российской Федерации провозглашает право на свободу и личную неприкосновенность человека, гарантируя право на охрану здоровья. Между тем число истязаний, регистрируемых на территории России, ежегодно растет. Однако, несмотря на масштабы, высокую латентность и социальную опасность истязаний, существует мало работ, посвященных криминалистическому обеспечению их расследования и предупреждения. В связи с этим представляется актуальным исследование особенностей криминалистической характеристики обозначенной категории преступлений.

В юридической литературе относительно понятия и структуры криминалистической характеристики преступлений существуют различные точки зрения (Белкин Р. С. Курс криминалистики : в 3 т. М., 2007. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. С. 297 ; Винокуров С. И. Криминалистическая характеристика преступлений, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений. Методика расследования преступлений (общие положения). М., 1976. С. 304 ; Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965. С. 65). Однако в целом они сходятся на том, что криминалистическая характеристика преступлений – это информа-

ционная модель расследуемого события. Содержание криминалистической характеристики преступления дает возможность наиболее точно оценивать ситуации, возникающие на этапе предварительной проверки материала, разрабатывать и выдвигать криминалистические версии, использовать эффективные тактические приемы расследования.

Криминалистическая характеристика истязаний, по нашему мнению, – это разработанная на основе изучения оперативно-розыскной, судебно-следственной и экспертной практики информационная система взаимосвязанных элементов, как-то: обстановка совершения преступления (истязания); способ совершения преступления; механизм слеодообразования; сведения о личности преступника; сведения об особенностях личности потерпевшего, – обеспечивающая наиболее эффективное выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступной деятельности истязателей.

Рассмотрим подробно содержание каждого из элементов криминалистической характеристики истязаний.

Обстановка совершения истязания. Под обстановкой совершения преступления в криминалистике понимают систему различного рода взаимодействующих между собой до и после совершения преступления объектов, явлений и предметов, характеризующих место, время, вещественные, природно-климатические, производственные, бытовые и иные условия окружающей среды и другие факторы объективной реальности, определяющие воз-

возможность, условия и обстоятельства совершения преступления (Яблоков Н. П. Криминалистика. М., 2000. С. 18).

Все элементы, входящие в структуру обстановки совершения истязания, должны рассматриваться следователем (дознавателем) как во временном и топографическом, так и социальном, бытовом и коммуникационном значениях. Обстановка преступления объясняет механизм истязания и указывает на закономерности образования информации о преступлении.

Основными составляющими обстановки совершения истязания являются место и время преступного посягательства. Точное их установление имеет уголовно-правовое, уголовно-процессуальное и криминалистическое значение (Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск, 2006. С. 355).

Как правило, истязания совершаются в крайне негативной среде. Этому способствуют: аморальный образ жизни некоторых граждан; семейные неурядицы; ссоры; скученность проживания; пропаганда культа насилия в средствах массовой информации; бытующая точка зрения о том, что истязания наиболее эффективный способ воспитания; слабое выявление истязаний медицинскими, социальными работниками, преподавателями; стремление руководителей отдельных учреждений скрыть факты истязаний; необоснованные отказы в возбуждении уголовных дел правоохранительными органами; безразличное отношение части граждан к избиениям женщин, лиц престарелого возраста, детей; неверие в то, что преступление будет раскрыто, и т. п.

Готовясь к совершению истязания, преступники выбирают и создают благоприятствующие условия и обстановку. Это может быть безлюдное, тихое место (68 %) или, наоборот, шумное место (32 %), удобное для совершения преступления. Для совершения истязания готовятся квартиры (дома), где преступник и потерпевший проживают совместно (71 %), или принадлежащие родственникам этих лиц (16 %). В отдельных случаях преступниками выбираются производственные (6 %), подсобные помещения (4 %) и прилегающие к ним подъезды, лестничные клетки и т. п. (3 %).

Изучение обстановки совершения истязаний как фактора, позволяющего выявить причины и условия повторяемости совершения истязаний, позволит принять ряд соответствующих мер по предупреждению их совершения в определенных местах.

Способ совершения истязаний. Под способом истязания следует понимать predetermined объективными и субъективными факторами взаимосвязанный комплекс действий преступника по подготовке, причинению потерпевшему психических или физических страданий путем систематического нанесения побоев, пытки, иного насилия,

если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111, 112 УК РФ, и сокрытию преступления. При подготовке к совершению истязания преступник может заранее выбрать жертву, орудие преступления, место преступления.

По предварительному сговору может быть создана преступная группа или организованная преступная группа. Последняя должна представлять собой устойчивую группу лиц, объединившихся для совершения истязания. При подготовке к совершению преступления члены группы могут предварительно распределить роли, выследить свою жертву, подготовить план осуществления истязания, автотранспорт, маски и другие средства.

Существуют разнообразные способы совершения истязаний. Одним из них является причинение физических или психических страданий жертве путем систематического нанесения побоев, т. е. многократных ударов по телу потерпевшего, его избиения. При этом виновный использует только свою физическую силу в отношении жертвы. Преступник может наносить удары в различные части тела руками, ногами или головой. Данный способ физического насилия весьма распространен при совершении истязаний. Использование ударов одновременно ногами и руками воспринимается жертвой очень болезненно. Преступник намеренно наносит их в такие места и таким способом, чтобы сделать боль мучительной.

В других случаях преступник использует для совершения истязания предметы хозяйственно-бытового назначения (зажигалка, лампа, утюг, тиски, нож, иглы, плетель, розги, ремень, петля-удавка, молоток, обернутый толстым слоем материи и т. д.), а также обрезки труб, арматуры и т. д. Нередко, находясь в агрессивном состоянии и желая причинить страдания потерпевшему, преступник с силой толкает его на различные твердые предметы. Данные преступные деяния не являются длительными во времени, но носят характер систематичности.

Применяются и комбинированные способы совершения истязаний. Например, нанесение ударов в различные части тела руками и ногами, сопряженное с тасканием и вырыванием волос, укусами жертвы, с воздействием термических и химических факторов, и т. д.

Способы истязаний, как правило, маскируются под самоистязания. Кроме того, преступники нередко применяют способы истязаний, не оставляющие следов на теле и одежде потерпевшего (удары в область живота, удушающие приемы и т. д.).

Психическое воздействие на человека включает такие категории, как принуждение и убеждение. Для причинения потерпевшему психических страданий прибегают к принуждению. При принуждении воздействие на психику потерпевшего оказывается посредством выражения раз-

личных угроз в его адрес (угрозы убийством, распространением позорящих, компрометирующих сведений и т. п.), а также совершения иных действий (оговора и т. п.).

Под истязанием с применением пытки (п. «д» ч. 2 ст. 117 УК РФ) понимаются случаи, когда для причинения физических и психических страданий потерпевшему используются наиболее изощренные способы воздействия на человеческий организм, в результате чего «...причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера...» (Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : принята резолюцией 36/49 Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1984 г. : ратифицирована СССР в 1987 г. Ст. 1. URL: <http://www.un.org/russian/documen/convents/torture.htm>).

Иные насильственные действия, причиняющие физическую боль, состоят в щипании, сечении, выкручивании рук, защемлении той или иной части тела потерпевшего при помощи каких-либо приспособлений или без них, воздействии на потерпевшего огнем или иными природными биологическими факторами (путем использования, например, животных и насекомых) и т. п., если все это сопряжено с причинением физической боли.

Некоторые случаи единичного, а не систематического насилия могут рассматриваться как истязания. Для этого необходимо, чтобы действия субъекта преступления, предусмотренного ст. 117 УК РФ, носили характер интенсивных и продолжительных воздействий на человеческий организм либо совершались одномоментно, но при этом потерпевшему причинялись бы особые физические или психические страдания, например, вырывание волос, избивание плетью или розгами, защемление пальцев щипцами, втыкание иголок под ногти, причинение ожогов раскаленным металлическим предметом или электрическим током, подвешивание над огнем.

Соккрытие истязания можно определить как деятельность, направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, уничтожения, маскировки или фальсификации следов преступления и преступника. Деятельность в данном случае охватывает не только активную форму человеческого поведения – действие, но и пассивную – бездействие.

Преступники прибегают к следующим способам сокрытия следов истязаний: уничтожение на

месте происшествия следов истязаний (54 %), орудий посягательства (67 %), вещественных доказательств (39 %), иных объектов – источников информации (12 %), уклонение от явки в орган расследования (64 %), использование уговора (75 %), подкупа потерпевших (43 %), угрозы в адрес свидетелей и потерпевших (39 %), отказ от дачи показаний (62 %). В ряде случаев преступники не меняют обстановку после совершения истязания (56 %). Способы сокрытия следов преступления делятся на активные и пассивные. К активным относятся: уничтожение на месте преступления следов; изменение обстановки места преступления; уничтожение орудий посягательства, вещественных доказательств, иных объектов – источников информации; уклонение от явки в орган расследования; быстрый выезд из населенного пункта; уговоры, подкупы, высказывание угроз в адрес свидетелей и потерпевших, создание ложного алиби, инсценировки иного события, симуляция заболевания и т. д. Пассивными способами утаивания криминалистически значимой информации являются умолчание, недонесение, несообщение запрашиваемых сведений, отказ от дачи показаний.

Рассмотренные нами способы насильственных действий в процессе совершения истязания могут меняться либо совершаться в совокупности в зависимости от характера личности преступника, обстановки, мотива и места совершения.

Индивидуальный опыт преступника, отражающийся в способах истязаний, имеет исключительно важное значение для организации борьбы с такими преступными проявлениями, поскольку представляет возможность по признакам предшествующих действий устанавливать исполнителей новых преступных акций. Иными словами, если способ преступления повторяется, это свидетельствует о том, что преступление совершалось одним и тем же человеком. Личность преступника индивидуальна, как и способ истязания.

Применительно к истязанию значительную роль в составлении криминалистической характеристики принадлежит такому элементу, как механизм следообразования.

Механизм следообразования. Совершая посягательство, истязатель оставляет на месте преступления следы рук, ног, орудий преступления, приносит или уносит с собой частицы почвы или различных веществ. Все эти изменения обстановки и окружающей среды, в том числе появление на месте происшествия новых объектов, называют следами преступления в широком смысле слова, а под механизмом следообразования понимают любые материальные или идеальные изменения в обстановке совершения преступления и в окружающей среде, находящиеся в причинной связи с действием или бездействием пре-

ступника (Руководство для следователей / под ред. Н. А. Селиванова, В. А. Снеткова. М., 1997).

Диагностические исследования позволяют установить причинную связь между событием и наступившими последствиями, проанализировать всю совокупность образовавшихся следов и на этой основе разобраться в динамике происшедшего. На этапе предварительной проверки материалов, при возбуждении уголовного дела либо последующем расследовании могут быть обнаружены различного характера следы преступной деятельности.

Как показывает анализ изучения архивных уголовных дел, помимо причинения легких телесных повреждений в виде ссадин, синяков, кровоподтеков, ожогов, следов обморожения, истязания сопровождаются поломкой мебели, битьем посуды, выбиванием окон, дверей, наличием следов биологического характера на месте происшествия. Выявленные следы определяют основные направления расследования, служат базой для выдвижения общих и частных версий, позволяют наиболее точно оценить ситуации, возникающие на различных этапах расследования.

Анализ практики расследования уголовных дел данной категории позволяет нам говорить об источниках происхождения материальных следов и вероятных местах их нахождения. Важно отметить, что наиболее типичные материальные следы преступления, обнаруживаемые правоохранительными органами, фиксировались главным образом при осмотре места происшествия, осмотре одежды и освидетельствовании потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого), в результате назначения и проведения судебно-медицинской экспертизы.

Большое значение для расследования имеют идеальные следы о преступном событии, остающиеся в сознании, памяти людей. Идеальные следы отражаются в материалах уголовного дела в форме показаний потерпевших, свидетелей, подозреваемых, обвиняемых. Анализ изучения архивных уголовных дел свидетельствует о том, что показания потерпевших, свидетелей-очевидцев, излагающих правдивые сведения о событии преступления, играют решающую роль при расследовании дел об истязаниях.

Сведения о личности преступника. Проблема изучения личности преступника всегда находилась в центре внимания ученых-криминалистов. В процессе совершения преступления в окружающей обстановке и в сознании людей отражаются свойства лиц, совершивших преступные деяния. Характер преступления обуславливается специфическими чертами личности виновного (психофизиологические свойства, специальность, образование, профессиональные навыки и умения, опыт совершения преступлений).

При анализе социального статуса лиц, совершивших истязания, необходимо иметь в виду, что большая часть совершенных преступлений официально не регистрируется. Напротив, наиболее подробно анализируются именно те случаи, которые привлекают повышенное внимание, в частности, судебных психиатров, психотерапевтов и неврологов. Дополнительный отпечаток на получаемые ими данные накладывает то обстоятельство, что значительная часть лиц, попадающих на судебно-психиатрическую экспертизу, обнаруживает те или иные психические расстройства (пусть в большинстве случаев и не исключающие вменяемости).

По нашим данным, среди лиц, совершающих истязания, пик криминальной активности приходится на возраст 30–40 лет, менее 25 % – на возраст 40–50 лет, лица старше 50 лет обвинялись в совершении истязаний в 10–12 % случаев.

Большинство обследованных имели среднее образование, многие закончили профессионально-технические училища и техникумы. В то же время значительное число лиц, обвиняемых в совершении истязаний, работали со снижением квалификации либо являлись безработными, а 7 человек из 257 обследованных обучались во вспомогательной школе.

Службу в армии прошли 89 человек. Состояли в браке 161 человек, из них хорошие отношения в семье были лишь у 22, у остальных брак был близок к распаду; у 27 обследованных брак распался до совершения преступления, остальные 26 человек никогда не состояли в браке. Имели детей 38 человек.

Основная масса преступников, совершивших истязания, – это мужчины. Поскольку около 75 % жертв ранее имели с преступниками доверительные отношения, то, следовательно, последние были им хорошо известны. Из них 51 % составляют отцы, братья, другие родственники, любовники или сожители матери; 37 % – друзья, соседи, воспитатели; 12 % – случайные знакомые и посторонние.

При анализе выборки, включающей лиц, совершивших истязания, обращает на себя внимание факт преобладания у них психических расстройств на фоне общих заболеваний. Среди виновных в истязании психически здоровы 54 %; 35,6 % – это психопаты; 67 % – алкоголики; 12,2 % – олигофрены; 38,9 % – лица с последствиями черепно-мозговой травмы.

У 144 лиц, находившихся на стационарной судебно-психиатрической экспертизе, достоверно установлено наличие эпилепсии и последствий черепно-мозговой травмы, отмечались устойчивая тенденция к повторности девиантной активности (35,3 %), осознанные побуждения к совершению противоправных действий, домини-

ровал клинический садизм (53 %). 89 человек – это лица с органическим поражением головного мозга различной степени выраженности и различной этиологии, из них с органическим поражением головного мозга, эписиндромом выявлены 83 человека, а из числа последних отмечен 1 случай парафилии. У 27 человек были установлены различные виды личностных расстройств, 26 больным был поставлен диагноз «шизофрения», 11 – «олигофрения». Психически здоровыми были признаны 7 обследованных. Лица, находившиеся в момент исследования в реактивных психозах (34 человека), в дальнейшем были исключены из статистической обработки.

Из всей выборки 12 человек (лица, проходившие судебно-психиатрическую экспертизу) были признаны невменяемыми. Большинство из них (42 %) составили больные шизофренией. Половина признанных невменяемыми обнаруживали разнообразные органические поражения головного мозга, в анамнезе которых – перинатальная патология (наложение щипцов в родах, токсикозы беременности, родовые травмы, асфиксия плода). Неврозоподобная симптоматика отмечалась в раннем детстве у 54,7 % лиц. Признаки умственной отсталости были выявлены в 2,8 % случаях.

Таким образом, значительная доля истязаний совершается лицами с расстройствами психики (но вменяемыми), нередко сочетающимися с другой психопатологией.

Приведенные выше данные позволяют составить типичный «портрет» преступника, совершающего истязания: это мужчина в возрасте от 29 до 41 лет, активный как в трудовом, так и в социальном отношении, женатый, имеющий детей, получивший неполное среднее или среднее образование, как правило, ранее судимый (54 %), отрицательно характеризующийся по месту жительства, страдающий алкоголизмом, психическими заболеваниями (но вменяемый), органическими заболеваниями, последствиями черепно-мозговой травмы.

Сведения о личности потерпевшего при различных формах истязания. Проблеме изучения личности потерпевшего по уголовным делам об истязаниях отечественными исследователями многие годы практически не уделялось внимания (Ведерников Н. Т. Изучение личности обвиняемого по отдельным категориям преступлений. М., 2004. С. 26). Подобное положение представляется неоправданным, так как истязания достаточно распространены и относятся к числу наиболее опасных и латентных видов преступных действий, которые переходят в более тяжкие преступления.

В качестве жертвы насилия в большинстве случаев выбираются женщины, дети, физически слабые, больные люди, инвалиды, которые не

могут оказать сопротивления преступнику. Жертвы истязаний чаще всего знакомы с преступником и находятся в той или иной зависимости от него (жена, сожительница, любовница, ребенок и т. д.). Как правило, это слабовольные люди, не имеющие устойчивых жизненных позиций, сформированных интересов, порой ведущие аморальный образ жизни, причем нередко их социальный статус выше статуса истязателя.

По нашим данным, максимальное количество преступлений совершается в отношении лиц в возрасте 35–40 лет, чуть менее 25 % преступлений приходится на возраст 28–35 лет, лица старше 40 лет подвергаются истязаниям в 14 % случаев. Нужно обратить внимание, что жертвами истязания становятся и несовершеннолетние (4 %).

Большинство обследованных имели среднее образование, многие окончили профессионально-технические училища, и только 13 % – это лица с высшим образованием. Необходимо отметить, что 17 человек из 257 обследованных обучались во вспомогательной школе. В то же время значительное число жертв либо работали со снижением квалификации, либо являлись безработными, которых за аморальное поведение и злоупотребление алкоголем уволили с постоянного места работы.

Из 257 потерпевших 217 состояли на момент обследования в браке, из них хорошие отношения в семье были лишь у 37, у остальных брак был близок к распаду. У 24 обследованных брак распался ранее. Остальные 16 испытуемых никогда не состояли в браке. Имели детей 201 человек.

Жертвами истязания чаще становятся лица женского пола (99,3 %). Однако в последние годы участились проявления агрессии и жестокости со стороны женщин, чьими жертвами становятся мужчины. В основном это лица с очень низким уровнем жизни.

При анализе выборки, включающей жертв истязания, было установлено, что, как правило, это лица с психическими расстройствами на фоне общих заболеваний.

По нашим данным, 61 % жертв истязания имели вторую или третью группы инвалидности; 67 % страдали психическими заболеваниями, последствиями черепно-мозговой травмы, другими заболеваниями; 3 % – онкологическими заболеваниями. Признаки умственной отсталости выявлены у 1,2 % потерпевших.

Типичный «портрет» личности потерпевшего выглядит следующим образом: это женщина (99,3 %) в возрасте 28–45 лет (76,3 %), состоит в действительных брачных отношениях или проживает в гражданском браке (84 %), злоупотребляющая спиртными напитками (75 %), ведущая аморальный образ жизни (79 %), со средним общим образованием (68 %), занята квалифицированным трудом (86 %), имеющая постоянное ме-

сто жительства (92 %), ранее не судимая (98 %), страдающая органическими или психическими заболеваниями (64 %).

Специфика личности потерпевших, многие из которых противодействуют расследованию путем сокрытия правдивой информации, обуславливает необходимость установления и поддержания с ними доверительного психологического контакта с момента выявления преступлений и до окончания расследования. В целях эффективного производства расследования необходимо привлекать к участию в следственных действиях специалиста-психолога.

При общении психиатра или психолога с жертвой данного вида преступления актуально не только изучение психического состояния потерпевшего на период обследования, но и в динамике. Прогностическая оценка состояния психики потерпевшего с учетом достаточно непростой и нередко психогенно-травмирующей ситуации остается очень трудной и важной задачей. Принято считать, что психиатр обязан, вынося заключение, учитывать необходимость участия потерпевшего в длительном процессе следствия, очных ставках, возможный шантаж и угрозы со стороны обвиняемых, а также, в отдельных случаях, достаточно сложную процедуру судебного заседания с необходимостью откровенного обсуждения деталей произошедшего, о которых (особенно при истязаниях) жертве хотелось бы забыть как можно быстрее. В основе определения психических расстройств, обуславливающих неспособность воспринимать процесс истязания, а также неспособность понимать характер и значение противоправных действий обвиняемого всегда лежит неправильная оценка психического состояния потерпевшего по отношению к конкретной криминальной ситуации. При психологическом исследовании жертв истязания центральной проблемой является раскрытие способности воспринимать обстоятельства, имеющие значение для

дела, понимать характер и значение действий обвиняемого. Это же справедливо и в случаях, когда с жертвой работает психолог, ставящий перед собой цель разработать реабилитационную программу для каждого пострадавшего, потому что, как показывает анализ архивных уголовных дел, многие жертвы истязания в процессе длительного физического и психического воздействия на них со стороны преступника получают инвалидность. Индивидуально-психологические особенности потерпевшего, определяющие содержание и объем восприятия информации, ее переработку, общий уровень психического и личностного развития, имеют большое значение для следователя, так как способствуют более быстрому раскрытию преступления.

Анализ архивных дел, проведенный нами, позволил назвать среди причин снижения способности понимать характер и значение действий обвиняемого, а также давать показания следующие: выбор неверной тактики противодействия обвиняемому; оценка ситуации как безвыходной.

Во время беседы с жертвами истязания необходимо учитывать многие факторы: уровень развития, тяжесть психического и физического насилия. Только правильный подход и доверительные отношения могут способствовать раскрытию преступления.

Накопленные данные о личности потерпевшего имеют большую прогностическую ценность для целей социальной и медицинской профилактики, ориентации судебно-следственных органов в работе по предупреждению этих преступных действий. В частности, эти данные могут быть использованы для профилактики истязаний. Выявление неблагополучных семей, профилактическая работа в тюрьмах, со следователями, воспитателями будут способствовать снижению числа истязаний. Комплексное изучение личности потерпевшего имеет огромное значение для предотвращения и расследования преступлений.



Библиографический список

1. Балугина Т. С. Криминалистика. Общие положения методики расследования преступлений : лекции / Т. С. Балугина. – Краснодар, 2003.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации / Р. С. Белкин. – М., 2007.
3. Гриненко А. В. Руководство по расследованию преступлений : учеб. пособие / А. В. Гриненко. – М., 2002.
4. Ермолович В. Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В. Ф. Ермолович. – Минск, 2006.

References

1. Balugina T. S. Forensic Studies. General Provisions of the Technique of Crimes Investigation / T. S. Balugina. – Krasnodar, 2003.
2. Belkin R. S. A Course of Forensic Studies. In 3 v. V. 3. Criminalistics Methods, Techniques and Recommendations / R. S. Belkin. – M., 2007.
2. Grinenko A. V. Guidebook on Crimes Investigation / A. V. Grinenko. – M., 2002.
5. Yermolovich V. F. Criminalistics Characteristic of Crimes / V. F. Yermolovich. – Minsk, 2006.

Л. В. Чернышова,
*адъюнкт кафедры теории и социологии
управления органов внутренних дел
Академии управления МВД России*

L. V. Chernyshova,
*post-graduate student of the Department
of Theory and Sociology of Management
of Internal Affairs Agencies
of Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

**ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ,
УЧАСТВОВАВШИХ В ПРОВЕДЕНИИ КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ**

**The Problem of Ensuring Social and Legal Security of Officials of Internal Affairs Agencies (OVD)
Who Participate in Conducting Counterterrorist Operations**

Аннотация. В статье обозначены направления работы по обеспечению социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, участвовавших в проведении контртеррористических операций, и сформулированы основные задачи по совершенствованию механизма ее реализации.

Ключевые слова: сотрудники органов внутренних дел, социально-правовая защита, контртеррористическая операция, льготы, компенсации.

Abstract. In the article the main directions of work at ensuring social and legal protection of officials of internal affairs agencies who participate in counterterrorist operations are identified, and the primary goals towards the perfection of the mechanism of its realization are formulated.

Key words: employees of internal affairs agencies (OVD), social and legal protection, counterterrorist operation, benefits, compensations.

Актуальность проблемы социально-правовой защиты сотрудников органов внутренних дел (далее: ОВД), участвовавших в проведении контртеррористических операций, обусловлена тем, что до настоящего времени не завершен научный дискус по вопросам реализации законодательства в отношении сотрудников правоохранительных органов, к которым относится указанная категория лиц.

Согласно Федеральному закону от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (Рос. газ. 2006. 10 марта) контртеррористическая операция – это «комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта».

Об обеспечении социально-правовой защиты сотрудников ОВД, принимавших участие в проведении контртеррористических операций, говорится в ряде законодательных нормативных актов Правительства Российской Федерации и МВД России, предусматривающих определенные льготы и компенсации данным лицам.

Размер денежного содержания сотрудников, участвовавших в проведении контртеррористических операций, установлен следующими нормативно-правовыми актами Российской Федерации: Закон РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1

«О милиции» (Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1991. № 16, ст. 503), Положение о службе в органах внутренних дел (Там же. 1993. № 2, ст. 70), постановление Правительства РФ от 31 мая 2000 г. № 424 «О предоставлении дополнительных гарантий и компенсаций военнослужащим, сотрудникам органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, сотрудникам уголовно-исполнительной системы и гражданскому персоналу Вооруженных сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющим задачи на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (Рос. газ. 2000. 7 июня), постановление Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвовавшим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» (Рос. газ. 2004. 13 февр.), – а также рекомендациями Департамента кадрового обеспечения МВД России от 26 августа 2005 г. «О порядке оказания дополнительной единовременной социальной поддержки участникам контртеррористических мероприятий на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, ставшим инвалидами вследствие военной травмы, и членов семей погибших».

В соответствии с указанными нормативно-правовыми документами сотрудникам ОВД, участвующим в проведении контртеррористических

операций, выплачиваются в полуторном объеме должностные оклады и оклады по специальному званию; предоставляются единовременные пособия в размере должностного оклада пропорционально фактическому времени выполнения задач и полевые суточные в двукратном размере. Кроме того, им выплачивается ежемесячная надбавка за особые условия службы в размере 100 % должностного оклада с учетом его повышения.

Во время командировки сотрудники ОВД обеспечиваются бесплатным питанием, на местах постоянного несения службы им полагается продовольственный паек или денежная компенсация.

Также участникам контртеррористических операций предоставляются бесплатные путевки в санаторий или дом отдыха и дополнительный ежегодный отпуск «за особый характер службы» продолжительностью 10 календарных дней, а при назначении пенсий зачет выслуги лет рассчитывается как один месяц за полтора.

Кроме того, согласно ст. 29 Закона РФ «О милиции» и приказу МВД России от 16 декабря 1998 г. № 825 «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья в системе МВД России» (Там же. 1999. 18 февр.), все сотрудники милиции, в том числе принимающие участие в проведении контртеррористических операций, подлежат обязательному государственному личному страхованию.

При этом предусматривается ряд мер по социально-правовой поддержке и льготному обеспечению семей сотрудников погибших (либо пропавших без вести) в ходе проведения контртеррористической операции.

Так, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 25 августа 1999 г. № 936 «О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, непосредственно участвовавших в борьбе с терроризмом на территории Республики Дагестан и погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей» (Там же. 2004. 30 авг.) и постановлением Правительства РФ от 9 февраля 2004 г. № 65 детям военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, погибших (пропавших без вести), ставших инвалидами при проведении контртеррористических операций в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации, ежемесячно выплачивается денежное пособие до достижения 18-летнего возраста (инвалидам с детства – независимо от возраста; обучающимся в образовательных учреждениях по очной форме обучения – до окончания обучения, но не более чем до достижения возраста 23 лет). В настоящее время это пособие составляет 1 500 рублей.

Согласно приказу МВД России от 24 сентября 2007 г. № 824 «Об организации социальной работы

с членами семей сотрудников органов внутренних дел, погибших при исполнении служебных обязанностей, и сотрудниками, ставшими инвалидами вследствие военной травмы» (Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») членам семьи и родителям погибшего сотрудника в равных долях выплачивается десятилетнее денежное содержание.

Семьям погибших и пропавших без вести сотрудников, нуждающимся в улучшении жилищных условий, во внеочередном порядке предоставляются жилые помещения по нормам, установленным действующим законодательством.

Это далеко не полный перечень направлений работы по обеспечению социально-правовой защиты сотрудников ОВД, принимавших участие в проведении контртеррористических операций, и предоставлению им льгот.

Существуют также различные целевые программы по оказанию социальной поддержки, медицинской и психологической реабилитации участников контртеррористических операций, например, Федеральная целевая подпрограмма «Социальная поддержка и реабилитация инвалидов вследствие боевых действий и военной травмы» Федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы» (Рос. газ. 2005. 5 окт.).

В ряде регионов практикуется предоставление дополнительных льгот участникам контртеррористических операций. Так, Правительством Республики Башкортостан издано постановление от 28 июня 2002 г. № 587-р «О предоставлении дополнительных мер социальной поддержки сотрудникам МВД РБ, принимавшим участие в проведении контртеррористической операции на территории Северного Кавказа» (Республика Башкортостан. 2002. 4 июля), предусматривающее оказание единовременной материальной помощи сотрудникам ОВД за период командировок в Чеченскую Республику в размере трех тысяч рублей в месяц и производство ежемесячной доплаты сотрудникам отряда милиции особого назначения (ОМОН) и отряда милиции специального назначения (ОМСН) в размере одной тысячи рублей за особые условия службы по месту постоянной дислокации.

Однако на практике при реализации указанных выше норм возникают проблемы и противоречия организационно-правового и материально-го характера.

В частности, как показывает анализ судебной практики Верховного Суда РФ, с 1999 г. и по настоящее время в суды различных инстанций поступают исковые заявления от сотрудников ОВД, проходивших службу на Северном Кавказе.

Большинство спорных вопросов связано с выплатами за фактическое участие в проведении

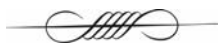
контртеррористической операции. Только за период 2003–2007 гг. Верховным Судом было рассмотрено более 130 подобных исков.

В соответствии с определенным в постановлении Правительства РФ от 31 мая 2000 г. № 424 порядком эти выплаты производятся сотрудникам только на основании утвержденных руководителем Регионального оперативного штаба (далее: РОШ) по управлению контртеррористической операцией на Северном Кавказе приказов Временной объединенной группировки органов и подразделений МВД России, определяющих дни фактического участия каждого сотрудника в таких операциях. Выплаты за фактическое участие в контртеррористических операциях рассчитываются исходя из суммы 20 тыс. рублей в месяц пропорционально количеству дней участия в боевых операциях. При этом один месяц службы во время непосредственного участия в контртеррористических операциях засчитывается за три на льготных условиях.

Несмотря на то, что определение понятия «участие в боевых операциях» довольно размытое, средства, выделенные для осуществления выплат, четко лимитированы постановлением Правительства, а механизм учета периодов фак-

тического участия сотрудников в боевых операциях неэффективен. Во многих случаях в приказах, утвержденных руководителем РОШ, содержатся неполные сведения о сотрудниках и сроках их непосредственного участия. Несогласие сотрудников с такими приказами является причиной их обращений в судебные органы за восстановлением нарушенных прав. Во время рассмотрения подобных исков сотрудники, как правило, представляют доказательства того, что в приказах отражено меньшее количество дней их участия в контртеррористических операциях. Суды, в свою очередь, взыскивают суммы недоплаченного денежного вознаграждения с подразделений системы МВД России как с работодателей и организаций, принявших решение о направлении сотрудников в командировки.

Данная проблема требует скорейшего разрешения. Для этого необходимо провести работу по совершенствованию механизма нормативно-правового регулирования социально-правовой защиты сотрудников ОВД, участвовавших в проведении контртеррористической операции, и созданию единой системы учета фактического участия в таких операциях.



Библиографический список

1. О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвовавшим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 9 февр. 2004 г. № 65 // Рос. газ. – 2004. – 13 февр.
2. О дополнительных мерах по социальной защите членов семей военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, непосредственно участвовавших в борьбе с терроризмом на территории Республики Дагестан и погибших (пропавших без вести) при выполнении служебных обязанностей : постановление Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 1999 г. № 936 // Рос. газ. – 2004. – 30 авг.
3. О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Рос. газ. – 2006. – 10 марта.
4. Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по гражданским делам. – М., 2009.
5. Судебная практика Верховного Суда РФ по гражданским делам. – М., 2008.

References

1. On Additional Guarantees and Compensations to Militaries and Employees of Federal Executive Bodies Who Participated in Counterterrorist Operations and Ensured Law and Order and Public Safety on the Territory of North-Caucasian Region of the Russian Federation : Governmental Regulation of the Russian Federation № 65 of February 9th, 2004 // Rossiyskaya Gazeta. – 2004. – February 13th.
2. On Additional Measures on Social Protection of Family Members of Militaries and Employees of Internal affairs agencies (OVD) and the State Fire Service Who Participated Directly in the Fight Against Terrorism on the Territory of the Republic of Dagestan and Who Died (Became Missing) on Duty : Governmental Regulation № 936 of the Russian Federation of August 25th, 1999 // Rossiyskaya Gazeta. – 2004. – August 30th.
3. On Counteraction to Terrorism : Federal Law of March 6th, 2006 № 35 // Rossiyskaya Gazeta. – 2006. – March 10th.
4. The Collection of Decisions on Civil Cases of Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation and the Supreme Court of Arbitration of the Russian Federation. – M., 2009.
5. Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation on Civil Cases. – M., 2008.

А. В. Шеслер,
начальник кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России
доктор юридических наук, профессор
М. В. Усков,
адъюнкт кафедры уголовного права
Тюменского юридического института
МВД России

A. V. Shesler,
Chief of the Department of Criminal Law
of the Tyumen Legal Institute of the Ministry
of the Internal Affairs of Russia
Doctor of Law, Professor
M. V. Uskov,
post-graduate student of the Department
of Criminal Law of the Tyumen Legal Institute
of the Ministry of the Internal Affairs of Russia

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОРРУПЦИИ

Criminological Signs of Corruption

Аннотация. В статье на основе тщательного анализа современных проблем российского общества анализируются признаки такого опасного социального явления, как коррупция. По мнению авторов, выделение указанных признаков наличия коррупции в обществе позволяет избежать упрощенного представления об этом явлении, увидеть многообразие его негативных последствий, которые необходимо преодолеть.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, должностные преступления, уголовная политика, признаки коррупции, материальное обеспечение выборов депутатов органов власти, теневая экономика, налоговая политика, злоупотребления властью, борьба с организованной преступностью.

Abstract. In the article on the basis of a thorough study of the problems in the Russian society the authors analyze the signs of such a dangerous social phenomenon as corruption. According to the authors, underlining the signs of corruption in a society allows to avoid its simplified vision and discover a variety of its negative consequences which need to be overcome.

Key words: corruption, bribery, malfeasances, a criminal policy, corruption signs, financial maintenance of elections of authority deputies, shadow economy, a tax policy, abusing power, struggle against organized crime.

В научной литературе и мировой законодательной практике существует несколько определений коррупции, основная суть которой сводится в них к противоправному (преступному или не преступному) злоупотреблению властью в корыстных или иных личных целях. Основу коррупции, безусловно, составляют преступления в виде взяточничества (Лунеев В. В. Коррупция, ученная и фактическая // Государство и право. 1996. № 8. С. 79). Преступления данного вида (или аналогичные им) совершались всегда, с тех пор, как в человеческом обществе возникло государство, носителем полномочий которого является бюрократия, т. е. социальная группа людей, профессионально занятых осуществлением функций особой публичной власти и получающих за это материальное вознаграждение за счет налогов, собираемых государством с населения. В России взяточничество среди чиновников всегда было обыденным и распространенным явлением. Исходя из этого многие исследователи считают, что Россия всегда была поражена коррупцией (Устинов В. С. Правовые основы предупреждения коррупции // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Пан-

ченко [и др.]. Н. Новгород, 2001. С. 208). На наш взгляд, наличие в обществе даже многочисленных фактов взяточничества или иных злоупотреблений чиновниками своими служебными полномочиями само по себе не образует коррупции. Коррупция — это особенное качественное явление, состоящее в таком злоупотреблении властью в корыстных или иных личных целях, которые приводят к деформации основ организации и деятельности органов государства. В качестве признаков, позволяющих определить наличие коррупции в обществе, мы предлагаем следующие.

1. Реанимация такого исторического атавизма, как система «кормления», которое начало изживаться в российской государственности еще благодаря реформам Петра I в начале XVIII в. Эта система означает использование государственной должности в целях незаконного обогащения. Управленческое решение чиновника в интересах определенных лиц становится незаконным товаром, подлежащим прямой (например, в виде взятки) или косвенной (например, в виде трудоустройства родственника чиновника) оплате. Кроме того, эта система предполагает хищение чиновниками бюджетных средств, использование государственного имущества в личных целях, помимо хищения (например, транспорта,

технических средств, применяемых для прослушивания телефонных переговоров), использование служебных полномочий для уклонения от налоговых и иных платежей, незаконного перемещения через границу (людей, денег, материальных ценностей) и т. д. О наличии такой системы свидетельствуют распространенные факты расхождения между уровнем официальных доходов чиновников и реальным уровнем их жизни (Лунеев В. В. Политические и правовые проблемы коррупции // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко [и др.]. Н. Новгород, 2001. С. 22 ; Российская организованная преступность и коррупция: Дилемма для президента В. Путина : докл. Центра стратегических и международных исследований (Вашингтон, 2000) // Организованная преступность и коррупция : исследования, обзоры, информация. Екатеринбург, 2000. Вып. 3. С. 62 ; Шеслер А. Диагностика коррупции в обществе // Финансы, экономика, безопасность. 2005. № 7. С. 35). Наличие этого признака свидетельствует, по существу, об уничтожении социального слоя бюрократии. Система «кормления» предопределяет иные признаки, свидетельствующие о наличии коррупции в обществе.

2. Продажа вышестоящими чиновниками за определенную плату государственных должностей, воинских и специальных званий, квалификационных категорий и т. д. В качестве примера достаточно привести факты злоупотребления служебным положением со стороны А. Л. Орлова, бывшего советника бывшего министра внутренних дел России В. Б. Рушайло. Это должностное лицо, пользуясь особыми личными отношениями с министром, помимо других злоупотреблений, установило таксы за протекцию в назначении на генеральские должности и должности в центральном аппарате МВД России (Хинштейн А. Наследство черного регента // Моск. комсомолец. 2001. 4–11 окт. С. 6).

3. Материальное обеспечение выборов депутатов представительных органов власти и глав исполнительной власти финансово-промышленными группами. Это более завуалированная форма покупки государственных должностей с использованием демократических вывесок. Фактически такие выборы идут на безальтернативной основе, так как подкуп избирателей и членов избирательных комиссий, использование грязных избирательных технологий и административного ресурса исполнительной государственной власти делают малопроблемным прохождение коррумпированного кандидата, в последующем голосующего или принимающего управленческие решения в интересах своих патронов (Ищенко Е. П. Организованная преступность,

коррупция и грязные избирательные технологии // Организованная преступность и коррупция: исследования, обзоры, информация. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 21–24 ; Шеслер А. В. Некоторые аспекты совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за нарушения законодательства о выборах // Особенности реализации избирательного законодательства на современном этапе. Тюмень, 2007. С. 15). Наиболее завуалированной формой продвижения коррупционных кандидатов является незаконная благотворительность в отношении избирателей. По сравнению с воздействием на избирателей в виде подкупа благотворительность внешне имеет правомерные формы, охватывает больше избирателей, широко освещается в средствах массовой информации (Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI–XX веков: диалектика системного подхода. М., 2003. С. 78–79).

4. Келейное принятие управленческих решений по тем вопросам, которые не содержат государственной или служебной тайны, однако касаются вопросов собственности или финансовой деятельности государства. Необходимость таких решений обусловлена маскировкой коррупционных решений. В частности, закрытым было решение Правительства Российской Федерации, на основании которого в 1992–1993 гг. было приватизировано по заниженной стоимости 60 % акций «Газпрома» (Лунеев В. В. Политические и правовые проблемы коррупции. С. 22).

5. Дисфункция целых структур органов государственной власти, ориентация их преимущественно на свои узковедомственные интересы, занятие не свойственной им деятельностью. Показательным в этом плане является коммерциализация Вооруженных Сил Российской Федерации, породившая массовую незаконную продажу воинскими начальниками вооружения и военного имущества, незаконные сделки по сдаче в аренду или отчуждению объектов недвижимости, находившихся на балансе воинских частей, эксплуатацию в личных целях военного имущества, использование военной техники и солдат на строительстве своих дач или иных объектов, не имеющих отношения к деятельности армии, различные формы незаконного финансирования коммерческих структур и т. д. (Баранец В. Н. Потерянная армия: Записки полковника Генштаба. М., 1998. С. 305–369). В этой связи уместно вспомнить один из ироничных афоризмов Козьмы Пруткина о назначении армии: «Военные люди защищают отечество».

6. Возрастающая латентность взяточничества для правоохранительных органов при очевидности этого явления для населения. По данным В. В. Лунеева, выявляется не более 1–2 % коррупционных преступлений, а уголовное наказа-

ние несут не более 0,1–0,2 % коррупционеров (Лунеев В. В. Политические и правовые проблемы коррупции. С. 16). Социологические опросы россиян свидетельствуют о том, что большая часть из них считает проблему коррупции в России серьезной (Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 57–58). Может показаться, что это искаженное представление населения об истинных масштабах коррупции в обществе. Однако эти же опросы показывают, что население достаточно хорошо осведомлено о взяточничестве как основной форме коррупции, о том, в каких государственных органах, за что и при каких обстоятельствах даются взятки (Там же. С. 61–86). Очевидно, что такая осведомленность может быть только результатом богатого «коррупционного» опыта людей, их привыкания к тому, что за многие действия должностных лиц приходится давать незаконные платежи. Мало того, данные социологического опроса свидетельствуют о высокой коррупционной активности населения, т. е. о его добровольной активности давать взятки при решении бытовых проблем, получении медицинских, образовательных и других услуг (Басецкий И. И., Башан А. В. Коррупция. Минск, 2005. С. 55–56).

7. Наличие значительного объема экономической деятельности, которая не отражена в официальной статистике и относится к теневой экономике. В частности, об этом свидетельствуют официальные данные о соотношении объемов валового внутреннего продукта (далее: ВВП) и фактического энергопотребления: с начала 90-х гг. прошлого века падение ВВП составило 50 %, а уровень энергопотребления – только 25 %.

8. Неразумная налоговая политика, которая в целом носит, во-первых, фискальный характер, что выражается в большом количестве налогов, высоком уровне налоговых ставок, репрессивном характере норм о налоговых правонарушениях. Это влечет за собой массовый характер уклонения от уплаты налогов со стороны организаций и физических лиц (Денисов С. А. Влияние бюрократического характера государства, позитивного права и общества на преступность в стране // Современная преступность: состояние, тенденции, средства преодоления. Екатеринбург, 1999. С. 26 ; Митюшев Д. И. Налоговые преступления (спорные вопросы ответственности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2002. С. 3). Столько, сколько определяет государство, налогов налогоплательщикам платить невозможно, а налоговым органам собрать нельзя. В результате налогоплательщики и налоговые органы договариваются о приемлемом уровне налоговых выплат и штрафов, разумеется, за спонсорскую помощь налоговым органам или за определенное материальное вознаграждение их сотрудникам

(Баранов В. М. Указ. соч. С. 50–51). Во-вторых, налоговая политика характеризуется необоснованным либерализмом в отношении некоторых видов высокорентабельной деятельности. Например, во всем мире улов морепродуктов доставляется в порт и там оформляется, а в российской практике существует отгруз морепродуктов из внетамуженной зоны. В результате огромная прибыль не облагается налогами. В частности, предприятия рыбной отрасли Приморского края платят налогов меньше, чем цех по разливу уссурийского бальзама (Корнилов Г. Водные биологические ресурсы и безопасность России // Финансы, экономика, безопасность. 2004. № 5. С. 18–19). Безусловно, что создание условий для ведения хозяйственной деятельности, не облагаемой налогами, невозможно без лоббирования «рыбной мафией» своих интересов через коррупционные механизмы.

9. Ориентация политики борьбы с преступностью в ситуации широкомасштабной криминализации всего общества в основном на низшие слои населения, совершающие, как правило, примитивные общеуголовные преступления (Лунеев В. В. Политические и правовые проблемы коррупции. С. 15). Практически вне сферы уголовной ответственности остается преступная деятельность высокопоставленных чиновников, которая получила в специальной литературе наименование элитно-властной преступности (Кузнецова Н. Ф. Об элитно-властной преступности // Преступность: стратегия борьбы / под ред. А. И. Долговой. М., 1997. С. 164–168). Достаточно в этой связи упомянуть кровавое столкновение сторонников Верховного Совета России и сторонников Президента России в сентябре 1993 г., явившееся следствием конституционного кризиса в стране. Никто из главных участников этого события, занимавших в тот период высшие государственные должности, не понес уголовной ответственности, а бывший Президент России Б. Ельцин обеспечил себя и свою семью через указ нового президента иммунитетом от уголовного преследования.

10. Увеличение многообразных форм уголовного не наказуемого, и даже легализованного, злоупотребления властью. Ярким примером является так называемое спонсорство, которое оказывается учебным заведениям со стороны родителей абитуриентов. Коррупционными такие действия являются потому, что внесение спонсорских взносов в кассу является полной гарантией поступления этих абитуриентов в учебное заведение независимо от их уровня знаний, нарушает право на образование других абитуриентов, которые не в состоянии делать такие взносы, а также потому, что формируемый за счет этих взносов внебюджетный фонд в большей мере идет на представительские расходы, ремонт слу-

жебных помещений, премии руководящим работникам учебных заведений (Кодан С. В. Лже-спонсорство и коррупция // Организованная преступность и коррупция : исследования, обзоры, информация. Екатеринбург, 2000. Вып. 4. С. 84–86). Совершенно нелепым выглядит оказание частными лицами и коммерческими структурами спонсорской помощи правоохранным органам, которая чаще всего обменивается на либеральное отношение последних к нарушению закона. Исследователи справедливо отмечают, что подобное спонсорство приводит к таким нарушениям правового и нравственного сознания сотрудников правоохранительных органов, за которыми они не чувствуют порога нарушения интересов службы (Тонков Е. Коррупция в органах власти как фактор наркотизации общества // Финансы, экономика, безопасность. 2004. № 4. С. 21).

11. Парадоксальным фактом российской правовой действительности является частичная законодательная легализация взяточничества, а именно: в ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации допускается дарение обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей, государственным служащим и служащим органов муниципальных образований в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей. По сути, такой подарок является взяткой, так как не предполагает какой-либо имущественной компенсации или ответных действий имущественного характера за передачу подарка (Безверхов А. Г., Шухоров А. А. Современные проблемы антикоррупционной политики // Теневая экономика: проблемы диагностики и нейтрализации. Екатеринбург, 2004. С. 264–266). Понимая абсурдность этой законодательной новеллы, некоторые исследователи предлагают ввести критерии, при наличии которых такой подарок следует считать взяткой (вымогательство вознаграждения, совершение должностным лицом за него незаконных действий, приобретение вознаграждением характера подкупа) (Яни П. С. Уголовное законодательство и борьба с коррупцией // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко [и др.]. Н. Новгород, 2001. С. 81–82).

12. Катастрофическое падение авторитета представителей государственной власти в глазах общества. В Национальном плане противодействия коррупции прямо говорится о недоверии общества к государственным институтам (Рос. газ. 2008. 5 авг.). Очевидным свидетельством этого является низкая избирательная активность населения, которое понимает, что выбор предстоит сделать между кандидатами, представляющими не интересы избирателя, а интересы противобор-

ствующих олигархов. В современном искусстве нет культа государственного деятеля – патриота, энтузиаста-хозяйственника. Никому из современных режиссеров не придет в голову снять художественный фильм о современном руководителе, аналогичный фильму «Председатель», так как в типичность честного и обладающего человеческими качествами руководителя, который продает свой дом, чтобы выплатить колхозникам зарплату, сегодня никто не поверит.

13. Сознательная деструктивная политика государства в отношении средств массово-коммуникативного воздействия, которые, избавившись от идеологического диктата со стороны компартии, оказались в полной финансовой зависимости от олигархов, поделивших информационные ниши страны между собой (Мельник И. Н. Особенности развития коррупционных процессов и осуществления антикоррупционной деятельности в странах СНГ // Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко [и др.]. Н. Новгород, 2001. С. 120). Эти ниши используются не для объективного освещения событий в стране, не для формирования представления у населения об истинных социальных ценностях, а для навязывания обывателю своих квазиценностей (Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Государственная и муниципальная политика нравственно-психологической и правовой защиты населения от преступности (массово-коммуникативный аспект). Сыктывкар, 2000. С. 41–42), поддержки своего коррумпированного кандидата на выборах или своего уже имеющегося чиновника во властных структурах. Попадающая в них информация о коррупции вряд ли носит антикоррупционный характер, так как содержит компромат, часто не соответствующий истине, на чиновника или кандидата на выборную должность, представляющего интересы противоборствующей финансово-промышленной группы.

14. Позитивно не обоснованный отказ государства от ряда функций общесоциального характера, передача их негосударственным структурам, превращающим эти функции в механизм обогащения отдельных групп людей. В качестве примера можно привести существующую систему медицинского страхования, которая почему-то названа цивилизованной. В результате внедрения этой системы качество медицинского обслуживания населения не улучшилось, медицина стала еще более дорогостоящей и менее доступной для рядового гражданина, зарплата рядовых врачей реально не возросла. Однако за счет перенесения средств на медицинское страхование стали богатеть компании, занимающиеся медицинским страхованием, и чиновники, распределяющие соответствующие средства.

15. Изменения в уголовном законе, создающие условия для ослабления борьбы с организованной преступностью. Такие изменения способны обеспечить только коррупционное представительство организованной преступности во власти. Иллюстрацией этого утверждения являются, в частности, изменения, внесенные в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее: УК РФ) Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ (Рос. газ. 2003. 16 дек.). Эти изменения привели к смягчению уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, который является одним из основных видов деятельности организованной преступности, за криминальный профессионализм, составляющий ядро этой преступности, и, наконец, к смягчению ответственности за деятельность, направленную на подрыв экономической базы организованной преступности.

Смягчение уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств выражается, в частности, в том, что нет самостоятельного состава преступления в виде незаконного приобретения или хранения наркотических средств в целях сбыта. Сегодня такие действия можно квалифицировать лишь как приготовление к сбыту и назначить максимальное наказание в соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ и ч. 1 ст. 228.1 УК РФ в виде абсолютно определенной санкции – четыре года лишения свободы. В соответствии с ранее действовавшей редакцией ч. 2 ст. 228 УК РФ такие действия образовывали самостоятельный состав преступления и влекли максимальное наказание до 7 лет лишения свободы. Необъяснимым с позиций здравого смысла является подход законодателя к изменению порядка исчисления размеров наркотических средств. Например, до внесенных в УК РФ изменений от 8 декабря 2003 г. крупным размером считалось 0,005 г героина (Сводная таблица заключений Постоянного комитета по контролю наркотиков об отнесении к небольшим, крупным и особо крупным размерам количеств наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ, обнаруженных в незаконном хранении или обороте // Противодействие незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ / под ред. А. Н. Сергеева. М., 2002. С. 428), после этих изменений – количество этого вещества, превышающее 10 разовых доз, или свыше 1 г (Об утверждении размеров средних разовых доз наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228.1 и 229 Уголовного кодекса Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 6 мая 2004 г. № 231 // Рос. газ. 2004. 12 мая). Разумеется, что лица, ранее осужденные за участие в наркобизнесе, в отношении которых не удалось доказать наличие

цели сбыта при приобретении и хранении наркотических средств, заявили ходатайства об освобождении их от уголовной ответственности в связи с декриминализацией указанных действий.

В настоящее время эта ситуация несколько исправлена, так как Федеральным законом от 5 января 2006 г. № 11-ФЗ изменена редакция примечания к ст. 228 УК РФ, в соответствии с которой крупные и особо крупные размеры наркотических средств и психотропных веществ утверждаются Правительством Российской Федерации (О внесении изменений в статью 228 Уголовного кодекса Российской Федерации и о признании утратившим силу абзаца второй статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : федер. закон от 5 янв. 2006 г. № 11-ФЗ // Там же. 2006. 11 янв.). Исходя из этой редакции, Правительством Российской Федерации принято постановление от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 Уголовного кодекса Российской Федерации», отменившее прежнее постановление от 6 мая 2004 г. № 231 (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 7, ст. 787). В соответствии с этим постановлением крупным размером героина считается количество этого вещества, превышающее 0,5 г.

Смягчение уголовной ответственности за криминальный профессионализм проявляется в том, что при любом виде рецидива преступлений назначенный срок наказания не может быть менее одной трети части максимального срока наиболее строгого вида наказания (ч. 3 ст. 68 УК РФ). В ранее действовавшей редакции ст. 68 УК РФ указанный срок был выше и дифференцировался в зависимости от вида рецидива: не ниже половины при обычном рецидиве, не менее двух третей при опасном рецидиве, не менее трех четвертей при особо опасном рецидиве. Кроме того, исключение из Особой части УК РФ таких квалифицирующих признаков составов преступлений, как неоднократность и предшествующая судимость, было осуществлено без учета их как обстоятельств, отягчающих наказание, в ст. 63 УК РФ. Теоретические рассуждения о том, что эти признаки должны быть только средством индивидуализации наказания, учитываться как «обобщающие» наказание обстоятельства, а не как средства дифференциации наказания, рождающие новую санкцию, о том, что законодательная формулировка неоднократности является по ряду причин неудачной, закончились не в пользу практики борьбы с криминальным профессионализмом, так как эти признаки вообще исчезли из уголовного закона.

Смягчение уголовно-правовой политики, направленной на подрыв экономической базы организованной преступности выражается, во-первых, в том, что из УК РФ исключен такой вид наказания, как конфискация имущества. В результате у лиц, участвующих в преступной деятельности, появилась уверенность в том, что даже в случае их привлечения к уголовной ответственности у них сохранится имущество, необходимое для продолжения преступного ремесла. Во-вторых, отменена уголовная ответственность за обман потребителей как за самостоятельное преступление. В результате потребительский рынок, к которому в значительной мере было обращено внимание организованной преступности, остался без должной уголовно-правовой охраны, так как мошенничество не охватывает полностью те действия, которые предусматривались ранее

ст. 200 УК РФ. В частности, уголовная ответственность за обман потребителей наступала при сумме ущерба свыше одной десятой минимального размера оплаты труда, а в настоящее время мошенничество является уголовно наказуемым при сумме ущерба свыше одной тысячи рублей (ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) (см. подробнее: Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под ред. А. В. Шеслера. Тюмень, 2008. С. 32–34 ; Шеслер А. В. Криминологические аспекты организованной преступности. Тюмень, 2009. С. 23–32).

Выделение указанных признаков наличия коррупции в обществе позволяет избежать упрощенного представления об этом явлении, увидеть многообразие его негативных последствий, которые необходимо преодолеть.



Библиографический список

1. Астанин В. В. Борьба с коррупцией в России XVI – XX веков: диалектика системного подхода / В. В. Астанин. – М., 2003.
2. Коррупция в органах власти: природа, меры противодействия, международное сотрудничество / под ред. П. Н. Панченко [и др.]. – Н. Новгород, 2001.
3. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под ред. А. В. Шеслера. – Тюмень, 2008.
4. Шеслер А. В. Криминологические аспекты организованной преступности / А. В. Шеслер. – Тюмень, 2009.

References

1. Astanin V. V. Struggle Against Corruption in Russia of the XVI – the XXth Centuries: the System Approach Dialectics / V. V. Astanin. – M., 2003.
2. Corruption in Authorities: Characteristic, Counteraction Measures, International Cooperation / ed. by P. N. Panchenko [et al.]. – N. Novgorod, 2001.
3. Criminal Law. The General Part / ed. by A. V. Shesler. – Tyumen, 2008.
4. Shesler A. V. Criminological Aspects of Organized Crime / A. V. Shesler. – Tyumen, 2009.

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.1

А. В. Васюк,
*соискатель кафедры теории
и истории государства и права
Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации*

A. V. Vasyuk,
*applicant of the Department of Theory
and History of State and Law of the Russian Law
Academy of the Ministry of Justice
of the Russian Federation*

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ В ТРУДАХ СОВЕТСКИХ УЧЕНЫХ

Hermeneutic Problems of Legal Texts in Soviet Jurisprudence

Аннотация. В статье анализируется герменевтическая проблематика юридических текстов в трудах советских ученых, определяется значение юридической герменевтики в данный период, рассматриваются различные точки зрения относительно понимания, толкования и применения правовых норм в советской юридической литературе. Высказывается авторская позиция относительно причин отказа в советской юридической науке от герменевтического подхода к интерпретации правовых текстов.

Ключевые слова: юридическая герменевтика, понимание, интерпретация, правоприменение, правовая культура, мышление, правосознание, советское право.

Abstract. The article covers hermeneutic problems of legal texts in Soviet jurisprudence, defines the importance of legal hermeneutics during this period, considers different points of view related to understanding, interpreting and applying legal norms in Soviet legal literature. The author states the position concerning the reasons for declining the hermeneutic approach to the interpretation of legal texts in Soviet legal science.

Key words: legal hermeneutics, understanding, interpretation, application, legal culture, thinking, sense of justice, Soviet law.

К началу XX в. в среде отечественных правоведов начал складываться герменевтический подход к праву. Однако рост интереса к герменевтической проблематике правовых текстов был прерван социальными катаклизмами, повлекшими за собой коренные изменения общественного мировоззрения и правовой идеологии.

В России в условиях советского общества (1917–1991 гг.) происходило формирование **советской** юридической науки. По мнению С. С. Алексеева, «она, как и “случай” советской цивилизации в целом, представляет собой особое, уникальное историческое явление, особый, хотя и выбивающийся из общих направлений мирового развития, феномен развития человеческого духа и интеллекта по вопросам права, характеризующийся противоречивым содержанием и последствиями» (Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 167). Несмотря на особые исторически сложившиеся условия правовой действительности, импульс к развитию правовой науки в условиях советского общества зададо еще правоведение дореволюционного периода. Российская дореволюционная юридическая наука по мировым стандартам отрасли юридических знаний

отличалась весьма сильными тенденциями к философскому постижению реальных правовых явлений, в том числе в вопросах юридической герменевтики.

Советское правоведение стало прямым выражением большевистских, леворадикальных коммунистических взглядов, соответствующих марксистским постулатам. Герменевтическая проблематика юридических текстов в 1917–1919 гг. утратила свою актуальность в связи с принятием в 1917 г. Декрета о суде № 1, который отменял действие старых законов, если они противоречили «революционному правосознанию» (URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2111>). В связи с признанием последнего основным источником права и при отсутствии новых писанных норм проблема разработки правил понимания, толкования и применения права перестала являться объектом научного интереса. Главным принципом понимания и способом толкования права новой судебной практики и революционного правотворчества стало соблюдение приоритета «революционного (социалистического) правосознания».

Так, например, в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР (1919 г.) получила распространение теория «социальных функций права» – основным принципом уголовного права

был признан принцип целесообразности, противопоставляющийся принципу законности (URL: <http://pravo.levonevsky.org/baza/soviet/sssr7311.htm>). Указанное направление развития отечественного законодательства проявилось также в тенденции законодателя к отказу от Особенной части кодекса, поскольку, руководствуясь «социалистическим правосознанием» и принципом целесообразности, возможно решать дела на основе норм Общей части. Судебные органы получили полномочия правотворчества при отсутствии конкретной нормы в законе, свободу применения аналогии закона и даже аналогии права. Такая свобода толкования в этот период, по мнению И. А. Исаева, на практике вела к произволу (Исаев И. А. История государства и права России: полный курс лекций. М., 1995. С. 290). Помимо судебных органов, функциями правотворчества наделялись все органы правоприменения, в том числе административные органы и ревтрибуналы.

В конце ноября 1918 г. при реформировании судебной системы, утвержденном ВЦИК Положением о народном суде РСФСР, в процессе понимания, толкования и правоприменения принцип «социалистического правосознания» был дополнен принципом учета социальных и политических мотивов. С вступлением в силу Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. проблема разработки правил и приемов интерпретации правовых текстов так и не стала актуальной. Под преступлением понималось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период. Проблема интерпретации предписаний решалась прежними способами. Толкование и применение норм Гражданско-процессуального кодекса РСФСР из-за недостатка узаконений и распоряжений для решения какого-либо дела суд осуществлял, руководствуясь общими началами советского законодательства и общей политикой рабоче-крестьянского правительства.

С середины 1930-х гг. в отечественном правоведении возобладала официальная версия «марксистско-ленинской общей теории права», которая представляла собой конгломерат данных юридического позитивизма и подогнанных под «современность» марксистских догм, партийных директив. Эта дисциплина служила тоталитарной системе, прикрывала, оправдывала, а то и возвеличивала коммунистический режим. Доктрина «социалистической законности», сложившаяся в этот период, исходила из нормативистского представления о праве. Однако признание нормативизма (вместо психологической и социологической теории права 1920-х гг.) не отменяло использования в толковании и применении пра-

вовых норм принципов целесообразности, аналогии и объективного вменения. Императивный характер советского права требовал толкования закона в строгом соответствии с намерениями его авторов, свобода толкования отсутствовала (как в дореволюционной отечественной науке или в западном праве).

В довоенный период и после начала Великой Отечественной войны общие подходы и принципы к толкованию нормативных актов оставались прежними. Для уголовного права военного периода свобода толкования и использование принципа аналогии получили еще более широкое применение. В вопросах научной разработки проблем понимания, толкования и применения нормативных правовых актов юридическая наука оказалась отброшенной назад по сравнению не только с мировым уровнем, но и с уровнем развития герменевтических идей в праве, достигнутым в дореволюционной России.

Идеологическая направленность советского правоведения сталинского и постсталинского времени затронула и юридическую догматику. Даже простое добавление слов «социалистическое» и «советское» к понятиям «право», «законность», «толкование» призвано было возводить соответствующие категории на самый высокий ценностный уровень. Выражения «новый, особый, высший исторический тип», «лучшее в мире», «принципиально отличное от буржуазного», неизменно употребляемые при рассмотрении советского права, приобрели значение непререкаемых и обязательных характеристик, сопровождающих обсуждения любых правовых явлений.

С конца 1940-х и на протяжении 50–60-х гг. советская юридическая наука стала весьма значительно развиваться в количественном отношении. После Великой Отечественной войны юридическое образование стало очень востребованным, появились новые юридические вузы, кафедры, дисциплины, в науку влилось большое число молодых ученых-юристов; были открыты новые научные юридические учреждения, расширены старые. В конце 1930-х гг. в науку и преподавание юридических знаний вернулись правоведы дореволюционного периода (М. М. Агарков, А. В. Венедиктов, В. К. Райхер, Е. А. Флейшиц, Б. Б. Черепяхин и др.). Именно благодаря их работе в 1940–1960-е гг. было оказано благотворное влияние дореволюционной отечественной и мировой правовой культуры на состояние советской юридической науки, даже в условиях сталинских, неосталинских, андроповско-брежневских порядков. В декабре 1958 г. были приняты новые Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Впервые в истории советского уголовного права они отменили принципы аналогии, обратной силы закона,

объективного вменения, а принцип «социалистического правосознания» был заменен принципом законности (URL: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/download/ZakonySSSR/data04/text16067.htm>). Эти изменения нашли свое отражение в Основях гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и Основях гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик (1961 г.).

Именно в этот период произошло значительное оживление научного интереса к вопросам толкования и применения советского права. С 1950-х по 1970-е гг. появились работы таких авторов, как: А. Я. Берченко (1960), А. Б. Венгеров (1966), Н. Н. Вопленко (1976), П. Е. Недбайло (1960), А. С. Пиголкин (1962), Р. С. Рез (1958), Ю. Г. Ткаченко (1950), А. Ф. Черданцев (1972), А. С. Шляпочников (1960) и др.

В них юридическая герменевтика как комплекс понимания, толкования и применения правовых текстов не рассматривалась и даже прямо отрицалась. Основным являлся подход, в соответствии с которым теория толкования советского закона как средства познания объективной действительности, связанной с фактами, имеющими юридическое значение, должна была носить строго научный характер. При этом, однако, как отмечал А. С. Шляпочников, теорию толкования закона нельзя рассматривать как самостоятельную отрасль научного знания: «Имевшие место в прошлом попытки ряда буржуазных теоретиков права создать в качестве самостоятельной отрасли науки права науку о толковании законов (так называемую юридическую герменевтику) оказались бесплодными не потому, что теория толкования закона лишена научной основы, а в силу того, что эта теория опирается на данные других общественных наук, не создавая своей, отличной от них методологии» (Шляпочников А. С. Толкование уголовного закона. М., 1960. С. 85).

Теория толкования советского закона основывалась прежде всего на марксистско-ленинской теории познания действительности и, следовательно, на методе диалектического материализма. Анализируя труды Н. А. Гредескула и П. Ю. Люблинского, А. С. Шляпочников пришел к выводу, что отрицание данными авторами юридической герменевтики объясняется «неспособностью буржуазной науки права найти твердую и прочную основу для толкования законов, которую может дать только материалистическая диалектика» (Там же. С. 89).

В работах некоторых советских ученых в 1940-е гг. появилась тенденция к отрицанию права советского суда на толкование закона. Данное обстоятельство нашло свое отражение в учебнике по уголовному праву, в котором толко-

вание противопоставлялось приемам и средствам, способствующим правильному применению закона (Уголовное право. Общая часть. М., 1938. С. 221). В более осторожной форме отрицание права суда на толкование закона обосновывалось путем противопоставления «уяснения» закона его «толкованию» с утверждением при этом, что суд вправе только уяснить смысл правовой нормы, но не толковать ее, а вопрос о толковании закона смешивался с вопросом об обязательной силе толкования (Голунский С. А., Строгович М. С. Теория государства и права. М., 1946. С. 260).

В связи с особенностями общей теории права, правовой социологии и философии права, характерными для указанного периода, когда они были «намертво скованы идеологией сталинизма» (Алексеев С. С. Указ. соч. С. 170), ее догмами и постулатами, вышеуказанные исследования в основном базировались на идеологических подходах к отдельным вопросам юридической герменевтики, на жесткой «методологии» и заранее заданных результатах. В отдельных работах более позднего периода стали постепенно формироваться научные подходы, нацеленные на поиск принципиально нового мировоззренческого взгляда на истолкование правовых явлений под углом зрения разграничения понятий «право» и «закон», однако и эти труды практически до конца 1980-х гг. должны были соответствовать основам марксистской диалектики и историческому материализму.

Далее обратимся к анализу отдельных положений советской юридической науки по вопросам понимания, толкования и применения норм советского права.

Отмечая актуальность проблем понимания и толкования нормативных правовых актов, Н. Н. Вопленко указывал, что толкование права является одной из традиционных проблем юридической науки, связанной с классовыми интересами, их обоснованием и защитой: «В условиях господства буржуазии толкование правовых норм выступает в качестве активного средства, обеспечивающего защиту интересов эксплуататорского меньшинства» (Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М., 1976. С. 5).

В советской юридической науке в 1950–80-е гг. толкование правовых норм чаще всего трактовалось как явление интеллектуально-волевого характера, направленное на познание и объяснение права. По мнению А. Я. Берченко, «выяснение смысла нормы – весьма значительное и гибкое звено в процессе применения права, используемое буржуазией для искажения истинного содержания нормы» (Берченко А. Я. Применение советского социалистического права. М., 1960. С. 16). А. С. Шляпочников толкование правовых норм определял как необходимое условие, обес-

печивающее надлежащее применение уголовного закона (Шляпочников А. С. Указ. соч.). А. Ф. Черданцев употреблял термин «толкование права» в двух смыслах: как определенный мыслительный процесс, направленный на установление содержания норм права путем выявления значений и смысла терминов и выражений (знаков естественного языка), заключенных в нормативных актах; как результат мыслительного процесса, который фиксируется в совокупности языковых высказываний, отражающих содержание норм права (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. Свердловск, 1972. С. 6).

Однозначного подхода к структурным элементам толкования (как комплекса элементов уяснения и разъяснения) в этот период еще не сложилось. Так, С. И. Вильнянский, А. И. Денисов рассматривали толкование как деятельность, направленную на уяснение смысла правовых норм (Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм // Метод. материалы ВЮЗИ. 1948. Вып. 2. С. 42; Денисов А. И. Социалистическое право. М., 1955. С. 58); Ю. Г. Ткаченко сущность толкования видел в разъяснении норм права (Ткаченко Ю. Г. Толкование юридических норм в СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1950. С. 6); С. С. Алексеев, Н. Н. Вопленко, П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкин понимали под толкованием уяснение и разъяснение норм права (Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. М., 1965. С. 177; Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 7; Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. М., 1960. С. 328; Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М., 1962. С. 8). Помимо трех вышеперечисленных подходов относительно структуры толкования права, в этот период существовал еще один, согласно которому под понятием «толкование права» понимали не только уяснение и разъяснение, но и интерпретацию (Теория государства и права. М., 1968. С. 500–501).

Вместе с тем, несмотря на разнообразие подходов, толкование рассматривалось не как случайная совокупность способов толкования, а как «система знаний об основных закономерностях уяснения и разъяснения смысла правовых норм» (Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 8).

Уяснение, являясь внутренним мыслительным процессом, составляет начальную ступень формирования понятия толкования. Оно представлялось Н. Н. Вопленко своего рода скрытым явлением, «вещью в себе». Его внешней противоположностью и логическим продолжением выступает разъяснение. С одной стороны, оно «отрицает» (в смысле прихода на смену одной ступени толкования другой) предшествующее уяснение, а с другой стороны, констатирует его существование. Это двойственное состояние выражается в

формуле «уяснение – разъяснение». Понимание А. С. Пиголкиным толкования-уяснения в качестве «внутреннего мыслительного процесса, не выходящего за рамки сознания самого интерпретатора» (Пиголкин А. С. Нормы советского права и их толкование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962. С. 11), содержанием которого являются мыслительные операции, производимые субъектом познания, в целом, на наш взгляд, соответствует такому элементу юридической герменевтики, как понимание.

Вторым элементом толкования социалистического права называется разъяснение. По мнению Н. Н. Вопленко, разъяснение норм права есть «изложение смысла государственной воли, выраженной в нормативных актах, которое стало возможным в результате деятельности по ее уяснению» (Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 9). Уяснение и разъяснение представляют собой две диалектически взаимосвязанные стороны процесса толкования, поэтому в процессе разъяснения могут быть использованы различные приемы и способы познания и интерпретации правовых норм. Наряду с такими способами толкования, как грамматический, логический, историко-политический и систематический, к приемам уяснения смысла права применяются реконструирование правовых норм, конкретизация, доказательство и опровержение тезисов, иллюстрация и т. д. (Черданцев А. Ф. Основные проблемы теории толкования советского права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1972. С. 16).

Характеризуя толкование права как определенный процесс, советские авторы указывали на герменевтическую проблему понимания, поскольку термин «толкование» тесно связан с понятием «познание». «Закон, – писал К. Маркс, – всеобщ. Случай, который должен быть определен на основании закона, – единичен. Чтобы подвести единичное под всеобщее, требуется суждение... Для применения закона требуется еще и судья... Для судьи нет другого начальника, кроме закона. Судья обязан толковать закон в применении к отдельному случаю так, как он понимает закон при добросовестном рассмотрении» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 66–67). В раскрытии точного смысла советского закона путем тщательного и глубокого марксистско-ленинского анализа его социально-политического содержания и словесной оболочки и заключалась задача толкования.

Нормы права являются, безусловно, доступными «непосредственному» восприятию или пониманию. Как справедливо указывал А. Ф. Черданцев, «при этом не надо забывать, что при простом прочтении улавливается лишь общий и абстрактный смысл нормы права» (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 13).

Непосредственное понимание словесных выражений наукой не отрицалось. Однако «это скорее заявка на понимание, чем само понимание. За процесс понимания принимается в этом случае простое чувство знакомства со словом» (Ветров А. А. Природа понятия и общественная практика // Практика и познание. М., 1973. С. 321). Понимание знакомого слова имеет «характер неразвернутого, неанализируемого знания того, что значит данное слово, и его можно выразить примерно таким предложением: “Я знаю, что это значит”» (Никифорова О. И. Роль представления в восприятии слова, фразы, художественного описания // Изв. акад. пед. наук РСФСР. М., 1947. Вып. 7. С. 124). Для понимания правовых норм такого знания такого значения недостаточно, необходимым является знание значения слов на уровне понятий, т. е. необходимо развернутое анализированное знание.

Советские ученые справедливо отмечали, что эффективность использования способов и приемов толкования в качестве инструментов процесса познания права зависит от особенностей подготовки познающего субъекта: «Толкование тем эффективнее и “незаметнее”, чем выше юридическая подготовка данных лиц» (Алексеев С. С. Общая теория социалистического права. С. 181), – и указывали на связь понимания смысла правовых норм с их непосредственной и правоприменительной реализацией. «Соблюдение, использование и применение права невозможны без предварительного познания смысла правовых велений» (Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 14). «Квалифицированные юристы легко “схватывают” абстрактный смысл нормы права и применительно к конкретным ситуациям без особых усилий. Но следует отметить, что такое “свернутое”, “бездоказательное”, на первый взгляд, понимание нормы права имеет в своей основе опыт прошлого индивидуального толкования и опыт толкования других субъектов» (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 14). Таким образом, за непосредственным, «свернутым» пониманием стоит опыт предшествующего развернутого толкования, основанного на различного рода аргументах.

В условиях социалистической действительности толкование нормативных актов являлось одним из способов проведения политики коммунистической партии. Учитывая специфику советского права, Н. Н. Вопленко определял толкование как выражающуюся в особом акте интеллектуально-волевою деятельность по уяснению и разъяснению смысла норм социалистического права в целях их наиболее правильной реализации (Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 11).

Такой элемент толкования, как уяснение, характеризует гносеологическую природу процесса

толкования, его направленность на познание и объяснение смысла правовых явлений (Черданцев А. Ф. Гносеологическая природа толкования права // Сов. государство и право. 1972. № 11. С. 105). Обосновывая гносеологическую природу толкования, А. Ф. Черданцев отмечал, что методологическую и теоретическую основы научного познания советских правовых норм составляет ленинская теория отражения. С учетом положений последней в советский период называли следующие свойства процесса толкования:

1. Толкование представляет собой опосредованное познание. Поскольку нормы права являются объектом обобщенного, абстрактного познания (мышления, протекающего в форме понятий, суждений, умозаключений), их толкование есть разновидность мышления, в ходе которого из одних мыслей выводятся другие, содержащие новое знание о содержании норм права.

2. Объективность толкования. С точки зрения марксизма познание есть форма отражения действительности мыслящим субъектом. Познание как процесс представляет собой результат взаимодействия субъекта с объектом, «то и другое накладывает на этот образ свой отпечаток... знание, истина – отражают собой единство объекта познания и познавательной деятельности субъекта» (Ленинская теория отражения и современность. София, 1969. С. 257). Нормы права (и их содержание) как предмет процесса толкования «объективны по отношению к индивидуальному сознанию, а также науке и иным формам общественного сознания» (Алексеев С. С. Объективное в праве // Правоведение. 1971. № 1. С. 112). Причем нормы права можно рассматривать как мысли законодателя о должном и возможном поведении субъектов права, и в этом плане они могут быть субъективны. Объективность норм означает, что для целей правового регулирования они должны быть материализованы в форме, доступной органам чувств. Такой формой является язык. Языковая форма норм права и языковая материализация процесса толкования определяют его объективный характер.

3. Логичность толкования. Правила формальной логики, используемые при толковании, имеют объективный характер, как и законы природы и общества. «Законы логики не навязываются человеческому мышлению, они являются необходимым свойством человеческой мысли» (Строгович М. С. Логика. М., 1949. С. 15). Требованиям формальной логики подчинен весь процесс толкования. «Все способы толкования (а не только так называемое логическое толкование), – по мнению А. Ф. Черданцева, – основываются на законах и правилах формальной логики» (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 64).

4. Диалектичность процесса толкования. Диалектика толкования как метода познания содержания норм права проявляется в совокупности способов толкования, в частности, в переходе от незнания к знанию, от неполного знания к полному, в противоречии истинных и ложных знаний о содержании нормы права и в других моментах.

5. Субъективность процесса толкования. Субъективный характер предопределяется тем, что толкование осуществляется конкретным субъектом, обладающим определенным уровнем правосознания, социальным опытом, умственными способностями. При этом результат толкования представляет собой субъективные идеальные представления о содержании нормы интерпретатора. В процессе толкования достигаются новые знания, отражающие содержание нормы права. Новизна заключается в том, что в процессе интерпретации и толкования достигаются более конкретные и детальные знания о содержании общей и абстрактной нормы права. Субъективный характер толкования может служить источником ошибок и заблуждений.

6. Классово-политический характер толкования (на нем подробнее остановимся ниже).

7. Особое внимание в советский период уделялось социально-политическому значению толкования. Проблема толкования носила сугубо классовый характер и в этот период рассматривалась исходя из сущности государства и права.

Определяя социально-политические задачи, которые стояли перед советским правом, и сравнивая учение о способах и приемах толкования «буржуазных» ученых-юристов с советским подходом, А. С. Пиголкин отмечал, что «проблема толкования нормативных актов была сведена буржуазными учеными-юристами лишь к формальным приемам, юридической технике, якобы охраняющих от субъективных ошибок при применении права для всех общественно-экономических формаций, для всех классов. Эта наука о приемах толкования стала называться юридической герменевтикой (юридической техникой)» (Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 24).

Советская юридическая литература не отвергала необходимости изучения и использования юридических приемов, которые помогали интерпретатору глубоко и всесторонне уяснить смысл исследуемой нормы, проанализировав ее. Использование системы приемов признавалось необходимым, но не главным в советском толковании. Политический характер толкования вытекал из сущности права, выражающего волю класса и являющегося «мерой политической» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 99), т. е. характер толкования зависел от классовой принадлежности

интерпретатора как субъекта познания. «Толкование нормативных актов всегда тесно связано с правосознанием и политикой того общественно-го коллектива, интересы которого выражает интерпретатор. В каждый конкретный период исторического развития оно является одной из форм раскрытия социально-политической направленности правовых норм» (Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 23). Цели и интересы определенного класса, классовый подход к различным явлениям жизни влияют на сознание интерпретатора, а следовательно, на результаты его деятельности, направленной на толкования правовых норм.

Так, по мнению А. Ф. Черданцева, «субъективный характер толкования является одним из факторов, который обуславливает также наличие различных теорий толкования» (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 32). Речь идет о статических и динамических теориях толкования. Статические теории в качестве основных ценностей рассматривали стабильность и определенность правовых норм. Согласно статическому подходу содержание норм права оставалось неизменным с момента их издания законодателем. В процессе толкования не допустимы были корректировка, приспособление норм права к изменяющимся условиям жизни.

Динамические теории в качестве основных ценностей рассматривали динамизм, изменчивость содержания норм права независимо от законодателя, приспособляемость права к меняющимся условиям жизни, допускающие возможность корректировки, адаптацию права к изменяющимся экономическим, политическим, культурным потребностям жизни общества, целям и интересам господствующего класса. Факторами, предопределяющими подход к толкованию и применению права, в советский период являлись «политические и идеологические установки КПСС, направленные на укрепление законности, повышение роли и престижа права в нашем обществе» (Черданцев А. Ф. Основные тенденции в теории и практике толкования советского права // XXIV съезд КПСС и актуальные проблемы демократии и законности : сб. учен. тр. Свердловск, 1972. Вып. 17. С. 94).

Толкование правовых норм в социалистическом государстве было неотъемлемой составной частью единого процесса применения права. Так, например, А. С. Шляпчиков указывал, что «важнейшим необходимым условием, обеспечивающим надлежащее применение уголовного закона, является правильное его истолкование. <...> Закон как общее правило поведения может быть правильно применен к каждому конкретному случаю, имеющему юридическое значение, лишь при условии установления его истинного

смысла. Применение закона к конкретным жизненным случаям невозможно без истолкования закона» (Шляпочников А. С. Указ. соч. С. 72–73).

Толкование в социалистическом государстве «должно служить цели правильного, точного и единообразного понимания и применения законов, цели выявления той сути закона, которую законодатель вложил в словесную формулировку, призвано противодействовать любым попыткам отойти от точного смысла правовых норм, противопоставлять под разными предлогами “буквальный” и “действительный” смысл этих норм. Основной идеей, которой должно быть проникнуто все учение о толковании нормативных актов, является идея всемерного укрепления социалистической законности, ее охраны» (Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. С. 34).

При обосновании значения акта толкования как специфического способа выражения познавательной деятельности Н. Н. Вопленко, Л. С. Явич опирались на категории материалистической диалектики. Взаимоотношения уяснения, разъяснения и акта толкования права представлялись ими как взаимосвязь философских категорий содержания и формы (Вопленко Н. Н. Указ. соч. С. 10 ; Явич Л. С. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права. Л., 1970. С. 42). Причем уяснение и разъяснение выступали в виде специфического содержания понятия толкования, а акт толкования – формой, в рамках которой осуществляются познание и объяснение смысла правовых норм, поскольку в явлениях, относящихся к сфере сознания, форма есть выражение содержания (Категории материалистической диалектики / под ред. М. М. Розенталя и Г. М. Штракса. М., 1957. С. 215). Роль толкования советского закона применительно к уголовному закону, по мнению А. С. Шляпочникова, ограничивалась познанием его смысла и содержания: «Всякие попытки выйти за пределы такого понимания задач толкования могут привести к нежелательным результатам – к превращению толкования в замаскированное нормотворчество, в скрытую форму применения отмененной новыми законами аналогии закона... поэтому нельзя переоценивать значение толкования права. Недостатки действующей системы права, связанные с отставанием права от требований жизни, невозможно устранить путем интерпретации права» (Шляпочников А. С. Указ. соч. С. 86).

Особое внимание, на наш взгляд, герменевтической проблематике юридических текстов в советский период уделил И. Н. Грязин в книге «Текст права (Опыт методологического анализа конкурирующих теорий)». Данная работа появилась несколько позднее проанализированных ранее трудов советских ученых, в 1983 г., и пред-

ставляла собой критический анализ «буржуазных» теорий восприятия и толкования права в контексте марксистско-ленинской диалектики. Однако некоторые положения, высказываемые автором, с нашей точки зрения, согласуются с положениями юридической герменевтики.

Толкование права понималось И. Н. Грязиным как познавательная (коммуникативная) процедура, представляющая собой сложное, многоплановое явление, допускающее различные подходы к его изучению (Грязин И. Н. Толкование нормативно-юридического текста как философско-методологическая проблема // Проблемы социальной детерминации познания : учен. зап. ТГУ. Тарту, 1980. Вып. 542. С. 12–28). Понятие правового текста многозначно и объемно, включает в себя целый ряд структурных подразделений, обладающих существенными различиями. В зарубежной правовой литературе совокупность всех правовых текстов обозначают термином «юридическая проза». В отечественной юридической литературе все правовые тексты принято подразделять на две основных категории: тексты действующих нормативных актов и метаязычные тексты, включающие «язык науки права, язык юридической практики государственных органов, обыденные высказывания о текстах действующих законов» (Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. С. 38). Понятия, используемые в правовом языке, могут быть названы категориями права, понятия же, используемые на их метауровне, – правовыми категориями. Концепции восприятия правового текста И. Н. Грязина ограничивались преимущественно первой группой правовых текстов, т. е. текстами, выражающими нормы. Однако в отличие от работ советских авторов 50–70-х гг. XX столетия правовой текст в целом им понимался шире, чем текст нормы права.

В целом проблема восприятия права представлялась И. Н. Грязину опосредованной его текстуальной формой, выступающей в своем классическом виде как проблема юридического толкования. При философско-правовом подходе вопросы, связанные с юридическим толкованием как с элементом функционирования официальных структур (вопросы юридической силы актов толкования, юридическое значение технических приемов толкования), отходят на второй план. Главный вопрос заключается в рассмотрении соотношения правового текста (объекта) и воспринимающего его субъекта, в этом случае речь идет не об отдельных конкретных теориях толкования, а об основных методологических тенденциях, концепциях восприятия правового текста.

Таким образом, в период с 1917 по 1940-е гг. рост интереса к герменевтической проблематике правовых текстов в России был прерван социальными катаклизмами, повлекшими за собой

коренные изменения общественного мировоззрения и правовой идеологии. Вопросы юридической герменевтики утратили свое научное и практическое значение в связи с отменой старых законов и утверждением в качестве основного источника права «революционного (социалистического) правосознания». Судебные органы получили полномочия правотворчества, свободу применения аналогии закона и даже аналогии права. Главным принципом понимания и способом толкования права судебной практики и революционного правотворчества этого времени стало соблюдение приоритета «революционного правосознания» и принципа целесообразности.

В вопросах научной разработки проблем понимания, толкования и применения нормативных правовых актов юридическая наука оказалась отброшенной назад по сравнению не только с мировым уровнем, но и с уровнем развития герменевтических идей в праве, достигнутым в дореволюционной России.

С конца 40-х по 80-е гг. XX в. советская юридическая наука в своем развитии сделала большой шаг вперед. В связи с существенными изменениями законодательства в советской юридической литературе этого периода значительно возрос научный интерес к вопросам толкования и применения советского права.

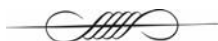
Исходя из классификации теорий толкования на статические и динамические, в истории развития советской теории толкования можно заметить тенденцию к постепенному переходу от динамического подхода к статическому, при котором в качестве основных ценностей выступают стабильность, определенность права, единство законности и устойчивости правопорядка.

При этом принятие в качестве основных ценностей стабильности и определенности права, устойчивости правопорядка не исключает определенных элементов динамического подхода в толковании. Элементы динамического подхода допустимы лишь в рамках общего и абстрактного закона или когда сам закон предусматривает возможность обращения в ходе толкования к инструментальным, этическим или политическим оценкам, находящимся за пределами права.

Появляется значительное число работ, посвященных отдельным вопросам герменевтической проблематики юридических текстов. Однако при рассмотрении проблем понимания, толкования и применения советских правовых норм разработанная русской дореволюционной юридической наукой юридическая герменевтика как комплекс понимания, толкования и применения правовых текстов не рассматривается и даже прямо отрицается как буржуазная.

В трудах П. Е. Недбайло, А. С. Пиголкина, А. Ф. Черданцева, А. С. Шляпочникова, а позднее и И. Н. Грязина получают теоретическое осмысление с учетом марксистско-ленинской теории познания вопросы понимания, толкования и применения советских правовых норм.

Разрабатываются применительно к советским условиям понятие и структура понимания и толкования правовых норм, исследуются способы толкования, анализируются полномочия субъектов толкования и другие актуальные вопросы. Однако герменевтический подход к процессу понимания, толкования и применения правовых норм воспринимается в этот период как чуждый советскому обществу и отражения в советской правовой науке не находит.



Библиографический список

1. *Вопленко Н. Н.* Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М., 1976.
2. *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М., 1960.
3. *Пиголкин А. С.* Толкование нормативных правовых актов в СССР / А. С. Пиголкин. – М., 1962.
4. *Черданцев А. Ф.* Вопросы толкования советского права / А. Ф. Черданцев. – Свердловск, 1972.
5. *Шляпочников А. С.* Толкование уголовного закона / А. С. Шляпочников. – М., 1960.

References

1. *Voplenko N. N.* Official Interpretation of Legal Norms / N. N. Voplenko. – M., 1976.
2. *Nedbaylo P. E.* Application of Soviet Legal Norms / P. E. Nedbaylo. – M., 1960.
3. *Pigolkin A. S.* Interpretation of Normative Legal Acts in the USSR / A. S. Pigolkin. – M., 1962.
4. *Cherdantsev A. F.* Some Questions of Interpretation of Soviet Law / A. F. Cherdantsev. – Sverdlovsk, 1972.
5. *Shlyapochnikov A. S.* Interpretation of Criminal Law / A. S. Shlyapochnikov. – M., 1960.

Н. С. Горковец,

*соискатель кафедры теории и истории
государства и права
Краснодарского государственного университета
культуры и искусств*

N. S. Gorkovets,

*applicant of the Department of Theory
and History of State and Law
of Krasnodar State University
of Culture and Arts*

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ГОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.: ПРОБЛЕМА КАЛЫМА**

**Legal Regulation of Marriage and Family Relations of Mountain Dwellers
in the North Caucasus in the XIX – XX Centuries: Problem of Bride-money**

Аннотация. Северный Кавказ представляет собой многонациональный, поликонфессиональный и не простой в сословном отношении регион. В рассматриваемый период здесь сложился полиюридизм, заключавшийся в использовании религиозных норм и обычного права, с одной стороны, и государственного российского права, с другой. Автор акцентировал внимание на роли региональных административных норм в регулировании семейно-брачных отношений горских народов. В статье на основе анализа норм административного акта начальника Терской области рассматривается проблема калыма.

Ключевые слова: адат, шариат, калым, мулла, горцы Северного Кавказа.

Abstract. The North Caucasus is a multinational, polyconfessional and difficult from the point of view of classes region. During the period of the XIX-XX centuries polyjuridism was formed here which meant the use of religious norms and customary law on the one hand and state law of Russia on the other. The author emphasizes the role of regional administrative norms in the regulation of marriage and family relations of mountain dwellers. On the basis of the analysis of norms of the administrative act of the head of Tersk Region the author considers the problem of bride-money.

Key words: adat, sharia, bride-money, mullah, mountain dwellers of the North Caucasus.

Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе, являющемся частью Российской империи, брачно-семейные отношения в среде горского населения регулировались нормами обычного права (адата), шариата и имперского законодательства, т. е. имел место правовой плюрализм. Наряду с этим издавались и отдельные правила, исходящие от начальников областей.

Адат и шариат имеют нормативно-регулятивную направленность и проявляются как особые юридические категории. Адат, основанный на обычаях, является частью коллективного сознания и регулятором всех общественных отношений. Шариат (араб. аш-шар – закон, ясно установленный путь) – это комплекс верований и религиозно-правовых норм, которым должен следовать мусульманин. Нормы шариата охватывают две области: отношение человека с Богом и отношения человека с другими людьми и общиной, регулируя практически все сферы повседневной жизни.

В узком смысле шариат включает в себя только ясно зафиксированные нормы Корана и Сунны. В более широком толковании он охватывает также нормы, выработанные в школах исламской религиозно-правовой мысли (фикха). В связи с этим, хотя законодателем в исламе выступает Бог, шариат наряду с нормами, имеющими пря-

мое божественное происхождение, включает установления, сформулированные людьми в согласии с ними или на их основе. Неслучайно наряду с Кораном и Сунной в суннитском исламе в качестве источника права выступают иджма (единогласное мнение общины) и «соизмерение» случаев, прямо не описанных в Коране и Сунне. Появление иджмы обусловлено двумя основными причинами: с одной стороны, Коран не был полным сводом юридических норм, а с другой, Сунна представляла собой множество казуистических положений, которые нередко противоречили друг другу и в которых простые мусульмане практически не могли самостоятельно разобраться.

В шариате освещаются с точки зрения ислама как светские, так и религиозные проблемы. В нем сведены в единую систему законы, регулирующие хозяйственную жизнь, нормы морали и этики, мусульманские обряды, праздники и многое другое, определяющее поведение верующих и порядок жизни всей мусульманской общины. В шариате подробно излагаются запреты, перечисляются дозволяемые, одобряемые и порицаемые поступки. По замыслу мусульманских правоведов, шариат должен регламентировать жизнь и деятельность мусульманина с момента рождения и до его смерти.

Мусульманское право (фикх) является составной частью шариата (Керимов Г. М. Шариат:

Закон жизни мусульман. Ответы шариата на проблемы современности. СПб., 2007. С. 3). Различие этих понятий основано на правовых критериях: шариат включает все обращенные к людям предписания Корана и Сунны, а к мусульманскому праву относятся лишь те принципы и нормы, которые были разработаны и истолкованы доктриной и отвечают требованиям права. Шариат – в целом религиозное явление, в котором можно обнаружить лишь отдельные следы правового начала. В отличие от него мусульманское право – преимущественно правовой феномен, хотя и выступающий порой в религиозной оболочке и ориентированный на религиозное правосознание. При этом различия между шариатом и мусульманским правом не следует абсолютизировать, поскольку данные явления не могут обойтись друг без друга (Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. М., 1997. С. 17).

Если шариат представить в качестве совокупности предписаний Корана и Сунны, взятых в буквальном выражении и в строгом соответствии с контекстом данных источников, то в нем можно обнаружить относительно немного положений правового характера (Там же. С. 12). В основном они касаются брачно-семейных отношений и наследования.

Правовая система ислама функционировала на Северном Кавказе на фоне живых и действенных традиций и обычаев, зафиксированных в строгих нормах адатов. Северокавказский адат обычно выступал сводом идеалов, призванных направлять поведение людей. Признание за адатами силы действующих юридических норм привело к тому, что государственная власть была вынуждена заниматься изучением правоотношений в горских обществах Кавказа. Неизбежно возникали вопросы о соотношении адата и шариата с действовавшими положениями гражданского, уголовного права, об их применении в судебной и административной практике.

В идеальном порядке адат характеризуется прежде всего своей повторяемостью. Он представляет собой серию актов, как правило, законных, которые формируют модель общественного поведения, он применяется таким, какой он уже есть, уже сформировавшимся. Наконец, адат является непреложным, обязательным, в ином случае человек рискует подвергнуться осуждению со стороны членов горского сообщества. Адаты для лучшего своего применения требовали толкования. Обычно в качестве толкователей выступали именитые члены общества и старейшины, которые должны были в процессе урегулирования конфликтов напоминать фундаментальные правила. Следуя так называемому принципу накопления источников, ни один новый адат не мог заменить какой-либо уже существующий: он

добавлялся к уже сформировавшимся, никоим образом не отменяя их.

Однако какой бы ни была трансформация адата в процессах конвергенции с мусульманским правом и правом России, он оставался для северокавказских народов важнейшим корпусом права. Вместе с тем адат никогда не претендовал на то, чтобы быть чем-то большим, чем свод идеалов, призванных направлять поведение людей. Однако после включения в российскую правовую систему он, впервые в своей истории, приобрел институционную значимость права, хотя и с определенными ограничениями.

Общеизвестно, что шариат придает очень большое и важное значение вопросам бракосочетания и создания семьи. Слово «бракосочетание» (араб. *ан-никах*) в арабском языке близко по смыслу словам «прижимание», «соединение». Поэтому арабы и называли договор бракосочетания *никах*, так как мужчина и женщина связываются (соединяются) этим договором.

Брак у горцев Северного Кавказа являлся договором, порождающим личные и имущественные права и обязанности. Он напоминал договор купли-продажи, где ценой являлся калым. Эта плата могла быть произведена наличными деньгами или, вместо них, оружием, разными ценными вещами и скотом. На размер калыма влияли следующие факторы: красота, возраст, добродетель, девственность невесты. Следует отметить, что адаты и нормы мусульманского права трактовали калым по-разному: адаты как выкуп родителям невесты; шариат как дар самой жене. Причем по адатам выкуп невесты у ее семьи являлся обязательным условием заключения брака, по шариату же этот выкуп (в литературе – *кебин*, *махр*) передавался не семье невесты, а ей самой как обеспечение на случай вдовства или развода по инициативе мужа: «И давайте женам их вено в дар» (Коран / пер. И. Ю. Крачковского. М., 1991. Сура 4, аят 3). *Махр* необходим для выплаты невесте в связи с заключением брачного договора. Его размер может быть определен точно. Если же размер не оговорен, т. е. при заключении брачного договора не указано на необходимость его выплаты, то муж тем не менее должен уплатить жене хотя бы символический *махр*. Шариат рекомендует, чтобы *махр* был небольшого размера: чем он меньше, тем лучше. Увеличение его размера носит негативный характер, так как не позволяет многим мужчинам вступать в брак либо откладывает заключение брака на значительный период, до тех пор, пока мужчина не соберет необходимую сумму для выкупа за невесту. Это влечет за собой ряд отрицательных последствий:

1. Многие мужчины и женщины не вступают в брак.

2. Члены семьи женщины придают излишне большое значение размеру махра. Во многих случаях они подходят к нему чисто потребительски: если выкуп значителен, то женщина выдается замуж, несмотря на возможные негативные последствия, а если выкуп мал, то предложение отвергается, даже если претендент характеризуется исключительно с положительной стороны.

3. Если взаимоотношения между мужем и женой испортятся, то большой размер калыма, как правило, не позволяет мужу расстаться с женой по-доброму. Он мучает ее, издевается, вынуждая тем самым возвратить хотя бы часть выкупа. Если бы махр был незначительных размеров, то муж с легкостью дал бы ей развод.

Между тем не наблюдается тенденции к умеренности и уступчивости в размерах калыма, наоборот, присутствует некоторая состоятельность в увеличении размера выкупа за невесту (Усаймин М. С. Брак в Исламе // Ислам – религия истины. Вып. № 27. URL: http://www.woman.upelsinka.com/.../islam_1.htm). В несостоятельных семьях уходило много времени на сбор средств для выплаты калыма, и нередко ко дню свадьбы жениху исполнялось 30–35 лет. Возникал большой возрастной разрыв между мужем и женой, порой старики покупали себе в жены совсем молодых девушек. Размеры калыма были разорительны и зависели от знатности той фамилии, к которой принадлежала засватанная девушка. «Отец чуть не выводит девицу для продажи как вещь, просит за нее 600–700 руб., желающий засватать ее редко кто имеет такие деньги и в большей части стараются добыть эти деньги порочными путями» (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее: ЦГА РСО-А). Ф. 12. Оп. 3. Д. 216. Л. 14). «Несмотря на запрет брать больше 105 руб., они тайно уплачивают больше, нарушая присягу и унижая Коран. Часто увозят девицу против ее желания и живут с ней без обряда, скрываясь от родных и родственников, таскают из селения в селение в течение одного или двух месяцев, заставляя ее насильно давать согласие на выход в замужество. При примирении с родными уплачивают большой калым по их требованию» (Там же. Л. 12–14).

Ввиду невозможности уплаты большого калыма начали практиковать систему открытых вооруженных похищений, результатом которых явились бесконечные ссоры, драки, убийства. Желание выплатить условный калым толкало молодежь на путь открытого коно- и скотокрадства, ущерб от которых для сельского населения был неисчислимым. Таким образом, в связи с невозможностью своевременно вступить в супружество из-за высокого калыма отмечалось небывалое падение нравственности народа.

Оценив вредные последствия калыма, население Терской области обратилось к начальнику Терской области с просьбой установить правила для туземного населения Терской области об уменьшении обычного калыма.

Атаман Сунженского отдела Терской области 4 февраля 1895 г. сообщал начальнику Терской области о том, что в 22 сельских обществах «Ингушевского народа» еще в 1860-х гг. установлен был самым народом калым за невесту 105 руб. Однако впоследствии этот обычай произвольно изменился, калымная плата стала увеличиваться в размере и зависеть от старшего мужчины в семье девушки. Вследствие чего молодые люди, не имеющие возможности уплачивать большой калым, стали больше воровать, преимущественно у русского населения, или тайно увозить девиц, что в свою очередь породило вражду, столкновения и убийства. Благомыслящие представители народа в 1879 и 1887 гг. составляли приговоры об ограничении размера калыма до 105 руб. и об ответственности за нарушение правил. Эти приговоры были утверждены бывшими предместниками начальника Терской области, но так как штрафы невозможно было взыскивать за неимением у виновных имущества, то нарушения оставались безнаказанными, и высшая калымная плата вносилась тайным образом. Вследствие предложения начальника Терской области и ввиду просьб народа о прекращении беспорядка, вытекающего из сватовства девиц и вдов, бывший атаман отдела генерал-майор Морозов потребовал от народного кадия разъяснение норм шариата о калымной плате по сватовству и поручил Горскому суду разработать по этому предмету новые правила. Представленные правила были обсуждены со знатоками адатов – старейшинами, которые согласились с проектом Горского суда и настоятельно просили о применении к нарушителям административной ссылки (Там же. Л. 10). Такие же просьбы последовали от начальника Хасав-Юртовского округа Терской области начальника Ингушевского общества, начальника Грозненского округа, начальника Нальчикского округа, от Управления Владикавказского округа, которые предоставили начальнику Терской области собранные данные о размерах калыма и отзывы людей о необходимости уменьшения калыма и как следствие возможного уменьшения преступлений.

Народный кадий по данному вопросу разъяснил, что в шариатских книгах установлен калым в размере не свыше 25 руб. По существующим в тот период ценам на скот это соответствовало 75 руб., так как имело место обесценивание рубля в 3 раза. Чем меньше сумма калыма, тем лучше для шариата и народа, так как с его увеличением увеличиваются и убийства, столкновения,

ссоры, драки. Однако суть проблемы заключалась в том, что у разных магометанских народностей размер калыма был различен и устанавливался своим обычаем, но не шариатом (Там же. Л. 12).

Между тем с учетом пожеланий вышеотмеченных обществ и с целью стабилизации ситуации в регионе администрация Терской области в середине 90-х гг. XIX в. разработала и приняла специальные правила для урегулирования вопроса о калыме. Правила для туземного населения Терской области об уменьшении обычного калыма 1895 г. (далее: Правила) состояли из параграфов, в которых определялись: условия вступления в брак (§ 1–2), процесс обряда бракосочетания (§ 3–15), регламентация свадебных затрат (§ 16–19), размер и предназначение калыма (§ 20–25), функции и ответственность муллы и старшины (§ 26–32, 53), ответственность сторон за уплату и получение излишнего калыма (§ 33–35), ответственность за стрельбу во время свадьбы (§ 36–38), ответственность за нарушение самих Правил (§ 39), механизм привлечения к административной, уголовной, материальной ответственности лиц, виновных в увозе девушек и женщин (§ 40–49, 54), ответственность за вовлечение женщин в незаконное сожительство (§ 50–52).

Проанализируем некоторые положения этих правил. Размер калыма устанавливался для девушек 75 руб. наличными деньгами и для вдовы – 37 руб. 50 коп. Можно было платить и меньше, это даже поощрялось, но не больше указанной суммы (Там же. Л. 18). Контроль над суммой калыма поручалось осуществлять старшине и мулле. В случае повышенной платы старшина и мулла должны были прервать обряд бракосочетания до момента возврата излишнего калыма. Стороны, виновные в уплате и принятии излишнего калыма, ссылались в отдаленные места Терской области на 2 года, даже если излишний калым возвращался. Устанавливалась ответственность духовных лиц, нарушивших данные Правила. Согласно § 35 Правил мулла отстранялся от должности с запретом навсегда ее занимать и ссылался на 1 год (Там же. Л. 20). Никакие жалобы и споры по брачным обрядам, совершенным не по Правилам, не рассматривались.

Правила уделяли немало внимания вопросам, связанным с похищением девушек, добровольным вступлением в брак и путем обмана. Например, при похищении девушки, сопровождавшемся изнасилованием, согласно § 46 за бесчестие платился двойной калым 150 руб., а если девушка не была изнасилована, то 75 руб., а за бесчестие дома с виновного или соучастников взымалось 50 руб. в пользу родных. Если виновный в похищении избегал судебной ответственности,

то он ссылался в административном порядке на 3 года, а соучастники – на 1 год (Там же. Л. 21–22).

Если девушка сама приходила в дом мужчины, а он ее оставлял или вступал с ней в связь, его признавали виновным в похищении и привлекали к ответственности. Если мужчина вовлекал девушку или женщину в незаконное тайное сожительство, пообещав жениться ней, то он согласно § 50 ссылался в административном порядке на 2 года с выплатой ей двойного калыма 150 руб. и родным девушки 50 руб. (Там же. Л. 23).

Выработанные Правила, наряду с нормами адата и шариата, являлись нормативной базой судопроизводства в горских словесных судах, в том числе и апелляционной инстанции. Приведем некоторые примеры. Так, согласно представленному делу № 352 начальнику Терской области Грозненским горским судом 1897 г. Аху Мигиев при содействии нескольких товарищей насильно увез девушку Сингерат Хадуеву. Ее отец подал судебному следователю заявление о похищении и изнасиловании его дочери с целью заставить девушку вступить в брак. Однако сама потерпевшая на предварительном следствии отвергла заявление отца, в связи с чем дело было передано горскому суду. Аху Мигиев заявил, что увез девушку с ее же согласия и сослался на свидетелей. В делах о похищении суд по обычаю принимал во внимание ссылку обвиняемых на свидетелей только в том случае, если они – лица должностные, т. е. старшина, его помощник или кадий, и им было заявлено о намерении взять женщину. В данном случае был такой свидетель – помощник старшины, который подтвердил согласие девушки вступить в брак с Аху Мигиевым, но он оказался в родстве с обвиняемым. В результате Грозненский горский словесный суд признал Аху Мигиева виновным в насильственном похищении и назначил наказание в виде 4 месяцев тюремного заключения и взыскал в пользу потерпевшей 100 руб. серебром как плату по обычаю за бесчестие. Начальник Терской области апелляционную жалобу не удовлетворил, а приговор подтвердил (Там же. Л. 11).

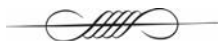
Однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что большие калымы продолжали выплачиваться. Например, из материалов дела № 1151 Канцелярии начальника Терской области за 1898–1902 гг. видно, что были нарушены сразу несколько положений Правил: во-первых, девушка была выдана замуж ее отцом насильно, без ее согласия; во-вторых, были выплачен калым в размере 600 руб. и покрыты свадебные издержки в сумме не менее 150 руб. (Там же. Л. 2).

В 1896 г. Нальчикский горский словесный суд удовлетворил иск о взыскании калыма в пользу девушки в размере 1000 руб. (Там же. Л. 2). В 1900 г. Владикавказский окружной суд рассматри-

вал дело об обольщении девушки, в результате чего она просила взыскать с обвиняемого 500 руб. калыма (Там же. Л. 7). Следовательно, можно сделать вывод, что выработанные Правила сдерживали население в этом вопросе, но все же не имели императивной формы их строгого соблюдения.

Несмотря на социальный вред, наказуемость, сторонники больших калымов стали использовать неофициальные формы в виде подарков, материальной помощи родителям, свадебных и

прочих расходов с целью избежать наказания. Все это создавало серьезные трудности при определении четких и ясных границ калыма. Проблема заключалась в том, что общество, с одной стороны, относилось к калыму как к традиции, национальной самобытности, а с другой стороны, само указывало на те негативные социальные, экономические, нравственные и правовые последствия увеличения размера калыма, которые привели к росту правонарушений.



Библиографический список

1. Керимов Г. М. Шариат: Закон жизни мусульман. Ответы Шариата на проблемы современности / Г. М. Керимов. – СПб., 2007.
2. Коран / перевод И. Ю. Крачковского. – М., 1991.
3. Сюкияйнен Л. Р. Шариат и мусульманско-правовая культура / Л. Р. Сюкияйнен. – М., 1997.
4. Усаймин М. С. Брак в Исламе [Электронный ресурс] / М. С. Усаймин // «Ислам – религия истины». – Вып. № 27. – Режим доступа: http://www.woman.upelsinka.com/history/islam_1.htm.

References

1. Kerimov G. M. Sharia: The Law of Muslim's Life. Answers of Sharia to the Questions of Contemporary Life / G. M. Kerimov. – SPb., 2007.
2. The Koran / translated by E. Yu. Krachkovskiy. – M., 1991.
3. Syukiyaynen L. R. Sharia and Muslim Legal Culture / L. R. Syukiyaynen. – M., 1997.
4. Usaymin M. S. Marriage in Islam [Electronic resource] / M. S. Usaymin // «Islam – the Religion of Truth». – Issue № 27. – Access: http://www.woman.upelsinka.com/history/islam_1.htm.

Д. А. Ерин,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент

D. A. Erin,
Associate Professor of the Department
of State and Law Studies
of VLI of the FPS of Russia
Candidate of Law, Assistant professor

**ОРГАНИЗАЦИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ
в ЦЕНТРАЛЬНО-ПРОМЫШЛЕННОМ РЕГИОНЕ РСФСР в 1924–25 гг.
(на примере Владимирской, Московской и Рязанской губерний)**

**Organization and Formation of Subordinated Militia in the Central
Industrial Region of the RSFSR in 1924–1925
(Considering the Example of Vladimir, Moscow and Ryazan Provinces)**

Аннотация. Статья посвящена проблемам становления и организации ведомственной милиции в РСФСР в 1924–1925 гг. В ней раскрываются особенности правового регулирования деятельности ведомственной милиции Советского государства.
Ключевые слова: милиция РСФСР, ведомственная милиция.

Abstract. The article is devoted to the problems of formation and organization of subordinated militia in the RSFSR between 1924 and 1925. It discloses peculiarities of the legal regulation of the activity of subordinated militia units in the central industrial region of the RSFSR.
Key words: RSFSR militia, subordinated militia.

Развитие промышленности и рост торговли в молодой Советской республике в период нэпа привели не только к общему подъему экономики, разрушенной в годы революции и гражданской войны, но и к росту преступности, в первую очередь в экономической и хозяйственной сферах. Это обстоятельство поставило перед руководством государства вопрос об обеспечении сохранности всех объектов производства и торговли. Существовавшая до 1924 г. разрозненная и неорганизованная система охраны не способна была решить данную проблему. Нужна была централизованная, хорошо организованная структура. Ей должна была стать ведомственная милиция, в чьи обязанности входила бы охрана объектов всех видов собственности, а деятельность основывалась бы на договорных началах и финансировалась за счет средств заинтересованных предприятий и учреждений.

Шестого февраля 1924 г. СНК РСФСР принял постановление «О ведомственной милиции», а 27 февраля этого же года приказом № 55/с начальника милиции Республики оно было введено в действие (Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43(а). Д. 277. Л. 18–18(об).

В начальный период формирования ведомственной милиции в условиях отсутствия «Положения о ведомственной милиции» НКВД РСФСР был издан циркуляр от 23 мая 1924 г. № 217 «О принципах организации ведомственной милиции», в котором всем начальникам админист-

ративных отделов губерний, областей и НКВД автономных республик в составе РСФСР предписывалось осуществлять организацию ведомственной милиции, основываясь исключительно на положениях циркуляра, «...впредь до окончательного утверждения и объявления Положения о ведомственной милиции» (Бюллетень НКВД. 1924. № 19. С. 86). Издание этого нормативного правового акта послужило началом фактического формирования ведомственной милиции в масштабах всей страны.

Девятнадцатого января 1925 г. на основании постановления СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. НКВД РСФСР после согласования с НКЮ, РКИ, наркоматами внутренней и внешней торговли, финансов, земледелия, путей сообщения, ВСНХ, ОГПУ, Реввоенсоветом утвердил «Положение о ведомственной милиции», а 24 февраля 1925 г. и «Инструкцию о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности».

Эти нормативные правовые акты во многом обеспечили поступательное развитие ведомственной милиции на местах, урегулировав значительный объем вопросов, связанных с организацией и функционированием данного органа. Деятельность ведомственной милиции согласно нормативным правовым актам организовывалась на основе двустороннего соглашения (договора) между администрацией охраняемых объектов (предприятий или учреждений) и начальником соответствующего административного отдела. В договоре были определены: объект охраны, права и обязанности сторон, условия охраны, количество постов и милиционеров, а также стои-

мость выполняемой работы. Однако следует отметить, что становление ведомственной милиции в различных регионах страны имело свои особенности, присущие той или иной губернии.

Как осуществлялось формирование ведомственной милиции в Центрально-промышленном регионе, можно проследить на примере Владимирской, Московской и Рязанской губерний, наиболее промышленно развитых. В этих губерниях, как и в целом по стране, становление ведомственной милиции проходило по-разному.

Практические мероприятия по организации ведомственной милиции в данных губерниях были начаты не одновременно. Так, если в Московской губернии ведомственная (промышленная) милиция стала формироваться практически с февраля 1924 г., то административный отдел Рязанского губисполкома приступил к мероприятиям по созданию ведомственной милиции в регионе в мае 1924 г., а Владимирский губернский съезд начальников милиций и начальников отделений уголовного розыска, представителей губернского суда и губернской прокуратуры, который состоялся 8 июня 1924 г., признал только с этого периода необходимость организации ведомственной милиции в губернии (Государственный архив Владимирской области (далее: ГАВО). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 33. Л. 213).

В Московской и Владимирской губерниях администрации предприятий и учреждений, как правило, не препятствовали формированию ведомственной милиции, а во многих случаях, наоборот, сами выступали с инициативой ее создания. В Рязанской губернии ситуация складывалась прямо противоположная. Адмотдел Рязанского губисполкома столкнулся с явным нежеланием администраций значительного количества предприятий и учреждений как в г. Рязани, так и в уездах, передавать охрану своих объектов ведомственной милиции (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 51. Д. 36. Л. 9).

Существовали различия и в вопросах организации управления подразделениями ведомственной милиции.

Общая организация управления ведомственной милицией в губерниях осуществлялась губернским отделением ведомственной милиции, однако на уровне «город (уезд) – предприятие» организационный аспект был урегулирован недостаточно четко.

До принятия постановлением СНК РСФСР от 6 февраля 1924 г. «Положения о ведомственной милиции» и «Инструкции о порядке организации ведомственной милиции и ее деятельности» не предусматривалось образование отделений ведомственной милиции ни на предприятиях, ни при городских (уездных) органах милиции. Так, если в Рязанской и Владимирской губерниях

подчинение ведомственных милиционеров начальникам общегосударственной милиции, как правило, не создавало трудностей организационного характера, то в г. Москве, крупнейшем промышленном центре, такая практика подчинения начальникам городских отделений общей милиции выявила ряд существенных недостатков в организации эффективного управления и соответственно качественного несения караульной и сторожевой службы милиционерами ведомственной милиции. Старшие милиционеры и надзиратели не могли обеспечить должного контроля за осуществлением несения службы ведомственными милиционерами.

В конце 1924 – начале 1925 г. во 2 и 26-м городских отделениях г. Москвы количество ведомственных милиционеров значительно превышало состав общей милиции. Это привело к тому, что «комсостав городской милиции, чрезвычайно перегруженный общемилицейской работой, не может полностью справиться с наблюдением и работой промохрани (ведомственной милиции)» (Адм. вестн. 1925. № 5. С. 50). В результате руководство административного отдела Московского губисполкома приняло решение, противоречащее основным нормативным правовым актам, регулирующим порядок организации ведомственной милиции, создав в указанных отделениях специальные караульные команды, возглавляли которые начальник команды и его помощник. В ведении последних находилась непосредственная организация всей работы по ведомственной милиции соответствующих отделений общегородской милиции.

Анализ деятельности ведомственной милиции в указанных губерниях выявил ряд недостатков в ее работе, которые выражались в том, что объектом охраны становились частные предприятия и учреждения, не имеющие государственного значения и не относящиеся к промышленным объектам. Так, руководство местных губернских и уездных исполкомов организовывало ведомственную милицию для охраны ресторанов, пивных, трактиров и т. д. Это было наиболее характерно для Владимирской губернии, где в отличие от Московской и Рязанской, ведомственная милиция принимала под охрану фруктовые сады, торговые ряды; занималась поддержанием общественного порядка и спокойствия в пивных, сбором денег за места на базарной площади в базарные дни и т. д. (ГАВО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 124. Л. 47, 55, 68).

Особенность функционирования ведомственной милиции заключалась в том, что администрация предприятий и учреждений, которые охранялись, обязывалась осуществлять материально-техническое обеспечение ведомственных мили-

ционеров (вооружение, снаряжение, обмундирование, а также выплата заработной платы). В отличие от уездно-городской (государственной) милиции и уголовного розыска оплата труда милиционеров ведомственной милиции устанавливалась путем закрепления соответствующей суммы в договоре с администрацией предприятия. Причем в нормативных правовых актах, регулирующих порядок организации и функционирования ведомственной милиции, указывалось, что оплата труда должна производиться по ставкам, которые не ниже ставок, установленных для общегосударственной милиции и уголовного розыска, а в зависимости от «...особо тяжелых случаев... заработок может быть повышен до размера среднего заработка квалифицированных рабочих» (Бюллетень НКВД. 1924. № 19).

Однако на практике существовала значительная разница в зарплатах сотрудников этих категорий милиции, причем разница была в оплате труда не только в разных губерниях, но и в рамках одной губернии и даже уезда.

Так, например, в 1924 г. оплата на содержание каждого милиционера по охране двух магазинов и лесного склада Владторга в г. Владимире составляла 33 руб.; владимирского отделения нижегородской базы Сахартреста – 20 руб., а оплата на содержание ведомственной милиции, осуществляющей охрану торговых рядов, была 40 руб. (ГАВО. Ф. Р-308. Оп. 1. Д. 124. Л. 43, 45, 55). В Касимовском уезде Рязанской губернии на 1 декабря 1924 г. зарплата младшего милиционера составляла 25 руб. в месяц, старшего – 30 руб., а в Скопинском уезде – соответственно 20 и 25 руб., в то время как в Ранненбургском уезде средняя зарплата была равна 18 руб. в месяц, а в Сасовском – 24 руб. 57 коп. (ГАРФ. Ф. 393. Оп. 51. Д. 36. Л. 12, 14, 15, 16, 18).

Разница в зарплате ведомственных милиционеров во многом обуславливалась финансовыми возможностями предприятий и учреждений. Только к концу 1925 г. уровень оплаты труда ведомственной милиции в губерниях Центрально-промышленного региона достиг примерного равенства.

Формирование подразделений ведомственной милиции на предприятиях и учреждениях Владимирской, Московской и Рязанской губерний осуществлялось либо путем зачисления в ряды ведомственной милиции сторожей, соответствующих требованиям, предъявляемым ко всем гражданам, поступающим на службу в милицию, либо путем привлечения на службу кандидатов из числа населения. Причем необходимо отметить, что в соответствии со всеми распоряжениями Советского правительства и Центрального административного управления НКВД РСФСР

приоритет отдавался лицам, демобилизованным из рядов РККА.

Социальный состав ведомственной милиции Рязанской губернии в целом соответствовал социальному составу населения Советского государства. Так, на 1 марта 1925 г. из 359 милиционеров ведомственной милиции губернии 88 % происходило из крестьян, 8,3 % – из рабочих и 3,7 % – из иных социальных групп (Там же. Л. 101). Низкий процент рабочих в рядах ведомственной милиции объяснялся тем, что рабочие, как правило, были более востребованы на производстве в отличие от крестьян, которые не имели рабочих специальностей и не могли нигде более трудоустроиться, кроме как в милиции. Данное обстоятельство было характерно не только для Рязанской, но и для соседних с ней губерний.

Существенной особенностью ведомственной милиции Владимирской и Рязанской губерний было почти полное отсутствие в ее рядах членов партии большевиков. Этот факт неоднократно отмечался в отчетах Рязанского губадмотдела. Так, в январе 1925 г. губисполком констатировал, что «...привлечение в ряды милиции... партийных товарищей... на практике является трудно выполнимым, так как партийный работник всегда находит себе службу, гораздо более оплачиваемую, чем служба милиционера» (Там же. Л. 37(об)).

Вместе с тем необходимо отметить, что процесс становления ведомственной милиции периода 1924–1925 гг. во Владимирской, Московской и Рязанской губерниях протекал в русле общероссийских проблем и являлся примером, отражающим общегосударственную практику становления ведомственной милиции в РСФСР.

К 1 апреля 1925 г. в Рязанской губернии насчитывалось 356 ведомственных милиционеров, которые на 1 июля 1925 г. охраняли 74 предприятия и учреждения; в Московской губернии на 1 апреля 1925 г. в ведомственной милиции служил 2501 милиционер, при этом надо подчеркнуть, что вся ведомственная милиция РСФСР в указанный период насчитывала 589 человек командного состава и 7318 младших милиционеров (Там же. Оп. 43(а). Д. 1113. Л. 116, 386 ; Оп. 51. Д. 36. Л. 165). По количеству милиционеров ведомственной милиции и числу охраняемых объектов Московская и Рязанская губернии занимали лидирующие позиции в стране.

Таким образом, несмотря на все трудности первоначального периода формирования ведомственной милиции в основном была создана во Владимирской, Московской и Рязанской губерниях и смогла достаточно эффективно выполнять свою главную задачу – охранять государственное имущество от расхищений.



Библиографический список

1. История советской милиции : в 2 т. – М., 1977. – 2 т.
2. Министерство внутренних дел России. 1802–2002 : в 2 т. – СПб., 2002. – 2 т.
3. Мулукаев Р. С. Организационно-правовые основы становления советской милиции (1917–1920) / Р. С. Мулукаев. – М., 1975.
4. Органы и войска МВД России : крат. ист. очерк. – М., 1996.

References

1. History of Soviet Militia : in 2 v. – M., 1977. – V. 2.
2. The Ministry of the Internal Affairs of Russia. 1802–2002 : in 2 v. – SPb., 2002. – V. 2.
3. *Mulukaev R. S.* Organizational and Legal Fundamentals of Soviet Militia Establishment (1917–1920) / R. S. Mulukaev. – M., 1975.
4. Organs and Forces of the Ministry of the Internal Affairs of Russia. – M., 1996.

А. В. Жигалев,
адъюнкт факультета
государственно-правовых дисциплин
Псковского юридического института
ФСИН России

A. V. Zhigalev,
post-graduate student
of the Faculty of State and Law Studies
of Pskov Legal Institute of the FPS of Russia

**АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
МЕСТ ЛИШЕНИЯ ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ В РОССИИ
20-х – НАЧАЛА 30-х гг. XX в.**

**Administrative and Legal Peculiarities of Organizing Manufacturing Activity
in the Places of Deprivation and Restriction of Liberty in Russia of the 1920s-1930s**

Аннотация. В статье отражены результаты исследования формирования правового механизма организации производственной деятельности осужденных в 1920-е – начале 1930-х гг. Автор анализирует политические, экономические предпосылки привлечения осужденных к трудовой деятельности, ее правовое регулирование и особенности организации.

Ключевые слова: лагеря принудительного труда, трудовое воспитание осужденных, исправительно-трудовой кодекс РСФСР, пенитенциарные учреждения, Главное управление мест заключения, ГУЛАГ, Беломоро-Балтийский канал, карательная политика.

Abstract. In the article the author presents the results of the study of forming the legal mechanism of organizing manufacturing activity of the convicted in 1920s – at the beginning of the 1930s. The author analyzes political and economic conditions of involving the convicted into the labour activity, its legal regulation and organization features.

Key words: forced labour camps, labor education of the convicted, Correctional Labour Code of the RSFSR, penitentiary institutions, Chief Administration of Imprisonment Places, Chief Administration of Corrective Labour Camps and Colonies (The Gulag), the White Sea-Baltic Canal, penal policy.

Анализу репрессивной сущности государственного карательного механизма, олицетворением которого стало Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения (далее: ГУЛАГ), посвящено немало научных трудов. Между тем работ, целью которых стало исследование событий рубежа 20–30 гг. прошлого века, позволяющих ответить на вопрос, почему это стало возможно, имеется крайне мало. Если принять за константу утверждение, что все в этом мире циклично, что история повторяется, но только на ином уровне, то изучение данной страницы отечественной истории становится чрезвычайно актуальным: нельзя пренебрегать уроками прошлого во избежание повторения подобных ошибок в будущем.

Использование осужденных в качестве дополнительных трудовых ресурсов практиковалось с первых лет существования Советского государства. Так, 24 января 1918 г. вышло постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее: НКЮ) «О создании тюремных рабочих команд», которым определялись условия труда заключенных и его оплаты (ГУЛАГ. 1918–1960 : сб. док. / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2000. С. 38–40). Аналогичным вопросам был посвящен циркуляр Центрального

карательного отдела НКЮ РСФСР от 7 августа 1918 г. № 32 (Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918–1929 гг. о деятельности мест лишения свободы. М., 1959. С. 53 и др.), а также ряд других документов. На основании постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее: ВЦИК) РСФСР от 15 апреля 1919 г. «О лагерях принудительных работ» началась работа по реальному созданию мест лишения свободы нового типа (ГУЛАГ. 1918–1960. С. 14–16).

Изначально они не имели ничего общего с концентрационными лагерями в том виде, в котором их представляют наши современники. Так, по утверждению некоторых исследователей, положительно зарекомендовавшим себя осужденным предоставлялось право проживать на частных квартирах (Моруков М. Ю. Правда ГУЛАГа из круга первого. М., 2006. С. 29 ; Перебинос Ю. А. Реализация принципов уголовно-исполнительной политики государства при организации и функционировании лагерей принудительных работ в Вологодском крае в 1919–1921 гг. // Уголовная и уголовно-исполнительная политика современной России: Проблемы формирования и реализации : сб. науч. ст. Вологда, 2006. Ч. 1. С. 148–151). Обязательным был только труд, что, на наш взгляд, с большой натяжкой можно на-

звать наказанием, связанным с лишением свободы. Это особенно очевидно, если учесть, что в этот период на территории РСФСР, фактически еще до декрета Совета народных Комиссаров (далее: СНК) РСФСР от 5 февраля 1920 г. «О Комитетах всеобщей трудовой повинности (Положение)» (Изв. ВЦИК. 1920. 5 февр.), была введена всеобщая трудовая повинность. Условия содержания бойцов «трудовых армий» были более тяжелыми, чем заключенных в трудовых лагерях.

Положение несколько изменилось после того, как в начале 1922 г. был поставлен вопрос о переводе всех лагерей и колоний на основы хозрасчета и самоокупаемости. Для координации производственно-хозяйственной деятельности было создано Центральное хозяйственное управление производственными предприятиями при лагерях принудительных работ – «Принкуст». Его Устав был утвержден 4 марта 1922 г. (Власть Советов. 1922. № 10. С. 67). Однако в условиях массовой безработицы составлять конкуренцию в размещении заказов предприятиям, где трудились вольные граждане, местные партийные и хозяйственные руководители не рекомендовали. Даже к апрелю 1928 г. в биржах труда на учете состояло 1576 тыс. человек (Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 11). В связи с этим заключенные все чаще оставались без работы.

В качестве примера приведем статистические сведения, полученные в Московском бюро принудительных работ. Так, за второе полугодие 1922 г. из 1865 осужденных к этой мере наказания реально работали 622 человека (33,3 %); не работали из-за отсутствия фронта работ 270 (14,5 %); по болезни не работали 158 (8,5 %); находились в розыске 815 человек (43,7 %) (Дворянсков И. В. Исторические предпосылки формирования и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительных инспекций // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. М., 2008. С. 15). В Бюро принудительных работ при Владимирской губернской инспекции мест заключения на 1 марта 1926 г. на учете состояло 559 человек. Из них на платных работах использовались только 338. Какую-то часть из оставшихся осужденных использовали в созданном при данном Бюро ассенизационном обозе, но эта работа носила эпизодический характер (Владимирский централ / Т. Г. Галяшина [и др.]. М., 2007. С. 53–54).

На 2-й сессии ВЦИК РСФСР XII созыва член Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР Н. В. Крыленко (1928–1931 гг. – прокурор РСФСР) отмечал, что «принудительные работы без лишения свободы на 9/10 след-

ствие несовершенства нашего аппарата, бедности наших финансов – фикция, и что мы до сих пор не сумели их правильно организовать». Пришлось даже признать, что все это послужило причиной обращения руководителей целого ряда учреждений с просьбой «исключить вовсе принудительные работы из мер репрессии для правонарушителей или установить замену их тюрьмой» (Крыленко Н. В. Доклад // Стенограф. отчет заседаний 2-й сессии ВЦИК XII созыва. М., 1926. С. 353).

Однако со временем появилась новая стратегия, позволившая решить эту непростую проблему. В конце 1923 г. прошел Всероссийский съезд пенитенциарных работников, заложивший основополагающие принципы исправительного воздействия на осужденных посредством «трудового воспитания». Постановление 2-й сессии ВЦИК РСФСР XI созыва 16 октября 1924 г. утвердило Исправительно-трудовой кодекс РСФСР, который закрепил эти принципы на законодательном уровне (Собр. узаконений РСФСР. 1924. № 86, ст. 870). Однако обеспечить эффективное функционирование производств в местах лишения свободы, как правило, не удавалось. Среди главных причин этого можно назвать большую текучесть кадров.

В 1926 г. в пенитенциарных учреждениях России была проведена перепись, которая показала, что из 103 683 осужденных 52 % получили сроки заключения менее одного года (Органы и войска МВД России : ист. очерк. М., 1996. С. 349). Это означало, что за такое короткое время не всегда можно было научить даже азам профессии.

Кроме того, сотрудники мест заключения не были заинтересованы в организации такой учебы для осужденных, в первую очередь из-за низкой оплаты труда. Если в домах заключения (далее: домзак), находящихся на бюджетном финансировании, зарплата надзирателя в 1924 г. составляла 27,6 руб. в месяц (что было ниже уровня доходов разнорабочего), то в местах лишения свободы, которые финансировались из местных бюджетов, нередко оклады сотрудников составляли только 18 и даже 10 руб. (Второй Всероссийский съезд работников пенитенциарного дела. 25 нояб. – 1 дек. 1924 г. : стенограф. отчет. М., 1925. С. 61). Следовательно, для осужденных оставался только неквалифицированный, малооплачиваемый труд.

Первые реальные практические попытки задействовать труд заключенных в больших экономических проектах были сделаны только в 1927 г. (Лубянка. ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1960 : справочник. М., 1997. С. 10, 177–179). Связано это было в опре-

деленной степени с экономическими успехами производственной деятельности Соловецкого лагеря особого назначения (далее: СЛОН). Заключение СЛОНа Н. А. Френкель в ответ на Обращение ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1926 г. призывал экономить все государственные средства. Смысл этой инициативы состоял в том, чтобы использовать заключенных только на тех работах, которые могли окупить содержание осужденных. В первую очередь имелись в виду лесозаготовки, строительство дорог, производство мебели, рыболовство и др. (Моруков М. Ю. Указ. соч. С. 44). И действительно, данное предложение оказалось очень выгодным.

Этому во многом способствовали меры, предусмотренные постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 6 сентября 1926 г. «Об организации принудительных работ без содержания под стражей» (Собр. узаконений РСФСР. 1926. № 60, ст. 462), и новый Уголовный кодекс РСФСР (1926 г.)¹. Дальнейшее нормативно-правовое закрепление новых подходов в организации деятельности исправительно-трудовых учреждений было продолжено в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения». Главному управлению мест заключения (далее: ГУМЗ) НКВД РСФСР было указано, что вместо строительства новых учреждений основной упор следует делать на увеличение наполняемости трудовых колоний за счет бездействующих или нерентабельных сельскохозяйственных, ремесленных и фабричных предприятий (Органы и войска МВД России. С. 349).

Утвержденный XIV съездом ВКП(б) (1929 г.) план индустриализации и технического перевооружения страны с помощью традиционных социально-экономических и организационно-правовых подходов был невыполним. Попытки решить часть этих проблем путем эксплуатации труда заключенных предпринимались, но в целом успешными не могли быть оценены. Профессиональные преступники – блатные – трудиться не хотели, поскольку это противоречило их «воровской» морали. Применяемые к ним репрессии эффекта не давали. Выход был найден в расширенном использовании труда заключенных из числа относительно законопослушных граждан.

Для этого необходимо было подготовить соответствующую нормативно-правовую базу, которая бы позволила наполнить места лишения свободы подходящим контингентом. Свертыва-

ние нэпа дало возможность выделить дополнительные категории «преступников» из числа спекулянтов, антисоветских элементов и др. Принудительная коллективизация поставляла в места лишения свободы кулаков и подкулачников. Между тем первая волна осужденных, предназначенных для трудового использования, в основном состояла из «классовых врагов»². Именно в расчете на них в середине 1929 г. было принято решение о создании системы лагерей особого назначения, а в 1930 г. был учрежден ГУЛАГ Объединенного государственного политического управления (далее: ОГПУ) СССР.

Как считают ряд исследователей, история создания спецпоселений началась с массовой депортации крестьян в период «сплошной коллективизации» (История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. в 7 т. М., 2004. Т. 1. С. 40). Резолюция Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» стала юридической основой массовой депортации так называемых классовых врагов. Исходя из степени социальной опасности, их разделили на три категории. К первой отнесли контрреволюционный актив, который подлежал немедленной ликвидации, т. е. направлению в концлагеря, однако расстрел также не исключался. Вторую категорию составило подавляющее большинство зажиточных крестьян. Для них предусматривалась ссылка в отдаленные регионы. Третья категория включала подкулачников, которых можно было выселять на плохие земли, но в пределах региона (Исторический архив. 1994. № 4. С. 147–152). Уровень смертности в таких спецпоселениях значительно превышал уровень рождаемости.

Новая пенитенциарная стратегия и исправительно-трудовая тактика работали в ожидаемом для сталинского окружения направлении. Если в 1929 г. к работе удавалось привлечь только 53,6 % осужденных, то в 1930 г. – уже 74 % и т. д. Только официальная доходная часть бюджета мест лишения свободы за это время выросла от 6985,5 тыс. руб. до 28995 тыс. руб., т. е. более чем в 4 раза (Дорофеев Н. К. Правовое регулирование труда заключенных (исторический аспект) // История отечественной уголовно-исполнитель-

¹ В Исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1933 г. принудительные работы были переименованы в исправительно-трудовые (URL: <http://www.radis.ru/texts/index.phtml?id=13740&PrintVersion=1>).

² Попытку создать в труднодоступном месте лагерь для изоляции политических заключенных чекисты сделали уже в 1921 г. На Политбюро ЦК РКП(б) 14 декабря 1921 г. (П 85/16) по инициативе И. С. Уншлихта был поставлен вопрос об организации лагеря ВЧК на острове Челекене. В результате было решено «передать вопрос на рассмотрение комиссии из представителей Туркесреспублики и ВЧК, созыв которой поручить т. Сталину» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 165. Л. 26).

ной системы : сб. науч. ст. М., 2008. С. 31). По непроверенным данным, на 1 января 1933 г. в среднем по ГУЛАГу на производстве был занят 81 % списочного состава, вне производства – 11 % и только 8 % не работали, что плановым отделом ГУЛАГа рассматривалось как предельная нагрузка (Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система мест заключения в СССР. 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1969 : справочник / сост. М. Б. Смирнов ; под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогочинского. М., 1998).

В 1930–1932 гг., помимо Северных лагерей особого назначения, в спешном порядке учреждались многочисленные лагеря в различных регионах страны: Беломоро-Балтийский (Белбалтлаг), начальник Л. И. Коган; Сибирский, начальник И. М. Бискон; Казахский, начальник А. Н. Израилев; Карагандинский, начальник Шаверский; Темниковский, начальник Э. И. Сенкевич; Дмитровский, начальник З. Б. Кацнельсон; Нижегородский; Сызранский; Кунгурский; Свирский, начальник Н. М. Лапидус; Вишерский и т. д. Приоритетное внимание уделялось созданию лагерной сети в малообжитых регионах, особенно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Общая хронология такова. В 1929 г. был учрежден Дальневосточный лагерь (Дальлаг) с управлением в г. Хабаровске. Затем, 13 ноября 1931 г., в г. Магадане создали Главное управление строительства Дальнего Севера, а 1 апреля 1932 г. в рабочем поселке Усть-Среднекан под г. Магаданом появился Северо-Восточный лагерь (Севвостлаг). Вскоре, 10 ноября 1932 г., в г. Свободный Амурской области был заложен Байкало-Амурский лагерь, более известный как БАМлаг. Всего же в дальневосточном регионе только в довоенный период функционировало 25 крупных лагерей (Время, события, люди уголовно-исполнительной системы Дальнего Востока. Хабаровск, 2004. С. 132–133).

По мнению крупного исследователя анализируемой проблемы Р. Конквеста, «показательным как первый пример запуска крупнейшего проекта с использованием принудительного труда было строительство Беломоро-Балтийского канала, который никогда активно не использовался. Здесь, помимо карательных и экономических мотивов, мы наблюдаем другой важный аспект проблемы – значительные инвестиции в фальсификацию истории» (Конквест Р. Введение // История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 28). Действительно, не обошлось без этого.

На наш взгляд, сама идея проведения громадной стройки, которой стал Беломоро-Балтийский канал, кроме военно-стратегического и сугубо

экономического, имела глубокий философский подтекст. В ее основу, как представляется ряду исследователей, положена концепция социально организованного опыта, разработанная А. А. Богдановым (Богданов А. А. Вопросы социализма. Работы разных лет. М., 1990). Кратко суть концепции можно охарактеризовать следующим образом. Любая коллективная деятельность является социальной вследствие наличия какого-либо организатора, обладающего значительным и достаточным для такой деятельности опытом. Общество может не знать о способностях конкретного индивида, поэтому он должен выступить с самовыдвижением, предложив некую социально ценную идею, способную воздействовать на общественное сознание. Достичь этой цели организатор может:

- привлекая талантливых сотрудников, проводящих его идею по всем направлениям;
- доказывая, что идея восходит к опыту общепризнанных великих предков;
- используя насилие, подавление инакомыслия, информируя лишь о достижениях и т. п.;
- придав идее статус единственно значимой идеологии, которой подчинены все проявления социальной жизни (особое место отводится культуре).

«Идея становится социально организованным опытом или опытом общезначимым, а организатор – Лидером, Вождем... Став общезначимой, идея тем самым становится объективно-истинной для конкретного периода времени» (Алексеев В. В. Чекисты как организаторы социального опыта: строительство Беломорско-Балтийского канала имени Сталина (1931–1934 гг.) // Проблемы истории российских спецслужб. Киров, 2004. С. 80). И действительно, такой план сработал. Кем был Сталин в 1920-е гг.? Всего лишь одним из многих. А кем он стал уже в середине 1930-х гг.? Единоличным лидером, не только практиком-руководителем, но и «величайшим» идеологом, «отцом народов» и т. п. Важнейшим звеном идеологического механизма, позволившего произвести такие преобразования, явилась новая концепция подъема народного хозяйства путем широчайшего использования труда осужденных. Подчеркнем, что речь шла далеко не только о заключенных. Свободные граждане понимали, что легко могут стать представителями этой категории, а оттого вносили ожидаемые «Вождем» коррективы в свое поведение. Здесь воздействовала не только философская идея, а страх за себя и близких, что и стало базой этой социально общей идеи.

В черновых записях для доклада на коллегии ОГПУ один из руководителей этого ведомства Ф. И. Эйхманс в отношении исправительно-трудовой системы дал достаточно исчерпывающее

определение. Смысл его сводился к следующему: само существование лагерей ОГПУ тесно и неразрывно связано с их хозяйственной деятельностью, «которая, будучи основана на сложном комплексе поощрительных мероприятий, помимо результатов трудового исправления заключенных, дает:

а) сокращение государственных ассигнований на содержание лагерей путем рационально и рентабельно разворачиваемых хозяйственных операций и

б) укрепление и экономическое развитие далеких окраин Союза путем освоения наиболее трудных районов, примыкающих к местам расположения лагерей, облегчая дальнейшую их колонизацию» (История сталинского ГУлага: Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 2. С. 77).

Очевидно, что в 1920-е гг. производственно-хозяйственное значение лагерей особого назначения оценивалось далеко не так, как в последующее десятилетие. Первоначально их деятельность носила ограниченный и в государственных масштабах неплановый характер, выполнялась в инициативном порядке. Затем ОГПУ СССР совместно с заинтересованными ведомствами внесли ряд поправок, касающихся усиления темпов работ и расширения плановых начал. Стратегическими целями определили промышленную и сельскохозяйственную колонизацию окраин; развитие лесной промышленности в Карело-Мурманском крае, Северном крае, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Реализация этих планов должна была осуществляться преимущественно за счет освоения нетронутых или слабо эксплуатируемых массивов.

Первенцем лагерной экономики по праву считается Беломоро-Балтийский канал, строительство которого велось силами заключенных с 1931 по 1933 г. Эта лагерная стройка, как и последующие, началась без технического проекта, когда еще не были завершены топографические и геологические изыскания¹. Работы развернулись в осенний период в условиях полного отсутствия жилья, дорог, механизмов, автотранспорта, достаточного количества продовольствия.

По самым скромным подсчетам, при строительстве предстояло: извлечь для ложа канала более 38 млн кубометров грунта, 19,5 млн кубометров грунта в ходе дноуглубительных работ; уложить 2,8 млн кубометров бетона и установить 31 тыс. тонн металлоконструкций. В указанные объемы не было включено строительство подь-

ездных путей и железной дороги, гидроэлектростанции Свирь-3 (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 21–25). Данные работы в основном должны были производиться вручную, так как для механизации не было средств. На всю трассу выделили лишь 100 тракторов, 50 автомобилей и 5 экскаваторов (Там же. Ф. 5446. Оп. 12а. Д. 1065. Л. 73–74). Надо обратить внимание на то, что условия труда оставались крайне тяжелыми в течение всего периода работ, а это приводило к массовой гибели людей от болезней и истощения. В Беломоро-Балтийском лагере за 1931 г. умерло 1438 заключенных (2,24 % от общего числа), а в 1932 г. – 2010 человек (2,03 %) (Моруков М. Ю. Указ. соч. С. 84).

Названные трудности еще в более полной мере повторялись и при возведении первого варианта Байкало-Амурской магистрали (далее: БАМ). Так, например, проектно-изыскательские работы были переданы в ГУЛАГ в мае 1933 г., а чертежи разработаны институтом «Союзтранс-проект» только осенью 1935 г. (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2740. Л. 33 ; Ф. 5446. Оп. 57. Д. 23. Л. 134). При этом уже 10 ноября 1932 г. для возведения комплекса еще не утвержденных объектов был организован БАМлаг. Численность его росла ежегодно: 3 800 заключенных в 1932 г., 35 397 – в 1933 г., 180 067 – в 1936 г., 200 907 – в начале 1938 г.

Разработка транспортных схем активизировалась в начале 1930-х гг. Так, 13 апреля 1932 г. было издано постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», которое содержало требование к Народному комиссариату путей сообщения «немедленно приступить к подготовке и производству работ по постройке магистрали Уруша – Тынды – Пермское (Комсомольск-на-Амуре)». В том же 1932 г. октябрьские решения Совета труда и обороны, Политбюро ЦК ВКП(б), а позднее и СНК СССР определили статус БАМа как объекта «особой важности» (Смирнов М. Б., Сигаев С. П., Шкапов Д. В. Указ. соч.), и строительство дороги из ведения Народного комиссариата путей сообщения перешло к ОГПУ.

Байкало-Амурской магистралью была названа узкоколейная трасса протяженностью около 2000 км. На ее строительство отводилось 3,5 года. Из-за неготовности проекта вплоть до 1937 г. основными были работы на Транссибирской магистрали. Только со второй половины 1937 г. по решению правительства Народному комиссариату внутренних дел (далее: НКВД) было поручено начать возведение железнодорожной магистрали от Тайшета до Советской Гавани (около 500 км). Осуществление этого строительства должно было завершиться в 1945 г., но помешало начало Великой Отечественной войны.

¹ В обосновании необходимости этого строительства не только отсутствовал экономический анализ рентабельности проекта, но даже стоимость работ определялась лишь «ориентировочно» (ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1806. Л. 1–4).

В число промышленных объектов мест заключения включались также «рыбные и зверобойные промыслы в водах Ледовитого океана, Белого моря, Тихого океана, вдоль восточного побережья Каспийского моря и на Балхаше; строительство железных и грунтовых дорог; организация лесосовхозов на Севере, совхозов (пока на Дальнем Востоке и Казахстане), хлопковых совхозов в Средней Азии; разведка и эксплуатация недр в бассейне Печоры (нефть, медь, уголь и пр.), на о. Вайгач (свинцовые и серебряные руды), в Сибири (слюда и золото...), на Дальнем Востоке (каменный уголь), в Казахстане (медь), в Средней Азии (карабугазские сульфаты), в Карело-Мурманском крае (медь и, если будет достигнуто соглашение с ВСНХ, апатиты)» (ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 104. Л. 27).

Несмотря на широкую географию этих объектов и различную производственную направленность, у них было нечто общее, что объединяло, а именно расположение их исключительно в глухих, малодоступных, безлюдных и малоисследованных районах страны. Руководство ОГПУ полностью осознавало, что освоение этих районов «настолько трудно и сложно, что любой гражданской организации, как сильна бы она ни была, справиться с такой задачей было бы очень трудно, не говоря про неизбежные большие расходы. Поэтому в указанных направлениях, безусловно, целесообразно использовать лагеря ОГПУ, располагающие аппаратом, построенным на сочетании в себе военной дисциплины с хозяйственной гибкостью и прошедшим ряд этапов преодоления преград, воздвигаемых суровой природой и другими обстоятельствами» (Там же. Л. 28).

Помимо лагерей ГУЛАГа, имелся производственный потенциал Главного управления исправительно-трудовых учреждений НКЮ РСФСР. В его ведении имелось 178 домзаков, в том числе 22 – совмещенных с колониями и 2 – со школами фабрично-заводского ученичества для несовершеннолетних. Из общего числа лиц, содержащихся в указанных местах лишения свободы, 24 % были подследственные, 10,9 % – кассационные осужденные. С 1931 г. они были включены в общий народнохозяйственный план. Это сопровождалось установкой контрольных цифр по производственной деятельности и финансового плана, основанного на принципе бездефицитности. Дотации на существование сети мест лишения свободы вообще не предусматривались. К производственной и хозяйственной работе привлекались трудоспособные лица, лишённые свободы, в том числе и подследственные, за исключением «нуждавшихся в особой изоляции».

Вопрос о производственной деятельности исправительно-трудовой системы в начале 1930-х гг. следует отнести к числу важнейших. Первоначаль-

но исправительно-трудовые лагеря и колонии являлись только «хозяевами» дешевой рабочей силы. Они «продавали» ее тем или иным промышленным объектам, наркоматам. Впервые изменения произошли в ходе строительства Беломоро-Балтийского канала. Именно в это время обратились к опыту лагерей особого назначения. Лагерную систему перестали считать только поставщиком рабочей силы, а решили воспринимать как основного производителя работ.

Ошибочно полагать, что заключенные в лагерном ведомстве выполняли лишь роль неквалифицированных рабочих. В 1930-е гг. ГУЛАГ открыл сеть научно-исследовательских институтов разного профиля. Многие инженерно-технические служащие, деятели науки и культуры, находясь в заключении, работали по своей основной специальности. Относительно недавно общественность узнала, что в подобных учреждениях, называемых заключенными «шарашками», отбывали срок будущие генеральные конструкторы, академики С. П. Королев, А. Н. Туполев, Н. И. Вавилов, В. М. Мясичев, В. М. Петляков и многие другие известные люди (Рент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России. Рязань, 2006. С. 182).

Почти сразу после образования ГУЛАГа все исправительно-трудовые лагеря подразделили на три категории. К первой отнесли те учреждения, где содержались осужденные по служебным и уголовным делам на срок от 3 до 5 лет. За свой труд они получали плату, которая составляла лишь 5–10 % от заработка вольных граждан, выполнивших такие же объемы работ. В лагерях второй категории содержались осужденные на небольшие сроки лишения свободы, но уже по политическим статьям. Их труд не оплачивался. Лагеря третьей категории тоже предназначались для «политических», только осужденных на срок от 5 до 25 лет. Длительность заключения и направление в самые отдаленные регионы приводили к потере ими всяких социальных связей с родственниками. Видимо, поэтому таким осужденным выделяли часть зарплаты, составлявшую 10–15 % от официальных ставок свободных тружеников. Однако оплата производилась в весьма своеобразной форме. Еще в ходе создания СЛОНа сложилась практика выдачи зарплаты не обычными деньгами, а квитанциями и лагерными бонами. Даже в тюрьмах появились свои эрзац-деньги: «бутыры» в Бутырской тюрьме (г. Москва), «ростовзаки» в Ростовском домзаке и т. п. Эта идея была настолько активно воспринята, что в 1932 г. осуществили уже третий выпуск лагерных бон разного достоинства для лагерей – специальных расчетных квитанций финансового отдела ОГПУ, подписываемых самим начальником ГУЛАГа М. Д. Берманом. В отда-

ленных лагерях даже весь вольнонаемный и аттестованный составы сдавали свои деньги (рубли и копейки) в финчасть, получая взамен расчетные квитанции. За укрытие денег наказывали сурово, вплоть до расстрела. Мотивировалось это тем, что в случае побега без денег заключенный далеко не уйдет (Аношин А. И., Гетьман А. С., Кузнецова Н. Н. История системы исполнения наказаний на Дальнем Востоке. Хабаровск, 2002. С. 31). После 1932 г. централизованный выпуск дензнаков ГУЛАГа не производился, однако многие лагерные управления взяли эти функции на себя.

Условия труда лиц, лишенных свободы, регулировались нормами Кодекса законов о труде РСФСР. Подследственным из среды трудящихся, совершивших менее социально опасные преступления, с разрешения органов, за которыми они числились, могли поручаться работы административно-хозяйственного, счетно-канцелярского, политико-воспитательного и технического характера, выполняемые низшим и средним персоналом мест лишения свободы. Как уже отмечалось, труд большей части заключенных предполагал денежное вознаграждение. Удерживаемая часть заработка не погашала расходы даже на их охрану, поскольку содержание, политико-воспитательное, медико-санитарное и другие виды обслуживания предоставлялись безвозмездно (Маланкин А. Курс на укрепление порядка через классовый подход (институт содержания под стражей в России в 1924–1933 годы) // Ведомости уголов.-исполн. системы. 2008. № 6. С. 25). До 75 % от заработанных денег выдавались заключенным на руки, остальные откладывались для выдачи при освобождении.

Однако в период с 1932 по 1934 г. советская карательная политика окончательно отказалась от принципов воспитания, перейдя к приоритету методов наказания. Постепенно прекратились и ежемесячные выплаты заключенным за произведенные ими работы. Нормы Уголовно-процессуального кодекса и Исправительно-трудового кодекса перестали применяться в судах, а в местах заключения начался полный произвол. Осужденные, приговор в отношении которых еще не вступил в законную силу, сразу же отправлялись в концентрационные лагеря. Были случаи, когда осужденных, впоследствии оправданных вышестоящим судом и подлежащих освобождению, приходилось искать в концентрационных лагерях в течение нескольких лет (Яковлев Б., Бурцов А. Концентрационные лагеря СССР: Исследования и материалы. Сер. 1. Мюнхен, 1955. Вып. 23).

В начале 1930-х гг. изменилась идеология советской пенитенциарной системы. Стали применяться качественно иные подходы при оценке

роли и значения труда заключенных. На первый взгляд новая теория выглядела даже до какой-то степени демократично, если такой термин можно применить к местам заключения. Так, в служебной записке от 12 апреля 1930 г. за № 44428 заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода писал: «Необходимо в условиях заключения сделать труд более добровольным, дав заключенному возможность жить вне работы более свободно. Надо превратить лагерь в **колонизационные поселки** (выделено нами – А. Ж.), не дожидаясь окончания срока заключения» (Дугин А. Н. Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты. М., 1999. С. 8).

Однако вскоре тон философствования поменялся, превращая все ранее сказанное в сплошную казуистику: «Филантропический стимул сокращения срока за **хорошее** поведение не только никуда не годится, но часто даже вреден (выделено нами – А. Ж.). Он (этот стимул) дает ложное представление об “исправлении” заключенного, лицемерное послушание, нужное буржуазному государству, а не нам. Весь смысл передачи нам заключенных – это уничтожение тюрем, и ясно, что при той системе, которая у нас сейчас, ликвидация их затянется на долгие годы, так как лагерь, как таковой, хуже тюремного заключения» (Там же. С. 9). Далее автор этой записки прямо говорит о том, что государству надо быстрым темпом колонизировать Север. Таким образом, получалось, что цели первичны, а средства их достижения вторичны.

Рабочий день заключенных летом составлял 12 часов, а зимой сокращался из-за короткого светового дня и боязни побегов заключенных во время работы. Кроме того, следует отметить, что нередко от лагеря до места работы расстояние было 10–15 км, которое заключенные проходили пешком. Тяжелый труд, продолжительный рабочий день, скудное питание, утомительная дорога к месту работы и обратно выматывали людей настолько, что участились случаи членовредительства. Заключенные отрубали себе пальцы на руках, ногах и даже кисти рук, а зимой сознательно разувались и обмораживали ноги. Поскольку это явление приняло массовый характер, то с ним началась серьезная борьба. За так называемый лагерный саботаж увеличивался срок заключения: осужденным на 10 лет прибавляли еще 5; осужденным на от 5 до 8 лет прибавляли 3 года. Однако окончательно пресечь «саморубство» так и не удалось.

Темпы роста лагерей и их потребностей в трудовом спецконтингенте были стремительные. Так, в 1932 г. для строительства канала Москва–Волга был учрежден Дмитровский лагерь; из Народного комиссариата путей сообщения в ведение ОГПУ передали строительство Байкало–Амурской железнодорожной магистрали. Руко-

водство ОГПУ было вынуждено изыскивать все новые и новые партии заключенных. В лагерях резко обозначился дефицит рабочей силы. Даже в управлении БАМлага более 2/3 специалистов являлись «зэками». Судебная система НКЮ по своему решала эту проблему, отправляя в лагеря подсудимых, чьи деяния в другое время не квалифицировались как преступления.

Если первоначально ГУЛАГ был задуман как генеральный поставщик трудовых ресурсов, но постепенно он превратился в генерального подрядчика великих строек. С середины 1930-х гг. он объединил крупнейшие стройки и осваивал ежегодно до 15 % всех государственных вложений на капитальное строительство (История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 38). Осуществление столь амбициозных планов стало возможным лишь после начала кампании по расширению сети исправительно-трудовых и трудовых лагерей. При этом в 1920-е гг., напротив, неоднократно ставился вопрос о разгрузке пенитенциарных учреждений. Однако вскоре политические оценки тюремно-лагерной системы претерпели кардинальные изменения. Сначала поводом для ее наполнения стала всеобщая коллективизация, затем – реализация пресловутого «закона о трех колосках», после чего ряд более мелких нормативных актов способствовали росту числа заключенных.

Со временем Главное управление лагерей, трудовых поселений и мест заключения НКВД СССР постепенно перешло к обслуживанию уже не отдельных избранных, а большинства важнейших строительных и промышленных объектов. Успешная производственно-хозяйственная деятельность лагерной системы основывалась на ее практически безграничных мобилизационных возможностях. Во второй половине 1930-х гг. все более ощутимым стал курс на специализацию пенитенциарных учреждений. Лагеря-гиганты были сложны в управлении, именно в связи с этим упразднили, разделив на части, БАМлаг, Дальлаг и др.

Значительное внимание советское правительство в годы первых пятилеток уделяло созданию производств редкоземельных и цветных металлов. Залежи рудных ископаемых находились в местах труднодоступных, с тяжелыми климатическими условиями, а из этого следовало, что поручить такие объекты можно было либо комсомольцам, либо заключенным, причем приоритет принадлежал обитателям лагерей. Их руками создавались медеплавильные комбинаты и заводы ферросплавов в Казахстане, никелевый завод на Кольском полуострове, Норильский никелевый комбинат и др. Вокруг этих предприятий

постепенно выросли крупные поселки и города. Так, гг. Норильск, Магадан и Комсомольск-на-Амуре в первые годы своего существования были заселены почти исключительно лишь заключенными и сотрудниками ГУЛАГа.

Для крупных объектов требовалась развитая транспортная система. В этих целях началось возведение портовых сооружений в гг. Находка, Советская Гавань. Большое внимание уделялось соединению судоходных рек, сооружению гидротехнических объектов. Например, из 80 гидроэлектростанций, строившихся перед войной, 10 наиболее мощных возводили заключенные, ими были построены каналы Москва–Волга, Беломоро-Балтийский и Волго-Донской, а также Соликамский, Рыбинский, Угличский, Куйбышевский гидроузлы, включавшие шлюзы, гидроэлектростанции. Сметная стоимость последнего объекта была несколько ниже 20 % от суммы, выделенной на все капитальные вложения Союза ССР в 1940 г. Требовалось развитие и железнодорожной сети за Уралом, в северных регионах страны. С этой целью только на Дальнем Востоке было создано шесть специализированных лагерей. Таким образом, ГУЛАГ достаточно быстро завоевал по ряду показателей ведущие позиции в экономической жизни страны.

Некоторые известные исследователи (П. Грегори, Е. Даниелсон, В. Козлов, С. Мироненко, О. Хлевнюк, Т. Эммонс) полагают, что «ГУЛАГ истощал экономические ресурсы страны» (История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов. Т. 1. С. 43). На наш взгляд, в таком суждении заключена как безусловная правда, так и существенная недооценка реального положения дел. Действительно, производительность принудительного, рабского труда была чрезвычайно низкой. Но надо понимать, что себестоимость производимых работ и продукции также была ничтожной. В государстве не было свободных средств, позволивших бы охватить такие объемы строительства, которые были начаты в годы первых пятилеток. Уверены, если бы не ГУЛАГ, СССР не смог бы выйти к 1936 г. на второе место в мире по объему производимой продукции группы «А» (производство средств производства).

Общеизвестно следующее утверждение: политика есть концентрированное выражение экономики. Создание и разрастание ГУЛАГа преследовало экономические цели, но именно они стали стержнем всей внутренней политики СССР второй половины 1930-х гг. Исследование предпосылок данной метаморфозы позволяет сделать вывод, что этот процесс берет свое начало в социально-политической ситуации конца 1920-х гг.



Библиографический список

1. *Дорофеев Н. К.* Правовое регулирование труда заключенных (исторический аспект) / Н. К. Дорофеев // История отечественной уголовно-исполнительной системы : сб. науч. ст. – М., 2008.
2. *Дугин А. Н.* Неизвестный ГУЛАГ: Документы и факты / А. Н. Дугин. – М., 1999.
3. История сталинского Гулага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов : собр. док. В 7 т. Т. 1. – М., 2004.
4. *Реент Ю. А.* История уголовно-исполнительной системы России / Ю. А. Реент. – Рязань, 2006.
5. Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного комиссариата юстиции и Народного комиссариата внутренних дел РСФСР за 1918–1929 гг. о деятельности мест лишения свободы. – М., 1959.

References

1. *Dorofeev N. K.* Legal Regulation of Labor of the Convicted (Historical Aspect) / N. K. Dorofeev // The History of Russian Penal System. – M., 2008.
2. *Dugin A. N.* Unknown Gulag: Documents and Facts / A. N. Dugin. – M., 1999.
3. History of Stalin's Gulag. The end of 1920s – the first half of 1950s. In 7 vol. Vol. 1. – M., 2004.
4. *Reent Yu. A.* History of the Penal System of Russia / Yu. A. Reent. – Ryazan, 2006.
5. Collection of the Main Orders, Circular Notes and Instructions of People's Commissariat for Justice and People's Commissariat for Internal Affairs of the RSFSR since 1918–1929 on the Activity of Places of Imprisonment. – M., 1959.

Е. Г. Михеенков,

старший научный сотрудник учебного отдела
Томского филиала Кузбасского института
ФСИН России
кандидат исторических наук

E. G. Miheenkoy,

senior research officer of Studies Department
of Tomsk branch of Kuzbass Institute
of the FPS of Russia
Candidate of History

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НИЖНИХ ЧИНОВ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЫ СИБИРИ В 1917–1919 ГГ.

Social and Legal Status of Junior Ranks in the Penitentiary System of Siberia in 1917–1919

Аннотация. В статье рассматриваются особенности социально-правового положения нижних чинов пенитенциарной системы Сибири в 1917–1919 гг., взаимодействие пенитенциарной системы со сменявшимися друг друга политическими режимами в годы Гражданской войны, выявляются отличительные особенности правового статуса нижних чинов, проходивших службу в Сибири и европейской части России, анализируются нормативные правовые акты правительств «белой» Сибири по вопросам функционирования пенитенциарной системы Сибири.

Ключевые слова: старшие и младшие надзиратели, места лишения свободы, заключенные, пенитенциарная политика государства.

Abstract. The article considers features of social and legal status of junior ranks in the penitentiary system of Siberia in 1917–1919. The interaction of the penitentiary system and changing political regimes during the Civil War is analyzed. The peculiarities of the legal status of junior ranks who served in Siberia and European parts of Russia are pointed out. The legal acts of governments in white Siberia on the issues of functioning of the penitentiary system of Siberia are studied.

Key words: senior and junior inspectors, imprisonment places, prisoners, penitentiary policy of a state.

Согласно Своду учреждений и уставов о содержащихся под стражей (1890 г.) сотрудники пенитенциарной системы России в рассматриваемый период подразделялись в соответствии с их правовым положением на две группы: классные чины и нижние чины (URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm>).

Первая группа представляла собой управленческий (руководящий) состав. В него входили чиновники Главного тюремного управления, чины территориальных подразделений управления и каждого из мест лишения свободы.

Вторую группу составляли представители вольнонаемной тюремной стражи – «нижние чины». В соответствии со ст. 26 гл. 3 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражей к тюремной страже относились старшие и младшие надзиратели и надзирательницы, которые уравнивались в служебных правах. Именно на них возлагалась вся основная работа по поддержанию установленного в местах заключения порядка.

Должностные обязанности надзорсостава пенитенциарной системы были законодательно закреплены Общей тюремной инструкцией, утвержденной министром юстиции сенатором А. Хвостовым 28 декабря 1915 г. и действовавшей на всей территории Российской империи вплоть до 1917 г. (далее: Инструкция). Несмотря на циркулярное письмо Временного правительства от 27 апреля 1917 г. № 34, в соответствии с которым Инструкция не могла считаться «подлежащей безус-

ловному применению», ею надлежало руководствоваться впредь до принятия нового нормативного акта, который так и не был подготовлен Временным правительством (Упоров И. В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб., 2004. С. 316).

В сибирском регионе эта Инструкция с незначительными изменениями действовала в качестве основного нормативного документа пенитенциарной системы в период «белых» режимов 1918–1919 гг. Данное обстоятельство свидетельствует о преемственности в деятельности пенитенциарной системы царской России и режимов «белой» Сибири.

Обязанностям чинов тюремной стражи был посвящен четвертый раздел Инструкции. При этом особо выделялись старшие надзиратели, которые могли контролировать административный порядок, хозяйственную часть, в том числе работы арестантов.

Работа старшего надзирателя в тюрьме была весьма схожа с ныне выполняемыми функциями начальника караула. Старший надзиратель наблюдал за своевременной явкой младших надзирателей на службу, проверял их экипировку, бдительность несения службы в ночное время, осуществлял смену караула.

Старший надзиратель, отвечавший за хозяйственную часть, следил за состоянием отопления и освещения тюремного здания, своевременным поступлением обмундирования для надзорсостава и одежды для арестантов, организовывал снабжение заключенных продовольствием.

В обязанности старшего надзирателя, ответственного за арестантские работы, входили распределение работ среди заключенных, снабжение их необходимыми материалами и инструментами. В его обязанности также вменялись контроль за деятельностью вольнонаемных сотрудников в части соблюдения ими установленных правил и пресечение внеслужебных связей с осужденными.

На данную категорию сотрудников возлагалось заполнение статистических листов осужденных, в которых отражались антропометрические данные последних, личные сведения, сведения о совершенных ими преступлениях и их отношении к ним, состоянии их здоровья в период отбывания наказания и их поведении. Такие данные могли использоваться при розыске осужденных, совершивших побег, либо возможном представлении арестанта к досрочному освобождению. Следовательно, старшие надзиратели были ключевыми фигурами во всех сферах жизнедеятельности пенитенциарных учреждений (Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 гг.): Историческая хроника. М., 2004. С. 140–141).

Правилам прохождения службы младшими надзирателями была посвящена гл. 3 Инструкции. В обязанности привратника входили: контроль входа и выхода с территории тюрьмы, хранение ключей от камер и служебных помещений, проведение обысков и досмотров входящих и выходящих лиц, кроме руководящего состава.

Особенностью пенитенциарной системы в Сибири было и то, что наружное окарауливание каторжных тюрем, в которых содержались особо опасные преступники, оставалось в компетенции войск. Это, в частности, относилось к каторжным тюрьмам в Тобольской и Иркутской губерниях (О преобразовании управления тюрем в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской и областях Уральской, Акмолинской, Семипалатинской и Якутской : закон Рос. империи от 7 июля 1913 г. // Свод законов Рос. империи. СПб., 1916. Т. XVI).

Выводные надзиратели наблюдали за арестантами во время прогулок, работ, выводов в баню, школу и т. п. Надзиратели хозяйственные и при мастерских наблюдали за кладовыми и мастерскими. Дежурный надзиратель сопровождал арестантов, контролируя процедуру их приема, освобождения, свиданий. Запасные надзиратели не имели определенных обязанностей и назначались по одному на каждые 8–10 младших надзирателей на случай замены их по состоянию здоровья либо смены лиц, находящихся на отдыхе. (Печников А. П. Указ. соч. С. 141).

Согласно ст. 286¹ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.) надзиратели приравнивались к военным часовым при исполнении или вследствие исполнения служебных

обязанностей. Они имели право на применение табельного оружия (что являлось крайней мерой) в случаях нападения, побега, «буйства и беспорядка» заключенных (Инструкция об употреблении оружия чинами тюремной администрации и стражи // Тюрем. вестн. 1912. № 1. С. 136–138). К заключенным, совершившим нападение, применялись санкции как за восстание против власти. За оскорбление чинов тюремной стражи полагался денежный штраф (Свод законов Российской Империи. Т. XV. С. 33).

Материальное положение сотрудников зависело от должностного оклада (жалованья), столовых и квартирных денег, добавочного содержания за выслугу лет в тюремном ведомстве.

Столовое и квартирное довольствие не запрещалось получать натурой. Согласно ст. 33 Устава о содержащихся под стражей (1890 г.) тюремным надзирателям, прослужившим 5 лет, полагалось добавочное содержание, размер которого составлял одну треть должностного оклада. Сотрудники, прослужившие 10 лет, получали дополнительно к жалованью еще треть оклада, а за 15 лет службы полагался двойной оклад денежного довольствия.

В начале 1917 г. надзирательский состав сибирских тюрем получал достаточно скромное вознаграждение. У сотрудников, проходивших службу в губернских тюрьмах, оклад был несколько выше, что было обусловлено более высокими ценами губернского города. С учетом надбавок за выслугу лет, процентных прибавок в связи с дороговизной в начале 1917 г. младшие надзиратели уездных тюрем получали от 30 до 40 руб. в месяц, а старшие – до 60 руб. в месяц; в губернских тюрьмах оклад младших надзирателей составлял 30–50 руб. в месяц, старших надзирателей – 40–70 руб. (Государственный архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. Р.-827. Оп. 1. Д. 10. Л. 165–166).

Общественно-политические события 1917 г. значительно снизили жизненный уровень населения страны в целом и Сибири, в частности. Так, только на продукты питания (мясо, муку, хлеб, масло) с февраля по октябрь 1917 г. цены в г. Томске возросли от 150 до 400 %.

Осознавая тяжелое материальное положение надзирательского состава тюрем, постоянную опасность для жизни и здоровья сотрудников, исходящую со стороны осужденных, и стремясь поднять престижность службы, с 1 августа 1917 г. Временное правительство повысило размер денежного довольствия сотрудников (Об установлении нового расписания должностей и окладов начальников мест заключения и отпуске средств на улучшение быта чинов стражи и других служащих мест заключения : постановление Врем. правительства от 18 авг. 1917 г. // Вестн. Врем. правительства. Пг., 1917. 3 сент. (16 сент.).

Изменился и размер доплат надзорсоставу за выслугу лет, который стал фиксированным. Отныне лица, прослужившие 5 лет, получали доплату к окладу в размере 120 руб. в год, а за 10 лет службы – 240 руб. в год.

Была введена фиксированная доплата за получение жилья внаем, составлявшая 25 % от оклада денежного содержания. Вместе с тем прибавка на дороговизну, установленная в 1916 г., была сокращена на четверть (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 90. Л. 72 ; Ф. Р.-827. Оп. 1. Д. 10. Л. 165–166). С учетом данных надбавок к осени 1917 г. денежное довольствие младшего надзирателя в уездах Сибири составляло от 45 до 65 руб. в месяц, а у старшего – от 60 до 80 руб., в губернских центрах – 60–70 руб. у младших и 65–85 руб. в месяц у старших. Однако данные доплаты не компенсировали стремительную инфляцию того периода. Если в 1917 г. денежное довольствие сотрудников надзорсостава увеличилось в 2–2,5 раза, то цены в Сибири, прежде всего на продукты питания, выросли в 3–4 раза.

С повышением денежного довольствия надзорсоставу пенитенциарных учреждений Главное управление мет заключения (далее: ГУМЗ) повысило и требования к несению службы. Так, ГУМЗ своим циркуляром от 17 августа 1917 г. № 68 в обязанности надзирателей включило дополнительное несение службы до четырех часов в сутки; указало на необходимость своевременного прибытия по тревоге и на непосредственное подчинение надзирателей начальникам мест заключения. Начальнику тюрьмы предоставлялось право наложения дисциплинарных взысканий на своих подчиненных, в том числе денежного штрафа, размер которого мог составлять до 25 % денежного довольствия (Там же. Д. 92. Л. 73–76).

Произошли изменения и в обеспечении надзорсостава обмундированием. Большинство сотрудников, проходивших службу в Сибири, было обеспечено им в течение 1915–1916 гг., поэтому к концу 1917 г. у многих из них форма пришла в негодность. Не исправил ситуацию и циркуляр ГУМЗ от 23 июля 1917 г. № 63, предусматривавший получение сотрудниками мест заключения денежной компенсации за невыданную обувь (Там же. Л. 71). В 1918–1919 гг. проблемы с выдачей формы сохранялись. ГУМЗ Временного Сибирского правительства, а затем ГУМЗ Российского правительства адмирала А. В. Колчака выдавало тюремным надзирателям имеющуюся в их распоряжении общевоинскую форму нижних чинов. В отдельных пенитенциарных учреждениях Западной Сибири практиковалась выдача денежной компенсации взамен обмундирования, однако она была в несколько раз меньше его реальной стоимости.

На материальном положении сотрудников негативно сказывались и несвоевременные выплаты им

выходного пособия в связи с увольнением со службы, а также иные выплаты (например, единовременные пособия военнослужащим и их семьям, выплачиваемые в случае их гибели или возвращения с фронта, так как многие сотрудники пенитенциарной системы в 1914–1917 гг. были призваны в армию либо ушли добровольцами на фронт).

Циркуляром от 2 января 1917 г. № 2 Главное тюремное управление ввиду недостатка средств постановляло выплачивать эти пособия сотрудникам лишь в исключительных случаях и только тем лицам, которые увольнялись со службы по состоянию здоровья (Там же. Л. 4), но и оно выплачивалось с большим опозданием. Например, 8 октября 1917 г. младший надзиратель Томской губернской тюрьмы А. Л. Ляпин на имя начальника ГУМЗ подал жалобу о невыплате ему 380 руб. добавочного содержания за период военной службы с 1 августа 1914 г. по 20 августа 1916 г., т. е. с момента установленного срока выплаты пособия прошло больше года (Там же. Д. 90. Л. 4).

Существенное влияние на положение надзирательского состава сибирских тюрем оказало и негативное отношение к нему и пенитенциарной системе Российского государства в целом со стороны общества, поскольку деятельность мест заключения в сознании народа всегда отождествлялась с насилием, произволом и беззаконием. Газетные публикации революционного периода в Сибири неоднократно обвиняли личный состав пенитенциарных учреждений в пьянстве, получении взяток, насилии над заключенными, что вкупе с небольшим денежным содержанием создавало неблагоприятные моральные условия для продолжения службы. К этому добавлялась и возможность сокращения числа надзирателей в связи со значительным уменьшением количества осужденных, освобождаемых по объявленной Временным правительством амнистии, а также отправкой на фронт. В соответствии с циркуляром военного министра тюремные комиссии губернских исполкомов на местах должны были следить, чтобы все тюремные надзиратели постепенно посылались на фронт с заменой их новыми кадрами, специально подготовленными для тюремной службы. Вновь же принимаемым претендентам было необходимо доказать свою лояльность политическому режиму Временного правительства. При этом любое проявление сочувствия царизму расценивалось как политическая неблагонадежность (Печников А. П. Указ. соч. С. 290–292).

Нередко подобные действия вели к подрыву кадрового потенциала пенитенциарной системы, дезорганизации ее деятельности, так как вновь принимаемые лица не имели необходимой подготовки, опыта несения службы, что существенно ослабляло режим надзора и охраны.

Об этом красноречиво свидетельствуют сведения ГУМЗ о побегах заключенных за 1917 г. Так, 24 апреля 1917 г. в результате постановления местного Совета рабочих и солдатских депутатов о снятии постов надзирателей из Иркутской тюрьмы бежал 71 заключенный; 7 августа 1917 г. из Омской тюрьмы бежал следственный заключенный с внешних работ, оставленный без надзора; 11 октября 1917 г. совершил побег заключенный Петропавловской тюрьмы (ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 1. Д. 65. Л. 40, 64, 108). В целом, по официальным данным ГУМЗ, за период с апреля по октябрь 1917 г. из мест заключения Западной Сибири совершили побег 93 человека (Там же. Л. 20–115). Причинами побегов в основном являлись несоблюдение младшими надзирателями должностных инструкций, халатность, оставление заключенных без надзора на внешних работах, что свидетельствовало, с одной стороны, о недостаточной квалификации принимаемых на службу сотрудников, а с другой – о кадровом дефиците.

Социально-правовой статус надзирательского состава тюрем в Сибири в 1918–1919 гг. находился в прямой зависимости от политики сменявших друг друга режимов. В отличие от европейской части страны в Томской и Алтайской губерниях, а также в Акмолинской области советская власть установилась несколько позже, в начале декабря 1917 г., и просуществовала до мая–июня 1918 г., а затем была свергнута в результате восстания чехословацкого корпуса. Восстановление советской власти произошло лишь в конце 1919 – начале 1920 гг.

Осуществляемые советской властью преобразования мест лишения свободы соответствовали общему контексту проводимой СНК РСФСР политики. Советы на местах и военно-революционные комитеты получали право назначать в тюрьмы комиссаров для контроля над действиями тюремной администрации. Таким образом, в первые месяцы после Октябрьской революции тюрьмы подчинялись местным Советам, а организация управления тюремным делом на местах отличалась разнообразием.

Вместо тюремной инспекции на территории Западной Сибири была образована Коллегия по управлению местами заключения. Хозяйственной жизнью тюрем управлял тюремный комитет (состоящий не менее чем из трех человек), а все вопросы решались коллегиально (Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начала 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1998. С. 53–54).

По мнению А. С. Кузьминой, практически до мая 1918 г. реорганизация тюремного дела на местах была незначительной. Губернские тюремные коллегии и отделы решали лишь небольшой круг организационных вопросов, почти не касаясь

штата тюремных служащих (Кузьмина А. С. Становление ИТУ в Сибири (1917–1924 гг.) : учеб. пособие. Омск, 1980. С. 13–14). Вместе с тем имеющиеся архивные документы позволяют говорить об определенных изменениях социального статуса надзорсостава.

Во-первых, изменилось материальное положение тюремных служащих в связи с введением новых окладов. Так, 10 апреля 1918 г. директивным распоряжением ГУМЗ Наркомюста СНК РСФСР оклады старших надзирателей устанавливались в губернских городах на уровне 250 руб. в месяц, в уездах – 225 руб. в месяц; младших надзирателей – 225 и 180 руб. в месяц соответственно (ГАРФ. Ф. Р.-827. Оп. 1. Д. 10. Л. 172), что было в 2,5–3 раза выше, чем существовавшее ранее, при Временном правительстве, денежное содержание. Однако в ряде сибирских губерний данное распоряжение так и осталось только на бумаге в связи с недостаточным финансированием из центра. Например, по данным Тобольской губернской тюрьмы, повышение денежного довольствия надзирателям было возможно лишь в губернском центре, в то время как в уездах размер денежного довольствия оставался прежним (Там же. Л. 172).

Во-вторых, вновь был поднят вопрос о политической благонадежности сотрудников пенитенциарной системы, в том числе из числа надзирательского состава; продолжены политические «чистки», нередко по доносу сослуживцев. Примером тому может служить дело старшего надзирателя Каинской тюрьмы (Томская губерния) Михалевича и младшего надзирателя Опалинского, обвиненных в связях с контрреволюционными организациями по ложному доносу начальника тюрьмы А. П. Пушкарева и арестованных органами ВЧК в конце мая 1918 г. Оба они имели стаж службы более десяти лет и потому были «удобны» для подобных обвинений. Для разбирательства их направили в г. Барабинск. «В ожидании расстрела, – говорилось в деле, – вагон с Михалевичем и Опалинским простоял на ст. Барабинск шесть дней, в течение которых арестованные, будучи наглухо запертые в вагоне, не получали пищи. При этом их женам с детьми отказывали в свидании, говоря, что это возможно лишь перед расстрелом». В дальнейшем арестованные были направлены в г. Омск, где советская власть была уже свергнута к тому времени, и там освобождены. Однако приступить к исполнению служебных обязанностей они смогли лишь в конце августа 1918 г. (Там же. Д. 11. Л. 2). Масштабные политические «чистки» сотрудников пенитенциарной системы неоднократно проводились как властями «белой» Сибири, так и впоследствии, в 1920–1930-е гг., органами советской власти.

Места заключения «белых» правительств Сибири столкнулись в 1918–1919 гг. с рядом проблем. Среди них наиболее серьезными являлись: недос-

таточное финансирование и материально-техническое обеспечение тюрем, значительный рост заключенных как следствие проводимой карательной политики «белых» режимов, некомплект кадров и низкая квалификация надзирательского состава. В связи с тяжестью и непрестижностью службы, крайне небольшим денежным довольствием желающих проходить службу в учреждениях пенитенциарной системы в рассматриваемый период было немного. Например, начальник Омской тюрьмы докладывал в ноябре 1918 г.: «Почти половина наличного состава надзирателей вверенной мне тюрьмы, имеющих в настоящее время, заявляют об уходе со службы, мотивируя уход недостаточностью получаемого ими по этой службе жалования 225 руб. в месяц, ввиду невозможности существовать семьей на эту сумму при существующей дороговизне на все предметы первой необходимости, тем более, что товарищи их по службе в других ведомствах, например – в милиции, получают жалование больше» (Там же. Д. 10. Л. 67).

В условиях политической нестабильности периода Гражданской войны и экономической разрухи для сохранения постоянного кадрового состава пенитенциарной системы нередко использовалось покрытие разницы между выделяемыми из казны средствами и официально декларированным жалованием за счет земств. Так, Кокчетавское уездное земство Акмолинской области с сентября 1918 г. выплачивало старшим надзирателям Кокчетавской тюрьмы денежное довольствие в размере 210 руб. в месяц, из которых 170 руб. за счет земства и 40 руб. за счет казны. Денежное довольствие младших надзирателей составляло 170 руб. в месяц (Там же. Л. 65).

Подобное отношение объяснялось тем, что задачами первостепенной важности «белых» режимов в условиях Гражданской войны было укрепление боеспособности армии, органов контрразведки и внутренних дел, а деятельность пенитенциарной системы в целом рассматривалась в качестве конечной инстанции карательной системы. Однако в конце 1918 г. настало время осуществить ее поддержку на законодательном уровне.

Постановлением Административного Совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 г. было утверждено расписание окладов служащих по тюремному ведомству Министерства юстиции (Собр. узаконений и распоряжений Врем. Сибир. правительства. Омск, 1918. № 21. Ст. 187). Согласно данному документу для младших надзирателей каторжных и губернских тюрем, а также исправительных арестантских отделений устанавливался месячный оклад в размере 275 руб. Однако он полагался не более чем 20 % служащих. Для остальных 80 % размер жалования был установлен равный с младшими надзирателями уездных тюрем, т. е. в пределах

от 225 до 250 руб. в месяц. Таким образом, часть сотрудников оказались в более привилегированном положении по сравнению со служащими уездных тюрем, где оклад в размере 275 руб. не устанавливался вообще.

После обсуждения в правительстве, 13 января 1919 г., А. В. Колчаком было утверждено постановление Совета Министров «О распространении окладов содержания младших надзирателей каторжных, губернских (областных) тюрем и исправительных отделений на младших надзирателей уездных тюрем» соответственно в 275 и 250 руб. в месяц. (Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) : сборник : в 2 вып. / сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. Томск, 2003. Вып. 2. С. 160–161).

Для сравнения отметим, что в начале 1919 г. унтер-офицерский состав колчаковской армии получал денежное довольствие в размере 250–300 руб. в месяц; лица, занимавшие должности фельдфебеля, – 350 руб. в месяц; младшие офицеры – 480 руб. в месяц. Военнослужащие на фронте получали дополнительно 20 %-ное вознаграждение к окладу (ГАРФ. Ф. Р.-150. Оп. 1. Д. 1. Л. 46–47). Заработная плата сотрудников милиции составляла 325–375 руб. в месяц (Там же. Ф. Р.-827. Оп. 11. Д. 5. Л. 20–21).

Осознавая тяжелое материальное положение государственных служащих, Совет Министров правительства Колчака постановлением от 27 декабря 1918 г. повысил им оплату труда в зависимости от получаемого жалования. Лицам, получающим 300 руб. в месяц, гарантировалась 25 %-ная прибавка к жалованию; 300–550 руб. – прибавка в размере 20 % (но не менее 75 руб. в месяц); 551–1000 руб. – 15 % (но не менее 110 руб.); свыше 1000 руб. – 10 % (но не менее 150 руб.). Подлежало повышению и квартирное довольствие (Правительств. вестн. 1918. 29 дек.).

О кадровой нехватке надзирательского состава в сибирских тюрьмах (до 50 % от положенного) был вынужден констатировать и П. К. Гран, назначенный указом Верховного правителя России от 31 января 1919 г. на должность начальника ГУМЗ Министерства юстиции, с правом заменять министра в его отсутствие. Имея опыт практического руководства Главным тюремным управлением царской России (с 4 мая 1913 г. по 6 марта 1917 г.) П. К. Гран старался улучшить социально-правовое положение сотрудников пенитенциарной системы в Сибири. Дефицит кадров восполнялся за счет привлечения к охране тюрем воинских формирований, а также вольнонаемных.

Отдавая отчет в том, что инфляция намного опережает рост заработной платы, Совет Министров правительства А. В. Колчака принял постановление об увеличении (вне зависимости от получаемой ранее суммы) денежного содержа-

ния и квартирного довольствия на 35 % с 1 марта 1919 г. всем государственным служащим. Под действие данного постановления попадали и сотрудники пенитенциарной системы. При этом предшествующее постановление от 27 декабря 1918 г. отменялось (Об изменении действующих постановлений о добавочном содержании служащих правительственных учреждений : постановление Совета Министров от 18 марта 1919 г. № 231 // Там же. 1919. 9 апр.).

Однако в условиях Гражданской войны и всеобщего развала экономики подобные меры не являлись спасением. Так, в июле 1919 г. колчаковское правительство разрешило руководителям учреждений, находившихся в подчинении по гражданским ведомствам, получение аванса в счет заработной платы сотрудников на оптовую закупку продовольствия и товаров первой необходимости для них. Таким образом, денежное довольствие выдавалось им частично деньгами, частично продуктами, что создавало предпосылки для финансовых нарушений (О выдаче авансов начальникам правительственных учреждений на приобретение для служащих подведомственных им учреждений предметов и продуктов первой необходимости : постановление Совета Министров от 15 июля 1919 г. № 581 // Там же. 1919. 6 авг.).

Наконец принятым Российским правительством А. В. Колчака 9 мая 1919 г. законом государственным служащим предусматривалась периодическая выдача дополнительного денежного содержания в размере получаемого оклада (ГАРФ. Ф. Р.-827. Оп. 1. Д. 10. Л. 235). Данные меры явно запаздывали, но и их исполнение оставляло желать лучшего.

Выплачиваемое денежное довольствие с учетом всех прибавок колчаковского режима не компенсировало сотрудникам пенитенциарной системы гиперинфляции 1919 г. Только официальный прожиточный минимум в Сибири с февраля по ноябрь 1919 г. возрос с 326 до 1102 руб. в месяц (Звягин С. П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистских правительств на Востоке России: (1918–1922 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. С. 332).

Вполне естественно, что вышеперечисленные факторы оказывали негативное влияние на режим охраны и надзора пенитенциарных учреждений, что признавалось и властями. Начальник отдела Государственной охраны департамента милиции МВД Российского правительства, проведя инспекцию правоохранительных органов г. Семипалатинска, сообщал в секретной переписке 1 августа 1919 г. начальнику ГУМЗ: «Милиция очень слаба. Слабый надзор и в тюрьмах благодаря незначительному штату надзирателей и слабым окладам содержания тюремного персонала» (ГАРФ. Ф. Р.-827. Оп. 11. Д. 5. Л. 19).

В конце 1919 г. ГУМЗ Министерства юстиции правительства А. В. Колчака разработало законопроект о повышении окладов сотрудникам тюремного ведомства. Предполагалось установить оклад старшего надзирателя в размере 350, а младшего – 275 руб. с сохранением действующих прибавок 1919 г. Планировалось и увеличение процентной надбавки за выслугу лет: 3 года – 5 %; 5 лет – 10 %, 10 лет – 15 %. При этом квартирное довольствие предполагалось установить в размере 20 % от оклада.

При характеристике сложившегося в пенитенциарном ведомстве положения в законопроекте отмечалось: «В настоящее время дисциплина среди заключенных подорвана в корне и требует для своего восстановления величайшего напряжения воли и нервов. Бунты, массовые побег, нападения на тюрьмы, нападения на тюремных служащих стали почти заурядными».

Управление делами Российского правительства назначило рассмотрение законопроекта на 2 декабря 1919 г. (Там же. Л. 42–45). Однако в связи с наступлением войск Красной армии, данному проекту не суждено было стать законом.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Денежное довольствие надзорсостава пенитенциарной системы в Сибири в годы революции и Гражданской войны оставалось достаточно низким. Однако оно значительно превышало доход от крестьянского хозяйства и имело тенденцию к росту, позволяя в 1917–1919 гг. младшим чинам содержать себя и свою семью даже в трудных экономических условиях. Кроме того, обеспечение обмундированием, гарантированность пенсии, относительная социальная защищенность, перспективы служебного роста удерживали на службе людей, даже невзирая на общее негативное отношение к пенитенциарной системе со стороны общества. Для подавляющего числа надзирателей служба давала шанс изменить к лучшему свое социальное положение, получить статус государственного служащего и соответствующие ему льготы.

В 1917–1919 гг. значительная часть сотрудников, продолжавших службу в пенитенциарной системе Сибири, выполняла свои обязанности вне зависимости от того, кто находился у власти. Не последнее место занимала в их выборе верность присяге и профессиональному долгу, поскольку эта служба даже в мирное время оставалась одной из самых тяжелых. Имело значение и то обстоятельство, что в 1918 – середине 1919 гг. сотрудники пенитенциарной системы не подлежали призыву в армию и отправке на фронт.

Меры социальной поддержки сотрудников пенитенциарной системы со стороны «белых» режимов носили явно запаздывающий характер, что негативно отражалось как на престижности службы, так и на обеспечении режима охраны и надзора пенитенциарных учреждений Сибири.



Библиографический список

1. Законодательная деятельность российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.). В 2 вып. Вып. 2 / сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск, 2003.
2. Звягин С. П. Формирование и реализация правоохранительной политики антибольшевистскими правительствами на востоке России (1918–1922 гг.) : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Звягин Сергей Павлович. – Кемерово, 2003.
3. Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 – октябрь 1917 г.): Историческая хроника / А. П. Печников. – М., 2004.
4. Смыкалин А. С. Пенитенциарная система советской России 1917 – начало 1960-х гг. (Историко-юридическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Смыкалин Александр Сергеевич. – Екатеринбург, 1998.

References

1. Legislative Activity of the Russian Government under Admiral Kolchak (November 1918 – January 1920). In 2 ed. Ed. 2 / E. V. Lukov, D. N. Shevelev. – Tomsk, 2003.
2. Zvyagin S. P. Formation and Realization of Legal Protection Policy by Anti-Bolshevist Governments in the East of Russia (1918–1922) / Zvyagin Sergey Pavlovich. – Kemerovo, 2003.
3. Pechnikov A. P. Prisons of Russia (1649 – October 1917): Historical Chronicles / A. P. Pechnikov. – M., 2004.
4. Smykalin A. S. Penitentiary System of Soviet Russia in 1917 – at the beginning of 1960. (Historical and Legal Research) / Smykalin Alexander Sergeevich. – Ekaterinburg, 1998.

E-mail наших авторов

№ п/п	ФИО	E-mail
1	Агарков А. В.	agarkov2107@rambler.ru
2	Амелин Н. М.	nikolayamelin@yandex.ru
3	Анисимова А. В.	danissimo27@mail.ru
4	Бодяков В. Н.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
5	Божков А. С.	abozhkov@mail.ru
6	Булгаков В. Г.	vg.bulgakov@mail.ru
7	Васюк А. В.	vasukav@rambler.ru
8	Вельш П. Г.	ekspert147@mail.ru
9	Вербицкий Д. А.	adunkt@vui.vladinfo.ru
10	Виноградов В. В.	lumex2006@mail.ru
11	Воронин О. В.	ninorov@mail.ru
12	Герцог Т. Ю.	rill.07@mail.ru
13	Головкин Р. Б.	romabor@mail.ru
14	Горковец Н. С.	michurinanata@mail.ru
15	Грунина В. А.	vgrun@rambler.ru
16	Добрынина М. Л.	mdobrunina@mail.ru
17	Долотова В. В.	v.v.dolotova@mail.ru
18	Ерин Д. А.	gospravo@vui.vladinfo.ru
19	Ершова И. В.	irina_zueva@mail.ru
20	Жигалев А. В.	Pride0309@yandex.ru
21	Зотова Ж. А.	adunkt@vui.vladinfo.ru
22	Илиджев А. А.	ilidsasha@yandex.ru
23	Казаринова Л. В.	bogachevskaya@list.ru
24	Карпунина В. В.	vikavi5@rambler.ru
25	Коваль А. В.	lower_avk@mail.ru
26	Коломина А. В.	drunnn@mail.ru
27	Комарова Л. К.	adunkt@vui.vladinfo.ru
28	Кренслер Ф. Ф.	naukapli@mail.ru
29	Кудрявцев А. В.	kudriavcev.ru@mail.ru
30	Кузнецов А. С.	du-sha@rambler.ru
31	Куцепалов К. А.	kirill.kutzevalov@yandex.ru
32	Легезина Е. В.	legezina_elena@mail.ru
33	Маликов С. В.	a-vua@rambler.ru
34	Мешков Д. Н.	meshkov33@mail.ru
35	Михеенков Е. Г.	tfki@mail.tomsknet.ru
36	Могбарян А. С.	rtif@inbox.ru
37	Образцов С. В.	sobr74@bk.ru
38	Озеров А. А.	ozzzer@mail.ru
39	Пожарский Д. В.	pozharsky.human@vui.vladinfo.ru
40	Рузевич О. Р.	olegan80@mail.ru
41	Самитов Э. О.	kfvui@mail.ru
42	Сывороткина И. Ю.	irina.sivorotkina@yandex.ru
43	Усков М. В.	zyum@inbox.ru
44	Фахуллин Р. Р.	kfvui@mail.ru
45	Чернышова Л. В.	lidaionova@mail.ru
46	Шеслер А. В.	sofish@inbox.ru
47	Щербаков А. В.	naukapli@mail.ru
48	Агарков А. В.	agarkov2107@rambler.ru
49	Амелин Н. М.	nikolayamelin@yandex.ru
50	Анисимова А. В.	danissimo27@mail.ru
51	Бодяков В. Н.	kriminalist@vui.vladinfo.ru
52	Божков А. С.	abozhkov@mail.ru

Требования к рукописям, представляемым для опубликования в «Вестнике Владимирского юридического института»

К рассмотрению принимаются рукописи объемом не более 1 печатного листа. Критерии отбора: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению рукописей: формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman; кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см; междустрочный интервал полуторный; поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см.

Рукопись должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы рукописи), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, почтовый адрес, e-mail); основной текст; ключевые слова; библиографический список (3–4 источника), оформленный по ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Библиографические ссылки должны быть внутритекстовыми и оформлены в соответствии с ГОСТ Р7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Обращаем внимание авторов на то, что совокупность библиографических ссылок не является библиографическим списком.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: на русском и английском языках.

В случае изменения сведений об авторе, последний обязан уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К представляемой рукописи необходимо приложить аннотацию и рецензию. Кроме того, необходимо приложить анкету автора публикации и оператора персональных данных. Заполненная и подписанная автором анкета является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, в котором освещаются проблемы ведущих отраслей российского и зарубежного права, деятельности уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов. Статьи печатаются под рубриками: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «История отечественного государства и права», «Правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат.

Работы авторов, не отвечающие вышеназванным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Рукописи представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института в распечатанном и электронном виде.

Бумажный вариант рукописи вместе с сопроводительным письмом, анкетой автора публикации и оператора персональных данных, аннотацией и рецензией необходимо выслать заказным письмом или бандеролью по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, электронный вариант – по e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru, с обязательным указанием в поле «Тема письма» «Статья в Вестник».

Рукописи адъюнктов и аспирантов публикуются бесплатно, всех других авторов – на платной основе. Стоимость одной публикации 3500 руб.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел. (4922) 47-45-18, 47-45-14, 47-45-17, e-mail: vestnik@vui.vladinfo.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКАТО 17401000000) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 03281175960)	Сч. №	40503810900001000001
	БИК	041708001
Банк получателя ГРКЦ ГУ БАНКА РОССИИ ПО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛ. Г.ВЛАДИМИР	Сч. №	
Назначение платежа: 32030201010010000130 п.3 Доход от издательской деятельности (реализация журнала «Вестник»)		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется, подписывается автором публикации и высылается
в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО: _____, паспорт № _____

выдан _____

должность _____

адрес _____

тел., e-mail _____

(фамилия, имя, отчество автора публикации, номер паспорта, сведения о дате выдачи паспорта и выдавшем его органе,
место работы (службы), занимаемая должность, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства,
адрес электронной почты, контактные телефоны)

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.

(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных
автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес регистрации по месту жительства, адрес электронной почты, контактные телефоны.

(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Запись персональных данных автора публикации в память ЭВМ, их тиражирование в электронном и печатном виде.

(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации;
способы обработки персональных данных)

6. Пять лет – для размещения персональных данных автора публикации на Интернет-сайте института <http://vui-fsin.ru>, в системе Российского индекса научного цитирования, системе цитирования Social Sciences Citation Index (база по социальным наукам); неопределенный срок – для размещения персональных данных автора публикации в печатной версии научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».

(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Допускается отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных путем уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати и размещения его электронной версии в Интернете (дата выхода из печати указывается в «Вестнике Владимирского юридического института», дата размещения электронной версии – на Интернет-сайте института: <http://vui-fsin.ru>).

(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____ / _____ / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____ / Данилова И.Б. / «_____» _____ 20__ г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 27 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».